

Глава первая. ПРОЩАНИЕ С БОРОМИРОМ

Арагорн, спеша, взбирался на гору. То и дело он наклонялся, рассматривая почву. У хоббитов походка легкая, и даже следопытам бывает трудно идти по их следам, но почти у самой вершины через тропу перебежал ручеек, и на влажной земле Арагорн наконец нашел то, что искал.

— Значит, следы я разобрал правильно, — сказал он себе, — Фродо поднимался на вершину. Интересно, что он оттуда увидел? И спустился он этой же дорогой.

Арагорн заколебался. Ему хотелось самому подняться туда в надежде увидеть что-то такое, что разрешит его сомнения и облегчит выбор пути, а времени было в обрез. Все же он рванулся вперед, молниеносно преодолел последний подъем на вершину, в несколько прыжков пересек огромные плиты, взлетел по ступеням и, сев в каменное кресло, огляделся. Земля сверху показалась ему очень далекой, а солнце словно потускнело. Над долиной кружила, медленно снижаясь, огромная птица, похожая на орла.

Потом слух Арагорна уловил дальний гул множества голосов снизу, со стороны леса на западном берегу Реки. Арагорн напрягся, вслушиваясь, и вскоре разобрал отдельные крики, а среди них — о ужас — хриплые и резкие голоса орков. Вдруг прозвучал глубокий и сильный зов рога, ударил о гору, забился в камнях и, многократно усиленный эхом, на мгновение перекрыл шум водопада.

— Рог Боромира! — крикнул Арагорн. — Он зовет на помощь! — Следопыт сорвался с вершины и большими прыжками помчался вниз. — Это беда! Сегодня меня преследует злой рок. Что ни сделаю — все плохо. Где Сэм?

Чем ниже он спускался, тем громче слышал крики, а рог звучал все отчаяннее и слабее. Потом вопли орков раздались с удвоенной силой, а рог смолк. Когда Арагорн спустился с горы, стало почти тихо. Обогнув гору слева, он убедился, что голоса быстро удаляются, будто орки уходят, и вот уже нельзя их разобрать.

Вывхватив светлый меч, с криком: «Элендил! Элендил!» Следопыт бросился в погоню, ломая ветки.

Немного не добежав до озера, примерно в миле от Луговины Парт Гален, он увидел Боромира. Рыцарь сидел, опираясь спиной о ствол огромного дерева и, казалось, отдыхал. Но в его груди торчало несколько стрел с черным оперением. Боромир крепко сжимал в руке меч, но меч был сломан у рукояти, а расколотый надвое рог лежал рядом. Вокруг валялось множество убитых орков.

Арагорн опустился на колени. Боромир открыл глаза и с усилием прошептал:

— Я пытался отобрать у Фродо Кольцо... каюсь... расплата... — он перевел взгляд на поверженных врагов: их от его руки пало не меньше двадцати. — Невысокликов... забрали... орки в плен. Думаю, что живы... связанные... — он замолчал, опустив тяжелые веки. Но все-таки смог добавить еще: — Прощай, Арагорн. Иди в Минас Тирит, спаси мой народ. Я... Мое... поражение.

— Нет! — горячо сказал Арагорн, беря его за руку и целуя в лоб. — Нет, Боромир, это твоя победа. Большая победа. Мало кто смог бы так. Будь спокоен, Минас Тирит не погибнет.

Боромир слабо улыбнулся.

— Куда они ушли? Фродо с ними? — спросил Арагорн, но Боромир больше ничего не сказал.

— Горе! — воскликнул Арагорн. — Погиб наследник Денэтора, Правителя Сторожевой Крепости! Какой скорбный конец. Наш отряд разбит. Это мое поражение. Я не оправдал доверие Гэндальфа. Что теперь делать? Боромир завещал мне идти в Минас Тирит, сердце мое рвется туда, но где Кольцо и его Хранитель? Где его искать, как спасти наше общее дело?

Он стоял на коленях, опустив голову, держа за руку Боромира, и не вытирал слез. Так его застали Леголас и Гимли. Они тихо подошли, спустившись с западного склона горы, как на охоте, прячась за деревьями. Гимли держал наготове топор, Леголас — длинный кинжал, так как стрелы у него кончились. Оказавшись на поляне, оба замерли, потом склонили головы, поняв, что здесь произошло.

— Горе нам! — проговорил Леголас, подходя к Арагорну. — Мы в лесу охотились за орками, многих убили, но, оказывается, были нужнее здесь. Мы пришли на голос рога, но поздно! Если ты ранен — это смерть.

— Боромир умер, — сказал Арагорн, — я невредим, потому что тоже опоздал. Он пал, защищая хоббитов. Я был на горе.

— Хоббитов? — воскликнул Гимли. — Где они? Где Фродо?

— Не знаю, — устало ответил Арагорн. — Я послал Боромира за Мерри и Пипином. Перед смертью Боромир сказал, что их схватили орки. Он сказал, что они были живы. Когда я спросил его про Сэма и Фродо, он уже не ответил. Сегодня меня преследуют неудачи. Что делать?

— Сначала достойно похоронить павшего, — сказал Леголас. — Нельзя его оставлять среди этой падали.

— И надо спешить, — заметил Гимли. — Надо догонять орков, если есть надежда, что наши друзья живы, пусть даже в плену.

— Но мы не знаем, с ними ли Главный Хранитель, — возразил Арагорн. — Разве мы имеем право бросить его на произвол судьбы? Может быть, надо сначала его найти, но где? Страшный выбор приходится делать.

— Давайте сначала выполним неотложный долг, — сказал Леголас. — У нас нет ни времени, ни орудий, что бы выкопать ему достойную могилу и насыпать курган. Можно сложить тур из камней.

— Это долго и нас мало, — сказал Гимли. — Камни придется носить от реки.

— Мы положим его в лодку вместе с оружием, — сказал Арагорн. — Сложим рядом оружие убитых им врагов и направим лодку в водопад Рэрос. Предадим Боромира Андуину. Река, питающая Гондор, не даст злодеям осквернить его прах.

Все трое пошли по поляне, собирая в одно место шлемы, сабли, щиты...

— Смотрите! — воскликнул вдруг Арагорн. — У нас есть доказательства. — Он вытащил из груды оружия два ножа с клинками в форме длинных листьев, на которых вились красные с золотом надписи, потом нашел к ним черные ножны, усаженные мелкими красными камнями. — Это не орчье оружие! — сказал он. — Его носили хоббиты. Орки отобрали у них кинжалы, но присвоить побоялись: узнали работу нуменорцев; на лезвиях заклетья, сулящие им гибель. Значит, наши друзья безоружны и в плену, если живы. Я возьму их кинжалы, хотя на то, что их удастся вернуть хозяевам, надежды почти нет.

— А я, — сказал Леголас, — соберу побольше стрел, потому что у меня колчан пустой.

Он быстро набрал в куче уже собранного оружия и вокруг нее полный колчан целых стрел, выбирая подлиннее, и с удивлением их рассматривал. Они не были похожи на обычные стрелы орков.

Тем временем Арагорн, глядя на убитых врагов, произнес:

— Среди убитых много не из Мордора. Я знаю орчьи породы. Вот эти — с севера, с Мглистых Гор. Но здесь есть совсем неизвестные мне. И одеты, и вооружены они не так, как обычные орки.

Среди убитых действительно лежали четыре крупных смуглых гоблина с раскосыми глазами, с мускулистыми икрами, большерукие... У них были короткие широкие мечи, а не кривые сабли, и луки из тиса, по форме и длине такие, как у людей. На их щитах был необычный герб: маленькая белая ладонь на черном поле, а на железных шлемах спереди — рунический знак «С», выкованный из белого металла.

— Таких я не встречал, — сказал Арагорн. — Что бы это могло значить?

— «С» — наверное, означает «Саурон», — произнес Гимли. — Это просто.

— Нет! — ответил Леголас. — Саурон не пользуется эльфийскими рунами.

— Он, кроме того, не употребляет своего настоящего имени и не разрешает его ни писать, ни произносить, — добавил Арагорн. — И белый — не его цвет. Герб орков, находящихся на службе в крепости Барад-Дур — Красный Глаз.

Арагорн некоторое время молчал, потом медленно произнес:

— По-моему, «С» означает «Саруман». Что-то худое творится в Исенгарде; в западных краях стало беспокойно. Похоже, что сбываются опасения Гэндальфа: изменник Саруман как-то прознал о нашем Походе. Может быть, он узнал и о несчастье, постигшем Гэндальфа. Возможно, враги из Мории, которые гонятся за нами, обманули зорких лориэнских эльфов или обошли их край и прошли в Исенгард другой дорогой. Орки быстро ходят. И у Сарумана много способов добычи сведений. Помните тех птиц?

— Сейчас некогда разгадывать загадки, — сказал Гимли. — Давайте унесем отсюда Боромира.

— Нам потом все равно придется разгадывать загадки, если мы хотим выбрать верную дорогу, — ответил Арагорн.

— Может, и выбора нет, — буркнул гном.

Топором Гимли срубил несколько больших веток. Их связали тетивами от луков и сверху положили свои плащи. На этих самодельных носилках донесли до Реки Боромира и трофеи с поля его последней битвы. Нести хоть и близко, но тяжело: Боромир был высок и плечист.

На берегу Арагорн остался у тела, а Леголас и Гимли побежали за лодками. До Луговины Парт Гален была мила с лишним, и друзья довольно долго отсутствовали. Появились они в двух лодках, быстро работая веслами.

— У нас странная новость, — сказал Леголас. — На причале было только две лодки. Третьей след простыл.

— Там что, орки побывали? — спросил Арагорн.

— Их следов нет, — ответил Гимли. — И они, наверное, уничтожили бы или забрали все три лодки и все наши вещи.

— Потом вернемся, я все сам осмотрю, — сказал Арагорн.

Друзья бережно уложили Боромира в лодку. Под голову ему положили свернутый эльфийский плащ с капюшоном, рядом — шлем, в колени — разбитый рог и сломанный меч, в ногах — оружие поверженных врагов. Гладко причесанные черные волосы рыцаря растеклись по плечам. Ярko блестел золотой пояс — дар Владычицы Лориэна.

Связав лодки, они поплыли по течению на юг. Сначала гребли вдоль берега, затем вышли на быстрину, и вскоре зеленая Луговина Парт Гален осталась далеко позади. Солнце наполовину зашло, в его лучах крутые бока Тол-Брандира словно горели. Впереди в радужной дымке был водопад Рэрос. Вот уже перед ними заискрилось золотистое облако брызг над водопадом, и воздух задрожал от его гула и грохота.

Они отвязали ладью скорби, и она проплыла мимо них. Последнее, что им запомнилось, — спокойное лицо Боромира, который лежал, словно убаюканный живой водой Великой Реки.

Течение подхватило лодку, понесло, им пришлось грести изо всех сил, чтобы самим удержаться и добраться до берега. Лодка с Боромиром удалялась, становилась все меньше, потом исчезла в золотом блеске. Ревел водопад. Река взяла Боромира сына Денэтора, и никто в Минас Тирите больше не увидит его рано утром на Белой Башне. Только в Гондоре потом много лет рассказывали об эльфийской ладье, которая переплыла водопад и пенящееся озеро под ним и унесла останки рыцаря мимо Осгилиата и дальше, через устье Андуина в далекое Море, под небо, усыпанное большими звездами.

Три друга долго не могли отвести взглядов от золотой воды. Наконец Арагорн нарушил молчание.

— С Белой Башни будут смотреть вдаль, ожидая Боромира, — а он уже не вернется ни с гор, ни с моря. И Арагорн тихо и протяжно запел:

В рохирримских степях веет Западный Ветер, Шепчет с бурой травой, гладит спины камней... Ветер-странник, скажи, ты в дороге не встретил Боромира Высокого в свете звездных лучей? «Он скакал через семь рек, По пустынной земле шагал. Вел на север его след, Больше я его не видал. Может, Северный Ветер в горах Его рог слышал?» О Боромир, Боромир! Я на запад смотрел с высоты, Но пустая земля не открыла, где ты!

Сменив Арагорна, в свой черед пропел Леголас:

Ветер Южный летит от далекого Моря, Стоны чаек доносит до самых Ворот. Ветер вздохов, скажи, чем утешиться в горе? Боромира Красивого кто мне вернет? «Много белых костей в песке Прячет Море под темной водой: Ветер Северный их по Реке Присылает на вечный покой. Ты спроси его, может быть, Знает он, где герой?» О Боромир, Боромир! Не совладать нам с печалью. Не вернут тебя в мир крики серых чаек!

Потом снова запел Арагорн:

От Ворот Королей дунул Северный Ветер, Голос дальнего рога до башен домчал Ветер-Воин, скажи, есть ли новые вести? Боромира Отважного ты не встречал? «Рог его я слышал с высоты Амон Хена, В бой неравный с врагом он вступил у реки. Там расколотый щит лежал, И разрублен был рог его

верный, Сломан меч, но его рукоять Он не выпустил из руки». О Боромир, Боромир! Твою силу, красу и смелость Минас Тирит поет! О Боромир! Унес тебя Рэрос В гремящее золото вод!

Так они кончили прощальную песнь. Потом повернули лодку против течения и поплыли к Луговине Парт Гален, налегая на весла.

— Мне, наверное, оставили про Восточный Ветер, — сказал Гимли, — а я про него петь не буду.

— И не надо, — ответил Арагорн. — Люди в Минас Тирите терпят ветер с востока, но никогда ни о чем его не спрашивают. А сейчас, когда Боромир ушел в свой последний путь, нам надо поспешить с выбором своего.

Следопыт быстро вышел из лодки и наклонился, стараясь получше рассмотреть следы на берегу.

— Не было здесь орков, — сказал он. — Об остальном судить трудно. Все наши следы пересекаются и расходятся в разные стороны. Не могу сказать, кто когда возвращался к лодкам. Вот здесь, где родник вливается в реку, несколько хоббичьих следов у самой воды, но непонятно, кто тут был раньше, кто позже.

— А сам ты что об этом думаешь? — спросил Гимли.

Арагорн ответил не сразу, а лишь после того, как осмотрел вещи:

— Не хватает двух мешков. Нет самого большого и тяжелого из хоббичьих, его нес Сэм. Это может означать, что Фродо уплыл в лодке со своим верным оруженосцем. Наверное, Фродо вернулся, когда нас тут не было. Сэма я последний раз видел под горой и предложил ему следовать за мной, но он, как видно, этого не сделал. Он угадал намерения своего хозяина, успел догнать его на берегу, и Фродо убедился, что от Сэма не так просто отделаться.

— Но почему он не попрощался? — спросил Гимли. — Очень странно он поступил.

— И очень храбро, — сказал Арагорн. — Сэм верно сказал: Фродо не хотел никого из друзей вести за собой на смерть в Мордор. Он знал, что сам должен туда идти. Когда он с нами расстался, он пережил что-то, что победило в нем страх и последние сомнения.

— Может быть, встретил свирепых орков и удрал от них? — предположил Леголас.

— Он именно удрал, — ответил Арагорн, — но не думаю, что от орков.

Арагорн ничем не выдал того, что знает о настоящей причине внезапного решения Фродо. Последнее признание Боромира он долго хранил в тайне.

— Во всяком случае, хоть что-то стало ясно, — сказал Леголас. — Фродо здесь нет: только он мог взять лодку. Сэм, конечно, с ним: только он сам мог взять свой мешок.

— Значит, у нас два пути на выбор, — сказал Гимли. — Сесть в последнюю лодку и догонять Фродо или пешком гнаться за орками. В обоих случаях надежды мало: потеряно много бесценных часов.

— Дайте подумать, — сказал Арагорн. — Может быть, я все-таки смогу сделать правильный выбор и покончить с сегодняшними неудачами.

Он некоторое время стоял молча, затем объявил:

— Надо идти за орками. Я собирался показать Фродо путь в Мордор и быть с ним до конца. Но искать его сейчас, неизвестно где, означало бы предать попавших в неволю хоббитов на муки и на смерть. Сердце внятно говорит мне, что повлиять на судьбу Главного Хранителя уже не в моей власти. Отряд выполнил свое предназначение. Но нам, спасшимся, нельзя бросать друзей в неволе, надо постараться их выручить, пока у нас самих силы есть. Значит, скорее в путь. Возьмем только самое необходимое. Будем идти по следу днем и ночью.

Они вытащили на берег лодку и спрятали ее в зарослях, а под ней сложили все, что не смогли взять с собой. Потом ушли с Луговины Парт Гален. Когда они проходили поляну, где погиб Боромир, спустились сумерки. Но следы орков были хорошо видны, и идти по ним оказалось несложно.

— Ни одно племя так не топчет землю, — заметил Леголас. — Оркам будто доставляет удовольствие вытаптывать и уничтожать живые растения на своем пути.

— Но ходят они очень быстро, — сказал Арагорн. — И совершают большие переходы без отдыха. А нам, может быть, придется еще искать тропы в бездорожье, в камнях.

— Ничего, догоним! — сказал Гимли. — Гномы тоже умеют быстро ходить и долго не отдыхать. Вот только орки успели далеко уйти за это время.

— Ну что ж, — ответил Арагорн. — Сейчас нам всем понадобится гномья выносливость. В путь! С надеждой или без нее пойдём по вражеским следам. Горе им, если догоним! Эта погоня прославит три племени — эльфов, гномов и людей. Вперед! Трое вышли на охоту!

И он первым, как олень, бросился вперед. Бежали они сначала между деревьями; Арагорн, поборов сомнения, мчался, как ветер, не зная усталости. Скоро лес над озером остался далеко позади, и они уже поднимались по длинному пологому склону на темный, резко выделяющийся на фоне неба крайний гребень Нагорья. Последний раз закат обагрил зубцы гор — и наступила темнота. Три серые тени растворились меж камней.

Глава вторая. ВСАДНИКИ РОХАНА

Темнота сгушалась. В долине за ними под деревьями лежал туман, расплзался по берегам Андуина, но небо было чистое. Зажглись звезды. Убывающий месяц выплывал с запада, под камнями залегли темные тени. Путники добрались до подножия скалистых гор и теперь передвигались медленнее: искать следы на камнях стало труднее. С севера на юг неровным двойным валом громоздились хребты Приречного Нагорья Эмин Муйл. Западные его склоны были крутыми и почти неприступными; восточные, изрезанные множеством ущелий и распадков, казались более пологими.

Всю ночь три друга перебирались по этим костям земли через первый хребет, поднялись на крутой перевал, потом спустились с него в глубокую долину между хребтами, темную и извилистую.

В холодный предутренний час сделали короткий привал. Месяца давно не стало видно, на небе посвечивали звезды, рассвет нового дня еще не пробился из-за гор. Арагорн опять заколебался: следы орков привели их в это ущелье, но здесь терялись.

— Как думаешь, куда они могли отсюда пойти? — спросил Леголас. — Может быть, кратчайшей дорогой на север в Исенгард через Фангорн, если ты не ошибся, и это их цель? Или на юг, к Реке Энтов?

— Куда бы они ни шли, к реке они точно не пойдут, — ответил Арагорн. — Они, наверное, пойдут через Роханские степи, где путь свободен, если в Рохане ни что не изменилось, а то ведь могущество Сарумана сильно выросло. Давайте и мы двинемся к северу!

Долина врезалась в неровное, словно ободранное взгорье каменным желобом, по дну которого меж валунов змеился ручей. Справа вздымалась хмурая скальная стена. Слева склон был более пологий, но тоже невеселый, серый в ночных тенях. Путники молча прошли около мили в северном направлении.

Арагорн шел нагнувшись, внимательно рассматривая почву у западной стены, где она была мягче и где попадались ямы и обрывы. Леголас на несколько шагов опередил друзей. Вдруг эльф вскрикнул, и они подбежали к нему.

— Смотрите! — сказал он. — Мы уже нескольких догнали, — и показал на то, что они в полутьме сначала приняли за камни.

Под стеной валялось пять мертвых орков. С ними кто-то жестоко расправился, у двух были отрублены головы, вокруг разлилась темная кровь.

— Новая загадка, — произнес Гимли. — Ночью её не разгадать, а до утра мы ждать не можем.

— Что бы ни произошло, для нас это добрый знак, — сказал Леголас. — Он вселяет надежду. Враги орков могут оказаться нашими друзьями. Разве эти горы обитаемы?

— Нет, — ответил Арагорн. — Рохирримы редко сюда заходят, а до Минас Тирита слишком далеко. Разве что тут были охотники, но я так не думаю.

— А как ты думаешь? — спросил Гимли.

— Думаю, что наши враги привели сюда своих врагов, — сказал Арагорн. — Эти убитые — орки с дальнего севера. Среди них нет ни одного гоблина-гиганта с Белой Ладонью и руной «С» на гербе. Похоже, что они дрались, они ведь все равно что звери. Могли не согласиться в выборе дороги.

— А могли поссориться из-за добычи... — произнес Гимли. — Будем надеяться, что наши друзья еще живы.

Арагорн осмотрел почву далеко вокруг этого места, но больше никаких следов не нашел. Друзья снова двинулись вперед. Небо на востоке бледнело, звезды постепенно гасли, а над горизонтом вставал серый рассвет. Пройдя немного на север, отряд попал в овраг. В его каменистом дне пробивал себе путь быстрый ручеек; вдоль него росли редкие кусты и пучки желтой травы.

— Наконец-то! — воскликнул Арагорн. — Вот они — следы: здесь вдоль ручья тропа. Враги шли по ней после побоища.

Друзья повернули на тропу и ускорили шаг, перепрыгивая с камня на камень так легко, будто хорошо выпались ночью. Тропа вывела их на край плато, где сильный ветер сразу растрепал им волосы и стал рвать полы плащей. Рассвет дохнул холодом в лицо.

Путники огляделись и увидели далеко позади Великую Реку, берега которой окрасились первыми лучами рассвета. Начинался день. Из-за темных гор показался красный край солнца. А на западе все еще было тихо и серо. Туда уползали тени, и постепенно пробуждающаяся земля только начинала расцветиваться. Широкие луга Рохана стали буро-зелеными, белые туманы поплыли над речной долиной, а где-то почти за горизонтом, далеко-далеко слева, может, в тридцати гонах отсюда, а может, еще дальше, сверкнули синью и пурпуром вершины Белых Гор, отражая вечными снегами рассветные лучи.

— О Гондор, Гондор! — вскричал Арагорн. — Как бы я хотел увидеть тебя в более счастливый час! Но еще не указан мне путь на юг, к твоим чистым рекам!

Гондор! Гондор, от Гор до Моря! Дул в нем западный ветер, раскачивал Белое Древо, Серебристым дождем рассыпал искры света в садах королевских... Гондор, гордые стены! Белоснежная Башня! Гондор, трон золотой и величье крылатой короны! Снова люди увидят ли Белое Древо? Полетит ли западный ветер свободно от Гор до Моря?..

— Идем! — очнулся он от своих мыслей, переводя взгляд с юга на северо-запад, куда лежал их путь.

Обрыв круто уходил из-под ног. Ниже, в нескольких десятках шагов, скальный карниз обрывался совсем отвесной стеной, это место так и называлось: Восточная Роханская Стена. Здесь кончалось Приречное Нагорье, и впереди, насколько охватывал взгляд, разлеглись широкие равнины Рубежного Края.

— Смотрите! — воскликнул Леголас, указывая на бледное небо над головами. — Опять орел. Очень высоко. Улетает на север. Быстро, как стрела. Видите?

— Нет, в такой дали даже я ничего не вижу, друг, — ответил Арагорн. — Наверное, он летит слишком высоко. Интересно, зачем его послали, если это та же самая птица? Но лучше взгляни на равнину, там тоже что-то движется.

— И правда, — сказал Леголас. — Там большой отряд на марше. Но что за племя — отсюда не видать. До них не меньше двенадцати гонов, хотя местность плоская, расстояние определить трудно.

— А нам, похоже, больше не придется выискивать следы, чтоб с тропы не сбиться, — сказал Гимли. — Надо найти спуск в долину, и чем короче, тем лучше.

— Сомневаюсь, что есть спуск короче, чем тот, по которому шли орки, — заметил Арагорн.

Теперь Отряд гнался за врагами при полном свете дня. Все указывало на то, что орки очень спешили: время от времени друзья натыкались на брошенные или потерянные предметы — мешки от провизии, корки и огрызки твердого серого хлеба, рваный черный плащ, тяжелый кованый сапог, сбитый от ходьбы по камням... Тропа вела к северу по краю обрыва и кончилась внезапно у глубокой расселины, по которой вниз с шумом срывался поток. По самому краю расселины узкая, выбитая лесенкой в скале тропа выводила в долину.

Спустившись, друзья сразу оказались на сочном пастбище, которое неожиданно начиналось у самой стены. Серо-зеленым морем колыхалось оно под ветром. Поток скрылся в густых травах, только приглушенный плеск выдавал его направление. Он тек к далекой влажной дельте Реки Энтов.

Путникам показалось, что зиму они оставили за горами. Здесь было теплее, веял ласковый ветер, пахло зеленью, как в начале весны. Леголас глубоко вдыхал ароматный воздух, будто пил живую воду после перехода по пустыне.

— Ах, какой зеленый запах! — произнес он с чувством. — Вдохнуть такого воздуха — и спать не надо. Ну и побежим мы теперь!

— Да, здесь можно быстро бежать, — сказал Арагорн. — Быстрее, чем орки в кованых сапогах. Попробуем сократить разрыв.

Они бежали друг за другом, как гончие псы по свежему следу, с горящими от возбуждения глазами. Орки протоптали довольно широкую дорогу почти прямо на запад; там, где они прошли, сладкие травы роханских полей были примяты, почернели, завяли. Вдруг Арагорн, который бежал первым, крикнул: «Стойте!» и сам резко остановился.

— Не идите пока за мной, — сказал он остальным и подался вправо от дороги по едва заметным мелким следам босых ног. Что-то вроде тропинки отходило от основной дороги, эта тропинка затем перекрещивалась с другой, загибалась и возвращалась; мелкие следы здесь перекрывались крупными орчыми. Там, где следы были дальше всего от дороги, Арагорн нагнулся и что-то поднял,

потом вернулся к друзьям.

— Так я и думал, — сказал он. — Яснее ясного, следы хоббичьи. Ножки маленькие, наверное, Пипин, он меньше Мерри. Глядите!

На его ладони блестел полураскрытый березовый листик, очень красивый, будто настоящий, и странно было видеть его в степи, где не росло ни одного дерева.

— Застежка от эльфийского плаща! — одновременно воскликнули Леголас и Гимли.

— Листья с Лориэнских берез зря не падают, — сказал Арагорн. — Это не потерянная застежка, ее нарочно бросили, чтобы дать знак тем, кто будет идти следом. Думаю, что Пипин именно за этим отбежал в сторону.

— И теперь мы, по крайней мере, знаем, что он жив и что у него голова цела и ноги тоже, — обрадовался Гимли. — Хорошая весть, что бы там ни было. Не зря мы за злодеями гонимся.

— Хочется думать, что Пипину не пришлось дорого платить за эту смелость, — сказал Леголас. — Вперед! У меня сердце горит от мысли, что наших веселых хоббитов гонят, как баранов.

Солнце поднялось в зенит, потом медленно покатилося к западу. С дальнего Моря, с юга, через горы приплыли легкие облака, и их гонял по небу ветер. Степь по-прежнему оставалась ровной, теплой, спокойной.

Трое бежали до самого вечера. Наконец, солнце село. Тени сначала удлинились, затем слились в сплошную тьму. После гибели Боромира прошло больше суток, а враги были по-прежнему далеко впереди, их даже не было видно.

Когда стало совсем темно, Арагорн остановил отряд. В течение дня путники раза два отдыхали, но совсем понемногу, и теперь находились не меньше чем в двенадцати гонах от Стены, с которой спускались на рассвете.

— Давайте решим, — сказал Арагорн, — остановимся на ночлег или продолжим охоту, пока воля есть и сил хватит? Предупреждаю: выбор нелегкий.

— Если мы будем спать, а враги не будут, они очень далеко уйдут, — задумчиво сказал эльф.

— Орки тоже без отдыха идти не могут, — буркнул гном.

— Орки редко ходят днем по открытой местности, — сказал Леголас, — а эти пошли. Ночью они тем более не остановятся.

— Но ночью нам следов не видно, — сказал Гимли.

— Пока было видно, следы никуда не сворачивали, — сказал Леголас.

— Если мне даже удастся в темноте не сбиться с направления, — произнес Арагорн, — я не поручусь, что орки никуда не свернут за ночь, а тогда мы потратим очень много времени на поиск следов.

— И потом, — добавил Гимли, — отдельные следы мы ночью никак не увидим. Если кому-то из пленников удастся сбежать или вражий отряд разделится и одного из наших потащат к Реке и на восток в Мордор, мы этого в темноте не заметим и ни о чем не догадаемся.

— Конечно, — сказал Арагорн. — Но если до сих пор я правильно читал их следы, во вражьей банде взяли верх орки с гербом Белой Ладони, и они все вместе направляются в Исенгард. Тропа ведет в ту сторону.

— Ну а вдруг они изменят планы? — сказал Гимли. — Вдруг пленники все-таки убегут? Разве в потемках мы бы заметили ту тропку, на которой ты застежку нашел?

— После отлучки Пипина, даже такой короткой, орки наверняка удвоили бдительность, а пленники должны устать сильнее их, — возразил Леголас. — Они не будут пытаться бежать, разве что потом с нашей помощью. Я пока не представляю, чем мы сможем им помочь, но надо во что бы то ни стало догнать банду.

— Я не из слабых в своем племени, и к походам привык, но при всей выносливости не смогу без отдыха бежать до самого Исенгарда, — сказал Гимли. — У меня тоже сердце болит за друзей, и если бы я мог, я бы не останавливался. Отдыхать нужно, чтобы потом бежать быстрее. И отдыхать лучше всего ночью.

— Я сразу сказал, что выбор будет трудным, — сказал Арагорн. — На чем же мы остановимся?

— Ты наш вождь, — сказал Гимли. — Ты опытный следопыт и охотник. Решай сам.

— Мое сердце рвется вперед, — сказал Леголас. — Но нам надо быть вместе. Я подчинюсь тому, что ты скажешь.

— Плохого советчика вы выбрали, — проговорил Арагорн. — С тех пор, как мы проплыли между Каменными Гигантами, я делаю ошибку за ошибкой.

Он замолчал и долго всматривался в темноту на северо-западе, откуда шла ночь.

— Нет, ночью не пойдем, — сказал он наконец. — Из двух зол большим мне представляется не заметить какой-нибудь след или важный знак. Будь луна ярче, можно было бы воспользоваться ее светом, но сейчас как раз молодой месяц.

— И облака его то и дело заслоняют, — добавил Гимли. — Жаль, что Владычица Лоризна не дала нам светильника, как нашему Фродо.

— Тому, кто этот дар получил, он нужнее, — ответил Арагорн. — В его руках судьба всего Дела. Наше же дело весьма незначительно на фоне великих событий Эпохи. Может быть, наша охота с самого начала обречена на провал, тогда от меня ничего не зависит. Но надо решать, и я решил: давайте получше используем время отдыха!

Арагорн бросился на землю и мгновенно заснул, ибо с ночи, проведенной в тени скал Тол-Брандира, еще не смыкал глаз. Проснулся он перед рассветом и сразу встал. Гимли еще крепко спал, а Леголас стоял, напряженно всматриваясь в темень, как замершее молодое деревце в безветренную ночь.

— Они уже очень-очень далеко, — грустно молвил Леголас, обращаясь к Арагорну. — Я их чувствую, я знаю, что ночью они не останавливались. Сейчас только орел мог бы их догнать.

— Все-таки мы будем идти за ними сколько сможем, — сказал Арагорн и, нагнувшись, тронул гнома за плечо: — Вставай, Гимли, пора идти. След стынет.

— Еще темно, — заворчал гном. — Пока солнце не взойдет, даже Леголас и даже с горы их не увидит.

— Боюсь, что их уже никто не увидит, ни при солнце, ни при луне, ни с горы, ни с дороги, так они далеко, — произнес Леголас.

— Когда подводят глаза, земля может многое рассказать ушам, — сказал Арагорн. — Она наверняка стонет под их проклятыми сапогами.

Следопыт лег на траву, вытянулся, прижался ухом к земле. Тем временем небо на востоке посерело, тусклый рассвет медленно раздвигал мрак. Когда Арагорн, наконец, поднялся, друзья увидели, что лицо у него бледное, глаза ввалились и смотрят озабоченно.

— Земля дрожит от непонятных отзвуков, — сказал он. — На много миль вокруг по ней никто не идет. Топот наших врагов еле доносится из невероятной дали. Но слышен стук конских копыт. Мне кажется, что я уже слышал его, когда мы спали на земле, эти кони скакали в моих снах. Они мчатся на северо-запад, сейчас они бешеным галопом удаляются от нас. Хотел бы я знать, что творится в этих краях?

— Идем скорее, — торопил Леголас.

Так начался третий день Погони. Они опять побежали, и потом бежали или шли быстрым шагом до самого вечера, под палящим солнцем или в тени набегающих облаков, ибо их гнал вперед жар сердец, который сильнее усталости.

Между собой они почти не разговаривали. Двигались по открытой местности, но эльфийские плащи настолько сливались с серо-зеленым степным покровом, что даже под полуденным солнцем издали их мог бы заметить только эльф с острым зрением. Много раз они мысленно благодарили Владычицу Лоризну еще и за лембасы, которые грызли прямо на бегу, чувствуя каждый раз прилив новых сил.

Тропа, по которой они бежали, за целый день никуда не сворачивала и не прерывалась, а шла прямо на северо-запад. Когда наступил вечер, они оказались на большом пологом подъеме, тоже без единого деревца. Степь медленными волнами уходила к далеким округлым буграм. Следы орков вели туда, слегка отклоняясь к северу, и были здесь хуже заметны, потому что почва стала тверже,

а трава короче и жестче. Вдали слева серебряной лентой в траве посверкивала Река Энтов.

Равнина казалась необитаемой. Арагорн дивился, что до сих пор они не встретили следов человека или зверя. Правда, рохирримы жили гораздо южнее, в лесистых предгорьях Эред Нимрас, скрытых сейчас за туманами и облаками. Но владельцы огромных табунов издавна пасли их в степях Восточного Эммета, окраинной провинции своего государства, и пастухи оставались здесь даже на зиму, укрываясь в шалашах и временных постройках. Сейчас обширная земля пустовала, и объявшая ее тишина не была ни благодатной, ни спокойной.

Когда стемнело, друзья остановились. Они уже дважды по двенадцать гонов прошли по степи, и Стена Нагорья Эмин Муыл скрылась из глаз. На небе еле пробивался сквозь облака узкий рожок молодого месяца, звезд почти не было видно.

— Мне с каждым разом все обидней тратить драгоценные часы на отдых, — жаловался Леголас. — Орки мчатся, будто сам Саурон их бичом лупит. Боюсь, что они уже дошли до лесистых склонов и как раз сейчас входят под тень деревьев.

Гимли скрипнул зубами:

— Конец всех надежд и трудов!

— Конец надежд — может быть, но не трудов, — произнес Арагорн. — С дороги мы не свернем. Хотя я тоже устал. — Он оглянулся, всматриваясь в густеющий мрак на востоке, потом добавил: — Не пойму я этой тишины. Не верю ей. Даже бледному месяцу не верю. Звезды светят сквозь облака, а меня охватывает тоска, которой Следопыту на боевой тропе знать не положено. Чья-то мощная воля придает в пути силы нашим врагам, а нам чинит преграды, опутывает усталостью сердце сильнее, чем ноги.

— Верно говоришь, — сказал Леголас. — Я это почувствовал, как только мы сошли со Стены Приречного Нагорья. Ибо эта враждебная воля не сзади нас, а впереди, — эльф показал рукой на запад, за поля Роохана, где тонкий серп луны опускался в темень.

— Саруман! — вполголоса произнес Арагорн. — Но он не заставит нас повернуть назад! Сейчас придется задержаться: видите, даже месяц в тучи лег. А как только рассветет, пойдем на север, там пролегает наш путь, за буграми!

Утром, как и в предыдущие дни, Леголас первым оказался на ногах. Похоже, он совсем не спал.

— Вставайте, вставайте! — восклицал он. — Сегодня красный рассвет. В лесной тени нас ждет неведомое, — не знаю, добро или зло, но нас туда зовут. Вставайте!

Арагорн и Гимли вскочили и, не тратя времени, почти сразу зашагали вперед. С каждым шагом они приближались к буграм и за час до полудня уже стояли под зелеными склонами. Ровная цепочка округлых лысых куполов тянулась на север. Земля здесь была сухой, трава низкой, а между холмами и рекой, пробивающейся через густые заросли тростника и камышей, протянулась широкая, миль в десять, долина с сочной травой. У самого ближнего бугра в этой траве выделялся широкий темный круг, вытопанный множеством ног. Следы орков отсюда заворачивали круто на север и шли под самыми холмами. Арагорн остановился и внимательно осмотрел почву.

— Здесь они недолго отдыхали, — сказал он, — но все следы уже старые. Сердце тебя не обмануло, Леголас: с тех пор, как они тут побывали, прошло трижды по двенадцать часов, мы сильно отстали. Если они не замедляли хода, то должны были достичь Фангорна еще вчера на закате.

— Сколько ни смотрю на север и на запад, здесь кругом — одна трава, — сказал Гимли. — Хоть с холмов мы лес увидим?

— До леса еще далеко, — объяснил Арагорн. — Если память мне не изменяет, цепь этих холмов тянется на восемь гонов, а за ними до истоков Реки Энтов еще по равнине гонов пятнадцать.

— Ну, тогда пошли! — сказал гном. — Нечего считать гоны, стоя на месте. Будь на сердце полегче, ногам бы, конечно, веселей шагалось...

До последнего бугра в цепи путники дошли, когда солнце уже садилось. Оттого ли, что шли они уже много часов, они теперь продвигались заметно медленнее. Гимли даже слегка горбился от усталости. Гномы вообще в работе и в дороге выносливы, ибо крепки, как камни; но эта

бесконечная погоня утомила Гимли еще и потому, что надежда в его сердце почти погасла. Арагорн шел за ним в мрачном молчании, время от времени нагибался, пытаясь найти какой-нибудь знак на тропе. Лишь Леголас ступал легко, как всегда, почти не касаясь ступнями травы и не оставляя следов; одной эльфийской лепешки ему хватало на целый обед, а спать он умел на ходу, днем с открытыми глазами: эльфы отдыхают духом, бродя мыслью по волшебным тропам мечты, хотя люди не называли бы это сном.

— Пошли вон на тот зеленый холм! — позвал он за собой друзей и первым взбежал на вершину бугра, в то время как они оба с трудом взбирались вверх по склону. Вершина оказалась ровной и гладкой.

Холм был последним в цепи и стоял немного поодаль от остальных. Пока они на него поднимались, солнце зашло. Трое путников оказались одни в бесформенных сумерках над плоской равниной; вокруг все было одинаково серо. Только далеко на северо-западе между небом и землей проходила темная полоса — там начинались Мглистые Горы, и Лес был у их подножия.

— Ничего отсюда не видно, ни следов, ни дорог, — сказал Гимли. — Но надо устраивать ночлег. Очень холодно становится.

— Ветер с севера, — объяснил Арагорн, — а там снега.

— Утром он изменится и подует с востока, — произнес Леголас. — Если вы устали, давайте отдыхать. И не теряйте надежды. Говорят же: «Хочешь совета — дождись рассвета». Может быть, восход солнца принесет что-нибудь новое.

— Это солнце уже трижды всходило, не принося ни чего нового, — буркнул Гимли.

Ночь была холодной. Арагорн и Гимли спали беспокойно, а когда кто-нибудь из них просыпался, то каждый раз видел, как Леголас стоит над ними, оберегая их сон, или ходит вокруг, напевая на своем родном языке, а если эльф так поет, на черном небосводе вспыхивают белые звезды.

Когда все трое были уже на ногах, звезды погасли, небо осветилось, и вскоре выплыло бледное солнце. Восточный ветер сметал клубы тумана. Степь хмуро молчала.

На востоке простиралась обдуваемая ветрами Пустошь — плоскогорные пастбища. На северо-западе темнел Фангорнский Лес, но до него оставалось не меньше десятка гонов, а за лесом в расплывчатом контуре Мглистых Гор торчал Белый Зубец пика Муфадрас, последнего в южном конце хребта. Из Фангорна текла им навстречу Река Энтов, быстрая, извилистая, с крутыми берегами. Тропа орков вела к реке, а затем вдоль нее — к Лесу.

Обводя взглядом тропу, реку и степь, зоркий Арагорн вдруг заметил вдали быстро движущееся пятно. Он припал к земле и стал вслушиваться. Леголас вытянулся в струнку, приложил ко лбу длинную ладонь козырьком и всмотрелся в даль. Он увидел отряд всадников, маленькие фигурки людей на конях и искры рассветных лучей на их боевом оружии, как мелкие звездочки, недоступные взгляду простого смертного на таком расстоянии. А еще дальше Леголас заметил тонкий столб черного дыма, поднимавшийся к небу.

Но в степи рядом с ними было так тихо, что Гимли слышал шелест каждой травки.

— Всадники! — вскочил с земли Арагорн. — Много всадников на быстрых конях и они скачут сюда.

— Да, — добавил Леголас. — Их сто и еще пять, у них светлые волосы и копья сверкают. Предводитель у них высокий.

Арагорн улыбнулся:

— Ну и глаза у вас, эльфов!

— Ничего особенного, — ответил Леголас. — Эти всадники не дальше, чем в пяти гонах отсюда.

— В пяти или в одном, — проворчал Гимли, — в любом случае нам с ними на этой равнине не разминуться. Будем ждать или пойдем своей дорогой?

— Ждать будем, — сказал Арагорн. — Я устал. Враги ушли далеко, все равно не догнать. А может быть, их уже без нас догнали? Ведь этот отряд скачет по орчьей дороге, только в обратную сторону. Может быть, у них для нас есть новости?

— У них для нас есть острые копья, — сказал Гимли.

— На трех конях седла пустые, — сказал Леголас. — И хоббитов среди этих людей нет.

— Я не сказал, что новости обязательно будут хорошими, — произнес Арагорн. — Но нам важны любые.

Друзья медленно спустились по северному склону с вершины бугра, где их было издалека видно, и присели в жухлую траву на склоне, завернувшись в плащи. Время тянулось медленно. Ветер дул порывами и все время менял направление. Гимли не мог сидеть спокойно.

— Ты что-нибудь знаешь об этих всадниках, Арагорн? — спросил он. — Может, мы здесь смерти ждем?

— Я бывал в этих местах, — ответил Арагорн. — Они горды и упрямы, но сердцем щедры и поступают благородно; они храбры, но не безжалостны; необразованны, но умны; книг не пишут, зато поют песни, как дети людского племени в давние дни. Но я не знаю, таковы ли они сейчас — ведь их земля оказалась между владениями Сарумана и Саурона. С гондорцами они издавна дружили, хотя в их жилах нет родственной крови. Они с севера, ближе всего к ним племя Барда из Дейла и Беорна из Глухоманья. В тех краях и сейчас можно встретить высоких светловолосых людей, похожих на рохирримов. А сюда их привел Юный Эорл. И, во всяком случае, орков они не любят.

— Но Гэндальф рассказывал, будто Рохан, по слухам, платит дань Мордору, — вспомнил Гимли.

— Боромир этому не верил, и я не верю, — отрезал Арагорн.

— Скоро узнаем, — сказал Леголас. — Они близко.

Уже и Гимли услышал топот конских копыт. Всадники скакали галопом по тропе орков, которая сворачивала от реки к буграм. Они неслись быстрее ветра. Их зычные крики разрывали степную тишину.

Вдруг они отпустили поводья, и кони понеслись так, что земля загудела. Подлетев к холмам, первый всадник закружился на коне, потом стал объезжать бугор, ведя за собой остальных. Ряд за рядом скакали конные бойцы, гибкие, в блестящем вооружении. Зрелище было одновременно грозным и красивым.

Кони были рослые, сильные и породистые, шерсть на них лоснилась, длинные хвосты развевались по ветру, гривы были заплетены на гордых шеях. Всадники были под стать коням. Из-под легких шлемов на плечи падали светлые, как лен, волосы; смуглые суровые лица дышали отвагой; глаза смотрели ясно и открыто. В руках всадники держали длинные копья с древками из ясеня, за плечами висели раскрашенные щиты, сбоку — мечи; сверкающие кольчуги доставали до колен. Проносились они галопом, по два в ряд, но хотя время от времени то один, то другой из них приподнимался в стремях, озирая местность, троих путников, молча сидящих на склоне в эльфийских плащах, они, похоже, не замечали.

Отряд уже почти миновал бугор, когда Арагорн вдруг встал и громко крикнул:

— Что слышно в северных землях, воины Рохана?

Всадники молниеносно осадил коней, развернулись и широким полукругом въехали на бугор. В один миг друзья оказались в кольце воинственных рохирримов. Кольцо сжималось. Арагорн стоял молча, два его товарища, сидя, замерли, напряженно ожидая, какой оборот примет эта встреча.

Всадники, сомкнув круг, без всякой команды остановились, ошетинившись копьями, направленными в сторону троих путников. Некоторые натянули луки. Предводитель, выделявшийся ростом над остальными, в шлеме с султаном из белого конского хвоста, подъехал так близко, что почти коснулся копьем груди Арагорна. Арагорн не дрогнул.

— Кто вы и зачем пришли сюда? — спросил всадник. Он говорил на Всеобщем языке, выговором и манерой речи напомним друзьям гондорца Боромира.

— Меня называют Бродяжником, — ответил Арагорн. — Я прибыл с севера. Охочусь на орков.

Всадник соскочил с коня, отдал копье одному из подчиненных, который подъехал и тоже спешил, затем вынул меч и встал перед Арагорном, внимательно и не без удивления его разглядывая.

— В первую минуту я подумал, что вы сами из орков, — сказал он. — Сейчас вижу, что ошибся. Плохо ты знаешь орков, если так на них охотишься. Банда была большая, и эти хищники вооружены

до зубов. Если бы ты их догнал, охотились бы они, а ты бы стал добычей. Но в тебе что-то есть, Бродяжник. Имя, которым ты назвался, не подходит такому, как ты, — рохиррим быстро оглядел Арагорна с головы до ног. — Одет ты странно. Ты нездешний. Ты выскочил прямо из травы? Как мы могли тебя не заметить? Может быть, ты из эльфов?

— Нет, — ответил Арагорн. — Только один из нас — эльф. Это Леголас из далекого Лихолесья. Но по дороге мы заходили в Лотлоризн, у нас дары Владычицы этого края и с нами ее добрые пожелания.

Рохиррим посмотрел на троих друзей с новым удивлением, но в его глазах появился холодный блеск.

— Значит, правда, что в Золотом Лесу живет Владычица, о которой рассказывают сказки! — воскликнул он. — Я слышал, что мало кто вырывается из ее сетей. Удивительно и неправдоподобно! Если вы попали к ней в милость, значит, вы тоже плетете сети и творите чары, — он строго взглянул на Леголаса и Гимли. — Почему не отзываетесь, молчуны?

Гимли встал, широко расставил ноги и крепко сжал рукоять боевого топора. Его черные глаза гневно сверкнули.

— Назови свое имя, всадник, тогда ты услышишь мое и много другого вдобавок, — с вызовом произнес он.

— Обычай требует, чтобы чужестранец представился первым, — ответил всадник, глядя на гнома сверху вниз, — но знай, я — Эомер сын Эомунда, а мое звание — Третий Полководец Рубежного Края.

— Тогда, Эомер сын Эомунда, Третий Полководец Рубежного Края, поостерегись гнома Гимли сына Глоина и не говори необдуманных слов. Ты очерняешь ту, чьи добродетели даже представить себе не можешь. Только недомыслием можно это объяснить.

Глаза Эомера засверкали, а его приближенные еще теснее сдвинулись вокруг чужеземцев и опять наставили на них копыя.

— Я бы отсек тебе голову вместе с бородой, дерзкий гном, если бы она торчала немного повыше над землей! — воскликнул Эомер.

— Гимли здесь не один! — закричал Леголас, во мгновение ока натянув лук со стрелой. — Ты погибнешь раньше, чем опустишь меч!

Эомер все же поднял меч, и стычка эта закончилась бы кровопролитием, если бы между противниками не встал Арагорн с поднятой рукой.

— Прости их, Эомер! — крикнул он. — Ты поймешь гнев моих друзей, когда узнаешь о нас больше. У нас нет враждебных намерений, мы не хотим обидеть Рохан и рохирримов, ни людей, ни коней. Согласись сначала выслушать нас, затем берись за оружие.

— Согласен, — ответил Эомер и опустил меч. — Но учти, что путники, пришедшие в наше смутное время на поля Рохана, должны вести себя скромнее. И скажи мне свое настоящее имя.

— Прежде всего скажи мне, кому ты служишь, — попросил Арагорн. — Друг или враг тебе Саурон, мрачный повелитель Мордора?

— У меня один Повелитель, Король Рубежного Края Феоден сын Фингла, — ответил Эомер. — Черный Властелин далеко, мы ему не подчиняемся, но и не ведем с ним открытой войны. Если ты бежишь от черных сил, лучше покинь эти земли. На всех наших границах неспокойно, и мы постоянно находимся под угрозой; а мы хотим сохранить свободу и жить, как жили, служа только своим королям и не подчиняясь чужеземным властелинам, ни добрым, ни злым. В лучшие дни мы дружелюбнее и учтивее встречаем гостей, но в это смутное время незнакомцы должны быть готовы к суровому приему. Говори! Кто ты на самом деле и кому служишь? Зачем охотишься на орков в наших степях?

— Я никому не служу, — ответил Арагорн. — Но слуг Саурана буду преследовать во всех землях. Орков я знаю, как мало кто из смертных, и если сейчас охочусь за ними так, как ты видишь, то потому только, что у меня нет другого выбора. Орки, за которыми мы гонимся, похитили двоих наших друзей. В таких случаях человек идет пешком, если нет коня, разрешения не спрашивает, а головы врагов считает лезвием меча. Я не безоружен.

Арагорн сбросил плащ. Выкованные эльфами ножны заблестели, а когда он выхватил из них меч, клинок Андрилы сверкнул белым пламенем.

— Элендил! — издал воин боевой клич. — Я Арагорн сын Араторна, и еще меня зовут Элессар,

Камень Эльфов, Дунадан, наследник Исилдура Гондорского, сына Элендила. Вот сломанный и перекованный меч. Роковой час близок. Ты мне поможешь или преградишь путь? Выбирай!

Гимли и Леголас удивленно смотрели на своего спутника, потому что еще не видели его таким, как в эту минуту. Им показалось, что Арагорн вдруг вырос, а Эомер стал ниже ростом. Лицо Арагорна выражало силу и власть, он сейчас стал похож на великих Каменных Королей. На мгновение Леголасу показалось, что на челе Арагорна белым пламенем зажегся королевский венец.

Эомер отступил на шаг, в его лице появилось почтительное выражение. Он опустил гордый взгляд к земле.

— Странные времена пришли, — задумчиво произнес он. — Живые легенды или сны вырастают из травы... Поведай мне, высокородный чужестранец, — сказал он громко, обращаясь к Арагорну, — что тебя к нам привело? О каком роковом часе ты говоришь?

— Настал час выбора, — ответил Арагорн. — Повтори мои слова Феодену сыну Фингла: его ждет открытая война либо в войске Саурона, либо против него. Никто больше не сможет жить так, как жил до сих пор, и мало кому удастся сохранить то, что он считал своим. Но об этих важных делах мы еще поговорим после. Если мне ничто не помешает, я сам явлюсь к твоему Королю. Сейчас же я прошу помощи или хотя бы известий. Как ты уже слышал, мы гонимся за орками, которые похитили наших друзей. Что ты можешь мне сказать об этих бандитах?

— Прекращай погоню, — ответил Эомер. — Их банда уже разбита.

— А наши друзья?

— Мы не видели там никого, кроме орков.

— Странно, очень странно, — сказал Арагорн. — А вы не рассмотрели убитых? Там не было трупов, не похожих на орков? Наши друзья маленького роста, их можно было принять за детей: они босые, в серых плащах.

— Не было там ни детей, ни гномов, — сказал Эомер. — Мы пересчитали убитых, забрали их оружие и добычу, потом свалили трупы в кучу и сожгли по обычаю. Пепел еще дымится.

— Речь идет не о гномах и не о детях, — вставил слово Гимли. — Наши друзья — хоббиты.

— Хоббиты? — удивился Эомер. — Кто они? Первый раз слышу такое странное название.

— Странное название странного племени, ты прав, — сказал гном. — Но эти двое нам очень дороги. Похоже, что ты слышал о предсказании, которое встревожило Правителя Минас Тирита? В нем идет речь о невысокликах. Это и есть хоббиты.

— Невысоклики! — засмеялся воин, стоящий рядом с Эомером. — Ах, невысоклики! Но ведь эти создания существуют только в старых северных сказках. Мы сами попали в сказку или все-таки ходим по зеленой земле в свете дня?

— Можно одновременно жить и там, и здесь, — произнес Арагорн. — Ибо не мы, а те, кто придет после нас, создадут легенды о нас и нашем времени. Зеленая земля, говоришь? В ней много легенд, хотя ты ее топчешь при свете дня.

— Нам сейчас каждая минута дорога, командир! — проговорил воин, не обращая внимания на Арагорна. — Надо спешить на юг. Оставим этих чудаков с их выдумками или свяжем их и отвезем к Королю.

— Спокойно, Эофен, — сказал Эомер на языке Рохана. — Я сам хочу с ними говорить. Собери эоред на дороге и приготовьтесь к маршу. Поскачем через Реку Энтов.

Бурча что-то себе под нос, Эофен отошел к отряду и передал приказ. Эомер остался наедине с пришельцами.

— То, что ты мне сказал, Арагорн, очень странно, — произнес он, — но я не сомневаюсь в том, что ты говоришь правду. Рохирирми сами не лгут и не терпят обмана. Однако всей правды ты мне не сказал. Поведай мне о настоящей цели вашего похода, чтобы я мог судить о том, что следует делать.

— Я вышел из Имладриса, как назван этот край в Предсказании, много недель назад, — ответил Арагорн. — Со мной был Боромир, воин из Минас Тирита. Я собирался идти вместе с сыном Денэтора на его родину и помочь его народу в войне с Сауроном. У остальных участников нашего Похода было другое задание, о нем я еще не имею права рассказывать. Нашим проводником был Гэндальф Серый.

— Гэндальф! — воскликнул Эомер. — Гэндальфа Серого в Рубежном Крае знают. Но я должен

предостеречь тебя, что имя Гэндальфа сейчас не откроет тебе двери к сердцу Короля. Гэндальф много раз бывал в нашей стране, приходил, когда хотел, иногда по два раза в год, иногда раз в несколько лет. Каждый раз он был провозвестником необычных событий; некоторые утверждают, что он приносит несчастье. В самом деле, после того, как он побывал здесь в последний раз, на нас посыпались беды. Начались неприятности со стороны Сарумана. Раньше мы считали его другом Рохана, но пришел Гэндальф и предостерег нас, что в Исенгарде идут военные приготовления. Гэндальф сказал, что его самого заточили в башню и ему с трудом удалось спастись. Маг просил помощи, но Феоден не хотел об этом слышать, и Гэндальф ушел от нас ни с чем. Не вздумай произнести его имя в присутствии Феодена. Король разгневается, он зол на него. Маг взял из дворцового табуна жеребца по имени Серосвет, жемчужину королевских конюшен, из породы Мирасов, никто не смеет садиться на них, кроме Владык Рубежного Края. Серосвет происходит от прославленного коня Эорла, который знал человеческую речь. Семь ночей назад Серосвет вернулся, но Король гневается по-прежнему, ибо конь одичал и никого к себе не подпускает.

— Значит, Серосвет сам нашел дорогу с далекого севера, — сказал Арагорн. — Ибо именно там Гэндальф расстался со скакуном. Увы! Гэндальф больше никогда на него не сядет. Он низвергся в черную бездну Морийских копей, и с тех пор на белом свете его не видали.

— Это печальная новость, — сказал Эомер, — грустная для меня и для многих из нас, но не для всех, в чем ты сможешь убедиться, посетив королевский двор.

— В вашей стране никто не сможет понять до конца всей горечи этой потери, хотя ее последствия каждый из вас ощутит, не пройдет и года, — произнес Арагорн. — Но когда гибнут великие, малые вынуждены возглавлять походы. Мне пришлось вести Отряд от самой Мории. Мы шли через Лоризн, — прежде, чем опять говорить о том крае, постарайся узнать о нем больше, — а потом мы доплыли по Великой Реке до водопадов Рэрос. Там погиб Боромир от рук тех самых орков, которых вы только что разбили.

— Только плохие вести ты несешь нам, Арагорн! — в отчаянии воскликнул Эомер. — Смерть Боромира — большая потеря для Минас Тирита и для всех нас. Это был мужественный воин, достойный и прославленный! Он редко бывал в Рохане, потому что много воевал на восточных границах Гондора, но я с ним встречался. Он был больше похож на буйных сынов Эорла, чем на строгих и суровых гондорцев, но наверняка стал бы великим вождем своего народа, если бы дождался своего часа. Непонятно, почему из Гондора к нам до сих пор не пришла весть об этом несчастье. Как давно это случилось?

— Кончается четвертый день, — ответил Арагорн. — Вечером того самого дня мы выступили от скалистого острова Тол-Брандир.

— Пешком? — ахнул Эомер.

— Да, как видишь.

Эомер от удивления широко раскрыл глаза.

— Бродяжник для тебя слишком скромное прозвание, сын Араторна, — сказал он. — Я бы назвал тебя Летучником. Об этом Походе Трех Друзей барды должны петь песни на пирах. За неполных четверо суток преодолеть пешком расстояние в сорок и пять гонов! Силен род Элэндила! Но скажи мне, Арагорн, чего ты хочешь от меня? Я должен немедленно вернуться к Феодену. В присутствии подчиненных мне приходится быть осторожным. Мы не ведем открытую войну с черными силами, но при Дворе появились трусливые и подлые советчики; а война, ты прав, висит в воздухе. Мы не порвали старых договоров с гондорцами, и если наши союзники позовут, мы придем им на помощь. Так говорю я, и так поступят все, кто со мной. Как Третий Полководец я охраняю пастбища Восточного Эммета. Я приказал пастухам перегнать стада и табуны за Реку Энтов; здесь осталась только охрана и разведчики.

— Значит, вы не платите дань Сауруну? — спросил Гимли.

— Нет. И никогда не платили! — сверкнув глазами, ответил Эомер. — До моих ушей дошло, что кто-то распускает эти лживые слухи по свету. Несколько лет назад Черный Властелин хотел купить у нас коней и предлагал за них большую цену, но мы отказали, потому что не можем отдавать животных на службу Злу. Теперь он засылает сюда банды орков, которые хватают, что им под руку попадет, и стараются красть вороных коней, так что у нас их все меньше остается. Это основная причина нашей теперешней ненависти к оркам.

— Но сейчас больше всего бед идет от Сарумана, — продолжал Эомер. — Он пытается завладеть всем этим краем, и мы уже много месяцев воюем с ним. Ему служат орки, ворги и злодеи из людей, он закрыл для нас Роханский Проход, так что мы сейчас зажаты в тиски — враги на западе и на востоке. Трудно воевать с подобным противником. Саруман — чародей, он хитер и искусен в своем деле, он умеет принимать разные обличья. Говорят, что он появляется то здесь, то там, переодетый

стариком, в плаще с капюшоном; говорят, что в этом виде он очень похож на Гэндальфа. Его шпионы ухитряются пробираться через все наши сети; зловредные птицы, которых он посылает, постоянно летают над нашими землями. Не знаю, чем это кончится, но в душе у меня зреет нехорошее предчувствие. Мне кажется, что не только в Исенгарде есть служители и союзники Сарумана. Когда ты побываешь у нас при дворе, сам увидишь. Но попадешь ли ты туда? Может быть, я обманываюсь, думая, что ты послан сюда для спасения в трудную минуту?

— Я приду к Феодену, как только смогу, — сказал Арагорн.

— Иди не медля, — попросил Эомер. — Наследник Элендила может оказать большую помощь сынам Эорла в столь грозное время. На полях Западного Эммета сейчас происходит битва, которую, я боюсь, мы проиграем. Признаюсь тебе, что я двинулся на север, не испросив разрешения Короля, и в столице осталась лишь малочисленная стража. Но разведчики доложили мне, что три ночи назад банда орков спустилась в наши степи с Восточной Стены, и некоторые из них — с белым гербом Сарумана. Подозревая, что произошло то, чего я больше всего опасался, а именно, что Ортханк заключил союз с Черным Замком, я возглавил эored из моих родичей и вассалов. Два дня назад в сумерках мы перехватили орков около Фангорнского Леса. Там мы их окружили и вчера на рассвете дали бой. Я потерял пятнадцать человек и двенадцать коней. Увы! Банда оказалась многочисленней, чем мы думали. По-видимому, с востока пришло подкрепление, что подтверждает новый след, который мы видели немного севернее. На помощь оркам подошел еще отряд, тоже с белым гербом Исенгарда, — гоблины-гиганты, а это самое страшное и дикое племя. Но мы сумели разбить их всех. Однако мы тут слишком задержались. Мы нужны на юге и на западе. Присоединяйся к нам. Как видишь, у нас есть свободные кони. Твой меч не останется без дела. Пригодятся и топор Гимли, и лук Леголаса, если твои друзья простят мне необдуманные слова о Лесной Владычице. Но я лишь повторил то, что говорят в наших краях, и охотно сменю свое мнение, если узнаю, что ошибался.

— Спасибо за благородные слова, — ответил Арагорн, — от всего сердца говорю в ответ, что хотел бы ехать с тобой, но не могу бросить друзей, пока остается хотя бы тень надежды.

— Надежды нет, — произнес Эомер. — На северной границе ты своих друзей не найдешь.

— Но ведь на дороге их нет. Недалеко от Восточной Стены мы нашли бесспорное доказательство того, что по крайней мере один из них был жив и прошел там. Между Нагорьем и этими буграми мы не видели ни одного следа, который бы отходил от пути банды, разве что я разучился читать следы.

— Что же могло с ними случиться?

— Не знаю. Они могли погибнуть в пылу сражения, тогда их тела сторели бы вместе с орчymi. Но ты говоришь, что это невозможно, и я этому рад. Могу предположить, что их затащили в лес перед сражением, и уже потом твой отряд окружил банду. Ты поклянешься, что никто не проскользнул через твой заслон?

— Клянусь, что ни один орк не ускользнул от нас с момента, когда мы заметили банду! — воскликнул Эомер. — Мы подошли к Лесу раньше их, а чтобы пройти через кольцо моих всадников, надо уметь колдовать!

— Наши друзья — в таких же плащах, как мы, — сказал Арагорн. — А вы нас среди белого дня не заметили.

— Да, об этом я забыл, — признался Эомер. — Чудеса за чудесами, ни за что поручиться нельзя. Непонятные дела творятся на свете: эльф в компании с гномом среди бела дня ходят по нашим полям; люди говорят с Лесной Владычицей и остаются целы и невредимы; меч, сломанный много веков назад, когда отцы наших отцов пришли в Рубежный Край, снова готов для битвы... Как в такое время решить, что делать человеку?

— В такое время, как и в любое другое, человек должен знать, что делать, — сказал Арагорн. — Добро и зло во все времена неизменны и одинаковы для людей, гномов и эльфов. Человек должен просто выбрать между добром и злом, как в своем доме, так и в Золотом эльфийском Лесу.

— Ты прав, — подтвердил Эомер. — Но я сомневаюсь не в тебе и не в выборе моего сердца. Я не волен поступать так, как сам хочу. Наш закон запрещает иноземцам бродить по стране без разрешения на то Короля. В такое трудное время он соблюдается строже, чем когда-либо. Я просил тебя добровольно присоединиться к нам, но ты отказываешься. По закону я должен бросить на вас троих свою сотню, но даже мысль об этом противна мне.

— По-моему, ваш закон нас не касается, — ответил Арагорн. — Я здесь не совсем чужой. Я не раз бывал в вашей стране, сражался в рядах рохирримов, только в другой одежде и под другим именем. С тобой мы не встречались, ибо ты молод, но я знал твоего отца Эомунда, и мне доводилось беседовать с Феоденом сыном Фингла. Не могло за это время все так измениться, чтобы благородный роханский полководец намеренно помешал мне идти своим путем. Моя цель ясна, я не

отступлю. А ты, сын Эомунда, должен выбрать. Либо помоги нам или хотя бы отпусти нас с миром, либо поступи по закону. Но предупреждаю: если ты так сделаешь, к твоему Королю вернется на много меньше воинов.

Эомер на минуту задумался, потом произнес:

— Мы оба спешим. Мой зоред застоялся и ждет команды, а твоя надежда с каждым часом тает. Считаю, что я выбрал. Иди с миром. Больше того, я даю тебе коней. Об одном только прошу: когда исполнишь свое дело, или когда убедишься, что дальнейшие поиски бесполезны, сам приведи коней в Медусил, так называется Золотой Двор в Эдорасе, где стоит дворец Феодена. Таким образом ты подтвердишь Королю, что я не ошибся в выборе. От твоего слова теперь зависит мое доброе имя, а может быть, даже жизнь. Не подведи.

— Не подведу, — сказал Арагорн.

Воины Эомера очень удивились, получив приказ отдать свободных коней иноземцам. Некоторые бросали на путников косые взгляды исподлобья, но только Эофен осмелился возразить:

— Можно отдать скакуна достойному вождю из рода Властителей Гондора, если он тот, за кого себя выдает, — сказал он, — но никто еще не слышал, чтобы роханского коня оседлал гном!

— Никто не слышал, никто и не услышит, будь спокоен! — ответил Гимли. — Я лучше пешком пойду, чем трястись на хребте такого большого зверя.

— Придется тебе, однако, согласиться, иначе опоздаем, — сказал Арагорн.

— Не волнуйся, друг Гимли, — успокоил его Леголас. — Сядешь позади меня. Так будет лучше. Рохирримы дадут коня не тебе, и не ты будешь за него в ответе.

Арагорну подвели крупного темно-серого красавца.

— Его зовут Хасуф, — сказал Эомер. — Пусть он служит тебе верно, и пусть тебе на нем повезет больше, чем его прежнему хозяину Гарульффу.

Конь, предложенный Леголасу, был меньше и казался норовистым и нервным. Его звали Эрод. Леголас попросил рохирримов снять седло и уздечку.

— Мне это не нужно, — сказал он и легко вскочил на коня.

Ко всеобщему удивлению, Эрод не только позволил Леголасу оседлать себя, но покорно выполнял все, что эльф ему нашептывал. Благородные животные слушаются эльфов. Когда рядом с Леголасом на коня посадили Гимли, гном крепко прижался к другу, чувствуя себя, вероятно, так же неуверенно, как недавно Сэм Гэмджи в лодке.

— Счастливого пути, да найдете вы, что ищете! — пожелал Эомер. — Поскорее возвращайтесь, и пусть наши мечи засверкают в едином строю!

— Я вернусь! — ответил Арагорн.

— Я тоже, — пообещал Гимли. — Мы с тобой не кончили разговор о Владычице Галадриэли. Я должен вернуться, чтобы научить тебя учтивости.

— Посмотрим, кто кого научит, — сказал Эомер. — Ты — еще одно чудо, но я уже не удивляюсь, что гном хочет любящим топором вбить мне в голову уважение к красавице! Будь здоров и возвращайся!

Так они расстались. Быстрыми, как ветер, были кони из роханских табунов.

Когда через некоторое время Гимли оглянулся, зоред Эомера уже был едва заметен на горизонте. Арагорн не оглядывался. Он внимательно вглядывался в дорогу, пытаясь найти какие-нибудь знаки на земле, и ехал, почти положив голову на шею Хасуфа. Вскоре они уже мчались по берегу Реки Энтов и увидели другую вытопанную полосу, шедшую со стороны Нагорной Пустоши. По-видимому, именно о ней говорил Эомер.

Арагорн сошел с коня, внимательно рассмотрел тропу, потом снова вскочил в седло и отъехал немного в сторону на восток, стараясь не затоптать следы. Там он еще раз соскочил на землю, внимательно осмотрел тропу и несколько шагов прошел по ней.

— Немного я узнал, — обратился он к друзьям. — На главной дороге следы орков затоптаны конскими копытами. Отсюда банда двигалась вдоль реки. Следы на восточной тропе сохранились

лучше. Но нет ни одного следа назад, к Андуйну. Надо было ехать медленнее, чтобы точно убедиться, что следы нигде не отходят в сторону. Когда орки подошли сюда, они, наверное, уже знали, что за ними погоня, и могли отделаться от пленных или спрятать их так, чтобы противник не увидел.

Тем временем погода начала портиться. С Пустоши сползли низкие серые тучи, затянули небо и закрыли клонившееся к закату солнце. Лесистые склоны Фангорна приближались и становились темнее.

Никаких следов, ведущих в сторону дороги, путники не видели, только наткнулись на несколько отдельных трупов орков, которых смерть настигла при попытке убежать, — у всех из спины или из горла торчали стрелы с серебристым оперением.

Наконец, когда уже совсем стемнело, друзья доехали до края Леса и на открытой поляне между первыми деревьями увидели большое кострище — пепел был еще горячий и дымился. Поодаль в кучу были свалены шлемы, побитые щиты, сломанные мечи, копья, луки, стрелы, дротики и прочее оружие и доспехи, превратившиеся в хлам. Посреди поляны торчала вздетая на кол голова огромного гоблина; на треснутом шлеме можно было еще различить белый герб. В некотором отдалении, там, где река выходила из лесу, поднимался свежий курган, обложенный дерном. В него было воткнуто пятнадцать копий.

Пока совсем не стемнело, Арагорн и его друзья тщательно осмотрели почву по всей поляне и вокруг нее, но наступила ночь, а они не обнаружили никаких следов Мерри и Пипина.

— Ничего не удалось ни узнать, ни сделать, — хмуро пробормотал Гимли. — От самого Тол-Брандира одни загадки, но эта труднее всех предыдущих. Я думаю, что сожженные кости хоббитов смешались с пеплом орков. Горькой новостью это будет для Фродо, если он сам доживет до того времени, когда сможет об этом узнать. Больно будет и старому хоббиту, который ждет в Райвенделе. Элронд так не хотел, чтобы мы брали в Поход этих ребят!

— Но Гэндальф был за то, чтобы их взять, — возразил Леголас.

— Гэндальф сам решил идти, а погиб первым, — ответил Гимли. — Дар предвидения не помог ему.

— Гэндальф не искал безопасности ни для себя, ни для остальных, — сказал Арагорн. — Есть дела, от которых нельзя уклоняться, важно начать, даже если конец неведом. И нам отсюда пока уходить не следует, тем более что все равно придется ждать рассвета.

На ночлег они расположились подальше от места, где был бой, под раскидистым деревом, напоминавшим каштан. На нем еще сохранились высохшие прошлогодние листья, крупные, бурые, похожие на сморщенные ладони с длинными растопыренными пальцами. Листья тоскливо шелестели от ночного ветра.

Гимли дрожал от холода, ибо они взяли с собой только по одному одеялу.

— Давайте костер разожжем, — предложил он. — Опасности, похоже, нет, а орки пусть ползут на свет, мы их встретим.

— Если бедные хоббиты заблудились в лесу, огонь мог бы их сюда привлечь, — поддержал друга Леголас.

— Кроме орков и хоббитов, он может привлечь любых тварей на наши головы, — возразил Арагорн. — Недалеко отсюда — горные владения изменника Сарумана. Кроме того, мы находимся на краю Фангорна, говорят, в этом Лесу даже трогать деревья опасно.

— Рохирримы вчера жгли огромный костер, — произнес Гимли, — и, как видишь, много деревьев порубили. Однако спокойно провели здесь ночь после боя.

— Их было много, — сказал Арагорн, — и им нечего бояться гнева Фангорна, они сюда редко подходят, а в чащу Леса между деревьями не заходят никогда. Нас же наша дорога может завести в самое сердце Леса. Лучше будем осторожнее. Живые деревья не надо трогать.

— Конечно, не надо, — продолжал Гимли. — Рохирримы оставили достаточно поленьев и хворосту, и на земле полно сухих веток.

Он тут же начал собирать сушняк, а потом завожился с разжиганием костра. Арагорн тем временем сел под деревом, прислонившись к огромному стволу спиной, и ушел в свои мысли, а Леголас отошел на открытое место, вытянулся и стал вслушиваться и вглядываться в темную глубину леса.

Когда гном выбил искру и небольшой костерок загорелся ясным пламенем, все трое сели у огня и как бы прикрыли, заслонили его плащами и капюшонами от ночной тьмы. Леголас поднял голову к

раскидистой кроне дерева:

— Смотрите! Дереву нравится тепло!

Может быть, их обманули танцующие тени, но всем троим показалось, что дерево пригибает ветки, и они тянутся к огню; бурые листья терлись друг о друга, как шершавые ладони, когда хотят согреться. А рядом в лесу было тихо, и путники замолчали, ибо почувствовали в этой тишине и темноте присутствие чего-то огромного, с медленными мыслями и мощной волей, подчиненного неведомым целям.

Первым подал голос опять Леголас.

— Келеборн предостерегал нас, что нельзя заходить в глубь Фангорнского Леса. Ты не знаешь, почему, Арагорн? Какие легенды об этих лесах знал Боромир?

— В Гондоре и других землях я слышал много легенд, — ответил Арагорн. — Если бы я не верил предостережениям Келеборна, я бы считал их выдумками, которые часто распространяются среди людей, утративших настоящую мудрость. Я у тебя хотел спросить, что в них правда, а что ложь. Раз даже лесной эльф этого не знает, откуда знать человеку?

— Ты больше путешествовал, чем я, — сказал Леголас. — На моей родине о Фангорне не говорят, только поют несколько песен о здешних жителях, энидах, которых люди называют энтами. Фангорн — очень древний лес, даже по эльфийским понятиям.

— Да, он ровесник Старого Леса за Могильниками, только он гораздо больше. Элронд говорил, что между ними существует какая-то родственная связь; оба они — последние бастионы владычества лесов. В них в Незапамятные Времена бродили Перворожденные эльфы, когда людское племя еще спало. Но у Фангорна есть своя тайна, которую я не знаю.

— А я и знать не хочу, — выпалил Гимли. — Кто бы тут ни жил, я никого беспокоить не собираюсь!

Друзья бросили жребий, кому когда стоять на часах. Первая стража выпала Гимли. Арагорн и Леголас легли и сразу заснули, только Арагорн, засыпая, еще раз напомнил:

— Не забудь, Гимли, что самое опасное — ломать живые ветки с деревьев Фангорна. И не заходи далеко в лес за хворостом, пусть лучше огонь погаснет; если что случится, буди меня.

Спал Арагорн крепко и, похоже, спокойно. Леголас лежал, не шевелясь, сложив красивые руки на груди, но с открытыми глазами: эльфы даже в самом крепком сне остаются настороже, сливаясь с ночью и всеми ее проявлениями. Гимли присел у костра и задумчиво водил пальцами по лезвию топора. Шелестели листья. Больше ничто не нарушало тишину.

Вдруг что-то заставило гнома поднять глаза. Там, где кончался свет от костра и начинался лесной мрак, стоял, опираясь на палку, старик в широком плаще; низко надвинутая широкополая шляпа закрывала ему глаза. Гимли вскочил. В первый момент он от изумления потерял голос, хотя в голове мелькнула мысль, что их выследил Саруман. От резкого движения гнома проснулись Арагорн и Леголас. Они сели и устремили взгляды в ту же сторону, что и гном.

— Что тебе надо, отец? — спросил Арагорн, вставая. — Может быть, ты замерз, подойди к нам, погрейся у огня.

Он сделал шаг вперед, но старик исчез, будто его и не было. Далеко отходить они побоялись. Месяц скрылся, и ночь была черной, как смола.

Вдруг раздался крик Леголаса:

— Кони! Кони!

Коней не было. Они вырвали из земли колья, к которым были привязаны, и убежали. Ошеломленные новым несчастьем, друзья молча стояли у костра. На мгновение им показалось, что издалека, из черного мрака, доносится фыркание и ржание коней, но потом все стихло, только холодный ветер шелестел листьями.

— Значит, кони пропали, — произнес, наконец, Арагорн. — И мы их ни найти, ни догнать не сможем. Если они сами не вернуться, придется обойтись без них. Мы же вышли пешком, а ноги, к счастью, у нас пока целы.

— Ноги? — переспросил Гимли. — Ноги, может быть, нас понесут, но наверняка не накормят.

Он подкинул пару веток в костер и сел возле него, сгорбившись.

— Несколько часов назад ты отказывался сесть на роханского скакуна, — невесело засмеялся Леголас. — А из тебя, наверное, еще получится ездок.

— Теперь вряд ли, — ответил Гимли и, немного помолчав, добавил: — Хотите знать, что я думаю? Мне кажется, что это был Саруман. Помните, Эомер говорил, что он бродит по стране в виде старика в плаще с капюшоном? Все сходится. Забрал у нас лошадей или спугнул их и скрылся. А теперь что? Запомните мои слова: этим дело не кончится!

— Твои слова я, конечно, запомню, — сказал Арагорн. — Но я запомнил и другое: этот старик был не в капюшоне, а в шляпе. Я не сомневаюсь, что ты угадал, и что опасность грозит нам здесь днем и ночью. Но сейчас мы не придумаем ничего лучшего, чем выспаться, пока можно. Иди спать, Гимли, все равно скоро моя очередь сторожить, а я еще подумать хочу, сон пропал.

Ночь тянулась медленно. После Арагорна часовым был Леголас, потом опять Гимли, и так до утра. Ничего нового не случилось, старик больше не появлялся, кони не вернулись.

Глава третья. УРУК-ХАЙ

Пину снился мрачный сон с кошмарами. Ему казалось, что он кричит, и его голосок слабым эхом отдается в темном подземелье: «Фродо! Фродо!». Но вместо Фродо к нему со всех сторон протягивают страшные лапы сотни оскаленных орков. Где Мерри?..

Он проснулся. Холодный ветер дул ему в лицо. Он лежал на спине. Наступал вечер, и небо темнело. Хоббит повернул голову и убедился, что действительность не намного лучше кошмарного сна. Руки и ноги у него были связаны веревкой, причем ноги дважды: у колен и у щиколоток. Рядом лежал бледный Мерри с головой, обмотанной грязной тряпкой. Вокруг сидели и стояли орки, целая банда.

Обрывки воспоминаний в голове Пина медленно связались воедино. Голова болела, но постепенно хоббит стал разбираться, где сон, а где явь. Как же все случилось? Сначала он вместе с Мерри побежал в лес. Что их туда гнало? Почему они не послушались предостережений Бродяжника? Они бежали и кричали, пока не налетели на орков. Орки их, конечно, не ждали, может, и не заметили бы, если бы хоббиты не попали прямо к ним в лапы. Хоббиты схватились за мечи, но орки явно не хотели их убивать, а старались взять живыми, хотя Мерри шутить не собирался, махал мечом по-настоящему, даже отсек несколько уродливых рук и ног. Бедный храбрый Мерри!

Потом из-за деревьев выскочил Боромир! Отвлёк орков на себя. Многих убил, остальные разбежались. Хоббиты бросились было назад, к Реке, но тут подоспели еще орки, целая туча, не меньше сотни, среди них было несколько очень больших. На Боромира посыпался дождь стрел, он затрубил в свой рог так, что лес загудел. Сначала орки испугались и отступили, но на зов Боромира никто не вышел, и они напали на него с удвоенной яростью. Больше Пин почти ничего не помнил. Смутно видел, как Боромир, лежа у дерева, вытаскивал из груди стрелу. Потом наступила темнота.

«Наверное, меня тогда ударили по голове, — подумал хоббит. — Тяжело ли ранен Мерри? Что с Боромиром? Почему орки нас не убили? Где мы? Куда нас тащат?»

Ответить на эти вопросы Пин не мог. Ему было холодно и плохо.

«Жаль, что Гэндальф переубедил Элронда, когда он не пускал нас в поход, — подумал он. — Какой от меня прок? Только мешал. Пассажиром был, даже хуже, — багажом, обузой. А сейчас меня похитили и вовсе волокут, как мешок. Эх, если бы Бродяжник или кто-нибудь другой нас нашел и отбил! Но разве можно на такое надеяться? Это нарушит планы Отряда. Вот если бы удалось чудом освободиться!»

Пин попробовал подняться, но безуспешно. Один из сидевших рядом орков расхохотался и что-то забубнил на своем наречии, повернувшись к соседу.

— Лежи тихо, пока тебя не трогают, — сказал он потом Пину на Всеобщем языке, который в его устах звучал так же грубо и неприятно, как клекот орчьей речи. — Тихо и спокойно, дурак! Скоро дадим твоим ногам похромать! Не успеешь дойти до места, пожалеешь, что они у тебя были!

— Эх, дали бы мне с тобой позабавиться, ты бы пожалел, что вообще родился, — добавил второй орк. — Запищал бы у меня в лапах, крысенок. — Он наклонился над Пином и зашипел, ощерив желтые клыки. В руке у него появился длинный зазубренный черный нож. — Лежи тихо, не то я тебя пощечочу этой цапкой. И советую не напоминать о себе, а то ведь я могу и позабыть про приказ. Чтоб они пропали, эти исенгардцы! Углуб у багронк ша пущдогр Самуман-глоб бубхош скайр... — начал он на своем языке длинный монолог, закончив его яростным хрипом.

Напуганный Пин лежал очень тихо, хотя руки и ноги все сильнее болели, а камень, на который его швырнули, впивался в спину. Чтобы отвлечься от своих несчастий, он стал прислушиваться к окружающим звукам.

От гула множества голосов гудело в ушах. Язык орков злобен и груб, даже когда они ведут обычный разговор, но сейчас Пин понял, что орки всерьез злятся и, похоже, ссорятся, чем дальше, тем горячее. К своему изумлению, Пин заметил, что многое понимает, потому что часть орков говорила на Всеобщем языке. Видно, в банде собрались орки из разных мест и не все понимали друг друга, когда говорили на своих наречиях. Спор шел о том, какой дорогой идти и как быть с пленниками.

— Нет у нас времени, чтоб убить их, как подобает, — произнес кто-то. — В этом походе не до забав.

— Но прикончить-то их без затей — раз-два! Можно? — сказал другой. — Возни с ними много, а надо спешить, уже вечер.

— Приказ, — отозвался кто-то ворчливым басом. — «Убивать всех, кроме невысокликов. Этих доставить живьем и поскорее». Таков приказ, выполняйте.

— Кому они нужны? — спросило сразу несколько голосов. — Почему живьем? Эти уроды нужны

кому-то для развлечения?

— Нет! У одного из них есть что-то, очень нужное на войне, какой-то эльфийский секрет. Значит, их обоих пытаться будут.

— А больше ты ничего не знаешь? Может, мы сами обыщем их, найдем этот секрет и употребим для себя?

— Больно ты любопытный, — заметил чей-то голос. — Может, на тебя донести кому следует? Запомни — пленников нельзя обыскивать и нельзя у них ничего забирать. Таков приказ.

— И у меня такой же приказ, — отозвался опять бас. — Сказано: «Живьем». Только захватить, и чтоб все было цело.

— А у нас не было никакого приказа, — настаивал спорщик. — Мы от самых Копей шли, чтобы убить и отомстить за своих. Я хочу убить — и домой, на север!

— Хотеть можешь, сколько хочешь, — ответил бас. — Но будет так, как сказал я, Углук. Мы возвращаемся в Исенгард кратчайшим путем.

— Кто главнее, Саруман или Большой Глаз? — спросил тот, что тоже говорил о приказе. — Мы должны идти в Лугбур!

— Можно было бы, если бы не Река, — ответил другой голос. — Нас мало, на мосты и соваться нечего.

— Я же переправился, — опять заговорил противный. — Крылатый Назгул ждет к северу отсюда, на восточном берегу.

— Ну да, конечно! Ты полетишь туда с нашими пленниками, огребешь в Лугбуре все награды, а нас оставишь топтать пешком через конские земли. Нет уж! Надо держаться вместе. Здесь опасно, полно бунтовщиков.

— Да-да, надо держаться вместе, — хрипло произнес Углук. — Я вам не верю, свиньи вы, только в своем хлеву храбрые. Не будь нас, вы бы все поудирали. Мы — Урук-Хай, боевые орки, убили большого воина. Мы взяли пленных. Мы, слуги Сарумана Мудрого, Белой Руки, которая кормит нас человеческим мясом, посланы из Исенгарда, чтобы проводить вас туда, и мы поведем вас по той дороге, которую выберу я, Углук! Так я вам говорю!

— Ты много говоришь, Углук, — не унимался противный голос. — Смотри, это может не понравиться в Лугбуре. Может быть, там захотят снять с твоих плеч слишком большую голову? Могут поинтересоваться тем, откуда в нее пришли такие мысли. Их тебе не Саруман нашептал? Кем он себя считает, тыча всем в глаза свое паршивое белое клеймо? В Лугбуре больше поверят мне, доверенному посланнику Грыشناку, когда я скажу, что Саруман — глупец, и даже хуже — подлый изменник. Но Большой Глаз следит за Саруманом. Свиньи, говоришь? Слыхали, ребята! Мусорщики плюгавого чародея обзывают нас свиньями! Не человеческим, а орчьим мясом кормит вас Белая Рука, которую вы лижете...

В ответ на это раздались громкие крики и ругательства на языке орков и зазвенело вытаскиваемое из ножен оружие. Пин осторожно повернулся на бок, надеясь рассмотреть, что происходит. Охранники отошли от пленных и включились в общую свалку. Привыкнув к сумеркам, Пин разглядел громадного черного орка и решил, что это и есть Углук, а тот, который стоял против него, приземистый, безобразный, кривоногий, с длинными, свисающими почти до земли руками — Грышнак. Вокруг них толпились орки помельче. Пин понял, что за Грыشناком стоят северные орки. Они уже повытаскивали сабли и ножи, но еще не смели напасть на Углука.

Углук что-то крикнул. Несколько рослых гоблинов, почти таких же высоких, как их вожак, подбежали к нему. Внезапно Углук прыгнул вперед, молниеносно рубанул саблей раз, потом второй. Две головы скатились на землю. Грышнак отскочил и исчез в темноте. Остальные раступились. Один попытался, споткнулся о лежавшего без чувств Мерриадока, выругался и упал. Это, вероятно, спасло ему жизнь, потому что солдаты Углука перепрыгнули через него и срубили голову другому. В откатившейся голове Пин узнал охранника, который пугал его желтыми клыками, но убить так и не успел. Тело упало на Пина, нож-пила остался зажатым в мертвой руке.

— Оружие в ножны! — заорал Углук. — Хватит глупостей. Идем до спуска со стены, потом на запад. Потом вдоль реки в лес. Днем и ночью. Понятно?

«Сейчас или никогда, — подумал Пин. — Пока этот урод наведет порядок в своей банде, пройдет время, и можно попытаться счастья». В душе его блеснула искорка надежды. Острие ножа царапало ему запястье. Он чувствовал стекающие по руке капли крови и холодное прикосновение стали.

Орки собирались в путь. Некоторые северяне еще упирались. Двоих тут же зарубили, остальные сдались и согласились выполнять приказы Углук. Несколько минут все орали, никто не обращал внимания на пленников. Ноги у Пина были крепко связаны, но руки были чуть посвободнее, и он мог ими слегка пошевелить, когда веревки впивались в тело. Он всем корпусом толкнул мертвого орка вбок и, затаив дыхание, стал водить узлом веревки по клинку. Зазубренный нож был хорошо наточен, и орк, даже мертвый, держал его крепко. Наконец веревка ослабла. Пин быстро ухватил ее конец пальцами, сделал свободную двойную петлю, всунул туда кисти рук. Потом опять замер неподвижно.

— Поднимите пленных! — потребовал Углук. — Только без глупостей! Если они не дойдут живыми, кто-то из вас головой заплатит!

Один из орков схватил Пина, поднял на спину, как мешок, и понес. Другой таким же способом потащил Мерри. Пин упирался лицом в загривок своего носильщика, лапы орка железными клещами держали его за руки, когти больно впивались в тело. Хоббит закрыл глаза и впал в забытие.

Вдруг он почувствовал, как его опять брякнули о землю. Ночь только начиналась, но узкий серп месяца уже скатывался к западу. Они были на краю обрыва, внизу плавал бледный туман. Откуда-то доносился плеск воды.

— Разведчики вернулись, — услышал Пин.

— Говори, что видели? — прохрипел Углук.

— Одного всадника, который ехал на запад. Больше никого, дорога свободна.

— Сейчас. А потом что будет? Идиоты. Его надо было убить. Он поднимет тревогу. К утру проклятые лошадиники о нас узнают. Придется топтать вдвое быстрее.

Над Пином нависла большая тень. Это был Углук.

— Сядь! — приказал он. — Мои ребята устали тащить вас, как баранов. По ступенькам вниз пойдешь сам. Хромай быстро и молчи. Не вздумай удрать, и голоса не подавай, а то я тебя навсегда отучу от шуток, причем так, что ценности для нашего Повелителя ты не потеряешь.

Углук перерезал Пину путы на ногах, поднял его за волосы и поставил стоймя. Пин упал. Углук снова поднял его за волосы. Несколько орков захохотало. Углук раздвинул хоббиту зубы и влил в рот что-то из фляги. Жидкость обожгла горло и разлилась жаром по телу, но боль в стопах и лодыжках прошла, и Пин удержался на ногах.

— Ну, двигай! — сказал Углук. — Где второй?

Пин увидел, как огромный орк подошел к Мерри и пнул его ногой. Мерри застонал. Углук грубо поднял его и содрал с головы повязку. Затем намазал рану какой-то темной мазью из деревянной банки. Мерри ойкнул и задержался.

Орки хлопали в ладоши и верещали от удовольствия.

— Лекарства боится! — выкрикивали они. — Не понимает, что это для его же пользы. Ну и позабавит он нас потом!

Однако Углуку, видно, было не до забав. У него не было времени, ему надо было привести в форму невольных участников марша. Он лечил пленников по-своему, грубо, но эффективно. Когда он насильно влил в горло второго пленника пару глотков питья из своей фляги и разрезал путы на ногах, Мерри тоже встал, очень бледный, с ввалившимися глазами, но в полном сознании. Он не чувствовал даже боли от раны на голове, хотя багровый шрам остался у него на всю жизнь.

— Привет, Пин! — сказал он. — Ты тоже в этом пикнике участвуешь? А где будем ночевать и завтракать?

— Хватит! — оборвал его Углук. — Держи язык за зубами. Не дури. Нечего вам друг с другом болтать. О каждом вашем выбрыке узнает тот, кто вас дожидается, а уж он-то за все оплатит. Получите и постель, и завтрак, только вам его угощение боком вылезет.

Бандиты начали спускаться по тесному желобу в долину, в туман. Мерри и Пин, отделенные друг от друга парой десятков орков, шли вместе со всеми, а когда почувствовали траву под ногами, то почему-то заволновались и даже обрадовались.

— Теперь вперед! — приказал Углук. — На запад, и немного взять к северу. Поведет Лугдуш.

— Что будем делать, когда солнце взойдет? — забеспокоился один из орков-северян.

— Идти дальше, — ответил Углук. — А ты что думал? Сядем на травке и подождем, пока соломенные лбы придут к нам на пикник?

— Но мы не можем идти днем!

— Когда я пойду сзади, то сможете! — оборвал жалобы Углук. — А теперь бегом! Иначе не увидите родных пещер! За Белой Рукой! Кто придумал брать с собой в поход пещерных червей, не обученных военному делу? Бегом, гады! Бегом, пока темно!

И вся банда понеслась бегом, длинными прыжками, как обычно бегают орки. Порядка в строю при этом не было никакого, кто-то отставал, кто-то рвался вперед, орки ругались, толкались, но, надо признаться, передвигались быстро. За каждым хоббитом следили трое гоблинов, один с бичом. Пин бежал почти в самом конце и со страхом думал о том, долго ли выдержит этот бешеный темп, — он с самого утра ничего не ел. Но он ощущал внутри жар от орчьего напитка, и мысль его лихорадочно работала. Он думал о друзьях.

Ему представлялся Бродяжник, который идет, наклонясь над дорогой, вот он отыскал темный след, а вот уже бежит, бежит... Но разве Бродяжник сумеет разглядеть что-нибудь на перетоптанной множеством орков тропе? Мелкие следы хоббитов исчезли под следами подкованных сапог гоблинов, замыкающих строй.

Когда бандиты пробежали около мили, земля начала полого понижаться, здесь стало сыро, трава была мягкой. На земле лежал плотный туман, полуосвещенные убывающей луной силуэты орков расплывались в нем.

— Эй, впереди, замедлить шаг! — закричал Углук, замыкавший неровный строй.

В мозгу у Пина блеснула дерзкая мысль. Он отпрыгнул в сторону, вывернулся из-под руки своего стражника и сломя голову кинулся бежать в туман, почти распластываясь в траве.

— Стой! — заорал Углук.

Орки заволновались и зашумели. Пин бежал куда глаза глядят. За ним уже гнались, несколько орков перебегало ему дорогу.

«Удрать не удастся, — подумал Пин. — Но я хоть оставлю следы на мокрой земле, они их не затопчут».

Связанными руками он нащупал на шее застёжку и отцепил ее. Длинные лапы орков уже тянулись к нему, но он успел уронить застёжку на землю. «И будешь ты тут лежать до скончания века, — подумал он. — Сам не знаю, для чего я это сделал. Наши-то, наверное, все ушли с Фродо, если уцелели».

Бич опоясал его. Пин еле сдержал крик.

— Хватит! — подбежал Углук. — Этот мерзавец должен еще долго бежать. Пусть оба бегут. Кнут только чтобы гнать. Но ты не думай, что тебе это даром пройдет, — повернулся он к хоббиту. — Тебе все припомнится! Расплата откладывается, но ты свое получишь. Топай!

Пин и Мерри почти ничего не запомнили из того пути. От страшных снов они переходили к страшному пробуждению, они будто пробирались по черному туннелю страданий. Искорка надежды тлела все слабее. Хоббиты бежали, бежали, стараясь не отстать от орков, бичи обжигали их, а если они теряли сознание и падали, то орки хватали их и волокли, не нарушая общего темпа, пока они снова полусознательно не начинали двигать ногами.

Тепло от орчьего питья улетучилось. Пин дрожал от холода и слабости. Наконец он окончательно потерял сознание и упал ничком. Тут же когтистые лапы отодрали его от земли, кто-то взвалил его на плечи и понес. Хоббит уже не чувствовал впившихся в него когтей, он провалился в ночь. Была ли это на самом деле ночь, или тьма застилала ему глаза, он не знал.

Потом словно издали до него донеслись голоса. Кажется, орки требовали отдыха, Углук орал на них. Пина швырнули на землю. Он как упал, так и лежал, от удара снова потеряв сознание, но ненадолго. Безжалостные лапы снова схватили его и поволокли. И опять начались толчки, и пинки, и удары, и страх... и тьма... Тьма поредела, Пин очнулся и открыл глаза: было утро. Хоббит услышал громкие приказы и снова упал, сброшенный с хребта какого-то орка на землю.

Он лежал довольно долго, борясь с отчаянием. Голова у него кружилась, по жару в горле он понял, что его опять поили горячащим зельем. Один из орков нагнулся над ним и швырнул ему ломоть хлеба и кусок жесткого сушеного мяса. Хоббит жадно проглотил пахнущий плесенью серый хлеб, но к мясу не притронулся. Он был голоден, но не настолько, чтобы взять мясо у орка, еще помнил, что это за мясо могло быть.

Потом он сел и огляделся. Мерри лежал недалеко от него. Они были на берегу узкой быстрой речки. Впереди маячили горы, их острые вершины уже ловили первые лучи солнца. На ближних склонах чернел лес. Лагерь гудел от криков и споров. Казалось, что вот-вот вспыхнет дикая свара между северянами и орками из Исенгарда. Одни показывали на юг, откуда пришли, другие на восток.

— Значит, так, — сказал Углук. — Оставьте их мне. Убивать нельзя, я вам уже сказал. Если хотите бросить добычу, за которой так далеко ходили, бросайте. Я ими сам займусь. Бойцы из племени Урук-Хай всегда выполняют задание до конца. Если боитесь соломенных лбов, удирайте! Бегите. Вон там лес, в нем ваша надежда? Ну, берите ноги в руки! И поспешите, а то я еще пару голов сшибу, чтобы остальных уму-разуму научить!

Еще какое-то время слышались проклятия и бурчание, затем большинство северян — около сотни, а может, больше — сорвались с места и пустились бежать по берегу реки к горам. Хоббиты остались с исенгардцами. Было их десятков восемь, крупные, смуглые, косоглазые, с большими луками и короткими мечами в широких ножнах. Горстка самых рослых и наименее трусливых представителей северного племени тоже осталась с Углуком.

— Сейчас расправимся с Грышнаком, — произнес Углук, глядя на восток.

Некоторые из его соплеменников то и дело беспокойно смотрели на юг и даже показывали туда пальцами.

— Знаю, чего боитесь, — пробурчал Углук. — Проклятые лошадики нас учуяли. Ты виноват, Снаг. Уши обрежу и тебе, и твоим разведчикам. Но мы — боевое племя Урук-Хай! Скоро отдадим должное конине и, может быть, чему-нибудь получше.

Тут только Пин понял, почему орк смотрел на восток. Оттуда послышались хриплые возгласы и появился Грышнак, а с ним несколько десятков орков его племени, кривоногих, с длинными, почти до земли, руками. На их щитах был нарисован красный глаз. Углук сделал шаг им навстречу.

— Чего вернулись? — спросил он. — Передумали?

— Вернулись, чтобы проследить за выполнением приказа и сохранностью пленных, — ответил Грышнак.

— В самом деле? — фыркнул Углук. — Зря стараетесь. Тут командую я, и приказы выполняются. А может, вернулись еще за чем-нибудь? Вы нас бросили в такой спешке, что, может, забыли что-то ценное?

— Дурака забыли, — сердито отпарировал Грышнак. — Но с ним храбрые орки, которых было бы жаль губить. Нам известно, что ты ведешь их на смерть. Я вернулся их спасти.

— Прекрасно! — расхохотался Углук. — Но если ты не рвешься в бой, ты перепутал дорогу. Шел бы, как шел, в Лугбур. Соломенные лбы на подходе. Где твой бесценный Назгул? Опять под ним коня отстрелили? Что ж ты его с собой сюда не привел? Он мог бы пригодиться, если этих самых Назгулов не перехваливают.

— Назгул, Назгул! — повторил Грышнак, вздрогнув, и губы облизал, будто избавляясь от неприятного вкуса этого слова. — Ты говоришь о делах, которые не можешь постичь своим паршивым умишком, Углук! Перехвалить Назгула! Ты еще пожалеешь об этих словах, обезьяна! Не знаешь, что ли: они — любимцы Большого Глаза? Но сейчас еще не пришло время Крылатых Назгулов, пока нет! Властелин не хочет, чтобы их видели на другом берегу Великой Реки, пока не пробьет час. Они нужны для большой войны и для тайных дел.

— Кажется, ты слишком много знаешь, — произнес Углук. — А это, как известно, не всегда полезно. В Лугбуре могут поинтересоваться, откуда у тебя столько сведений и зачем ты их собираешь. Именно так, а тем временем Урук-Хай из Исенгарда, как всегда, выполняют самую трудную работу. Не торчи ты тут зря, собирай свои пожитки и драпай к лесу за теми свиньями. Советую поспешить, а то не доберетесь живыми до Великой Реки, — и добавил, обратившись к своим: — Ну, вы! Тоже в путь! Я прикрою тыл.

Два исенгардца опять подхватили Мерриадока и Пина на спины. Банда двинулась дальше. Орки

успели отдохнуть и бежали быстро, проходили часы, а остановок не делалось, только несшие пленников иногда приостанавливались, чтобы передать их следующим носильщикам. То ли исенгардцы были сильнее и выносливее, то ли Грышнак намеренно отставал, но постепенно соплеменники Углука опередили Мордорскую пехоту, которая оказалась вся сзади. Сокращалось также расстояние между исенгардцами и северянами, которые первыми побежали вперед. Темный лес приближался.

Пин был весь в синяках и ссадинах, голова у него болела, лицом он все время терся о грязную щеку и волосатое ухо тащившего его орка, а перед собой видел лишь согнутые плечи и сильные ноги, будто сделанные не из мяса и костей, а из проволоки и рога, равномерно отбивающие по дороге счет секундам бесконечно долгого дня.

После полудня отряд Углука нагнал северных орков. Те ослабли, осоловели от солнца, которое, несмотря на позднюю пору года, довольно ярко светило на бледном небе. Головы у них клонились на грудь, языки вываливались.

— Уроды! — зашипели исенгардцы. — Черви вареные. Соломенные лбы вас сцапают и сожрут. Они уже близко.

В этот момент Грышнак издал предостерегающий крик: злая шутка оказалась правдой. Отставшие первыми заметили бешено скачущих всадников. Рохирримы были еще далеко, но двигались быстрее, чем орки, и с каждой минутой приближались, как грозная волна прилива, которая гонит по песку обреченных, вязнущих в нем.

К удивлению Пина, исенгардцы смогли удвоить скорость, несмотря на усталость после целого дня. Хоббит заметил, что солнце заходит, скрывается за Мглистыми Горами. Тени в степи удлинились. Мордорцы тоже подняли головы и убыстрили шаги. Черная стена Леса была совсем близко. Орки уже пробегали мимо отдельных деревьев, стоявших перед массивом, как лесные форпосты. Земля медленно поднималась, но это орков не задержало. Угрук и Грышнак окриками понукали бандитов к последнему рывку.

«Они еще могут оторваться от погони. Они удерут!» — думал Пин. Ему удалось один раз повернуть голову назад и одним глазом взглянуть в степь. На востоке он увидел всадников. Они скакали галопом по степи и уже почти поравнялись с орками, бегущими по дороге. Заходящее солнце золотило их волосы и шлемы, его последние лучи поблескивали на копьях. Они явно догоняли и окружали орков, не давая им разбежаться и вынуждая всю банду держаться у реки.

Пин очень хотел бы знать, что это за люди. Он жалел, что в Райвенделе не расспросил больше о широком мире и не рассмотрел карты. Он тогда просто успокоился, что план похода знают те, кто умнее его. Ему в голову не приходило, что судьба может разлучить его с Гэндальфом и Бродяжником, и даже с Фродо. О Рохане он запомнил только, что благородный конь Гэндальфа, Серосвет, был родом оттуда. Хоть это пока обнадеживало.

«А как они узнают, что мы — не орки? — начал вдруг бояться Пин. — Здесь ведь о хоббитах ничего не слышали. Буду надеяться, что проклятым оркам грозит гибель, но удастся ли нам при этом спасти свою шкуру?»

Пока все говорило о том, что не удастся. Похоже было, что пленники погибнут вместе с орками, прежде чем рохирримы смогут заметить двух маленьких хоббитов.

Среди всадников уже были видны лучники, искусные в стрельбе с коня на полном скаку. Выезжая из общего строя, они посылали стрелы в отстающих бандитов, и те падали, а рохирримы вновь скрывались среди своих, чтобы их самих вражеские стрелы не достали. Этот маневр они повторили несколько раз, и хоббиту показалось, что их стрелы сыплются уже на исенгардцев. Орк, бежавший перед Пином, вдруг пошатнулся, упал, и не встал больше.

Но этим действия рохирримов пока ограничились. Наступала ночь, и всадники не начинали открытого боя. Много орков полегло от их стрел, но еще сотни две оставалось. В сумерках банда дотянулась до предгорья. До края леса оставалось не больше, чем полгона, но орки вперед уже не могли продвинуться. Кольцо всадников вокруг них замкнулось. Нарушив приказ Углука, небольшой отряд бандитов попытался пробиться к лесу, но их не пропустили — только трое уцелевших вернулись назад.

— Вот и попались! — оскалившись, съязвил Грышнак. — Спасибо вожаку. Может, знаменитый Угрук теперь нас еще куда-нибудь поведет?

— Свалить пленных на землю! — приказал Угрук, не обращая внимания на слова Грышнака. — Ты,

Лугдуш, возьми двух товарищей и стерегите их. Не убивать, разве что подлые белоголовые прорвутся. Понятно? Пока я жив, оба малявки мне нужны. Не давайте им кричать и не допускайте, чтобы их отбили. Спутайте им ноги.

Приказ был исполнен безоговорочно. В первый раз за всю дорогу Пин оказался рядом с Мерри. Орки громко орали, оружие лязгало, и в этом шуме друзья смогли шепотом обменяться парой слов.

— Надеяться не на что, — сказал Мерри. — Все кончено. Ослаб я и вряд ли смогу далеко дойти, даже если мы освободимся.

— Лембасы! — прошептал Пин. — Лембасы. У меня два осталось. А у тебя? Эти негодяи вроде ничего не отбирали, кроме мечей.

— Пакетик в кармане был, — ответил Мерри. — Наверное, в кашу превратился. Но я до кармана не достану!

— И не надо. Я...

В этот момент грубый пинок уведомил Пина, что шум в лагере утих и что за ними опять крепко следят.

Ночь была холодная и тихая. Вокруг пригорка, на котором собрались бандиты, со всех сторон посвечивали маленькие красновато-золотистые костерки: получался замкнутый круг. Рохирримы были на расстоянии полета стрелы, но за светом костров орки не видели ни одного бойца. Они истратили множество стрел, целясь в пламя, наконец, Углук запретил им бессмысленное разбрасывание стрел. От костров не доносилось ни малейшего шума. Позднее, когда вышел месяц, можно было в его беловатом свете заметить отдельные передвигающиеся фигуры — это по кругу ходили патрули.

— Восхода ждут, проклятые! — буркнул один из орков, приставленных к хоббитам. — Почему мы не пытаемся все вместе пробиться? Что себе думает этот Углук, хотел бы я знать!

— Ишь ты, хотел бы! — рявкнул Углук из-за плеча. — Может, тебе кажется, что я вообще не думаю? Мерзавец! Ты не лучше остальных голодранцев, всех этих недоделанных северных червей и обезьян из Лугбура. Разве с таким отребьем можно пытаться сейчас лезть в драку? Эти трусы сразу взвоят и поразбегаются, а на равнине белоголовые лошадики разнесут нас в пух и прах. Их много. Одно только и есть у этих северных недотеп — они в темноте видят, как коты. Но я слышал, что соломенные лбы тоже видят лучше остальных людей, и не забывай о конях! Эти животные чуют движение воздуха. Но не все они чуют, не все. В лесу сидит Мохур с отрядом и вот-вот придет к нам на помощь.

Слова Углук придали сил исенгардцам, но орки из других племен были подавлены и недовольны. Углук выставил посты, но часовые почти все улеглись на землю и принялись отдыхать в своей любимой темноте. А ночь была черная, как смола, месяц спрятался за тучи, и Пин в двух шагах от себя уже ничего не видел. Свет костров сюда не доходил, весь холм потонул во мраке.

Спать спокойно рохирримы оркам, однако, не дали. Дикий крик с восточной стороны напугал осажденных среди ночи. Несколько людей подъехали к холму, оставили коней внизу, прокрались наверх, положили трупами десяток орков и безнаказанно ушли. Углук бросился туда наводить порядок.

Пин и Мерри приподнялись с земли. Исенгардцы, которые их охраняли, побежали за Углуком. У хоббитов блеснула надежда на спасение — и тут же угасла. Длинные косматые лапы охватили их обоих за шеи, сдавили и оттащили в сторону. В темноте между ними возникла отвратительная голова Грышняка. Смердным дыханием пахнуло им в лица, холодные, твердые пальцы стали ощупывать с ног до головы. У Пина мороз пошел по коже.

— Ну, малявки, — почти ласково шептал Грышнок. — Как вам спалось? Приятные сны смотрели? Не слишком ли вам тут хорошо? Между саблями, кнутами и темным лесом? И еще копьё и стрелы? Малявкам нечего вмешиваться в большие дела.

Приговаривая так, он продолжал шарить по ним пальцами, и в глубине его глаз словно горело бледное и страшное пламя.

Вдруг у Пина в голове мелькнула мысль, подсказанная действиями врага: «Грышнок знает о Кольце! Он ищет его, пользуясь тем, что Углук отошел. Сам хочет им завладеть». Хоббит замер от страха, но ясности мысли не утратил и стал думать, как бы использовать этого орка для своей выгоды.

— Так ты вряд ли что-нибудь найдешь, — зашептал Пин. — Не очень это просто.

— Что-нибудь найду? — переспросил Грышнак. Его пальцы остановились и крепко сжали плечо хоббита. — А что? О чем ты заговорил, малявка?

Мгновение Пин молчал. Потом вдруг в темноте булькнул горлом «голл-голл» и добавил:

— Ничего такого, Прелесть моя.

И тут же почувствовал, как пальцы Грышнака задрожали.

— Ага, — засипел он. — Ты об этом думаешь! Опасные мысли, очень опасные, малявка!

— Может быть, — отозвался Мерри, который уже понял замысел Пина. — Может быть, опасные, и не только для нас. Ты сам хорошо это знаешь. Так ты его хочешь? А что нам дашь взамен?

— Я хочу? Что хочу? — фальшиво удивился Грышнак, но руки у него продолжали трястись. — Что я вам дам? Как это понимать?

— А так, — ответил Пин, осторожно подбирая слова, — что наощупь в темноте ты немногого добьешься. Мы бы могли сберечь тебе силы и время. Сначала развяжи нам ноги, иначе мы ничего не сделаем и ничего не скажем.

— Глупые малявки, — зашипел Грышнак. — Мы из вас выдадим все, что вы знаете, и все, что имеете, когда время придет. Вы еще пожалеете, что мало знали. Скоро убедитесь, и я не буду торопить следствие, нет, не буду! Вы думаете, почему вас берегут? Уж не по доброте, милые мои. Даже у тупицы Углука такого недостатка нет.

— Мы тебе верим, — сказал Мерри. — Но добыча еще не у тебя в руках. И вообще непохоже, чтобы она тебе досталась. Если нас отведут в Исенгард, шиш ты получишь. Все загребет Саруман. Если хочешь что-то иметь, сейчас твой последний шанс договориться с нами.

Грышнак начал терять терпение. Имя Сарумана привело его в ярость. Время шло, шум в лагере утихал. Сейчас вернется Углук со своими исенгардцами.

— Оно у вас? У кого? — спросил Грышнак.

— Голл-голл, — ответил Пин.

— Развяжи ноги, — сказал Мерри.

Руки орка тряслись, как в лихорадке.

— Подлые гаденыши, — хрипел он. — Развязать вам ноги? Я бы вас на мелкие клочья разодрал. Да я вас до костей расцарапаю! Я вас порублю на жаркое! Обойдемся без ног, я вас себе заберу, себе, и никому вы больше не достанетесь!

Вдруг он снова схватил их обоих, прижал к ребрам подмышками, заткнул лапами рты. Сила в его руках была страшная. Потом он побежал. Тихо и быстро добежал до края холма. Увидел брешь между часовыми, согнулся пополам и нырнул в темноту, как привидение, вниз с пригорка, потом на запад, к реке. Со стороны реки в ночи светил только один костерок, похоже, что там можно было проскользнуть.

Через несколько десятков шагов он приостановился, осмотрелся, прислушался. Ничего не увидел и не услышал. Пригнувшись, пошел дальше. Опять остановился, припал к земле, прислушался. Потом вдруг резко встал, словно собирался бежать в открытую. И тут перед ним вырос силуэт всадника. Конь поднялся на дыбы, человек вскрикнул.

Грышнак бросился на землю, распластался, прикрывая хоббитов телом. Потом вытащил саблю. Заколебался, убивать пленников сразу или подождать еще. По-видимому, решил убивать. Сабля блеснула в воздухе, отразив лезвием отблеск дальнего костра. Но опуститься не успела. В темноте запела стрела — то ли лучник сумел хорошо прицелиться, то ли сама судьба водила его рукой, но стрела пробила орку правую руку. Он взвыл и выпустил саблю. В темноте застучали копыта. Грышнак бросился бежать, но тут же упал, пригвожденный к земле копьём. Жуткий крик с хрипом вырвался из его горла, и все стихло.

Хоббиты остались лежать там, где их бросил орк. Еще один всадник быстро подъехал к товарищу; его конь легко перескочил через лежащих хоббитов. То ли он их увидел, то ли почуял. Всадники, по-видимому, не заметили маленьких фигурок в эльфийских плащах, которые боялись пошевелиться и долго еще лежали как мертвые, после того как ускакали рохирримы.

Наконец Мерри тихим шепотом сказал: — Пока все удачно, но как сделать, чтобы в драке нас не подняли на копьё?

Вместо ответа с холма донесся сильный шум. Предсмертный крик Грышнака всполошил орков. По возгласам и ругани, доносящимся из лагеря, хоббиты поняли, что орки узнали об их исчезновении. Углуб, наверное, снимал головы с плеч своих подчиненных. И в это же время издали, со стороны леса, раздались новые орчьи крики, верно, Мохур подходил на помощь Углубу. Степь сразу загудела от конского топота. Роханские всадники сжимали кольцо вокруг холма, бесстрашно бросались навстречу орчьим стрелам, не давая ни одному врагу бежать из западни. Часть отряда тем временем поскакала навстречу Мохуру.

И тут Мерри и Пин вдруг поняли, что волей судьбы они уже вне кольца осады и ничто не мешает им бежать в любую сторону.

— Можно было бы сейчас убежать, — всхлипнул Мерри, — если бы ноги-руки у нас не были связаны. А так я даже перегрызть веревки не смогу, и до узлов не дотянусь, чтобы распутаться.

— Не старайся, — ответил ему Пин. — Я тебе хотел сказать, да не успел, что руки у меня давно свободны. Я оставил веревки только для виду, чтобы не заметили. Вот, пожуй лембас!

Пин вытянул руку из свободной петли и вытащил из кармана у друга пакетик с лепешками. Они сильно раскрошились, но были хорошо завернуты в листья, и крошки не рассыпались. Друзья решили съесть сразу по два. Вкус лембасов напомнил им красивые лица, улыбки, хорошую еду в далекие мирные дни. Несколько минут они расслабленно сидели, забыв обо всем, и жевали раскрошенные лепешки, не замечая даже шума битвы, происходившей совсем рядом. Пин очнулся первым и вернулся к действительности товарища.

— Удирать отсюда надо, — сказал он. — Подожди, я сейчас.

Рядом лежала сабля Грышнака, но она была очень тяжелой и неудобной, так что пришлось подползти к труп и снять с него нож. Острым лезвием Пин перерезал все веревки.

— Давай двигаться, — сказал он. — Главное начать, хоть ползком, потом ноги разогреются, встанем и пойдем. Поползли!

Так они и двинулись. Сначала ноги совсем отказывались слушаться, пришлось-таки ползти, но земля была мягкая, передвигаться было нетрудно. Последний костер роханских часовых они обошли уже почти на ногах, потом оказались на берегу реки, сели и осмотрелись.

Шум битвы затихал. Очевидно, отряд Мохура был разгромлен или обратился в бегство. Рохирримы вернулись и теперь в почти полной тишине сжимали кольцо вокруг орчьего лагеря на холме. Начинало светать. Небо на востоке бледнело; настанет утро, и, наверное, все кончится очень скоро.

— Надо прятаться, — сказал Пин. — Если нас заметят, нам ничто не поможет. Эти храбрые воины поймут, что мы не орки, только после того, как нас зарубят. — Он встал, попробовал притопнуть. — Веревки как проволока, все ноги в ранах. Но уже согрелись, двигаются. А ты как себя чувствуешь, Мерри?

Мерри встал.

— Пожалуй, могу идти. Удивительно питательные эти лембасы. И силы придают больше, чем орчье питье. Интересно, из чего они его делают? А может, лучше и не знать. Давай воды напьемся, надо рот после всего промыть.

— Только не здесь, — сказал Пин. — Здесь берег высоковат. Пошли лучше отсюда.

И они пошли вдоль реки, держась за руки и чувствуя, наконец, что они свободны. Небо на востоке за их спинами с каждым мгновением светлело. Пин и Мерри ускорили шаг, насколько могли, поддерживая друг друга разговором, как истинные хоббиты дома на прогулке. Они даже пытались шутить. Если бы кто-нибудь их в эту минуту слышал, то, наверное, не догадался бы, что они только что жестоко страдали, шли на муки и смерть без надежды спастись, и что даже сейчас у них было не очень-то много шансов найти друзей и оказаться в безопасности.

— Вы себя показали с лучшей стороны, господин Тук-младший! — говорил Мерри. — По-моему, ты заслуживаешь отдельной главы в Книге старика Бильбо, если у меня будет возможность доложить ему о твоих подвигах. Как мы вырвались! Мне больше всего понравилось, как ты разгадал, что было на уме у этого лохматого гада, и как ты сумел его надуть. А еще мне интересно, нашел ли кто-нибудь наш след и подобрал ли твою застёжку. Я не хотел бы свою потерять, а твоей мы уже, наверное, не увидим... Слушай, чтобы за тобой угнаться, мне надо коленки причесать! А вот отсюда первым пойдет братец Брендибак. Теперь мой черед. Ты, по-моему, понятия не имеешь, где мы. Я более толково проводил время в Райвенделе, чем ты. Так вот, мы с тобой — на берегу Реки Энтов.

Впереди — конец Мглистого Хребта и Фангорнский Лес.

И, как будто подтверждая его слова, перед ними выросла темная стена леса. Казалось, ночь прячется под его громадными деревьями, отступая от утреннего света.

— Что ж, ведите вперед, господин Брендибак! — сказал Пин. — Или назад! Нас предупреждали о том, что в Фангорне опасно. Конечно, хоббит, который проглотил столько знаний, не забыл об этом предупреждении.

— Не забыл, — ответил Мерри. — Но сейчас лучше в лес, чем назад на поле, где дерутся.

И он потянул друга под деревья.

Деревья казались старыми, как мир. С них свисали длинные спутанные бороды мхов и старых лишайников, покачиваясь от движения воздуха. Из-под деревьев хоббиты еще раз оглянулись на степь. Две их маленькие фигурки, почти скрытые полумраком, напоминали эльфийских ребятишек, которые в давние дни вот так выглядывали из девственных чащ, встречая свой первый восход.

Солнце вставало далеко за раскинувшимися на много миль пастбищами Восточного Эммета, за Великой Рекой и Бурными Равнинами, красное, как пламя. При его появлении громко затрубили охотничьи рога. Роханские всадники мгновенно проснулись, и долина огласилась перекличкой рогов и рожков. Мерри и Пин услышали ржание боевых коней. Воины грянули песню. Край солнца огненным луком поднялся над горизонтом. В то же мгновение с громкими криками роханские всадники понеслись в атаку с востока. Красные отблески играли на доспехах и оружии.

Орки тоже проснулись, взвыли, и рой стрел из всех луков, которые у них были, встретил всадников. Хоббиты видели, как некоторые из них упали с коней, но строй при этом не нарушился; всадники широким полукольцом хлынули на холм и смяли остатки банды. Часть орков бросилась врассыпную, одного за другим их догоняли и убивали. В общей суматохе выделился черный клин и стал пробиваться к лесу. Казалось, что вот-вот этим оркам удастся вырваться из окружения. Три всадника упали, порубленные саблями.

— Хватит смотреть на эту жуть, — сказал Мерри. — Вон Углук! Не хочу его больше видеть!

Оба хоббита повернулись и побежали в темную глубь Фангорна.

Так получилось, что последнего натиска рохирримов они уже не видели. Они не видели, как упал Углук, пронзенный роханским мечом уже у самого леса. Его прикончил Эомер. Третий Полководец Рубежного Края соскочил с коня и расправлялся с последними исенгардцами. В то же время его воины на быстрых конях догоняли в степи последних мордорцев и пригвождали их копьями к земле.

После этой кровавой работы рохирримы собрали своих убитых, насыпали над ними курган и спели похоронную песнь. Затем на громадном костре сожгли трупы орков и рассыпали их прах по полю сражения.

Так погибла лучшая банда Урук-Хай. Ни один свидетель не ушел, так что некому было нести плохие вести в Мордор и в Исенгард. Только дым от костра поднялся высоко в небо, где его могли увидеть многие внимательные глаза.

Глава четвертая. ДРЕВЕСНИК

Два хоббита шли на запад по берегу речки, все ближе к горам, все глубже в лес, настолько быстро, насколько позволяла густая чаща. Чем дальше они уходили от орков, тем скорее освобождались от страхов и тем медленнее двигались. В лесу было душно, будто воздух плохо проникал под деревья.

Наконец Мерри остановился.

— Не могу идти дальше, — сказал он. — Надо воздуха глотнуть.

— Давай хоть воды напьемся, — сказал Пин. — У меня в горле пересохло.

Он забрался на толстый корень, который опускался в ручей крутой петлей, зачерпнул сложенными ладонями немного воды и напился. Вода была чистая и холодная. Пин сделал несколько глотков. Мерри последовал его примеру. Вода их немного освежила и придала бодрости. Через минуту они уже оба сидели на берегу, опустив ноги в речку по колено и чувствуя, как отходит боль из ступней. Стали оглядываться — деревья окружали их молчащим полукольцом, бесконечные ряды стволов тянулись во все стороны и уходили в сизый полумрак.

— Надеюсь, ты еще не заблудился, проводник? — проговорил Пин, опираясь спиной о толстый ствол. — Во всяком случае, мы можем держаться у берега реки; ее здесь, кажется, называют Река Энтов? А потом вернемся туда, откуда пришли.

— Конечно. Если ноги нас нести захотят и воздуху хватит, — ответил Мерри.

— Да, очень тут темно и душно, — признался Пин. — Я почему-то вспомнил сейчас Большой Зал в наших Смайелах в Тукборо. В том зале из поколения в поколение никто ничего не менял, даже мебель не переставляли. Там, говорят, много лет жил сам Старый Тук, зал старел и ветшал с ним вместе, и после его смерти там никто ничего не трогал. Старый Геронтук был моим прапрадедом, стало быть, это уже история давно минувших дней. Он сто лет назад умер. А этому лесу, наверное, сто лет — вообще не срок. Посмотри на усы и бороды из мхов, какие они длинные и пышные! На большинстве деревьев сухие, изодранные листья, непонятно, почему они давным-давно не опали. Грязно тут. Трудно представить, какая в этом лесу бывает весна, если она вообще сюда приходит. Еще труднее представить себе весеннюю уборку в этой чаще...

— Но солнце все-таки должно сюда иногда заглядывать, — сказал Мерри. — Здесь совсем не так, как в Лихолесье, если ты помнишь рассказы дяди Бильбо. Тот лес — мрачный, черный, в нем гнездятся хмурые гадкие твари, а этот — только тенистый, древний и какой-то очень древесный. Вряд ли тут вообще живут звери. Они долго не выдержат.

— Хоббиты тут тоже не живут, — добавил Пин. — Вообще, мне не улыбается мысль о путешествии через этот лес. Мы тут, наверное, на протяжении ста миль ничего не найдем, что можно будет на зуб положить. Какие у нас запасы?

— Почти никаких, — ответил Мерри. — У нас с собой ничего не было, кроме нескольких лембасов. Все осталось у Великой Реки.

Друзья еще раз проверили остатки запасов, которыми их снабдили эльфы: огрызков могло хватить на пять очень постных дней.

— У нас нет ни одеял, ни теплых вещей, — добавил Мерри. — В какую бы сторону мы ни пошли, ночами будем мерзнуть.

— Но все-таки надо решить, в какую сторону пойдём, — сказал Пин. — Наверное, уже утро кончилось.

В этот самый момент они заметили в глубине леса золотистое пятнышко света, будто туда проник солнечный луч.

— Ого! — сказал Мерри. — Наверное, пока мы шли под деревьями, солнце спряталось за тучами, а сейчас вылезло или просто поднялось высоко и между листьев пробивается в лес. Идем погреемся, просвет, кажется, недалеко.

Оказалось, дальше, чем они думали. Почва круто пошла вверх и становилась каменистой. Света было все больше, наконец деревья расступились, и перед ними выросла каменная стена: то ли крутой склон горы, то ли отдельная скала, они не поняли. На камне деревья не росли, и солнце светило скале прямо в лоб. Последние деревья перед этой скалой будто сами протягивали к ней ветки, чтобы погреться, и стояли тихо и почтительно, а весь лес, который перед этим казался им таким серым и обтрепанным, здесь блестел сочной, словно полированной, серой и коричневой кожей стволов и веток. На пнях мягко отсвечивала бархатная зелень. Словно весна или мимолетный

привет от нее.

В скальной стене они увидели что-то вроде ступеней, по-видимому, вырубленных самой природой при помощи воды и ветра в старых камнях. Ступени были крупные, неровные и неудобные. Высоко наверху, примерно наравне с верхушками деревьев, на скале был неширокий гладкий карниз, по самому краю которого росло несколько пучков старой травы. Там еще торчал ствол дерева с двумя пригнутыми вниз ветками, странно похожий на старика с узловатыми руками, который стоит и жмурится в ярком солнечном свете.

— Пойдем наверх! — радостно предложил Мерри. — Мы там воздуху глотнем и попробуем осмотреться.

Друзья с трудом полезли по каменным ступеням, которые по величине явно не подходили для хоббитчих ног. Поглощенные подъемом, они старательно лезли по скале, даже не задавая себе вопроса, каким это удивительным образом у них так быстро позаживали раны и синяки, и откуда появилось столько сил. Наконец, оба оказались у края карниза, почти там, где стоял старый ствол. Кое-как вскарабкавшись на сам карниз, они встали во весь рост спиной к скале, глубоко вздохнули и посмотрели на восток. Убедились, что в лес они зашли всего на какие-нибудь три-четыре мили, не больше; перед ними верхушки деревьев шли вниз, до равнины, а на самом ее краю в небо поднимался толстый столб черного дыма, который ветер гнал в сторону Фангорна.

— Ветер меняется, — сказал Мерри. — Снова дует с востока. Здесь на горе холодно.

— Да, — отозвался Пин. — Боюсь, что хорошая погода снова кончится и станет пасмурно. А жаль! Этот старый лес совсем по-другому выглядит, когда светит солнце. Мне кажется, я уже начинаю его любить.

— Он начинает его любить! Ну и ну! Очень приятно слышать, — произнес сверху странный медленный голос. — Ну-ка, повернитесь, покажите ваши рожицы! Мне вот кажется, что я вас еще не полюбил, но не хочу судить слишком поспешно. Поворачивайтесь ох-хо!..

Огромные ладони с узловатыми пальцами легли на плечи хоббитов и мягко, но решительно повернули их на месте, потом две большие сильные руки подняли их в воздух.

И хоббиты увидели перед собой необычное, удивительное лицо, принадлежавшее не то человеку, не то троллю, громадному, локтей пятнадцать ростом, с продолговатой головой, сидевшей почти без шеи на крепком туловище. Трудно сказать, была ли на нем одежда из какой-то серовато-зеленой, похожей на древесную кору ткани, или то была его собственная кожа-кора. Руки от плеч были гладкими и темно-коричневыми. На ногах — по семь пальцев. Нижняя часть лица заросла густой косматой бородой. Борода была седая, волосы в ней были жесткими, как прутья, и волнистыми, а по краям пушились, как мох. Больше всего хоббитов поразили глаза великана, которые рассматривали их неспешно, серьезно и проникательно. Карие, с каким-то бронзовым оттенком, с прозеленью, они были глубокими, как колодцы. Пин потом не раз пытался описать, какое впечатление они на него сразу произвели, и вот что у него получилось:

«Я чувствовал, что за ними — бездонный колодец, полный извечных воспоминаний и длинных медленных мыслей: на поверхности искрилось отражение настоящего, как отблеск солнца на листьях громадного дерева или на глади очень глубокого озера, когда сверху слегка рябит вода. Я не могу правильно выразить всего, но мне казалось, что вдруг проснулось что-то, что вырастает из земли, что до сих пор спало и ощущало только себя от корней до прожилок на листьях между недрами земли и небом; проснулось и смотрит на меня с той же медленной сосредоточенностью, с которой с незапамятных лет занималось своими внутренними делами».

Но это потом, а пока...

— Ох-хо... — басовитым шепотом прогудел низкий трубный голос. — Странно, очень странно. Не хочу судить поспешно, это мне не свойственно. Если бы я вас только увидел, не слыша ваших голосов... Голоса ваши мне понравились, приятные у вас голосочки; что-то мне напоминают, не припомню, что... Так вот, если бы я вместо того, чтобы вас услышать, сначала увидел, то, наверное, затоптал бы, принял бы за орчат, а потом заметил бы ошибку. Станные вы создания. Очень странные корешки и веточки.

Ошеломленный Пин перестал бояться. Под взглядом этих глаз было интересно, но совсем не страшно.

— Пожалуйста, очень прошу, — сказал он, — скажи, кто ты и что здесь делаешь?

Странные глаза-колодцы погасли, прикрыв свои глубины чем-то прозрачно-невидимым, но непроницаемым.

— Охо-хо... — прогудел бас. — Я энт, так меня называют. Энт, вот кто я. Энт над энтами, как можно сказать по-вашему. Некоторые называют меня Фангорном. Еще зовут Древесник. Можете так меня называть: Древесник.

— Энт? — переспросил Мерри. — А что это означает? Как ты сам себя называешь? Какое у тебя настоящее имя?

— Гу-у!.. — ответил Древесник. — Ох-хо! Долго придется говорить. Не спешите. Это я должен задавать вопросы, а вам надо отвечать. Вы ко мне пришли. Кто вы такие? Я не могу причислить вас ни к одному племени. Нет вас в старом Длинном Списке, который я учил, когда был молод. Почему нет? Но то было давно, очень давно... Может быть, с тех пор составили новый Список. Подумаем, припомним... Как там?..

Запоминай, кто живет на свете. Сначала четыре свободных рода: Старше всех эльфы, они и мудрее; После них — гномы из подземелий; Энты, что вышли из недр, как горы; Смертные люди, что правят конями...

Гм-гм... дальше...

Строитель-бобер, козел винторогий, Медведь — разоритель пчелиных ульев, Пес вечно голодный, заяц трусливый...

Гм-гм... охо-хо...

Орел на скале и волы в долине, Олень благородный и быстрый сокол, Белейший лебедь, тончайшая змейка...

Охо-хо... гм... как там дальше? Та-та-рам, рам-та-та... рам-тара-рам-рам-там... Очень длинный Список. Вы ни в одно племя не входите.

— Непонятно почему, но нас всегда пропускают и в старых списках, и в старых легендах, — сказал Мерри. — Хотя мы на этой земле довольно давно живем. Хоббиты мы.

— Почему бы нас не дописать? — предложил Пин. — Вставить новый стих в старый Список: «Хоббиты, норные невысоклики...» Допиши нас после первых четырех племен, после Громадин, то есть людей, и все будет в порядке.

— Гм, неплохая мысль, в общем, неплохая, — сказал Древесник. — Это подойдет. Значит, вы живете в норах? Подходяще. А кто вас назвал хоббитами? По-моему, это не из языка эльфов. Все старые слова происходят от эльфов, ибо эльфы первые их выдумали.

— Никто нас не называл, мы сами хоббитами назвались, — сказал Пин.

— Ох-хо... Медленнее, не спешите. Сами назвались? Так нельзя сразу говорить каждому встречному. Если будете такими неосторожными, выдадите свои настоящие имена.

— А мы их не скрываем, — сказал Мерри. — Охотно представимся. Я — Брендибак, Мерриадок Брендибак, но все называют меня просто Мерри.

— А я — Тук, Перегрин Тук, но меня называют обычно Пипин или Пин.

— Гм-гм... видите, как вы спешите, — произнес Древесник. — Я, конечно, польщен вашим доверием, но нельзя так открываться незнакомым. Энты ведь тоже бывают разные. И другие творения есть, похожие на энтов, но совсем не энты. Разрешаете мне, — значит, буду вас называть Мерри и Пипином. Хорошие имена. Но своего настоящего имени я вам не скажу, во всяком случае, сейчас я его вам не открою. — Странный зеленый огонек блеснул в его глазах, которые он прищурил не то добродушно, не то шутливо. — Во-первых, это займет много времени, ибо оно, как и я, очень долго живет, оно выросло до размеров целой истории. На моем языке, на старинном языке энтов, настоящее имя всегда рассказывает историю того, кто его носит. Это прекраснейший язык, но надо иметь много времени, чтобы на нем беседовать, потому что мы на нем говорим только о том, о чем можно очень долго рассказывать и что стоит очень долго слушать.

— А сейчас, — сказал он и вонзил в них пронзительный взгляд вдруг посветлевших и ставших маленькими глаз, — что делается? Какое место вы занимаете в том, что делается? Я ведь вижу, слышу, носом чую, кожей чувствую много из этого... этого а-лалла лалла-румба-камба линд-ор-бурумэ... Простите, это только часть названия, которое можно приложить к этим делам на нашем языке. Понятия не имею, как это называется на других... Вы меня поняли? Это то, о чем я думаю, когда в погожее утро стою на солнце и смотрю на степь за лесом, на коней, на облака, на весь широкий мир. Что делается? Что задумал Гэндальф? А эти, бурарум... — в горле в него брезгливо захрипело, будто кто-то взял неверный аккорд на огромном органе, — эти орки и юный Саруман в своем каменном городе? Я люблю знать, что делается. Только говорите помедленнее.

— Делается очень многое, — ответил Мерри. — Даже если мы будем говорить быстро, эта история займет много времени. Надо ли так вот сразу говорить тебе все, что знаем? Ты же сам советуешь нам не спешить. Ты не обидишься, если мы сначала спросим, что ты собираешься с нами делать и на чьей ты стороне? Ты знаешь Гэндальфа?

— Да, знаю, знаю его; это единственный из всех магов, который на самом деле заботится о деревьях, — ответил Дровесник. — А вы его знаете?

— Знали, — грустно ответил Пин. — Он был нашим близким другом и проводником.

— Тогда отвечу на оставшийся вопрос, — сказал Дровесник. — Ничего не собираюсь с вами делать, во всяком случае, ничего без вашего согласия. Вместе мы сможем много сделать. На чьей я стороне? Я ни про какие стороны не знаю. Иду своей дорогой, может быть, на какое-то время ваша дорога совпадает с моей. Но почему вы говорите про уважаемого Гэндальфа так, будто он попал в историю, которая уже закончилась?

— Мы так говорим, потому что, хотя история еще продолжается, Гэндальф из нее выпал, — сказал Пин.

— Ох-хо... Хм... — загудел Дровесник. — Хм-хм... Ох-хо-хо... — Потом замолчал и некоторое время разглядывал хоббитов. — Гу-у... Сам не знаю, что сказать. Молчу.

— Если хочешь услышать об этом больше, — сказал Мерри, — мы тебе расскажем. Но история эта длинная. Поставь нас, пожалуйста, на землю! Мы бы могли где-нибудь сесть втроем, греться на солнышке и рассказывать. Ты, наверное, тоже устал держать нас в руках?

— Я устал?.. Уставать я не привык. И сесть не могу. Я не... как это сказать?.. Не гибкий. А солнце прячется. Давайте спустимся с... пойте, сейчас... как вы называете это место?

— С горы? — подсказал Пин.

— С карниза? Со стены по ступенькам? — предложил Мерри.

— С горы? — задумчиво повторил Дровесник. — Пусть будет с горы. Но вы слишком поспешно назвали то, что тут стоит с тех пор, как появилась эта часть мира. Ну, пусть по-вашему. Идемте.

— Куда? — спросил Мерри.

— Ко мне домой, в один из моих домов, — ответил Дровесник.

— Это далеко?

— Как знать? Для вас, может быть, далеко. Какое это имеет значение?

— Видишь ли, у нас все пропало, — ответил Мерри. — У нас на дорогу совсем еды не осталось.

— Ага... Ну, гм... об этом не беспокойтесь, — сказал Дровесник. — Я дам вам питье, от которого долго-долго будете расти и кудрявиться. А если решите со мной расстаться, я вас отнесу на границу моей земли туда, куда попросите. Идемте!

Ласково, но крепко держа хоббитов в руках, Дровесник поднял сначала одну ногу, поставил, потом другую, подвигаясь к краю карниза. Потом, цепляясь, как корнями, пальцами ног за камни, медленно и уверенно пошел по ступеням вниз.

Когда он оказался внизу между деревьями, то сразу зашагал большими размеренными шагами в глубь Леса, не отходя далеко от ручья и все время слегка поднимаясь в гору. Многие деревья, казалось, спали: они совершенно не обращали на него внимания, как, впрочем, ни на что другое, а некоторые вздрагивали или поднимали ветки у него над головой, когда он к ним приближался. Он же все время что-то бормотал, и из его горла лился поток мелодичных звуков.

Хоббиты сначала молчали. Неизвестно почему, они чувствовали себя спокойно и в безопасности, им было о чем думать и было чему удивляться. Пин первым отважился заговорить.

— Прости, пожалуйста, — произнес он. — Можно тебя спросить, Дровесник? Почему Келеборн предостерегал нас, говоря о Фангорне? Говорил, чтобы мы не ходили в твой лес, где можно заблудиться и пропасть.

— Хм... Так и говорил? — повторил Дровесник. — А если бы вы шли отсюда туда, я бы вас, наверное, предостерег, чтобы вы не заблудились в его краях. Бойтесь пропасть в лесах Лорелиндоренан! Так их раньше эльфы называли, хотя сейчас сократили название и говорят Лориэн. Может, и правильно,

может, те леса уже не растут, а увядают. Раньше, давным-давно, это была Долина Поющего Золота. Теперь — Цвет Мечты. Да-да... Те леса — таинственное место, где не всякий может бродить безнаказанно. Дивно, что вы вышли оттуда в целости, а еще удивительно, что вы смогли туда войти. Таинственные леса... Да, вот оно как. Народ пришел туда горевать. Да, да, печалиться. Лорелиндоренан линделорендор малинорнелион орнемалин... — с распевом негромко загудел он. — Они там совсем отгородились от мира, — сказал он, — но сейчас ни этот лес, ни тот, ни любой другой лес уже не такие, какими были, когда Келеборн был молод. Хотя — торелиломеа-тумбалеморна тумбалетореа ломеанор, — как раньше говорили эльфы. Мир изменился, но кое-кто остался верным.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Пин. — Кто остался верным?

— Деревья и энты, — ответил Древесник. — Я сам не все понимаю из того, что делается, так что не могу вам это объяснить. Некоторые из нас до сих пор остаются настоящими энтами и, — как бы это сказать? — в них много жизни; но многих клонит сон, и они начинают деревенеть... Много деревьев — просто деревья, но есть и наполовину пробужденные. А некоторые хорошо проснулись и становятся почти энтами. И эти перемены все время происходят. Верите, у некоторых деревьев бывает плохое сердце! Я не говорю о трухлявой сердцевине, нет. Это другое. Я знал несколько благородных старых ив над Рекой Энтов — увы! Их уже давно нет. Они сгнили до самой сердцевины, рассыпались в прах, но до конца оставались спокойными и нежными, как свежераспустившиеся листочки. А есть в долинах под горами деревья здоровые, крепкие, сильные и насквозь испорченные. Эта болезнь все шире расходится по лесам. Краины у нас всегда были опасными. И очень темные места до сих пор есть.

— Это как в Старом Лесу на севере? — спросил Мерри.

— Да, да, похоже немного, только здесь хуже. Там на севере осталась только тень от Великой Тьмы, и местами живут злые воспоминания. Здесь у нас есть глубокие ущелья, где Тьма залегла навеки, а там живы деревья старше меня. Но мы делаем все, что можем. Не пускаем чужаков и легкомысленных. Воспитываем, учим, делаем обходы и выпалываем сорняки. Собственно, мы, старые энты, — пастухи деревьев. Мало нас осталось. Говорят, что с годами овцы становятся похожими на пастухов, а пастухи на овец. Только перемена эта происходит медленно, а овцы и пастухи живут недолго. У деревьев и энтов подобие наступает быстрее, а живут они бок о бок веками. Энты во многом похожи на эльфов: они меньше, чем люди, занимаются собой, зато лучше понимают, что делается внутри у других. И на людей энты похожи, потому что они быстрее, чем эльфы, меняют внешние формы и краски. Может быть, мы лучше и тех, и других, потому что более постоянны. Если уж чем-нибудь занимаемся, то подолгу. Некоторые мои соплеменники стали почти совсем как деревья, и нелегко найти повод, чтобы сдвинуть их с места. Они и говорят только шепотом. А у некоторых моих деревьев ветки гибкие, как руки, и многие из них умеют и любят со мной разговаривать. Конечно, всему этому положили начало эльфы. Это они будили деревья, учили их своему языку и сами узнавали лесные наречия. Эльфы всегда пытались понять мир и заговаривали со всеми живущими в нем. Когда наступила Великая Тьма, эльфы уплыли за Море или бежали в дальние края, где скрывались в укромных уголках и где до сих пор поют песни о Незапамятных Временах, которые больше не вернуться. Никогда. Да-да, когда-то Лес тянулся до самых Синих Гор, а здесь был всего лишь его восточный край. Вольные были времена! Я мог тогда целыми днями бродить и петь и не слышать ничего, кроме эха своего голоса, отраженного горами. Наш Лес был похож на Лотлориэн, только он был моложе, пышнее, с буйной зеленью. А как тут пахло! Я иногда неделями ничего не делал, только дышал...

Древесник смолк. Он все шел вперед, на удивление бесшумно переставляя огромные ноги. Затем, он что-то зашептал себе под нос, потом шепот стал громче и напевнее, хоббиты стали прислушиваться и вдруг поняли, что лесной великан поет для них!

Под вербами в лугах Тасаринана бродил весной. Как пахла и цвела весна в Нантасарине! И я сказал, что это хорошо. Под вязами стоял в Оссирианде летом, О, свет и музыка, которую несли семь рек Оссира! Подумал я, что лучше не бывает. Под буки в Нельдорет пришел под осень, О, вздохи листьев золотых и красных в осенних Торнанельдорских полянах! То было больше, чем я мог желать. В горах Дорфониона встретил зиму. На Ороднатоне она белела снегом, Гудела в соснах вьюжными ветрами, — Я с ними вместе пел под чистым звонким небом. Сейчас все эти страны скрыло Море, А я брожу в земле отцов, Фангорне, По Амбарону, Тореморну, Алдалому, Где корни глубоко душа пустила, Где лет упало в память больше, чем осенних листьев в Тореморналоме...

Древесник закончил петь и шел дальше молча, а во всем большом лесу залегла такая тишина, что ни один листок не шелестел.

День угасал. Под деревья заползли тени. Наконец, хоббиты увидели перед собой крутой и темный горный склон — они находились у подножия гор, у зеленых корней остроконечного Муфадраса. Из родника под горой начиналась Река Энтов: молодой ручей с шумными всплесками тек по камням

навстречу путникам. Справа от ручья серел в вечернем свете пологий травянистый склон. Деревья на нем не росли, и ничто не заслоняло неба, по которому в чистых озерах синевы меж облаков уже плавали звезды.

Древесник пошел прямо в гору, не замедляя шага. Вдруг хоббиты увидели перед собой что-то вроде широких ворот. Два огромных дерева стояли по обе стороны, как живые столбы, а вместо дверей между ними были переплетены ветки. Когда старый энт подошел, ветки поднялись и раздвинулись, темные блестящие листья на них задрожали и зашелестели. По-видимому, эти листья не опадали вообще. За «воротами» открывалась широкая площадка, как пол большого зала, высеченного в склоне горы. «Стены» зала косо поднимались вверх, достигая в конце высоты локтей в пятьдесят, а вдоль каждой тянулся ряд деревьев, чем глубже, тем выше.

Противоположная воротам стена была гладкой, и в ней была выдолблена неглубокая выемка, над которой нависал карниз — единственная «крыша», если не считать переплетенных ветвей деревьев, прикрывавших зал с боков, так что посредине оставалась открытая дорожка. От горных источников отходил небольшой водопадик и мелкими жемчужными брызгами падал с карниза, образуя нечто вроде тонкой занавески у получившегося таким образом грота. Вода стекала в большую каменную чашу под деревьями, затем выливалась из нее в желобок вдоль центральной дорожки и бежала в начинающуюся речку, чтобы вместе с ней пробираться по лесу.

— Ох-хо-хо... Вот мы и пришли, — сказал Древесник. — Мы прошли примерно семьдесят тысяч шагов энта. Сколько это по вашим меркам, понятия не имею. Во всяком случае, мы подошли к корням Последней Горы. Часть названия этого места в переводе на ваш язык будет звучать как «Родниковый Грот». Я его люблю. Здесь будем ночевать.

Древесник опустил хоббитов в траву между боковыми деревьями, и они дальше пошли за ним в конец зала. Только теперь они увидели, что Древесник ходит, почти не сгибая колен, и при этом делает великанские шаги. Ступал он так, что сначала касался земли пальцами, — очень широкими и сильными, — а затем уже ставил на землю всю ступню.

Древесник минуту постоял под брызгами водопадика, глубоко вздохнул, охнул от удовольствия и вошел под карниз. Там стояла огромная каменная плита, как стол, но стульев не было. В углах затаилась темнота. Древесник поднял с земли две большие чаши и поставил на стол. В них, как показалось хоббитам, была чистая вода, но когда энт протянул над ними руки, жидкость начала искриться, в одной чаше золотистым, в другой — изумрудным светом, грот посветлел, будто солнце залило его сквозь весенние листья. Хоббиты оглянулись и увидели, что деревья снаружи тоже светились, сначала слабо, потом все ярче, пока каждый лист не оказался словно в светящемся ободке, горя своим огнем, — бледно-зеленым, золотистым, ярко-золотым, медно-красным, — а стволы стали похожи на бронзовые и малахитовые колонны.

— Ну вот, теперь можно и побеседовать, — сказал Древесник. — Но вы, наверное, притомились и пить хотите. Попробуйте нашего питья.

Он пошел в глубину грота, где, как оказалось, стояли высокие каменные жбаны, поднял тяжелую крышку одного из них, опустил туда большой черпак и наполнил три кубка — один громадный и два поменьше.

— Это дом энтов, — сказал он. — Ни кресел, ни лавок мы не делаем. Но вам можно сесть на стол.

Он поднял хоббитов и посадил их на каменную плиту, на высоте шести локтей над полом. Так они и сидели, болтая ногами в воздухе, и маленькими глотками отхлебывая из кубков. Напиток напоминал воду и на вкус был, как та вода, которую они пили в самом начале Леса прямо из реки, но в нем был еще какой-то привкус, хоббитам незнакомый, и запах, напоминающий ночной аромат цветущего леса, принесенный издали легким ветром, — описать его было невозможно.

Сначала они почувствовали, как из всего тела, начиная от пальцев ног, уходит усталость, как оно наливается силой и свежестью. Им даже показалось, что волосы их зашевелились, начали расти и крепче завиваться. Тем временем Древесник сполоснул ноги в круглом углублении между деревьями, а потом осушил свой кубок одним духом. Делал он это так медленно, что, казалось, кубок успел прирасти к губам.

— Ах-хха-а!.. — выдохнул он, отставив, наконец, пустой кубок, — теперь будет легче говорить. Садитесь пониже, а я лягу, чтобы питье не ударило мне в голову. Лежа я не засну.

Под правой стеной грота стояло огромное ложе на низких каменных ножках, всего на пару футов выше пола, застеленное сеном и папоротником. Древесник начал медленно и с трудом на него клониться, почти не сгибаясь, и вдруг лег, подложив руку под голову и уставив глаза под навес, по

которому, как солнечные зайчики, пробегали зеленые и желтые искры. Мерри и Пин пристроились рядом на сене, как на подушках.

— Ну, рассказывайте свою историю, только помедленнее, — сказал Древесник.

Хоббиты начали свой рассказ с того, как они вышли из Хоббитауна. Они старались рассказывать обо всем подробно, но не придерживались точной последовательности, потому что по очереди вставляли свои замечания, и Древесник часто просил их остановиться и вернуться к какому-нибудь событию или пропустить что-нибудь маловажное, чтобы понять общий ход дела, и вообще, говорить помедленнее. Но о Кольце они ничего не сказали, и не объяснили ни причины, ни цели своего похода. Древесник об этом не спрашивал.

Его живо интересовало все, что они говорили, а говорили они про Черных Всадников, про Элронда и Райвендел, Старый Лес и встречу с Бомбадилом, про Морийские копи и отдых в Лотлориэне у Галадриэли. Древесник снова и снова просил описать Хоббитшир и его окрестности. Один раз он прервал их и задал неожиданный вопрос:

— А в тех местах вы нигде не встречали — гм-гм... энтов? Я хотел сказать, жен энтов?

— Жен энтов? — спросил удивленно Пин. — А на что они похожи? На тебя?

— Ох-ххо... Не очень... Но я и сам теперь не знаю, — задумчиво ответил Древесник. — Мне пришло в голову, что, может быть, они там, потому что ваши края им, наверное, понравились бы.

Он очень подробно расспрашивал обо всем, что касалось Гэндальфа, и о делах Сарумана. Хоббиты пожалели, что очень мало об этом знали, только то, что Сэм слышал на Совете у Элронда и через пятое на десятое им рассказал. И еще обратили внимание на то, что Углук с отрядом шел из Исенгарда и говорил о Сарумане как о своем хозяине.

— Ах-ха... — пробормотал Древесник, когда рассказ хоббитов сделал петлю и вернулся к битве банды орков с роханскими всадниками. — Ну-ну. Немало новостей вы принесли. А еще не все рассказываете, нет, вы о многом умолчали. Но я не удивляюсь, вы поступаете так, как посоветовал бы Гэндальф. И я вижу, что в мире происходят большие события, а что именно происходит, в свой час узнаю. Этот час, добрый или злой, для меня наступит. Удивительно, корешки и веточки! Дивно! Вдруг откуда-то вылез народец, о котором нет ни слова в старых списках, и вот снова выходят на свет Девятеро Забытых и охотятся на них, Гэндальф берет их в великий поход, Галадриэль принимает их, как гостей в Карс Галадоне, и орки гонятся за ними по всему Глухоманью. Захватила их в свой вихрь большая буря. Будем надеяться, что они ее выдержат.

— А что будет с тобой? — спросил Мерри.

— Ох-хо-хо... Меня пока великие войны не касаются, Это дела эльфов и людей. И еще магов, они всегда пекутся о будущем. Я не люблю думать о будущем. Я не стою ни на чьей стороне, потому что никто не стоит на моей; понятно, о чем я хочу сказать? Никто уж так не заботится о лесе, как я, даже нынешние эльфы. Но к эльфам я отношусь дружелюбнее, чем ко всем остальным племенам. Ведь это эльфы в Незапамятные Времена вывели нас из немоты, а речь — великий дар, и этого я не забуду, хоть наши дороги потом разошлись. Есть на свете твари, с которыми я никогда не примирюсь и не подружусь, и уж на чьей стороне никогда не буду. Это эти... бурарум... — Древесник забормотал брезгливым басом. — Орки и их хозяева. Я встревожился, когда Тень пала на Лихолесье; но когда она отступила в Мордор, какое-то время жил спокойно: Мордор отсюда далеко. Сейчас же мне кажется, что ветер дует с востока, и кто знает, может, близок конец всех лесов! Старый энт не может остановить бурю. Я должен ее встретить грудью и выдержать или погибнуть. Но еще есть Саруман! А Саруман — наш сосед. Этого забывать нельзя. Надо что-то делать с Саруманом. Вот я и думаю, что делать с Саруманом. В последнее время я часто об этом думаю.

— Кто такой Саруман? — спросил Пин. — Ты знаешь его историю?

— Саруман маг, — ответил Древесник. — Больше я ничего не могу вам про него рассказать. Я не знаю истории магов. Они впервые появились, когда из-за Моря приплыли Большие Корабли, но прибыли они на этих кораблях или еще откуда-то пришли, мне неизвестно. Как я слышал, Саруман пользовался среди них большим почетом. Но с какого-то времени, по вашему отсчету, наверное, с очень давнего, перестал странствовать и перестал пещься о делах эльфов и людей. Осел в Каменном Городе, Исенгарде, как его называют здешние коневоды. Сначала он сидел тихо, а слава о нем шла по свету. Его выбрали главой Белого Совета, только ничего хорошего из этого не получилось. Может быть, он давно замыслил темные дела? Соседям он не мешал. Я не раз с ним разговаривал. Было время, когда он часто ходил по моему Лесу. Всегда учтиво просил разрешения войти, если меня встречал. Внимательно слушал рассказы о том, о чем сам никогда бы не узнал. Сам искренним и открытым не был, нет! Я ни разу не слышал, чтобы он о чем-нибудь рассказывал. Со временем он стал совсем нелюдимым. Я помню его лицо, хотя уже много лет его не видел. Оно как окно в каменной стене, закрытое ставнями изнутри. Мне кажется, теперь я понимаю, чего хочет

Саруман. Он пытается стать Всесильным. Он занимается металлами и колесами, о живых существах совсем не беспокоится, только использует их время от времени. Сейчас уже ясно как день, что он — черный изменник. Сдружился с самым подлым племенем — с орками. Бр-р... Гм... еще хуже: он сумел с ними что-то сделать, они стали похожи на людей, только очень мерзких. Все зловерные твари, которые служат Великой Тьме и ее черным силам, рано или поздно перестают выносить солнце. Так их можно узнать. А орки Сарумана терпят солнце, хотя и не любят. Как ему это удалось? Может, исенгардцы — люди, закланием уподобленные оркам? Может быть, он смешал орков с людьми? Тогда страшна подлость Сарумана!

Древесник долго бормотал одними губами что-то, что показалось хоббитам проклятием на языке энтов.

— Я давно дивился, как смело ходят орки через мой Лес, — продолжал старый энт. — Теперь я понял, что это дела Сарумана, который за много лет изучил тропы и добрался до моих тайн. Этот негодяй и его слуги портят Лес. Рубят деревья по краям, хорошие, здоровые деревья. Оставляют поваленные стволы гнить на месте, просто из подлости. Или забирают с собой, потом жгут в Ортханке. Над Исенгардом теперь всегда столб дыма. Будь он проклят от сучков до корней! Многие из этих деревьев были моими друзьями, я их знал с орешка, с семечка. У них были свои голоса, которые теперь молчат. Вырубки зарастают колючками, и пни торчат там, где были поющие рощи. Я долго не вмешивался. Допускал зло. Пора положить ему конец.

Древесник встал и тяжелой рукой ударил по столу. Чаши со светом задрожали, из них вырвались столбики огня. Зеленые искры сверкали в глазах великана, а борода взъерошилась как метла.

— Положить конец, — еще раз сказал он сердитым басом. — Вы пойдете со мной. Вы мне поможете. И своим друзьям поможете, потому что если никто не сдержит Сарумана, у Рохана и Гондора враги будут и спереди и сзади. Наши дороги пошли в одну сторону — на Исенгард.

— Мы пойдем с тобой, — сказал Мерри, — и сделаем все, что сможем.

— Да! — воскликнул Пин. — Я бы хотел увидеть, как отрубят Белую Руку. Хотел бы хоть присутствовать при этом, даже если помочь ничем не смогу. Никогда мне не забыть Углука и дороги через степь!

— Хорошо, хорошо, ладно, — сказал Древесник. — Только не спешите. Надо все делать обдуманно. А то и я разгорячился, говорил поспешно. Надо остыть и поразмыслить. Сказать «стой» всегда легче, чем остановиться.

Он поспешно пошел к выходу и встал под водопадом. Постояв так немного, засмеялся и отряхнулся, а капли с его бороды разлетелись во все стороны красными и зелеными искрами. Потом великан снова лег на свое ложе и замолчал.

Через некоторое время хоббиты опять услышали его шепот. Им показалось, что он считает на пальцах.

— Фангорн, Финглас, Фладриф. Да-да, беда, что нас так мало осталось, — вздохнул он и снова обратился к хоббитам. — Всего трое из первых энтов, которые ходили по лесам до Великой Тьмы. Это я, Фангорн, и еще Финглас и Фладриф, такие у них эльфийские имена. На вашем языке их, наверное, звали бы Листвяник и Тонкокор. Трое нас, но Листвяник с Тонкокором для такой работы не подходят. Листвяник так разоспался в последнее время, что почти одеревенел. Все лето простоял полусонный в траве по колено. Весь зарос листьями. Раньше на зиму просыпался, а теперь, наверное, и зимой далеко не уйдет. Тонкокор жил на горных склонах, ближе к Исенгарду. Там было больше всего порубок. Он сам был тяжело ранен орчьими топорами, а многие его родичи и подданные, деревья и их пастухи, были порублены и сожжены. Тонкокор поднялся в горы, спрятался в березняке (он любит березы) и не хочет оттуда спускаться. Я попробую собрать дружину из родичей помоложе. Если, конечно, смогу их сдвинуть, а то наш род очень медлительный. Жаль, жаль, что нас мало.

— Почему же вас так мало, если вы населяете этот край с Незапамятных Времен? — спросил Пин. — Вас много умерло?

— Ох-хо, нет! — ответил Древесник. — Сам по себе никто не умер. Некоторые погибли от несчастного случая — ведь времени прошло очень много! Многие одеревенели. Нас никогда не было много, и наше племя не растет. Нет потомства, нет энтят, много веков никто не рождается. Надо вам объяснить: мы потеряли жен.

— Это же большое горе! — посочувствовал Пин. — Они все умерли?

— Умереть не умерли, — ответил Древесник. — Я не говорил, что они умерли. Я сказал, что мы их потеряли. Наши жены пропали, и мы нигде не можем их найти. — Великан вздохнул. — Я думал, что все другие племена об этом знают. Эльфы и люди от Лихолесья до Гондора пели песни про

энтов, которые ищут пропавших жен. Неужели они успели их забыть?

— Увы, мы про это ничего не слышали. Наверное, к нам на запад в Хоббитшир эти песни не дошли, — сочувственно сказал Мерри. — Расскажи нам или спой!

— Охотно, охотно, — сказал Древесник явно обрадовано. — Но я не могу рассказать со всеми подробностями, только в общих чертах. Надо кончать беседу, потому что завтра придется идти на Сход и делать большую работу, и кто знает, — может быть, сразу выступить в путь...

— Ну так вот. Дивная эта история и очень грустная, — Древесник опять минуту молчал. — В давние-давние времена, когда мир был молод, а леса — раскидистые и дикие, энты жили в них и бродили по земле вместе со своими женами. Были у энтов и девы.

Ах, какой красавицей была Фимбретиль, по-вашему ее бы звали Веточка... Какая она была легконогая, когда мы были молоды... Но сердца и мысли наши росли по-разному. Энты думали обо всем, что видели в мире, а жены — о том, чем владели. Энты любили большие деревья, дикие чащи, склоны высоких гор; пили воду из горных потоков, ели только то, что деревья сбрасывали им под ноги на лесные тропы, а когда эльфы научили нас говорить, говорили с деревьями. Жены энтов больше любили ровные полянки и солнечные луга, гуляли по краям лесов, собирали ежевику в кустах, весной рвали цвет диких яблонь и вишен, летом плели венки из душистых цветов над ручьями, осенью — из колосьев, роняющих семена. Они с ними не разговаривали, они хотели только, чтобы их слушались и выполняли их волю. Жены энтов приказывали растениям расти там, где они их сажали, носить листья, которые им нравятся, и давать плоды по заказу. Они любили порядок, изобилие и покой. По их словам, это означало, что все вещи должны оставаться там, где они им найдут место. Жены завели сады и огороды и жили в них. А мы, энты, продолжали бродить по лесам и только иногда возвращались в сады.

Потом, когда Великая Тьма накрыла страны севера, жены энтов переправились через Великую Реку и заложили на другом ее берегу новые сады и огороды, возделали новые поля. Мы все реже с ними встречались. Когда Тьма отступила, буйно расцвела земля наших жен, пышно зашумели на ней поля. Люди учились у жен энтов их искусству, уважали и почитали их, а о нас, наверное, даже не знали. Мы стали легендой, частью тайны, скрытой в сердце Леса. Но мы живем до сих пор, а сады наших жен стали черным паром, потом заросли травами. Люди теперь называют их Бурными равнинами.

Помню, много лет назад — во время войны Саурана с людьми с Моря — меня охватило желание увидеть Фимбретиль. Когда я видел ее последний раз, она мне показалась очень красивой, хотя уже непохожей на энтийскую деву Незапамятных Времен. От тяжелой работы она ссутулилась, как и ее подруги, кожа у нее огрубела и потемнела, волосы выгорели на солнце и приобрели цвет спелой пшеницы, а щеки стали красными, как яблоки. Только глаза остались нашими... Так вот, переправились мы через Андуин и пошли к нашим женам. И увидели пустыни, пожарища и голую землю, по которой прошла война. Наших жен и там не было. Долго мы их искали, долго звали. Каждого встречного спрашивали, куда они ушли. Одни говорили, что не видели, другие показывали на восток, третьи — на запад, четвертые — на юг. Искали мы напрасно.

Велико было наше горе, но Лес нас призывал, — и мы вернулись в Лес. За многие годы мы не раз выходили из леса, снова искали, снова спрашивали, заходили очень далеко в разные стороны, называли встречным красивые имена пропавших. Проходило время, все реже выбирались мы из Леса, а если выбирались, то уже не далеко. О женах у нас остались только воспоминания; наши длинные бороды поседели. Эльфы сложили много песен об энтах, разыскивающих своих жен, и некоторые из этих песен на своем языке пели люди. У нас таких песен нет. Когда мы думаем о своих женах, мы просто поем их красивые имена. Мы верим, что когда-нибудь снова с ними встретимся, может быть, даже найдем такой край, где сможем жить вместе, где будет хорошо и нам, и им.

Но по древнему предсказанию, это произойдет, когда мы с ними утратим все, что всегда было нашим. Кто знает, может быть, это время уже близко. Саурон давно опустошил сады наших жен, а сейчас Враг грозит уничтожить леса. Эльфы сложили одну песню именно об этом, если я правильно ее понял. Ее поют на берегах Великой Реки. Но эта песня никогда не была песней энтов. На нашем языке она была бы во много раз длиннее. Мы ее знаем, и иногда поем, если вспоминаем. На вашем языке она прозвучит примерно так:

Энт:Когда весной распускается листИ сок по буковым веткам течет,Лесной поток срывается внизИ, по камням сбегая, поет,Когда я иду, удлиняя шаг,Веет ветер, нас друг к другу маня, —Вернись ко мне и скажи мне, какПрекрасна моя земля!Жена Энта:Когда весна приходит в поля,Осыпая цветами, как снегом, сады,Когда радуется семенам земляИ дождь облегчает ее труды,Когда все ароматом и солнцем полно,Когда ручьи огороды поят,Я останусь здесь, потому что всегоПрекрасней земля моя!Энт:Когда лето жаром охватит поляИ полдень в лесной тени,Под древесным навесом приляг у ручьяИ на мягкой траве отдохни.Ночью листья закроют лунный свет,Убаюкает соловей....Вернись ко мне и скажи, что нетЗемли прекрасней моей!Жена Энта:Когда

лето жаром румянит плодыИ наливает колосья,Нам спелые фрукты дарят сады,И мы их в амбары сносим.Тугие яблоки, сладкий мед,Золотой урожай полей...Я останусь здесь, потому что нетЗемли прекрасней моей!Энт:Когда придут зима и мороз,Сразят холмы и леса,Когда ветки застонут в ночи без звездНа разные голоса,Когда с востока примется дуть.Ветер холодный и злой,Я тебя разыщу, позову тебя в путь,Я снова встречу с тобой!Жена Энта:Когда зима с морозом придетИ песни уже не звучат,На землю холодная тьма упадет,Сучья голые застучат,Тебя я высматривать буду и ждать,Пока не встретимся мы,Чтобы вместе пойти дорогу искатьПод злыми дождями зимы.Оба вместе:Мы вместе дорогой дорог пойдемНа запад, в чужие края,И счастливую землю там найдем,Чтобы стала твоя и моя!

Древесник кончил петь и ненадолго замолчал.

— Вот так ее поют, — сказал он чуть погодя. — Конечно, песня эльфийская, быстрая, легкомысленная и сразу кончается. Но песня честная. Энты, конечно, больше бы сказали, если бы времени хватило. Ну, а сейчас мне пора постоять, поспать немного. Вы где встанете?

— Мы ведь лежя спим, — сказал Мерри. — Мы останемся тут, где есть.

— Лежа спите? — удивился Древесник. — Ах-ха, да-да, конечно. Забыл я, хм. Песня унесла меня в Незапамятные Времена, мне чуть не показалось, что я говорю с энтятами. Ну ладно, ладно. Ложитесь. Я постою под дождиком. Спокойной ночи.

Мерри и Пин разлеглись на сене и укрылись мягким папоротником. Постель была свежая, душистая и теплая. Свет потускнел, деревья перестали светиться и искриться. У входа в грот хоббиты видели силуэт старого Древесника; он стоял прямо, подняв руки над головой. На небо вышли яркие звезды, в их свете капли воды казались серебристыми жемчужинами, которые сыпались Древеснику на руки и бороду, весело прыгали у ног. Убаюканные шелестом водяных брызг, хоббиты заснули.

Когда они проснулись, прохладное солнце уже освещало поляну и заглядывало в грот. Холодный ветер с востока гнал по небу лохмотья облаков. Древесника не было, и только когда Мерри с Пипином уже умывались в углублении перед гротом, они услышали его воркочущую песенку, а вскоре и он сам появился на дорожке между деревьями.

— Ах-ха! Хо-о! Доброе утро, Мерри, день добрый, Пипин! — приветствовал он хоббитов. — Долго вы спите! Я тем временем успел пройти много сотен шагов. Сейчас попьем, а потом пойдем на Сход.

Он наполнил для хоббитов два кубка, черпая из каменного жбана, на этот раз из другого. Вкус питья тоже был другим, оно пахло орехами и казалось сытным, как еда. Когда хоббиты, сидя на краю ложа, выпили и закусили крошками лембасов — скорее по привычке, потому что есть им не хотелось, — Древесник уже пел-гудел новую песню энтов, а может быть, эльфов, на непонятном языке и поглядывал на небо.

— А где этот Сход? — набравшись храбрости, спросил Пин.

— Что? Сход? — обернулся к нему Древесник. — Да нет, Сход — это не место, а собрание энтов, хотя сейчас такие собрания очень редки. Но я многих обошел, и почти все обещали явиться. Встретимся мы там, где всегда собирались, в Заколдованном Овраге, как его прозвали люди. Пойдем отсюда на юг; на месте надо быть, когда солнце дойдет до половины неба.

Вскоре они отправились в путь. Древесник, как и вчера, взял хоббитов на руки. От ворот Родникового Грота он сразу повернул вправо, перешагнул через ручей и зашагал на юг, вдоль подножия крутых неровных склонов, поросших редкими деревьями. Повыше на них виднелись растущие группами березы и рябины, а совсем сверху цеплялись за камни сосны. Через некоторое время Древесник завернул в густой лес — столько недосыгаемо высоких и раскидистых деревьев в одном месте хоббиты, пожалуй, даже в Лориэне не видели.

Когда они вошли под сень этих гигантов, их сразу охватила духота, как тогда, когда они впервые вступили в Фангорнский Лес, но в этот раз она быстро прошла. Древесник ничего им не говорил. Он почти все время бормотал себе под нос что-то вроде «Бум-бум, рум-бум, бур-бур-бум, дарар-рум-бум...» и так далее, все время одно и то же, только меняя ритм и тон. Время от времени им казалось, что они слышат из глубины леса ответное бормотание, какие-то вибрирующие звуки, доносящиеся не то из-под земли, не то из густых крон над головами, а может, из стволов. Древесник не останавливался и не оглядывался, даже головы не повернул ни разу.

Он шел так довольно долго. Пин пробовал было считать шаги энта, но дойдя до трех тысяч, сбился. Наконец энт вдруг остановился, опустил хоббитов в траву, поднес к губам сложенные ладони, и

зазвучал странный призыв: «Гу-у, гу-у... гу-у...» — как басистый звук большого рога. Призыв разнесся по лесу, эхом рассыпался между деревьями, и тут же со всех сторон на разные голоса зазвучали ответные отклики.

Тогда Древесник посадил хоббитов на плечи и пошел дальше, но теперь уже то и дело приостанавливаясь и посылая то в одну, то в другую сторону гудящий призыв. При каждом его шаге ответные голоса звучали ближе. Наконец великан остановился перед плотной и, казалось, непроницаемой стеной зелени. Таких деревьев хоббиты тоже никогда не видели: они, по-видимому, были вечнозелеными, начинали ветвиться от самых корней, а листьев на них было столько, что они торчали, крепко прижатые друг к другу. В темной блестящей зелени выделялись свечки соцветий с крупными оливковыми бутонами.

Древесник сделал несколько шагов влево вдоль гигантской изгороди. Там в ней был просвет. К нему вела утоптанная тропа, круто спускающаяся затем по ступенчатому косогору. Хоббиты обнаружили, что Древесник несет их на дно большого оврага, вернее, круглой котловины, очень широкой и глубокой, окруженной темно-зеленой живой изгородью с торчащими листьями. На дне котловины была нежная трава, а посередине росли три березы, красивые и высокие, с серебристыми стволами. Тропа, по которой они шли, была не единственной: в котловину вели еще две: одна с востока, другая с запада.

На месте Схода уже было несколько энтов, и по трем дорожкам продолжали подходить все новые и новые. Теперь хоббиты могли их разглядывать вблизи. Они думали, что увидят толпу двойников Древесника, похожих друг на друга, как хоббит на хоббита, — во всяком случае, в глазах чужестранца, — и необычайно удивились, что все оказалось совсем по-другому. Энты отличались друг от друга, как деревья: некоторые были довольно похожи, как деревья одной породы, только росшие в разных местах и пережившие разные судьбы; другие были совсем разных пород и отличались, как, например, береза от бука или дуб от елочки. Несколько седобородых энтов напоминали очень старые деревья, но еще крепкие, и было видно, что они все же моложе Древесника. Самые молодые были высокими, сильными, с гладкой корой-кожей, и явно взрослыми. Не то что энтят, даже юных энтов хоббиты так и не увидели.

Когда они с Древесником пришли сюда, энтов в зеленом овраге было уже не меньше двух десятков, и еще столько же спускалось по трем дорожкам.

В первую минуту Мерри и Пина ошеломила разнородность лесного племени, разные цвета кожи, несходство силуэтов, всевозможные формы и пропорции, разнообразие роста, толщины, числа пальцев на руках и на ногах (от трех до девяти). На Древесника были похожи не многие. Они напоминали буки или дубы. Были энты, похожие на каштаны, — бурые, на коротких толстых ногах, с широко растопыренными пальцами; были похожие на ясени, — высокие, с сединой, с множеством пальцев на руках и на длинных ногах; были высоченные с небольшой головой, как елки; были похожие на березы, на рябины, на липы...

Но когда все энты собрались вокруг Древесника и, слегка наклонив головы, зашептались спокойными гудящими голосами, внимательно вглядываясь в двух странных маленьких незнакомцев, хоббиты заметили, что все они имеют какое-то внутреннее родственное сходство, глаза у них были похожие — правда, не такие глубокие и мудрые, как у Древесника, но тоже задумчивые, внимательные и с зеленоватыми искрами.

Как только на дне оврага получился широкий круг, началась странная, непонятная хоббитам беседа. Все энты начинали очень тихо: кто-нибудь один подавал голос, будто бы про себя, потом начинал говорить чуть громче, так что его слышали остальные, кто-то вторил, остальные постепенно присоединялись, сливаясь в хор, чей медленный речитатив-распев то взвивался высокими нотами, то стихал, то явственнее звучал в одной стороне, то в другой, то опять там, где начали.

Пин не мог ни понять речь, ни даже различить отдельных слов, он только догадывался, что говорят на языке энтов, который сначала показался ему приятным, но вскоре стал восприниматься как монотонный шум, и хоббит отвлекся. Время шло, разговор-песня тянулся бесконечно, и Пин начал подозревать, что энты на своем медленном наречии, наверное, еще только приветствуют друг друга, а к делам не приступали. Потом ему пришло в голову, что если Древесник захочет сделать переключку, то ему придется одни имена произносить несколько дней. «Интересно, как на их языке звучит «Да» и «Нет», — подумал невысоклик и зевнул.

Древесник это тут же заметил.

— Ох-хо, Пипин, дружок, — сказал он, а энты тут же прекратили петь. — Я забыл, что вы очень расторопный народец. Да и любому надоест слушать речи, ничего в них не понимая. Можете пойти погулять. Я назвал энтам ваши имена, они на вас посмотрели, убедились, что вы не орки, и согласились, что в Список Живущих надо добавить новую строчку. Дальше мы пока не продвинулись, но и то хорошо, сегодня Сход энтов очень быстро проходит. Если хотите, пройдите

по оврагу. Найдите источник на северном откосе, там вода чистая, попейте, освежитесь. Нам надо еще прослушать пару вступительных слов, потом приступим к делу. В конце я вас разыщу и расскажу, что решили.

Великан опустил хоббитов на землю. Прежде чем отойти, Мерри и Пин низко поклонились собранию. Это очень понравилось энтам, насколько можно было судить по веселому гудению и яркому блеску глаз. Но больше они ничего себе не позволили; Сход продолжался.

Хоббиты поднялись по западной тропе к живой изгороди и выглянули наружу. Перед ними поднимался заросший деревьями склон, а вдали, намного выше последних темных елей и острых скал, белоснежной иглой вонзался в небо крайний пик хребта Мглистых Гор. На юге хоббиты видели только море деревьев, медленными волнами плывущее за низкий горизонт. Совсем далеко в туманной дали зелень светлела, и Мерри предположил, что, может быть, это кончается лес и начинаются степи Рохана.

— Интересно, где Исенгард? — спросил Пин.

— Я точно не знаю, где мы сейчас находимся, — ответил Мерри. — Это пик, наверное, — Муфадрас, а тогда, если мне память не изменяет, как раз где-то за ним, с той стороны, от него вилкой отходят два отрога и полукольцом охватывают крепость. Отсюда, конечно, не видно. Тебе не кажется, что вон там слева за вершиной плывет что-то вроде пара или дыма?

— А какой он, Исенгард? — опять спросил Пин. — Ты веришь, что энты сумеют вообще что-нибудь с ним сделать?

— Понятия не имею и сам удивляюсь, — сказал Мерри. — Этот Исенгард, насколько мне известно, выстроен на ровном месте в кольце горных отрогов, а посередине стоит скала или башня, как скала, она называется Ортханк и в ней живет Саруман. В кольце есть ворота или пролом, через который течет река. Она начинается от источника в горах и идет куда-то в сторону Роханского Прохода. Не могу представить, как энты со всем этим справятся. Но в энтах что-то есть, какая-то тайна. Иногда мне кажется, что они совсем не такие спокойные и терпеливые, как можно подумать. Они вроде медлительные и немного потешные и одновременно грустные, что ли; но я верю, что их можно расшевелить. А если они сдвинутся с места, я бы не хотел оказаться среди их врагов.

— Да, — согласился Пин. — Я тебя понял. Разница, наверное, такая же, как между старой коровой, которая задумчиво жует жвачку на лужайке, и разъяренным быком. И такое превращение может произойти во мгновение ока. Интересно, сумеет ли Древесник расшевелить их. Он наверняка задумал это. Но они неохотно возбуждаются. Вот вчера Древесник сам рассердился вечером, но сразу как-то одеревенел.

Хоббиты походили-походили и вернулись в котловину. Голоса энтов по-прежнему не то гудели, не то шептали, то громче, то тише. Сход продолжался. Солнце стояло высоко над живой изгородью и освещало верхушки трех берез, заливая северный откос прохладным золотистым светом. Там в траве хоббиты увидели блестящую искорку. Они пошли к ней по краю откоса под самой изгородью — так приятно было чувствовать ступнями шелковистую траву — и скоро оказались у небольшого ключика, в котором вода была чистой, холодной и освежающей. Напившись, друзья присели на замшелый камень и стали смотреть, как тени от облаков бегут по траве в котловине. Энты продолжали совещаться. Весь этот Сход, даже весь этот Лес вдруг показался хоббитам чужим, непонятным, ни на что не похожим и очень далеким от их мира. Их охватила острая тоска по друзьям и их голосам; особенно они хотели бы увидеть и услышать Сэма, Фродо и Бродяжника.

Наконец энты замолчали. Хоббиты подняли головы и увидели Древесника, который направлялся к ним с каким-то другим энтом.

— Ах-ха... Вот и я, — сказал Древесник. — Заскучали. Ждать надоело, хм, ага? Еще немного потерпите. Первая часть собрания закончилась. Сейчас начнется самый важный совет. Надо подробно все объяснить тем, кто живет далеко отсюда и далеко от Исенгарда, а также тем, кого я не смог сам обойти сегодня утром, перед Сходом. Потом решим. Что поделаешь, энты — народ медлительный. Решать быстрее, чем обсуждать. Однако обсуждать тоже надо. Не скрою, совет продлится еще долго. Может быть, не один день. Я вам привел товарища. Зовут Брегалад. Это по-эльфийски. Он близко живет. Говорит, что все решил и может уйти с обсуждения. Гм-гм... Он довольно расторопен для энта. Вы с ним договоритесь. Будьте здоровы.

Древесник повернулся и отошел.

Брегалад несколько минут стоял молча, разглядывая хоббитов, а хоббиты, в свою очередь, разглядывали его, ожидая, когда же он проявит свою «расторопность». Роста он был довольно высокого, казался еще молодым, кожа на руках и ногах у него была гладкая, губы яркие, а волосы серо-зеленые. Он гнул и покачивался, как стройное дерево на ветру. Наконец заговорил. Голос у него был звучный и не такой басовитый, как у Древесника.

— Ага. Давайте погуляем по Лесу? — предложил он. — Меня зовут Брегалад, на вашем языке «Шустряк». Это, конечно, только прозвище. Меня им наградили, когда я однажды ответил «Да!», не дослушав до конца вопрос старшего энта. Я и пью быстрее, чем мои сородичи. Они еще мочат бороды в кубках, а я уже свой ставлю и ухожу. Идемте со мной!

Он протянул хоббитам гибкие руки, и они, взявшись за его длинные пальцы, целый день ходили по Лесу, пели и смеялись, потому что Шустряк любил смеяться. Он смеялся, когда солнце выглядывало из-за облаков, смеялся, когда по дороге попадался ручей или источник, — каждый раз нагибался и с хохотом обливал водой голову и ноги; улыбался, слыша шепот и шум деревьев. Когда им встречались рябины, он останавливался, разводил руки в стороны и начинал петь, слегка при этом покачиваясь.

К вечеру он привел хоббитов к себе домой. Правда, это был всего лишь огромный плоский замшелый валун в траве на зеленом склоне. Вокруг него кольцом росли рябины и журчала вода (как в любом жилище энта); на этот раз был ручей, сбегавший по склону. Они долго беседовали, пока совсем не стемнело. Овраг был недалеко, из него доносились голоса энтов, звучали они живее, чем утром. Иногда один голос выбивался из общего хора на высокой ноте и звенел почти пронзительно. Тогда остальные затихали. А рядом был Брегалад и говорил с хоббитами ласковым шепотом на их языке.

Он рассказал, что принадлежит к роду Тонкокора, и что местность, где он раньше жил, была разорена и вырублена. Им сразу стало понятно, почему Шустряк такой «расторопный», когда речь идет об орках.

— В моем доме росли рябины, — тихо и грустно шептал Брегалад. — Эти деревья пустили корни, когда я был эntenком, много-много лет назад, в тихие дни мира. Самые старые были там посажены энтами для своих жен, только те рассмеялись и сказали, что знают место, где цветы лучше и плоды вкуснее. Но для меня во всем племени роз нет деревьев красивее, чем рябины. Они росли так пышно, что под каждой был зеленый дом, а осенью ветки сгибались от красных ягод, и это было прекрасно и удивительно. К ним прилетали птицы. Я люблю птиц, даже шумливых, а у рябин хватало плодов на всех. Только птицы потом стали жадными и вредными, они ощипывали ветки, сбрасывали ягоды на землю, не ели, а хулиганили. Потом пришли орки с топорами и срубили мои деревья. Я звал их по именам, они лежали мертвые, ни один листик не шевелился, они меня не слышали.

Орофарна, Ласмиста, Карнимра! Рябина моя красивая, с белоцветущими ветками, Рябина моя зеленая, с нежно-прохладным голосом, Чьи легкие листья, как волосы, светились под солнцем летним, А осенью обгаренные, горели злато-алой короной!..... Рябина моя погибшая, с посережшими ветками. Корона твоя рассыпалась, твой голос умолк навеки. Орофарна, Ласмиста, Карнимра!

Хоббитов сморил сон, и, засыпая, они еще слышали, как пел Брегалад, оплакивая на разных языках смерть деревьев, которые он любил.

Следующий день они тоже провели с Шустряком, но уже не уходили далеко от его дома. Много часов они просто просидели молча под горой. Дул холодный ветер; низкие тучи потемнели и почти сомкнулись. Солнце только изредка пробивалось сквозь них, а из оврага по-прежнему доносились голоса энтов, то тише, то громче, то в медленном, то в убыстряющемся ритме. Иногда они звучали торжественно, будто пелась траурная песнь, иногда жалобно.

Наступила вторая ночь, а энты все совещались. Ветер гнал тучи, сквозь них иногда прорывались редкие звезды.

На третий день утро было совсем холодным и ветреным. На рассвете со Схода донесся громкий общий гул, потом голоса почему-то стали затихать, и ветер унялся. В воздухе повисло тревожное ожидание.

Хоббиты заметили, что Брегалад внимательно и напряженно вслушивается, но им показалось, что слушать стало почти нечего.

В полдень наступила такая тишина, что даже шепота деревьев не было слышно. Потом тучи местами прорвались, и солнце, клонясь к западу, протянуло в образовавшиеся трещины и щели длинные желтые лучи. Брегалад весь вытянулся, уставившись в сторону Заколдованного Оврага. И вдруг тишину расколол крик множества голосов:

— Р-ра-рум-рра-а!!!

Деревья задрожали и пригнулись, как от ветра. Снова на мгновение настала тишина, а потом прозвучали торжественные ритмичные барабанные удары марша, и над ними взвился хор сильных

голосов:

Идем, идем под барабанный гром, Торонда-ронда-ронда-ром!

Это двинулись энты. Их песня приближалась:

Вперед, вперед, нам рог поет, Бьет барабан, Та-ранда-ран, та-ранда-ран!

Брегалад поднял хоббитов на руки и вышел с ними из дома.

Скоро хоббиты увидели странный отряд на марше: энты крупными шагами спускались с горы в долину. Во главе шагал Древесник, за ним примерно полсотни его родичей, по два в ряд, в ногу, хлопая руками по бокам в такт шагам, выдерживая ритм. В глазах у них то гасли, то вспыхивали зеленые искры.

— Ого-го, гм! Вышли дружно, вышли, наконец! — восклицал Древесник, увидя хоббитов и Брегаллада. — К нам, к нам, присоединяйтесь. Мы выступаем. Идем на Исенгард!

— На Исенгард! — откликнулись многочисленные голоса. — На Исенгард!

На Исенгард! На Исенгард! На замок подлого врага! Пусть горд и тверд, пусть укреплен И гол, как кость, со всех сторон, — Идем, идем, на бой идем, Ворота вражки разобьем! В его печах стволы горят — Идем на бой, на Исенгард, В твердыню смерти смерть несем, Под барабан идем, идем, Под барабан на Исенгард, Убить врага, убить врага!

С этой песней энты шли на юг.

Брегалад с загоревшимися глазами встал в строй рядом с Древесником. Старый энт взял у него хоббитов и посадил себе на плечо. Гордые невысоклики оказались во главе похода, сердца у них забились. Им казалось, что должно произойти что-то необыкновенное. Хоббиты дивились преображению энтов. Как будто открылись шлюзы и вырвался мощный поток.

— Энты быстро решились, правда? — осмелился спросить Пин, когда боевая песня затихла и только топот ног и хлопанье рук по бокам раздавались в тишине.

— Быстро? — повторил Древесник. — Хм... Еще бы! Быстрее, чем я думал. Много веков я не видел их в таком состоянии. Мы, энты, не любим волноваться. Никогда не бунтуем, пока не знаем точно, что нашим деревьям и нам самим грозит смертельная опасность. Ничего подобного не было в нашем лесу со времен войны Саурона с пришельцами из-за Моря. Во всем виноваты орки, которые уничтожали Лес по злобе... Ра-рум!.. Они не могут оправдаться тем, что им нужны дрова для поддержания огня в очаге. Это нас сильнее всего разгневало, и еще измена соседа, который должен был нас поддержать. От мага ждут большего, чем от остальных; он должен поступать так, как ему подобает. Его измене не найдешь ни названия, ни достаточно сильного проклятия ни на языке энтов, ни на языке эльфов или людей! Долой Сарумана!

— Вы вправду сможете разбить ворота Исенгарда? — спросил Мерри.

— Гм, гм... Может быть, может быть. Ты, вероятно, не представляешь нашу силу. Слышал про троллей? Они сильные. Но их творил Враг во время Великой Тьмы по нашему подобию, так же, как он творил гоблинов по подобию эльфов, изуродовав их образ до неузнаваемости. Мы сильнее троллей, мы — кость от кости земли. Как корни деревьев, мы умеем раскалывать камни, но делаем это быстрее, чем они, гораздо быстрее, когда впадаем в гнев. Если нас не порубят топорами, не сожгут огнем и не заколдуют, мы разобьем Исенгард вдребезги, его стены разлетятся в порошок.

— Но Саруман постарается вас сдержать?

— Ох-хо, наверное. Я об этом не забываю. Долго думал об этом. Но видите, здесь много молодых энтов, моложе меня на много поколений. Сейчас они пробудились и взбунтовались. У них на уме одно: разгромить Исенгард. Скоро они приостынут; когда подойдет время вечернего кубка, нас будет мучить жажда. А сейчас пусть шагают и поют. Дорога далека, времени на раздумье хватит. Главное, что они двинулись с места.

Некоторое время Древесник шагал и пел вместе со всеми, потом его голос перешел в шепот, потом он совсем перестал петь. Пин видел, что седой энт нахмурился и морщины у него прорезались глубже. Когда он взглянул на хоббита, невысоклик заметил в его глазах печаль. Печаль, но не отчаяние. Зеленые искорки ушли с поверхности в глубину, в темный колодец раздумий.

— Очень может быть, друзья, — проговорил он, — очень может быть, что в твердыне смерти мы

найдем свою смерть, и что это последний поход энтов. Но если бы мы остались дома и сидели сложа руки, гибель нашла бы нас и там, рано или поздно. Эта мысль уже жила в нас, поэтому мы и выступили. В нашем решении не было поспешности. Если это — последний марш энтов, пусть он будет достоин песни. Да-да, — вздохнул великан. — Может быть, мы хоть другим племенам пригодимся, а не просто так исчезнем. По своей дороге я хотел бы идти до тех пор, пока не исполнится Предсказание и пока энты не найдут своих жен. Я бы радовался, увидев Фимбретиль. Но что я могу сделать? Песни, как и деревья, дают плоды лишь тогда, когда настает их пора, и каждый раз по-своему, а бывает, что и вянут раньше времени.

Энты шли и шли гигантскими шагами. Они спустились по длинному южному склону и начали взбираться на западный гребень хребта. Лес оставался внизу. Все реже попадались деревья, в основном это были растущие группами березы, немного выше — тощие сосенки, потом отряд вступил на совершенно безлесные каменистые склоны. Солнце скрывалось впереди за горами.

В наступающих сумерках Пин оглянулся назад. Энтов стало больше... Еще что-то произошло? Они только что шли по голым камням, а теперь вместо серого камня сзади был густой лес. И он двигался! Неужели проснулись деревья Фангорна и тоже пошли на войну через горы? Пин протер глаза, думая, что это мираж или обман зрения. Но огромные сереющие силуэты продолжали подниматься в гору. Раздавался невнятный шум, будто ветер шептал в ветвях.

Энты подходили к гребню скал. Никто из них больше не пел. Становилось темно, и было бы тихо, если бы земля не гудела под тяжелыми шагами и не был слышен шелест, как шорох опадающих листьев. Наконец энты взойшли на гребень и остановились. У их ног глубоко внизу черной пропастью зияла котловина Нэн-Курунир, Долина Сарумана.

— Ночь легла на Исенгард, — сказал Древесник.

Глава пятая. БЕЛЫЙ ВСАДНИК

Я промерз до костей, — сообщил друзьям Гимли, хлопая себя по бокам и притоптывая.

Наконец рассвело. Путешественники пожевали скудный завтрак и решили еще раз при свете дня осмотреть поляну и местность вокруг нее.

— Не выходит у меня из головы тот старик, — сказал Гимли. — Я бы успокоился, если бы мне показали его след на земле.

— Это почему бы ты успокоился? — спросил Леголас.

— Потому что тогда он оказался бы тем, чем показался, — ответил Гимли. — Стариком, чьи ноги оставляют следы.

— Может, и так, — ответил эльф, — но тут такая густая и упругая трава, что и от тяжелых сапог следа не остается.

— Глаза Следопыта не подведут, — сказал Гимли. — Арагорн по пригнутому стебельку может правду узнать. Только тут все перемешалось. Мало надежды что-нибудь найти. Ночью точно было явление Сарумана, это злая сила. А вдруг он и сейчас за нами следит из Фангорна?

— Похоже на правду, — произнес Арагорн. — Но абсолютной уверенности у меня нет. Я думаю о конях. Ты, Гимли, говоришь, что их ночью кто-то спугнул. А по-моему, было по-другому. Ты слышал, как они ржали, Леголас? Разве это было похоже на бегство со страху?

— Нет, — ответил эльф. — Я хорошо слышал. Если бы не ночь и не наш собственный страх, я бы сказал, что животные обрадовались. Такими голосами лошади встречают друга, которого давно не видели.

— Вот и мне так показалось, — сказал Арагорн. — Но если кони не вернутся, мы ничего не узнаем. День уже кончается, давайте еще раз осмотрим опушку. Начнем вот отсюда, с места, где мы отдыхали, а потом обшарим все вокруг, поднимемся к лесу. Сколько бы мы ни рассуждали про ночного гостя, главная задача у нас — найти хоббитов. Если им повезло и удалось бежать, они наверняка спрячутся среди деревьев, что бы их не увидели. Если отсюда до леса ничего не обнаружим, пойдем на место боя и последний раз пороемся в пепле. Хотя там немного найдешь, рохирримы хорошо потрудились.

Некоторое время все трое ползали по земле, ощупывая каждый камешек. Дерево над ними угрюмо шелестело обвисшей листвой под холодным восточным ветром. Арагорн постепенно отходил дальше, дошел до сторожевого кострища, потом поднялся на холм, где была битва, направился с него в сторону реки. Вдруг он остановился и нагнулся так низко, что лицом почти уткнулся в землю. Потом громко позвал друзей, и они стремглав кинулись к нему.

— Наконец хоть что-то! — воскликнул Следопыт, поднимая с земли кусок подсохшего золотистого листа, побуревшего от времени. — Это лист лориэнского мэллорна, а на нем крошки. И несколько крошек в траве. А там вон — перерезанная веревка!

— И нож, которым ее перерезали, — добавил Гимли, поднимая с земли короткий зазубренный кинжал. Ножны валялись неподалеку. — Оружие орка, — сказал гном, с отвращением рассматривая рукоять, конец которой был вырезан в форме косматой головы с косыми глазами и злобным оскалом.

— Вот это загадка! — произнес Леголас. — Связанный пленник скрывается и от орков, и от окружающих их всадников. Потом он сидит в открытом поле и перерезает веревку орчьим кинжалом. Как это ему удалось? Если у него были связаны ноги, как он сюда дошел? А если руки, то как он смог перерезать веревку? Если он был свободен, зачем вообще ее резать? Потом он тут сидел, довольный, и грыз лембасы. Даже если бы у нас ничего не было, кроме этого листика мэллорна, ясно, что это хоббит. А потом ему удалось сменить руки на крылья и с песенкой полететь в лес! Ну, давайте учиться летать, чтобы догнать друзей!

— Здесь не обошлось без колдовства, — сказал Гимли. — Что надо было старику? Что ты об этом думаешь, Арагорн? Может, ты объяснишь все лучше Леголаса?

— Может быть, — ответил Следопыт, улынувшись. — Тут есть еще следы, на которые он не обратил внимания. Я согласен, что это был точно хоббит, и что у него либо руки, либо ноги должны были быть свободны до того, как он тут оказался. Предполагаю, что свободны были руки, потому что так отгадка упрощается, а по следам думаю, что его сюда принесли. Недалеко отсюда лужа орчьей крови. Потом тут глубокие отпечатки копыт и явные следы того, что кого-то тащили волоком. Наверное, всадники убили этого орка и тащили его труп в костер. Хоббита они не заметили. Ночью

это, наверное, было, и плащ на нем эльфийский. Был он измученный, голодный, неудивительно, что когда перерезал веревки ножом убитого орка, остался передохнуть на этом месте и поел, чтобы восстановить силы, а потом уж пошел. Как хорошо, что у него в кармане оставались лембасы! Кстати, такая предусмотрительность тоже характерна для хоббита. Я говорю про «хоббита», но надеюсь, что их было двое, что Пипин и Мерри оба живы. Но доказательств пока нет.

— Как же ему удалось руки развязать? — спросил Гимли.

— Этого не знаю, — сказал Арагорн. — И не знаю, зачем орк унес хоббита из лагеря. Наверняка не для того, чтобы помочь пленнику бежать; хотя я, кажется, начинаю понимать, почему, убив Боромира, орки не покушались на жизнь хоббитов, а только взяли их в плен. Они больше ничего не искали, не напали на наш лагерь у реки, а поспешили назад в Исенгард. Думали ли они, что захватили Несущего Кольцо и его верного спутника? Вряд ли. Их хозяева побоялись бы так подробно объяснять это все оркам, даже если бы сами знали. Бандитам доверять нельзя, так что о Кольце наверняка открыто не говорилось. Думаю, что орки получили приказ хватать каждого хоббита живым любой ценой. Может быть, перед битвой один из орков пытался удрать от своих соплеменников с ценной добычей? Измена у этих подлецов — не редкость. Кто-то сильный и самоуверенный решил похитить пленников ради собственной корысти. Вот так я читаю следы. Хотя могу и ошибаться. Но ясно, что один из наших друзей уцелел. Его надо найти и ему надо помочь, а потом вернемся к рохирримам. Негоже нам отступать перед грозным Фангорном, если судьба толкнула хоббита в его темную глушь.

— Не знаю даже, чего я больше боюсь: Фангорнского Леса или голодного пешего перехода назад роханскими степями, — произнес Гимли.

— Раз не знаешь, пошли в Лес! — заключил Следопыт.

Но еще не дойдя до леса, Арагорн увидел новые следы. У речки сохранились неясные отпечатки хоббичьих ног, а немного дальше под огромным деревом — еще несколько таких же следов. На сухой земле они были еле видны.

— Вот тут точно стоял хоббит и смотрел на степь, а потом повернулся и в Лес пошел, — сказал Арагорн.

— Значит, и мы пойдем в лес, — сказал Гимли. — Только, ох, не нравится мне этот Фангорн. Помните, как нас предупреждали? И почему следы не ведут в другую сторону?

— Несмотря на то, что мне про него говорили, — сказал Леголас, — в этом Лесу зла не чувствуется. — Эльф встал на краю тропы, настороженно вытянулся, вслушиваясь и вглядываясь в чащу широко открытыми глазами. — Нет, этот Лес не злой. Я почти не слышу дыхания зла. Если в нем есть что-то недоброе, то очень далеко отсюда, в темных закоулках, где у деревьев почернели сердцевины. Рядом с нами подлости нет, есть только бдительность и гнев.

— На меня не за что гневаться, — сказал Гимли. — Я этому Лесу ничего плохого не сделал.

— Тем лучше для тебя, — ответил Леголас. — Но этот Лес страдал. В нем что-то происходит или вот-вот произойдет. Чувствуете напряжение? Мне даже дышать трудно.

— А мне совсем нечем, — сказал гном. — Этот Лес хоть и светлее Лихолесья, но здесь затхло, и он какой-то обветшалый.

— Этот Лес стар, очень стар, — ответил эльф. — В нем я чувствую себя совсем молодым, впервые за все путешествие с вами, молокососами. Лес стар и полон воспоминаний. В доброе время в нем можно быть счастливым.

— Конечно, ты мог бы в нем быть счастливым! — буркнул Гимли. — Ты все-таки лесной эльф, все эльфы немного странные; но ты меня подбодрил. Куда ты пойдешь, я тоже пойду. На всякий случай приготовь лук, а я выну топорик из-за пояса. Не для деревьев, нет! — быстро добавил он, оглядываясь на дерево, под которым стоял. — На случай, если опять встретится тот старик. Ну, пошли!

И, кончив на этом разговоры, три путника вступили в Фангорнский Лес. Леголас и Гимли предоставили выбор дороги Арагорну. Но Следопыт мало что мог понять в этом лесу, потому что земля была сухая, а на ней лежал слой старых листьев. Предполагая, что хоббиты постараются держаться возле воды, Арагорн часто подходил к ручью. И в конце концов набрел на то место, где Мерри и Пин утоляли жажду и полоскали ноги. Здесь уж их следы — один побольше, другой поменьше, были хорошо видны всем.

— Вот это добрая весть! — воскликнул Арагорн. — Но они здесь были два дня назад, и по-видимому, отсюда пошли в глубь леса.

— Так что же делать? — спросил Гимли. — Не гоняться же за ними по всему дикому лесу. Если мы их в ближайшее время не найдем, то помочь уже ничем не сможем, разве что по дружбе сядем рядом умирать голодной смертью.

— Если больше ничего не останется, так и сделаем, — сказал Арагорн. — В путь!

Они шли, шли и шли, пока не оказались перед тем самым карнизом, на котором Древесник любил греться на солнышке. Ступени они увидели сразу. Солнце пробивало лучами летящие облака, лес казался в его свете веселее.

— Давайте поднимемся на карниз и оттуда посмотрим, куда лучше идти, — предложил Леголас. — Мне все еще трудно дышать, хочу глотнуть свежего воздуха.

Они влезли на карниз. Арагорн поднимался последним и разглядывал ступени.

— Я почти уверен, что хоббиты тоже сюда поднимались, — сказал он. — Да, вот тут есть их следы. Но есть и еще чьи-то, большие и совсем особенные: я таких никогда не видел. Интересно, сумеем ли мы, глядя отсюда, догадаться, в какую сторону они пошли?

Он выпрямился и стал осматриваться.

Карниз был развернут на юго-восток, но широкий вид открывался только в восточную сторону, и там они увидели море деревьев и далеко-далеко равнину, с которой пришли. Больше ничего.

— Вон какой круг мы сделали, — сказал Леголас, — а могли бы тут быть все вместе и в безопасности два дня назад, если бы сразу свернули с Великой Реки на запад. Мало кто может сказать, куда заведет дорога, пока не дойдет до цели.

— Мы в Фангорн совсем не собирались, — сказал Гимли.

— Все равно попали... И, кажется, в западню попали! — сказал Леголас. — Смотрите!

— Куда смотреть? — спросил Гимли.

— Вон туда, между деревьями!

— Куда? Не у всех глаза, как у эльфа.

— Тс-с-с! Тише говори! Смотри! — шепнул Леголас, показывая вниз пальцем. — Там, откуда мы пришли. Это он. Неужели не видишь? Ходит от дерева к дереву.

— Вижу, вижу, — тоже шепотом ответил Гимли. — Смотри, Арагорн! Я же говорил! Опять тот старик! На нем серые лохмотья, вот я сразу его и не заметил.

Арагорн присмотрелся и тоже увидел медленно переходящую от дерева к дереву ссутуленную фигуру. Как будто старый нищий ковылял, тяжело опираясь на палку. Голову он опустил и в их сторону не смотрел. Если бы такой старик им встретился в другом месте, они бы, наверное, приветили его добрым словом, а тут все молчали и напряженно ждали: к ним приближался чужак, в нем ощущалась скрытая сила — почти угроза.

Старик подходил все ближе, а Гимли все шире открывал глаза. Наконец, не в силах больше сдерживаться, гном взорвался полусшепотом:

— К оружию, Леголас! Готовь лук! К бою! Саруман это. Не жди, пока он на нас чары наведет. Первым стреляй!

Леголас схватил лук. Медленно натянул тетиву, будто его руку держала какая-то другая сила. Стрелу взял, но не вложил. Арагорн стоял молча. Лицо его выражало сосредоточенное внимание.

— Чего ты ждешь? Что случилось? — спросил Гимли свистящим шепотом.

— Правильно делает, что не спешит, — спокойно сказал Арагорн. — Нельзя из одного только страха неожиданно, без предупреждения и без повода убивать старика. Подождем, посмотрим, что он будет делать.

Тут старик ускорил шаги, неожиданно быстро подбежал к ступеням и резко поднял голову. Трое замерли на карнизе, впившись в него глазами. Стало тихо-тихо.

Лица его друзья не видели, капюшон был надвинут низко, а поверх него еще была широкополая шляпа, из-под которой выглядывали лишь кончик носа и седая борода. Арагорну показалось, что под капюшоном ярко сверкнули глаза, но он не был в этом уверен.

Старик немного помолчал, потом произнес:

— Очень удачная встреча, друзья! Мне хотелось бы с вами побеседовать. Сами сойдете вниз или мне к вам подняться? — И, не ожидая ответа, стал подниматься по ступеням.

— Ну же! — крикнул Гимли. — Леголас, останови его!

— Я ведь сказал, что хочу с вами беседовать, — заметил старик. — Брось лук, эльф!

Лук и стрелы выскользнули из рук Леголаса, руки его бессильно повисли.

— А ты, уважаемый гном, пожалуйста, убери руку с топорика, пока я поднимаюсь. Обойдемся менее сильным доводом.

Гимли вздрогнул и замер, уставясь на старика. А тот шагал вверх по каменным ступеням легко, как горный козел.

Когда он уже оказался на карнизе, его серый плащ распахнулся и на мгновение под ним блеснуло что-то ослепительно белое. Но лишь на мгновение, так что могло и показаться.

Гимли со свистом втянул воздух.

— Очень удачная встреча, как я уже сказал, — повторил старик, подходя ближе. Он остановился в двух шагах от друзей, оперся на палку, ссутулился, вытянул шею вперед и стал смотреть на них из-под капюшона.

— Что вы делаете в этих местах? Странная компания: эльф, человек и гном, и все в эльфийских плащах! Наверное, за этим кроется интересная история. Что ж, я с удовольствием ее послушаю. Нечасто бывают тут подобные гости.

— Ты говоришь так, будто хорошо знаешь Фангорнский Лес, — заметил Арагорн.

— Хорошо не знаю, — ответил старик, — потому что для этого понадобилось бы прожить тут несколько веков, иначе всех тайн не разгадать. Но я в нем не впервые.

— Может быть, ты назовешь нам свое имя, а потом скажешь то, что хотел сказать? — произнес Арагорн. — Утро проходит, а у нас дело, которое не может ждать.

— То, что я хотел сказать, я уже сказал, — проговорил старик. — Я сказал, что хочу с вами беседовать, спросил, что вы здесь делаете и попросил рассказать вашу историю. Что же до моего имени... — он оборвал фразу на полуслове и тихо засмеялся.

Этот смех заставил Арагорна вздрогнуть, но не от страха или тревоги, а будто резкий свежий ветер или холодный дождь будил его от беспокойного сна.

— Мое имя!.. — повторил старик. — Вы еще не догадались? А ведь оно вам известно. Да, да, известно. Но, может быть, все-таки расскажете свою историю?

Друзья стояли неподвижно и молчали.

— Кто-нибудь другой на моем месте мог бы подумать, что вы пришли сюда с подозрительной целью, — сказал старик. — К счастью, я о вас кое-что знаю. Вы, как мне показалось, идете по следам двух юных хоббитов. Да, да, именно хоббитов. Не надо таращить глаза, будто вы впервые слышали это слово. Вы его хорошо знаете, как и я. Так вот, хоббиты были на этом месте позавчера, и очень неожиданно кого-то встретили. Вы утешены? Вам, конечно, хочется знать, куда их увели. Ну, ну, кажется, я могу вам кое-что об этом сообщить. Но почему мы стоим? Ваше дело, как видите, уже не такое срочное, как вам казалось. Давайте присядем и спокойно поговорим.

Старик повернулся и отошел по карнизу на несколько шагов туда, где валялись обломки камней и пара валунов. Друзья вздохнули свободно, будто с них сняли чары, и зашевелились. Гимли снова потянулся за топориком, Арагорн выхватил меч, Леголас вскинул лук.

Не обращая на них внимания, старик сел на низкий плоский камень. Серый плащ распахнулся, и все ясно увидели, что под ним — снежно-белые одежды.

Саруман! — крикнул Гимли и бросился к старику с топором в руке. — Говори! Куда ты дел наших друзей? Что с ними сделал? Отвечай, или я тебе топором так шапку отделаю, что никакие чары не помогут!

Но старик опередил Гимли. Он вспрыгнул на камень и одним движением сбросил плащ. Выпрямился в ослепительно белом одеянии, стал как будто выше, поднял палку — и топор со звоном выпал из руки Гимли на камень. Меч в руке Арагорна застыл и засветился. Леголас успел

выпустить стрелу, но она взлетела прямо вверх и рассыпалась там огненными искрами.

— Мифрандир! — закричал эльф. — Мифрандир!!!

— Я же говорил, Леголас, что это удачная встреча, — откликнулся старик.

Вот тут все еще шире распахнули глаза. Перед ними был высокий человек с белыми как снег волосами, в белой одежде, сияющей на солнце. Глаза из-под густых бровей под высоким лбом светились ясно и проникновенно. Рука, обладающая чародейской силой, постепенно опускалась. От удивления, радости и тревоги друзья онемели. Первым пришел в себя Арагорн.

— Гэндальф! — ахнул он. — Мы ведь надежду уже потеряли, а ты возвращаешься в час испытаний! Какая пелена застлала мне глаза? Гэндальф!

Гимли ничего не сказал, только упал на колени и закрыл рукой глаза.

— Гэндальф... — повторил старик, словно вынимал из памяти давно не слышанное слово. — Да-да, было такое имя. Я был Гэндальф.

Он сошел с камня и снова завернулся в поношенный серый плащ. Другим показалось, что солнце, сверкнув, зашло в тучу.

— Можете по-прежнему называть меня Гэндальфом, — произнес он голосом их старого друга и проводника. — Встань, честный Гимли. Ты не виноват и мне не повредил. Ни у кого из вас, мои дорогие, нет оружия, которое бы могло меня ранить. Радуйтесь, что мы снова вместе. Ветер повернул в другую сторону. Подходит страшная буря, но ветер на нас пока не дует.

Маг положил руку на голову гнома, а Гимли поднял глаза и широко улыбнулся.

— Гэндальф, — спросил он, — почему ходишь в белом?

— Сейчас мне надо быть белым, — ответил Гэндальф. — Я теперь, можно сказать, Саруман, но такой Саруман, каким он должен быть. Сначала все же расскажите мне о себе. С тех пор, как мы расстались, я прошел огонь и воду. Забыл многое из того, что, как мне казалось, знал, узнал заново многое из ранее забытого. Вижу многое в отдалении, не все ведаю, что вблизи. Расскажите о себе!

— Что ты хочешь услышать? — спросил Арагорн. — Обо всех наших приключениях после расставания с тобой придется долго рассказывать. Может быть, ты сначала скажешь, что случилось с хоббитами? Ты их нашел? Они в безопасности?

— Нет, не нашел, — ответил Гэндальф. — Над скалами Эмин Муил было темно, я не знал об их пленении, пока орел не принес мне весть об этом.

— Орел! — воскликнул Леголас. — Три дня назад я видел орла очень высоко в небе как раз над Нагорьем.

— Да, ты не ошибся, — сказал Гэндальф. — Это был Гваир-Ветробой, тот самый, который вызволил меня из Ортханка. Я послал его полетать над Великой Рекой, собрать новости. У него острое зрение, но он не видит того, что делается под скалами и под деревьями. Кое-что он высмотрел, остальное я выследил. Кольцо оказалось от меня недостижимо далеко, и никто из Отряда, вышедшего вместе с Фродо из Райвендела, уже не может его охранять и спасать. Его чуть было не увидел Глаз Врага, но пока оно уцелело. Я как раз тогда был высоко и смог помочь, дать отпор Черному Замку. Тень отступила. А я тогда устал, кошмарно устал и ослабел. Долго блуждал в краю черных мыслей.

— Значит, ты знаешь, что с Фродо? — спросил Гимли. — Как он там?

— На это я вам ответить ничего не могу. Он избежал великой опасности, но на его пути много бед. Он решил идти в Мордор, и он туда пошел. Это все, что я знаю.

— Насколько нам известно, Сэм тоже отправился с ним, — сказал Леголас.

— Правда? — вскричал Гэндальф. Глаза его заблестели, он радостно засмеялся. — Неужели правда? Вот так новость! Хотя этого, наверное, следовало ожидать. Как хорошо. Ах, как хорошо! У меня камень с души свалился. Повторите-ка! И сядьте, наконец, расскажите про все ваше путешествие.

Друзья расселись у ног мага, и Арагорн начал рассказ. Гэндальф не прерывал его ни единым словом, не задавал вопросов. Оперся рукой о колено и прикрыл глаза. Когда, наконец, Арагорн дошел до гибели Боромира и описал его последний путь по Великой Реке, старик вздохнул.

— Арагорн, друг мой, ты сказал не все, что знаешь об этом, — тихо промолвил он. — Бедный Боромир! А меня не было, и я не мог увидеть, что с ним происходит. Трудное это испытание для

воина и повелителя над людьми. Галадриэль говорила мне, что он в опасности, но, в конце концов, он ушел благородно. Это утешает. Не зря мы взяли с собой юных хоббитов, благодаря им Боромир победил себя. А ведь эти двое не только ему пригодились. Их занесло в Фангорн, и это расшевелило Лес так, как два маленьких камешка иногда пробуждают грозную лавину в горах. Даже сейчас, когда мы с вами беседуем, вдали раздаются первые раскаты грома. Саруману повезет, если он окажется недалеко от дома, когда рухнет дамба!

— В одном ты точно не изменился, старый друг, — заметил Арагорн. — Говоришь загадками!

— Что? Загадки? — ответил Гэндальф. — Нет! Просто я вслух разговариваю сам с собой: старинный обычай обращаться к мудрейшему среди окружающих, ибо весьма утомительно объяснять молодежи, что к чему.

Он рассмеялся, и смех его был теплым, как солнечный луч.

— Я уже не молод, даже по отсчету нашего рода долгожителей, — заметил Арагорн. — Не выразишь ли ты свои мысли немного яснее?

— Что же вам сказать? — произнес Гэндальф задумчиво. — Попробую изложить покороче и попонятней, в каком состоянии, на мой взгляд, находится все дело. Очевидно, Враг давно прознал, что Кольцо — в пути, и что его несет хоббит. Теперь он также знает, сколько нас вышло из Райвендела и из каких мы племен и родов. Но он пока не разгадал всех наших намерений. Он предполагает, что мы все стремимся в Минас Тирит, поскольку так он сам поступил бы на нашем месте. Он понимает, что этим мы значительно подорвем его могущество. Он боится, что в любой момент может появиться кто-то, владеющий тайной Кольца, объявить ему войну, попытаться свергнуть его и занять его место. Ему не приходит в голову мысль, что мы задумали его свергнуть, но при этом никого не собираемся ставить на его место. И даже в самых страшных снах к нему пока не закрадывалось подозрение, что мы намерены уничтожить Кольцо. В этом, как нетрудно понять, и есть наш единственный шанс на успех и вся наша надежда. Воображая, что ему грозит война, он сам развязал ее, убежденный, что время не ждет. Ибо на войне всегда тот, кто наносит удар первым, надеется, что этот удар будет и последним. Поэтому Враг двинул вперед давно подготовленные силы. Он сделал это раньше, чем задумывал. Перемудрил и сделал глупость! Если бы он использовал все силы для обороны Мордора и закрыл, таким образом, доступ в свою страну, если бы все свое злодейское искусство использовал для охоты за Кольцом, у нас бы не было никаких надежд. И Кольцо, и Несущий его быстро попались бы ему в лапы. Но вместо того, чтобы стеречь свой край, он смотрит на чужие земли, прежде всего на Минас Тирит. В любой день на крепость может напасть огромное войско. Он уже знает, что его посланцы, которые должны были завлечь Отряд в засаду, потерпели поражение. Кольца они не добыли. Ни одного хоббита в качестве заложника не доставили. Если бы это им удалось, мы понесли бы тяжелейшую потерю, может быть, гибельную для всего дела. Не говоря уже об испытаниях, которые понесла бы в Черном Замке нежная дружба хоббитов, если бы они попали в неволю. Вот так пока Врагу не удастся осуществить свои планы. Из-за Сарумана.

— Так что, выходит, Саруман — не изменник? — спросил Гимли.

— Изменник, причем дважды, — ответил Гэндальф. — Вот ведь как странно выходит. Из всех противодействий, на которые мы в последнее время наткнулись, измена Исенгарда — самое большое злодейство. Если оценивать Сарумана как вождя и властителя, то надо признать, что он собрал большую силу. Он угрожает Рохану и не дает рохирримам прийти на помощь гондорцам. Но оружие измены всегда обоюдоострое. Саруман тайно мечтает о Кольце и о том, чтобы завладеть им для себя, потому и решился похитить хоббитов из-под носа у Барад-Дура. Получилось так, что усилия наших врагов привели к одному неожиданному результату: Мерри и Пин в необыкновенно короткий срок оказались в Фангорнском Лесу, куда они иначе ни за что бы не попали! Они спутали замыслы наших врагов и посеяли в них сомнения, мешающие выполнению задуманного. Роханские всадники постарались, чтобы ни один свидетель побоища не вернулся ни в Мордор, ни в Исенгард. А Черному Властелину известно, что в Нагорье Эмин Муйл были схвачены два хоббита и отправлены в сторону Исенгарда вопреки воле его слуг. Значит, опасность грозит ему не только со стороны Минас Тирита, но и от Исенгарда. Если Враг сумеет побить гондорцев, то наверняка займется Саруманом, и тому придется плохо.

— Жаль только, что между этими двумя силами оказались наши друзья, — вставил Гимли. — Если бы между Исенгардом и Мордором не было других стран, пусть бы себе воевали между собой. Мы бы могли спокойно наблюдать за ними и ждать.

— И дождались бы того, что победитель после такой войны стал бы сильнее, чем когда-либо, и его планы были бы абсолютно ясны, — отвечал гному Гэндальф. — Но Исенгард не может себе позволить объявить войну Мордору, пока у него нет Кольца. Теперь ясно, что Саруман его никогда не получит. Но он еще этого не знает. И не знает, что ему грозит. О многом не догадывается. Он так спешил наложить лапу на добычу, что вместо того, чтобы дома ждать, вышел навстречу своим посланцам, хотел проследить, точно ли они выполняют его приказ. Он опоздал, битва уже

закончилась и спасать стало некого. Оставался он тут недолго. Я читаю в его мыслях и знаю его сомнения. В лесу Саруман чувствует себя плохо. Он предполагает, что рохирримы убили и сожгли всех, не оставив никого и ничего. Но он не знает, были ли здесь пленники. Не знает о ссоре своих гоблинов с орками из Мордора. И не знает о Крылатом посланце.

— Крылатый посланец! — закричал Леголас. — Я в него пустил стрелу из лука Галадриэли над Взорным Перекатом, и он упал с неба. Он нас очень испугал. Что это за новое чудище?

— Стрелы ему не опасны, — ответил Гэндальф. — Ты подстрелил только его скакуна. Это прекрасно, но он уже получил нового. Ибо то был Назгул, один из Девятерых, которые теперь скачут на крылатых тварях. Скоро тень крыльев ужаса падет на последние армии наших друзей и закроет от них солнце. Пока Крылатым не разрешено залетать за Великую Реку, так что Саруман не знает, какой новый облик приняли Кольценосные Призраки, служащие Черной силе. Все его мысли вертятся вокруг Единого Кольца. Было ли оно на месте последней резни? Найдено ли оно? Что будет, если оно случайно попадет к Феодену, правителю Рубежного Края? Этого он больше всего боится, поэтому сейчас спешит в Исенгард, чтобы удвоить или утроить войско, которое готовит для удара по Рохану. Тем временем ему самому грозит опасность, которую он не видит, увлеченный своими планами. Он забыл о Древеснике.

— Ты опять сам с собой заговорил, — улыбаясь, пожурил мага Арагорн. — Я не знаю никакого Древесника. Начинаю понимать двойную измену Сарумана, но никак не пойму, что может произойти от прихода в лес двух хоббитов, кроме того, что их придется долго и безрезультатно искать.

— Постой! — крикнул Гимли. — Позволь мне задать тебе другой вопрос: тебя или Сарумана мы видели в лесу вчера вечером?

— Меня вы никак не могли видеть, — ответил Гэндальф. — Значит, надо думать, это был Саруман. Мы, оказывается, так похожи, что я тебе прощаю покушение на мою шляпу.

— Не вспоминай об этом, пожалуйста! — попросил Гимли. — Я рад, что тогда был не ты.

— Отлично, мой храбрый гном! — снова засмеялся Гэндальф. — Очень приятно убедиться, что кроме ошибок были и правильные выводы. Как мне это понятно! Поверь, я ни капельки не обиделся на тебя за такое приветствие. Как я мог сердиться, если сам столько раз повторял друзьям, чтобы даже себе не доверяли, когда приходится иметь дело с таким врагом! Успокойся, Гимли сын Глоина! Может быть, ты еще увидишь нас рядом и сможешь сравнить.

— Но что же все-таки с хоббитами? — вмешался Леголас. — Мы полсвета обежали за ними. Если ты знаешь, где Пипин и Мерри, скажи нам скорее!

— Они у энтов, с Древесником, — ответил Гэндальф.

— У энтов?! — воскликнул Арагорн. — Значит, правду говорят старые сказки о великанах, пастухах деревьев, живущих в глубине леса? И они до сих пор топчут землю? Я думал, что это воспоминание о Незапамятных Временах или просто Роханская легенда.

— Роханская, как же! — возмутился Леголас. — Да каждый эльф в Лихолесье знает песни про старых великанов и вечное их несчастье. Но и для эльфов это уже воспоминания. Я бы подумал, что ко мне возвращается детство, если бы встретил лесного пастуха, шагающего по земле. Древесник — это и есть Фангорн в переводе на Всеобщий язык, а ты, Гэндальф, говоришь о нем, как о живом существе. Кто это?

— Много хочешь знать, — сказал Гэндальф. — Мне известно о нем очень мало, но даже то, что я знаю, придется долго рассказывать, у нас времени не хватит. Древесник — опекун этого леса, старейший не только среди энтов, но и среди всех обитателей этой части Средиземья. Надеюсь, что ты, Леголас, с ним встретишься. Мерри и Пину очень повезло, что они на него наткнулись. Древесник забрал их к себе домой; живет он довольно далеко отсюда, у корней гор, но сюда часто приходит, особенно когда его что-нибудь тревожит или когда ему хочется получить вести из остального мира. Я видел его четыре дня назад, он гулял между деревьев. Думаю, что он меня тоже заметил, потому что приостановился; но я с ним не заговорил, слишком тяжело мне тогда было от собственных мыслей, и я очень устал от борьбы с Красным Глазом из Мордора. Он же меня не подозвал.

— Может быть, он тоже принял тебя за Сарумана, — сказал Гимли. — Ты говоришь о нем, как о друге, а я думал, что Фангорн грозен и внушает ужас.

— Грозен! — повторил Гэндальф. — Я тоже грозен и даже очень. Могу внушать ужас. Страшнее меня никого нет, разве что Черный Властелин. Арагорн грозен и Леголас грозен. Тебя окружают опасные личности, Гимли сын Глоина, и сам ты тоже грозен по-своему. Фангорнский Лес, конечно, опасен, особенно для тех, кто тут слишком рьяно размахивает топором. Древесник грозен, но

вместе с тем он мудр и добр. Последние дни он кипит от гнева, который накапливался многие годы, а сейчас залил весь лес и переливается через край. Появление хоббитов оказалось каплей, переполнившей чашу, и волна этого гнева теперь потечет, как река. Но она направлена против Сарумана и топоров Исенгарда. Произойдет нечто неслыханное в Средиземье: энты пробудятся и обнаружат, что они еще сильны.

— Что они смогут сделать? — удивленно спросил Леголас.

— Не знаю, — ответил Гэндальф. — Думаю, что они сами этого не знают. Хотел бы узнать.

Маг замолчал и, задумавшись, опустил голову.

Друзья смотрели, как, проскользнув сквозь облака, луч солнца играет у него на ладони, спокойно лежащей на коленях и повернутой вверх; она казалась чашей, полной света. Гэндальф поднял голову и взглянул на небо.

— Скоро полдень, — сказал он. — Пора идти.

— Искать хоббитов и Древесника? — спросил Арагорн.

— Нет, — ответил маг. — Наша дорога ведет в другую сторону. Я лишь сказал слова надежды, а надежда — еще не победа. Над нами и всеми нашими друзьями нависает ужас такой войны, в которой верную победу можно одержать лишь с помощью Великого Кольца. Страшно мне; многое будет уничтожено, многое придется потерять. Я — Гэндальф; сейчас я Гэндальф Белый, но Черный Властелин пока еще сильнее меня...

Гэндальф встал и устремил из-под руки взгляд на восток, будто видел там, вдали, то, что его друзья видеть не могли. Потом качнул головой и добавил:

— Нет. Оно уже от нас ушло. Надо радоваться. Мы избавлены от искушения употребить Кольцо во зло. Придется грудью встречать опасность, и хотя она велика, будем счастливы, что избежали еще большей.

Он повернулся к товарищам.

— Не жалею о выборе, который ты сделал в ущельях Эмин Муйл, Арагорн сын Араторна! — сказал он. — Не говори, что напрасно преследовал гоблинов. Ты выбрал правильный путь, в конце его мы встретились, причем встретились вовремя, а ведь могло быть поздно. Твой долг перед хоббитами выполнен. Ты дал слово Эомеру, что придеешь. Это определяет твой дальнейший путь. Иди в Эдорас, иди к Феодену, на его Золотой двор. Ты там нужен. Андрилу пора засверкать в битве, которой он давно ждет. В Рохане войска, но Феодена окружает едва ли не худшее зло.

— Значит, мы больше не увидим наших веселых юных хоббитов? — спросил Леголас.

— Я этого не сказал, — ответил Гэндальф. — Кто может знать? Имейте терпение. Идите, куда вас призывает долг, и не теряйте надежды. В Эдорас! Кстати, я тоже туда направляюсь.

— Пешему туда быстро не добраться. Эта дорога далека и трудна одинаково для юнцов и стариков, — сказал Арагорн. — Боюсь, что пока я буду в пути, битва кончится.

— Посмотрим, — сказал Гэндальф. — Хочешь идти со мной?

— Да, — сказал Арагорн. — Но угонюсь ли я за тобой?

Он встал и посмотрел прямо в глаза Гэндальфа, и Гэндальф ответил ему таким же прямым взглядом, и долго стояли они друг против друга, а Леголас и Гимли молча смотрели на них.

Арагорн сын Араторна, высокий, сильный, твердый, как скала, в серебристом эльфийском плаще, сжимающий рукоять меча, казался властителем, пришедшим из-за Моря на последний берег к людскому племени. Но старец в белоснежной одежде, согнувший плечи под бременем лет, седой и исхудавший, но мудрый и уверенный, светящийся внутренним светом, явно обладал большей силой, чем любые короли.

— Разве я не говорил, что ты куда хочешь доберешься раньше всех, Гэндальф? — проговорил, наконец, Арагорн. — И я тебе вот что скажу: будь снова нашим проводником и вожак. У Черного Властелина есть Девятеро, у нас будет Один, Белый Всадник, который сильнее их всех. Ты прошел огненную бездну, и они должны бояться тебя. Мы пойдем за тобой.

— Все пойдем, — сказал Леголас. — Но, Гэндальф, сними еще один камень с души — поведай, что случилось с тобой в Мории. Может быть, ты не хочешь об этом рассказывать даже друзьям? Но хоть скажи, как ты оттуда выбрался.

— Мы и так очень много времени здесь потратили, — ответил Гэндальф. — Надо спешить. Чтобы все рассказать, года не хватит.

— Расскажи только то, что считаешь нужным, — попросил Гимли. — Пожалуйста, Гэндальф, расскажи, как ты расправился с Балрогом?

— Не произноси при мне этого имени! — воскликнул маг, и на мгновение его лицо исказила тень боли. Он побледнел и замолчал и показался им старым, как смерть.

— Мы очень долго падали вниз, — произнес он наконец, медленно и с усилием. — Долго падали, он падал вместе со мной. Его огонь жег меня. Но упали мы в воду, и окружила нас темнота. Вода была смертельно холодна, у меня сердце чуть не превратилось в лед.

— Глубока бездна под Мостом Дарина, и никто ее не измерил, — торжественно произнес Гимли.

Но и у этой бездны есть дно, куда не доходит ни свет, ни знание, — сказал Гэндальф. — Там мы оба оказались, у каменного основания земли, где останавливается время, далеко от живой жизни. Его огонь погас, он стал скользким, но был силен, как удав. Не знаю, сколько мы боролись, он меня душил, я старался зарубить его мечом. Наконец, он удрал от меня в темный туннель, и я погнался за ним. Знай, Гимли сын Глоина, что есть ходы, которых не строило племя Дарина.

Глубоко-глубоко под самыми глубокими пещерами землю грызут безымянные твари. Даже Саурону они неведомы. Они старше, чем он. Туда я и попал, но я не хотел бы вызывать их мерзкие тени в дневной свет. Мой враг полз впереди, и я боялся потерять его след. В конце концов, он снова вывел меня к тайным переходам Казад-Дума, которые хорошо знал. Мы стали подниматься вверх и дошли до Бесконечных Ступеней.

— Их след пропал давным-давно, — вставил гном. — Многие говорят, что они вообще существуют только в легендах, некоторые считают, что они уничтожены.

— Они существовали, и они не были уничтожены, — ответил Гэндальф. — Они поднимались из глубочайших подвалов до невообразимой высоты; змеей извивались, нигде не прерываясь, многие тысячи ступеней. Вели они к Башне Дарина, вырубленной под вершиной пика Зиразигил среди снежных высот Гномьих Гор. Там в скальной стене было окно, а перед ним карниз, как орлиное гнездо над туманами мира, ибо высок Келебдил-Зирак. Облака закрывают там землю, слепящее солнце освещает вершину. Он выскочил в окно, я за ним, и тут он снова стал огненным. Если бы кто-нибудь мог видеть эту Битву на Вершине, о ней бы веками пелись песни. — Гэндальф вдруг расхохотался. — Хотя — о чем бы в них пелось? Кто увидел бы нас издали, подумал бы, что над вершиной Келебдила гроза. Он услышал бы гром, увидел бы молнии, бьющие в скалы. Нас окружили клубы дыма, языки пламени, облака горячего пара. Я сбросил противника. Падая, он разрушил горный склон и сам разбился. Но и меня от последнего усилия схватил мрак, мысли меня покинули, и я блуждал вне времени и мыслей дорогами, о которых нельзя говорить. Нагим меня вернули назад — ненадолго, чтобы я смог выполнить свое предназначение, — и я оказался на головокружительной высоте Келебдила, лежал на камне, всеми забытый. С вершины мира не было пути вниз. Башня вместе с окном разлетелась на мелкие куски. Ступени засыпал обвал. Я смотрел вверх, видел звезды, а снизу из-под облаков доходил смешанный шум жизни и смерти, песни и плач, вечный стон камня. Я был наг, вокруг меня не было ни воды, ни жизни. Каждый день казался веком. Гваир-Ветробой нашел меня и снял со скалы, чтобы унести в мир.

— Видно, мне суждено быть твоим бременем, друг Орел, мой спаситель в беде! — сказал я ему.

— В первый раз ты был бременем, — ответил он. — Сейчас нет. Ты легок, словно в моих когтях лебединое перо. Сквозь тебя просвечивает солнце. Мне кажется, я тебе совсем не нужен: если тебя бросить, ты сам полетишь по ветру.

— Лучше все-таки не бросай меня, — попросил я его, потому что в меня начала понемногу входить жизнь. — Неси меня в Лотлориэн.

— Мне так и приказала Владычица Галадриэль; она меня послала тебя искать, — сказал Орел.

Вот так мы прибыли в Карс Галадон. Вы оттуда уже ушли. Меня одели в белое, и я остался в той земле, где нет увядания, где время врачует раны и течет незаметно. Там я давал советы и слушал советы. Потом тайными тропами добрался сюда. Некоторым из вас несу вести. Арагорну сказаны такие слова:

«Дунаданы где, о Элессар? Почему твой род в пути разбросан? Близок час пропавшему явиться. Скачет с севера Серая Дружина, Но темна твоя дорога к морю, Стережет ее мертвец, берегись!»

А Леголасу повелела Владычица сказать так:

«Хорошо ты жил в лесу, Леголас! Радость знал. Страшись теперь Моря! Как над берегом услышишь крики чаек — Сердце больше в лесу не отдохнет».

Гэндальф замолчал и полужакрыл глаза.

— А мне она ничего не сказала, — проговорил Гимли и опустил голову.

— Ее слова загадочны и темны, — сказал Леголас. — Даже тем, кому они предназначены, их понять трудно.

— Нашел чем утешить, — сказал Гимли.

— А чем еще? — сказал Леголас. — Ты бы хотел, чтобы она тебе открыто сказала о твоей смерти?

— Да, если ей больше нечего сказать.

— О чем вы? — отозвался Гэндальф, открывая глаза. — Мне кажется, я понимаю, что она хотела сказать. Прости меня, Гимли, для тебя тоже есть слова, причем не загадочные и не темные. Вот: «Гимли сыну Глоина от меня привет. Где бы ни был ты, у кого мой локон, мои мысли бегут тебе вслед. Но не забывай присмотреться к дереву прежде, чем замахиваться топором».

— В счастливый час ты вернулся, Гэндальф! — закричал гном, вскочил и, что-то напевая на странном гномьем языке, заплясал, размахивая топориком. — Вперед, вперед! Раз у Гэндальфа голова светлая и неприкасаемая, поищем другую, которую можно расколоть!

— Долго искать не придется, — сказал, вставая, Гэндальф. — Пора в путь. Время, отпущенное на встречу друзей, истекло. Поспешим.

Маг запахнул рваный серый плащ и пошел первым. За ним быстро спустились с карниза три друга, и все двинулись вниз по склону, через Лес, к берегам Реки Энтов. Шли молча, пока не дошли до края Фангорна. Коней не было, и следов их не было.

— Не вернулись! — вздохнул Леголас. — Трудно будет идти.

— Пешком я не пойду. Времени нет, — ответил Гэндальф.

Он поднял голову и протяжно свистнул таким молодецким чистым и звонким свистом, что друзья переглянулись, удивляясь, как такой свист мог вырваться из уст седого старца.

Подождав немного, маг свистнул второй раз, третий. И вдруг восточный ветер донес из степи конское ржание, а потом все почувствовали легкое дрожание земли. Сначала звук шел так издали, что, наверное, только Арагорн, приложив ухо к земле, мог бы распознать в нем конский топот, потом топот раздался так явственно, что сомнений не осталось.

— Но там не один конь, — сказал Арагорн.

— Конечно, не один, — ответил Гэндальф. — Один нас всех не унесет.

— Три! — воскликнул Леголас, всматриваясь в степь. — Вон там вихрем несется Хасуф, а за ним мой друг Эрод. И впереди них еще один конь, огромный, я такого в жизни не видел.

— И не увидишь. Другого такого нет, — сказал Гэндальф. — Это Серосвет, вожак мирасов, благороднейших скакунов. Даже у Феодена, Короля Рохана, не было второго такого жеребца. Его шерсть блестит, как серебро, а скачет он ровно, будто ручей бежит. Он спешит ко мне, это конь Белого Всадника. С ним я отправлюсь на войну.

Старый маг не успел закончить речь, как огромный конь подлетел к ним. Его гладкая шерсть действительно казалась серебряной, грива развевалась на ветру. Два других коня скакали следом. Завидев Гэндальфа, Серосвет громко заржал. Легко подскакав к магу, он изогнул гибкую шею и положил морду ему на плечо. Гэндальф погладил коня.

— Путь далек от Райвендела, друг! — сказал он. — Но ты мудро сделал, что поспешил. Теперь уж мы не расстанемся в этом мире!

Два других коня подбежали и остановились, словно ожидая приказаний.

— Сначала мы отправимся в Медусил, ко двору вашего хозяина Феодена, — вежливо обратился к ним Гэндальф. Кони мотнули головами. — У нас мало времени. Если не устали, друзья, двинемся сразу. Хасуф понесет Арагорна, Эрод — Леголаса. Гимли я посажу к себе. Серосвет, ты ведь согласишься нести двоих? Только сначала напьемся воды.

— Я начинаю понимать, что случилось вчера ночью, — сказал Леголас, легко вспрыгивая на спину

Эрода. — Не знаю, с испуга ли убежали наши кони, но заржали они от радости, приветствуя своего вождя Серосвета. Ты знал, что он где-то близко, Гэндальф?

— Знал, — ответил маг. — Я его мысленно звал и просил поспешить. Вчера он был еще далеко на юге. Пусть теперь несет меня прямо туда!

Гэндальф что-то прошептал на ухо коню, и Серосвет взял с места в галоп, стараясь не отрываться очень далеко от своих товарищей. В одном месте он резко свернул с тропы и, выбрав берег пониже, перешел вброд реку, потом повел кавалькаду на юг по ровной открытой степи. Вокруг волнами колыхалась буровато-серая трава. Ни один след не указывал дорогу, но Серосвет уверенно вел вперед.

— Он направляется прямо ко двору Феодена у подножия Белых Гор, — прокричал Гэндальф. — Так мы быстрее всего туда доберемся. В Восточном Эммете почва крепче, там главный северный тракт пересекает реку, но Серосвет знает дорогу через болота.

Они мчались много часов по лугам и берегам мелких речек. Во многих сырых местах трава росла так пышно, что достигала всадникам до колен, и им казалось, что они плывут по серо-зеленому морю. Иногда среди зелени попадались озера, иногда шумящие камыши указывали на близость коварных болот, но Серосвет находил безопасные тропы, а два других коня шли за ним след в след. Солнце постепенно клонилось к западу. Всадники уже видели красный, как пламя, шар, скатывающийся в траву. И тут над горами поднялся дым. Далеко-далеко на горизонте дым закрыл солнце и превратил его в кровавую луну, которая, казалось, подожгла траву, а черные столбы дыма поднимались все выше.

— Там Роханский Проход, — сказал Гэндальф. — Он прямо на западе отсюда, а вправо, севернее, за горами — Исенгард.

— Что может означать этот дым? — спросил Леголас.

— Войну! — ответил маг. — Вперед!

Глава шестая. ХОЗЯИН ЗОЛОТОГО ДВОРА

Отгорел закат, сгустились сумерки, а они еще мчались; потом наступила темнота и пришла ночь. Когда они, наконец, остановились и соскочили с коней, даже у Арагорна тело онемело, и он почувствовал, как устал. Но Гэндальф позволил им отдохнуть всего несколько часов. Гимли и Арагорн заснули, Леголас лежал, вытянувшись на спине, Гэндальф стоял, опершись на палку, и всматривался в темноту, поворачивая голову то на восток, то на запад. Вокруг была тишина, они никого не встретили и никого не видели. Когда маг поднял путников, по небу длинными полосами потянулись темные тучи, холодный ветер дул резкими порывами. В стылом свете месяца путники дальше поскакали так же быстро, как при свете дня.

Проходили часы, а четверо на трех конях продолжали скакать вперед. Гимли вздремнул и чуть не упал с коня, но Гэндальф вовремя его подхватил и встряхнул. Эрод и Хасуф, хотя и устали, но гордо скакали вслед за своим вожаком, который, казалось, был так же свеж, как и в начале пути, и несясь вперед легкой серебристой тенью.

Месяц спрятался за тучи, и дохнуло пронизывающим холодом. Тьма на востоке начала бледнеть. Из-за черной стены дальнего Приречного Нагорья красными стрелами выстрелили первые рассветные лучи. День начинался ясный, ветер дул ровно, травы шелестели и гнулись. Вдруг Серосвет остановился и заржал. Гэндальф протянул руку вперед.

— Смотрите! — сказал он.

Путники подняли усталые глаза. Перед ними высились снежные вершины над крутыми склонами с черными полосами ущелий. Это были южные Белые Горы. Зеленые луга поднимались к предгорьям, где делились на множество долин, еще темных и мрачных, не тронутых светом дня. Долины узкими языками врезались в горы. Путешественники увидели, что самая широкая из них кончается далеко впереди беспорядочным нагромождением скал, над которыми вздымается один высокий пик. А в начале этой долины, как часовой, стоит одинокий холм, и у его подножия вьется серебристая нить бегущей с гор реки. Рассветный луч ударил в верхушку холма, и путники уловили блеск золота.

— Посмотри туда, Леголас, и скажи, что видишь, — попросил маг.

Леголас заслонил глаза от боковых лучей зари.

— Вижу белый поток, льющийся со снежных гор, — сказал он. — Там, где он вытекает из долины, стоит зеленый холм. Его окружают ров и колючая ограда. Внутри из-за ограды видны кровли домов, а посередине на зеленой террасе — высокий богатый дом людей. Если глаза меня не обманывают, он крыт золотом, во всяком случае, он блестит, как золотой. Столбы у его ворот тоже золотые. Там несколько вооруженных воинов в блестящих доспехах; остальные, вероятно, спят.

— Поселение вокруг этого дворца называется Эдорас, — пояснил Гэндальф. — А Золотой Дом — это Медусил. В нем живет Феоден сын Фингла, Король Рубежного Края. Мы прибыли на рассвете. Дорога перед нами прямая и хорошо видна, но передвигаться надо осторожно, потому что в этих краях идет война, а рохирримы, коневоды и всадники, не спят на посту. Советую никому из вас не вынимать оружия и не говорить дерзких слов, пока мы не предстанем перед троном Феодена.

День уже разгорался, когда всадники подъехали к быстрой речке. Она широкой петлей огибала холм и шла на восток, где, вероятно, питала болота, разливалась и впадала к Реку Энтов. Пока она преградила путь нашим путешественникам. Земля вокруг была зеленая, у берегов речки густо росли ивы. Здесь, на юге, концы их веточек уже были красноватыми в предчувствии близкой весны. Через поток был брод, где на низких берегах отпечаталось множество следов конских копыт. Всадники перешли речку и оказались на широкой дороге, ведущей к холму.

У подножия холма дорога проходила между куполообразными зелеными буграми, густо, как снегом, покрытыми мелкими белыми звездочками цветов.

— Посмотрите, — сказал Гэндальф. — Как хороши ясные глазки этих цветов на зелени. Их называют памятки, на местном языке симбельмины, потому что они круглый год цветут на тех местах, где кто-нибудь похоронен. Мы сейчас едем вдоль курганов, в которых спят предки Феодена.

— Семь курганов слева и девять справа, — произнес Арагорн, — много долгих человеческих жизней прошло со времени постройки Золотого Двора.

— Пятьсот раз опадали с тех пор красные листья в моем родном Лихолесье, — сказал Леголас, — но нам кажется, что это совсем немного.

— А для рохирримов это так долго, — сказал Арагорн, — что о том времени остались только песни, а воспоминания ушли в далекое прошлое. Жители этого края давно называют его родиной, землей отцов, и язык их уже сильно отличается от языка их северных соплеменников.

И он негромко запел песню на языке, которого не поняли ни эльф, ни гном. Слушать ее было приятно, потому что мелодия была красивой.

— Догадываюсь, что это язык рохирримов, — сказал Леголас. — Он, как травы этой страны, гибкий, буйный, роскошный, суровый и твердый, как горы. Но в твоей песне много горечи, и я не могу догадаться, что так печалит смертных.

— Хорошо, попробую перевести ее для вас на Всеобщий язык, — сказал Арагорн:

Где теперь всадник и конь, Где рог, что звал нас в поле? Где кольчуга и шлем, И крыло волос на ветру? Где ярких костров огонь И ловкость сильных ладоней, Где звонкое пенье арфы И веселых танцоров круг? Где время весны в цветах? Где золото урожая? Все прошло, словно дождь в горах, Все развеял ветер полей! На запад за Мглистые Горы Дни уходят, как умирают. А пепел кто соберет? Меж обгорелых пней? Кто помнит, как падал лес? Кто слышал, как улетают Годы, прилетевшие из-за морей?..

— Эту песню сложил в давние времена забытый ныне роханский менестрель, вспоминая, как строен и красив был Юный Эорл, который привел народ с Севера. У его скакуна на ногах были крылья, и его звали Фелар, отец коней. До сих пор о них люди поют.

Арагорн рассказывал, а тем временем они проехали молчаливые курганы, вступили на извилистую дорогу, ведущую на холм, и скоро оказались у широких, встречающих степной ветер Ворот Эдораса.

Их сразу же окружили люди в блестящих доспехах и копьями загородили въезд.

— Стойте, чужеземцы! — закричали они на своем языке.

Затем стали спрашивать имена путников и цель путешествия. В их глазах читалось удивление, смешанное с неприязнью. На Гэндальфа смотрели совсем подозрительно.

— Я понимаю ваш язык, — ответил по-рохански Гэндальф. — Но мало кто из чужеземцев им владеет. Если хотите получить ответ, почему не говорите на общепринятом Вестроне?

— Приказ Короля Феодена — не открывать ворота никому, кто не знает нашего языка и не является нашим другом, — ответил один из часовых. — Сейчас время военное, и мы неохотно принимаем иноплеменных гостей, исключение составляют только гондорцы из Мундура. Кто вы такие, что так беспечно ездите по степи на конях, похожих на наших скакунов? Мы давно стоим на карауле и издали вас заметили. Здесь никогда раньше не видели таких необычных всадников, и конь, на котором ты сидишь, необыкновенный. Если глазам верить, он из породы мирасов. Может, ты одурманил нас чарами? Может быть, ты колдун, шпион Сарумана, и вы все — призраки, посланные им? Говори!

— Мы не призраки, — вмешался в разговор Арагорн. — Глаза вас не обманывают. Это кони из ваших конюшен, ты их узнал и зачем-то спрашиваешь! Злодеи не вернулись бы с конями к конюшням хозяина. Вот это — Хасуф и Эрод, скакуны, которых одолжил нам два дня назад Эомер, Третий Полководец Рубежного Края. Мы их привели, как обещали. Разве Эомер еще не вернулся и не предупредил о нашем прибытии?

Часовой явно смутился.

— Об Эомере я вам ничего сказать не могу, — ответил он. — Если ты говоришь правду, то Король наверняка что-то об этом знает. Может быть, вас и ждут. Но два дня назад под вечер сюда приходил Причмок и объявил, что по распоряжению Феодена ни один чужеземец отныне не должен пройти в ворота.

— Ах, Причмок! — сказал Гэндальф, внимательно глядя на стражника. — Можешь больше ничего не говорить. У нас дело не к нему, а к Властителю Рубежного Края. И дело неотложное! Ты пойдешь сам или кого-нибудь пошлешь доложить о нас Королю?

Глаза Гэндальфа при этом как-то странно сверкнули. Он еще раз всмотрелся в рохиррима.

— Сам пойду, — ответил тот, подумав. — Какие имена назвать Королю? Что о вас сказать? Ты кажешься старым и усталым, а вместе с тем ты грозен и суров.

— Ты кое-что уже правильно понял, — сказал маг. — Ибо я Гэндальф. Я вернулся. Видишь: я привел коня. Это сам Серосвет, который одного меня признает хозяином. Со мной Арагорн сын Араторна, наследник Великих Королей. Остальные — эльф Леголас и гном Гимли — наши друзья. Иди и скажи своему королю, что мы стоим у его ворот и будем с ним говорить, если он пустит нас ко двору.

— Станные у вас имена! Но я попробую их назвать своему Повелителю. Посмотрим, что решит Король! — сказал стражник. — Ждите, я принесу вам его ответ. Не очень надейтесь, однако. Время

сейчас суровое.

И он ушел, оставив мага и его спутников у ворот под охраной своих соплеменников.

Вернулся он довольно быстро.

— Идите за мной, — сказал он. — Феоден разрешил вас впустить.

Ворота, наконец, открылись; путешественники друг за другом вошли в них, следуя за стражником, и оказались на широкой улице, мощеной тесаным камнем, поднимающейся в гору где извилисто, где ступенями. Прошли мимо множества деревянных домов с темными дворами. Вдоль улицы плескался в каменном желобе искрящийся поток.

Улица доходила до вершины холма. Там на зеленой террасе был большой дом на высоком помосте, перед которым из камня, вытесанного в форме конской головы, бил источник. Вода весело стекала из него в большой фонтан, а оттуда — в речку. К помосту вели широкие и высокие ступени. На последней ступени с двух сторон были каменные скамьи, на которых сидели стражники с обнаженными мечами на коленях. Их золотистые волосы были заплетены в косы. Солнце отражалось в зеленых щитах и играло на полированных латах. Когда стражи встали со скамей, путники увидели, что они были очень высокого роста.

— Вход перед вами, — сказал приведший их стражник. — Мне надо вернуться к воротам. Прощайте! Да будет с вами милость Короля Рубежного Края.

Путешественники пошли по большим ступеням под зорким оком часовых. Гвардейцы Короля молча смотрели на них сверху вниз до тех пор, пока Гэндальф не оказался на верхней ступеньке. Как только он занес ногу, чтобы поставить ее на каменный помост, гвардейцы неожиданно звонким хором приветствовали прибывших на своем родном языке.

— Привет вам, путники из дальних стран!

При этом они повернули мечи рукоятями к гостям в знак мирных намерений. Зеленые камни в эфесах заблестели на солнце. Потом один из гвардейцев выступил из шеренги и произнес на Всеобщем языке:

— Я привратник Феодена. Мое имя — Гама. Моя просьба — сложите все оружие, прежде чем войдете во дворец.

Леголас первым отдал ему в руки кинжал с серебряной рукоятью, колчан и лук.

— Получше стереги мое оружие, — сказал он. — Оно из Золотого Леса и досталось мне в дар от Владычицы Лориэна.

Привратник удивленно заморгал и поспешно сложил оружие эльфа под стеной, будто опасаясь до него дотрагиваться.

— Обещаю, что никто из людей его не тронет, — сказал он.

Арагорн заколебался.

— Моя воля не велит мне снимать меч и передавать Андрил в другие руки.

— Но такова воля Феодена, — сказал Гама.

— Я не уверен, что воля Феодена сына Фингла, который правит Роханом, должна преобладать над волей Арагорна сына Араторна, наследника Элендила Гондорского.

— Ты стоишь перед домом Феодена, а не Арагорна, даже стань он Королем Гондора и сядь на место Денэтора, — ответил Гама, быстро вставая в дверях и преграждая дорогу. Его меч оказался повернутым острием к гостям.

— Бессмысленный спор, — вмешался Гэндальф. — Мы стоим перед дворцом Феодена и возражать бесполезно. Здесь закон — слово Феодена, будь оно хоть мудро, хоть глупо.

— Все это так, — сказал Арагорн, — я охотно выполнил бы пожелание хозяина, будь это шалаш, а не дворец, если бы носил у пояса другой меч. Но это Андрил.

— Как бы твой меч ни назывался, клади его сюда, — сказал Гама, — если не хочешь сражаться в одиночку со всеми воинами Эдораса.

— В одиночку он бы не сражался, — отозвался Гимли, проводя пальцем по лезвию топорика и грозно глядя на привратника, будто тот был молодым деревцем, которое надо срубить. — Один бы

не сражался.

— Тихо, тихо! — сказал Гэндальф. — Мы все тут друзья. Во всяком случае, должны быть друзьями. Ссорой мы ничего не добьемся, только в Мордоре порадуются. Наше дело не ждет. Я отдаю свой меч. Стереди его, почтенный Гама, как можно лучше, ибо это Гламдринг, выкованный эльфами в Незапамятные Времена. И пропусти меня. Ну, теперь ты, Арагорн!

Арагорн неохотно отстегнул пояс и сам поставил свой меч у стены.

— Я оставлю Андрил здесь, — сказал он, — но не вздумай, Гама, тронуть его и никому не разрешай к нему прикасаться. В ножнах, изготовленных эльфами, скрыт клинок, который был сломан, а потом выкован заново. Первым его ковал Телхар в Незапамятные Времена. Меч Элендила дается лишь наследникам Элендила. Любой чужой, кто до него дотронется, падет, сраженный им.

— Будто все вы прилетели из Незапамятных Времен или вышли из легенды, — сказал привратник, отступив на шаг и с удивлением смотря на Арагорна. — Как ты пожелаешь, так и будет, господин.

— Ну, в компании с Андрилом моему топорнику не стыдно будет полежать, — пробормотал Гимли и положил свое оружие под стену. — Мы все сделали, как ты хотел. Теперь веди к своему Королю.

Но привратник еще колебался.

— Будь добр, — обратился он к Гэндальфу, — оставь здесь и свою палку.

— Ну, это уж слишком! — ответил Гэндальф. — То была предосторожность, а это неучтивость. Я стар. Если не разрешишь мне войти, опираясь на палку, то я сяду тут и подожду, пока Феоден сам не приковыляет ко мне.

Арагорн засмеялся.

— У каждого есть свое сокровище. Неужели вы лишите старика последней опоры? Позволь нам пройти, наконец!

— Палка в руках мага может оказаться чем-то большим, нежели просто опорой в старости, — ответил Гама. Он внимательно посмотрел на ясеневую палку, на которую спокойно опирался Гэндальф. — В некоторых случаях, однако, можно принять особое решение. Я верю, что вы пришли как друзья и достойны уважения; у таких гостей не должно быть худых намерений. Проходите!

Гвардейцы отодвинули тяжелые засовы, распахнули двери, которые медленно раздвинулись внутрь на скрипучих петлях. Гости вошли во дворец. Внутри было полутемно и после утренней свежести на холме показалось душно. Парадный зал был длинным, с мощными столбами, подпирающими высокий потолок. Из восточных окон под самым потолком падали пучки света и ложились на пол теплым узором. Через отверстие в крыше к бледно-голубому небу поднимались струи пара. Когда вошедшие привыкли к полумраку, то увидели, что пол выложен цветными камнями и под ногами у них вьются рунические надписи и переплетаются странные фигуры. Колонны оказались украшены богатой резьбой, и на них сохранились остатки старинной росписи с позолотой. На стенах висели огромные тканые картины, изображавшие героев старинных легенд. Одна картина висела так, что на нее падал солнечный свет. Гости увидели молодого воина на белом коне. Юноша трубил в огромный рог, его золотистые волосы развевались на ветру. Конь поднял голову, раздувая розовые ноздри в предчувствии битвы. Зеленые волны с белой пеной достигали коню до колен.

— Смотрите! Это Юный Эорл, — объяснил Арагорн. — Таким он был, когда выступил с севера на битву при Келебранте.

Друзья пошли дальше и оказались в большом помещении с длинным каменным очагом посередине, в котором горел огонь. У южной стены, противоположной входу, три широкие ступени вели на возвышение. На нем в большом позолоченном кресле сидел старик, согбенный под бременем лет, казавшийся почти карликом. Его длинные волосы, заплетенные в толстые косы, свисали из-под тяжелого золотого обруча, сжимавшего виски. На лбом в обруче сверкал огромный белый алмаз. Белая, как снег, борода лежала на коленях. Только в глазах был живой блеск, когда он посмотрел на вошедших. За троном стояла женщина в белом платье. У ног властителя на ступенях сидел худой человек с бледным хитрым лицом и припухшими веками. Было тихо.

Старик сидел неподвижно. Наконец, Гэндальф произнес:

— Привет тебе, Феоден сын Фингла! Я вернулся, ибо грядет буря, и друзья должны держаться вместе, чтобы не погибнуть поодиночке.

Старик медленно выпрямился, тяжело опираясь на короткий черный жезл с набалдашником из белой кости. Те, кто видел его впервые, с удивлением обнаружили, что он был сутул, но очень высок, а в молодости, вероятно, удивлял всех благородной осанкой.

— Привет и тебе, — сказал он сухо. — Надеюсь, ты не ждешь, что я с радостью тебя встречу. Если говорить откровенно, твое появление в моем доме совсем не радость, почтенный Гэндальф. Ты всегда возмущаешь о несчастьях. Беды слетаются за тобой, как воронье, и с каждым новым твоим приездом их все больше. Не буду лгать: когда я услышал, что Серосвет прискакал без седока, я радовался возвращению жеребца, но еще больше — гибели всадника. А когда Эомер сообщил, что ты, Гэндальф, наконец ушел в самый долгий путь, я не оплакивал тебя. Но вести издалека часто искажаются. Ты снова здесь, и, как следовало ожидать, принес еще худшие вести, чем раньше. Как же мне радоваться при виде тебя, Гэндальф, Провозвестник Бури?

И Король снова медленно опустился на трон.

— Справедливы твои слова, господин мой! — отозвался бледный придворный, сидевший на ступеньках у ног Короля. — Пяти дней не прошло со времени горестного известия о том, что на полях Западного Эммета пал твой сын Феоред, правая рука Короля и Второй Полководец Рубежного Края. Нельзя доверять Эомеру. Если бы он тут распоряжался, немного бы воинов осталось охранять твою столицу. Сейчас из Гондора дошло до нас предупреждение о том, что Черный Властелин готовит нападение с востока. И в такой час этот бродяга снова здесь! Разве можно встречать его добром? Не гостем, а Зловестником надо его звать. Плохие вести — плохой гость! Придворный ядовито засмеялся и, на мгновение приподняв припухшие веки, сверкнул на чужеземцев черными глазами.

— Ты здесь считаешься мудрецом, Причмок, и наверняка Король думает, что ты ему большая поддержка, — тихо произнес Гэндальф. — Но плохие вести можно приносить по-разному. Можно быть их виновником, и можно быть другом, который в счастье уходит, а в несчастье оказывается рядом и предлагает помощь.

— Бывает еще и третий случай, — отозвался Причмок. — Бывают гости, которые приходят рыться в объедках и лезут в чужие дела; хищники, отъедающиеся на войнах. Чем ты нам помог, Ворон? С чем пришел? В прошлый раз ты сам просил помощи. Король разрешил тебе выбрать коня, чтобы ты смог уехать. Все возмутились, когда ты посмел выбрать Серосвета. Король был глубоко оскорблен и обижен. Но многие из нас согласились, что стоит заплатить любую цену, чтобы от тебя отделаться. Я уверен, что и сейчас ты опять попросишь у нас помощи вместо того, чтобы попытаться нам ее оказать. Почему ты не привел воинов? Где твои кони, мечи, копья? Все это была бы помощь, и это мы бы взяли. А кто пришел с тобой? Три оборванца в серых лохмотьях, да и сам ты еще больше стал похож на нищего.

— Я вижу, Феоден сын Фингла, что в последнее время негостеприимным стал твой двор, — сказал маг. — Разве стражник, которого я послал к тебе от ворот, не назвал имен моих друзей? Владыки Рохана не часто принимали в своем доме таких именитых гостей. Оружие, оставленное нами на пороге, достойно, чтобы его носили самые могущественные смертные. На моих друзьях серые плащи, ибо так их одели эльфы, чтобы они могли избежать опасности и дойти до твоего дома.

— Значит, Эомер не лгал, что вы — союзники колдуньи из Золотого Леса? — воскликнул Причмок. — Меня это не удивляет, в Галадоне всегда плелись сети измены.

Гимли сделал шаг вперед, но рука Гэндальфа легла ему на плечо, и он замер на месте как камень, а Гэндальф тихо запел:

В Галадоне, в Лориэне, Ты людской не встретишь тени, Свет эльфийских долгих дней
От обычных скрыт людей. Чистоты заветный хмель Для смертных ты, Галадриэль!
Светла вода в твоей реке, Бела звезда в твоей руке, Колодец твой глубок и чист, Свеж и нетронут каждый лист...
Тот край прекраснее мечты, Нет в нем ни Зла, ни суеты!

Песня прозвучала выразительно. Кончив петь, Гэндальф вдруг преобразился. Он сбросил старый плащ, выпрямился, перестал опираться на палку и произнес звучным холодным голосом:

— Мудрый говорит только о том, что хорошо знает, Грима сын Галмода, по прозвищу Причмок! Ты шипишь, как ядовитая змея. Лучше молчи, держи за зубами ядовитый язык! Не за тем я прошел огонь и воду, чтобы пререкаться с лживым слугой, когда приближается буря!

Маг поднял палку. Все услышали глухой раскат грома. Солнце в восточных окнах погасло, и зал погрузился во тьму. Огонь в очаге потускнел, дрова подернулись пеплом. Во мраке был виден лишь Гэндальф в белом, стройный и светлый.

Голос Причмока зашипел в темноте:

— Разве я не говорил тебе, о Король, чтобы его не впускали сюда с палкой? Дурень Гама нарушил приказ!

В темноте снова блеснуло. Потом наступила тишина. Причмок упал ничком.

— Теперь послушай меня, Феоден сын Фингла! — сказал Гэндальф. — Тебе нужна помощь? — он поднял палку и указал на отверстие в крыше. На небе темнота немного рассеялась, и высоко вверх прорвалось озерцо ясной синевы. — Мрак не весь мир застилает. Воспрянь духом и наберись мужества, Повелитель Рохана, и это будет самая лучшая помощь. У меня нет советов для тех, кто отчаялся и не верит в спасение. Но тебе я хочу дать совет, и я несу тебе слова утешения. Хочешь их услышать? Они — не для всяких ушей. Прошу тебя, выйди со мной на порог и посмотри на свой край. Слишком долго ты просидел в темноте, слушая лживых доносчиков и изменников-шептунов!

Феоден медленно сдвинулся с места. В зале стало немного светлее. Женщина в белом платье поспешила к Королю и взяла его под руку. Старец неверным шагом сошел с возвышения и направился к дверям. Причмок по-прежнему лежал ничком на полу. Когда они подошли к выходу, Гэндальф застучал в дверь.

— Отворите! — крикнул он. — Король идет!

Двери распахнулись, и прохладный ветер со свистом влетел в зал. На холме было свежо.

— Прикажи, Повелитель, чтобы твоя стража сошла на нижнюю ступеньку, — попросил Гэндальф. — А ты, госпожа, можешь сейчас оставить нас. Обещаю тебе позаботиться о Короле.

— Иди, Эовина, дочь сестры моей! — сказал Король. — Час тревоги прошел.

Женщина легким шагом вернулась во дворец. У порога она оглянулась. У нее были большие внимательные глаза, на Короля она смотрела со спокойной нежностью и жалостью. Она была молода и очень красива, волосы золотым ручьем струились по плечам. В белом платье, подпоясанном серебряным обручем, она казалась гибкой и хрупкой, но одновременно была сильна и горда, как подобает дочери королей. Вот так Арагорн в полном свете дня увидел Эовину, королевну Рохана, нежную и холодную, как свежее весеннее утро, не расцветшую еще полным цветом женское красоты. В эту минуту она увидела Арагорна, наследника великого рода, умудренного опытом многих прожитых лет. И хотя свое величие Арагорн скрывал под серым плащом, Эовина его угадала. На секунду она замерла, но тут же очнулась, повернулась и быстро ушла.

— Вот теперь, Повелитель, — сказал Гэндальф, — посмотри на свою страну! Вдохни свежего воздуха!

С высокой террасы на холме открывался широкий вид на зеленые степи за рекой, уходящие в серую даль. На западе полнеба закрывали темные тучи; косые полосы дождей, подгоняемые ветром, соединяли небо и землю. Где-то за невидимыми вершинами сверкали молнии. Но ветер изменился, дул уже с севера, а буря, которая двигалась с востока, отступала на юг, к Морю. Сквозь разорванные облака вдруг пробился солнечный луч. Дождь заискрился серебром, река вдали показалась парчовой лентой.

— Уже не так темно, — сказал Феоден.

— Не так темно, — согласился Гэндальф. — И возраст еще не выпил всю силу из твоих рук, как многим хотелось бы думать. Отбрось палку.

Черный жезл со стуком выпал из руки Короля на камни. Феоден выпрямился медленно, как человек, долго несший тяжелый груз. Он снова становился прямым и высоким, а когда еще раз посмотрел в открытое небо, его глаза поголубели.

— Грустный сон мне все время снился, — сказал он. — Сейчас я будто просыпаюсь. Жаль, что ты не приходил раньше, Гэндальф. Я боюсь, что уже поздно, и что ты пришел, чтобы присутствовать при закате моего рода. Недолго простоять Двору, который построил Брего сын Эорла. Огонь уничтожит наше горное гнездо. Что можно сделать?

— Очень многое, — ответил Гэндальф. — Сначала призови Эомера. Я, наверное, правильно догадался, что ты заключил его под стражу по совету Гримы, которого все, кроме тебя, зовут Причмоком?

— Да, — ответил Феоден. — Эомер не подчинился моему приказанию и в моем доме грозился убить Гриму.

— Но ведь можно любить тебя — и не любить Причмока, не доверять его советам, — сказал Гэндальф.

— Может быть, ты прав. Я сделаю, что ты хочешь. Позови Гаму. Оказавшись ненадежным привратником, он может оказаться хорошим гонцом. Виноватый приведет на суд другого виноватого, — произнес Феоден суровым тоном и улыбнулся Гэндальфу. Сетка грустных морщин на его лице разгладилась.

Когда Гама с удовольствием побежал выполнять поручение, Гэндальф отвел Феодена на каменную скамью, а сам сел перед ним на верхней ступеньке. Арагорн и его друзья встали поодаль.

— Мне не хватит времени, чтобы сейчас рассказать тебе все, что ты должен услышать, — сказал Гэндальф. — Если меня не обманывает надежда, скоро я смогу побеседовать с тобой подольше. Знай, о Король, что тебе грозит опасность страшнее тех кошмаров, которыми отравлял твои сны Причмок. Но сейчас ты не спишь. Ты жив! Две страны — Гондор и Рохан — не одиноки в борьбе. Враг очень силен, но нам светит надежда, о которой он не знает.

Гэндальф быстро и тихо заговорил, так что кроме Короля никто его слов не услышал. Но по мере того, как Гэндальф говорил, глаза Феодена загорались живым блеском, и, наконец, он встал во весь свой огромный рост, и Гэндальф встал рядом с ним, и они вместе смотрели на восток.

— Вот так, — сказал Гэндальф обычным своим громким и звучным голосом. — Теперь в той стране, где таится самая страшная угроза, свила гнездо надежда. Наша судьба висит на тонкой ниточке. Но надежда пока жива и не погаснет, если хоть какое-то время мы поддержим ее тем, что сами выстоим.

Все тоже посмотрели на восток. Над открытыми широкими полями, туда, куда не достигал взгляд, на черные горы, в страну мрака летели их мысли с тревогой и надеждой. Где сейчас Несущий Кольцо? Как тонка ниточка, на которой держится судьба!

Когда Леголас напряженно смотрел вдаль зоркими эльфийскими глазами, ему показалось, что он видит светлый блик солнца на шпилье Сторожевой Башни, а еще дальше, за Крепостью Последней Надежды, в совсем немыслимой дали — поднимающийся тусклой угрозой язык пламени.

Феоден тяжело сел, будто его старость и усталость еще боролись с железной волей Гэндальфа. Посмотрел на свой пышный дворец.

— Жаль, — промолвил он, — что в моей жизни настали лихие дни, и как раз тогда, когда я стал стар и жду заслуженного покоя. Жаль мужественного Боромира! Горе, когда молодые гибнут раньше стариков, — и он уперся морщинистыми руками в колени.

— Твои пальцы вспомнят прежнюю силу, когда сожмут рукоять меча, — сказал Гэндальф.

Феоден встал и тронул рукой бок, но у пояса меча не было.

— Куда этот Грима девал мой меч? — негромко спросил он.

— Возьми мой, о любимый Повелитель! — послышался звонкий голос. — Он всегда служил только тебе!

Два воина взбежали на террасу и встали на второй ступеньке лестницы. Один из них Эомер. На нем не было ни лат, ни шлема, но в руке он держал обнаженный меч. Он преклонил колени и протянул меч Королю рукоятью вперед.

— Как это понимать? — сурово спросил Феоден.

Он обращался к Эомеру, а остальные с удивлением смотрели на него, не узнавая, таким он стал высоким, прямым и гордым. Куда девался согбенный старец, которого совсем недавно видели только в кресле или тяжело опирающимся на палку?

— Это я виноват, — ответил, дрожа, Гама. — Я понял, что Эомер прощен и свободен. Я совершил ошибку от радости, решив, что раз он полководец, то надо вернуть ему меч, о чем он и сам просил.

— Просил, чтобы положить его к твоим ногам, мой Король! — сказал Эомер.

Некоторое время стояла тишина. Феоден смотрел сверху вниз на коленопреклоненного воина. Никто не двинулся.

— Возьми меч, Король! — сказал Гэндальф.

Феоден медленно протянул руку. Когда его пальцы коснулись рукояти, окружающим показалось, что они видят, как новой силой наливаются узловатые руки. Вдруг Король поднял меч над головой и стал его быстро вращать, так что искры посыпались. Громко крикнул зычным голосом, и над холмом разнесся призыв:

В бой, конница Феодена! Ждут кровавые подвиги, — Тьма на востоке! Седлайте коней, пусть звучат рога! Вперед, племя Эорла!

Гвардейцы, решив, что Король их зовет, подскочили к нему, с удивлением посмотрели на него, и все, как один, вынув из ножен мечи, опустили их остриями к его ногам.

— Веди нас! — раздался их дружный крик.

— Весту Феоден Хал! — воскликнул Эомер. — Какая радость видеть тебя снова в полной силе, Повелитель! Теперь никто не скажет, что Гэндальф приносит одни несчастья!

— Возьми свой меч, Эомер, сын сестры моей! — сказал Король. — А ты, Гама, найди мой. Я дал его на сохранение Гриму. Приведи его сюда. Гэндальф, ты обещал мне совет, если я захочу его принять. Какой совет ты мне дашь?

— Ты его уже принял, — ответил Гэндальф, — раз по-прежнему доверяешь Эомеру, а не тому презренному лжецу. Ты отбросил печаль и страх. Ты решил действовать. Отправь немедленно на запад всех мужей, умеющих сидеть на коне, как советовал тебе Эомер. Пока не поздно, надо предотвратить угрозу со стороны Сарумана. Если этого не сделать, мы погибнем. Если нам это удастся, займемся следующим делом. Всех, кто останется, женщин, детей и стариков, поскорее отправь в укрепленные горные убежища. Пусть беженцы не берут с собой ничего лишнего, дело идет не о богатстве, а о жизни и смерти.

— Совет хорош, — сказал Феоден. — Огласите мой приказ: пусть люди собираются в путь... А вы, мои гости... Правду говоришь, Гэндальф, негостеприимен стал мой Двор. Вы ехали всю ночь, а сейчас уже полдень. Вы устали, вы голодны. Пусть гостям немедленно приготовят покои, им надо поспать и поесть!

— Нет, Король! — сказал Арагорн. — Нам сейчас не время отдыхать. Воины Рохана садятся на коней, с ними будут наш топор, наш лук, наш меч. Не затем принесли мы с собой оружие, чтобы праздно лежало оно под стеной твоего Дома, Властитель Рубежного Края. Я обещал Эомеру, что наши мечи покинут ножны в одном бою.

— Значит, у нас есть надежда на победу! — воскликнул Эомер.

— Надежда есть, — ответил Гэндальф. — Но Исенгард силен. Подходят и другие беды. Не трать времени, Феоден, как только мы выступим, сразу веди своих подданных в Дунгарское Укрытие, в горы.

— Нет, Гэндальф! — ответил Король. — Ты, наверное, сам не знаешь силы совершенного тобой исцеления. Будет иначе. Я пойду во главе своих воинов и погибну в бою, если так суждено, тогда спокойным будет мой вечный сон.

— И даже если Рохан потерпит поражение, песни прославят его, — сказал Арагорн.

Вооруженные воины, стоявшие на холме, застучали мечами о щиты и закричали:

— Король с нами! Вперед, дети Эорла!

— Но народ нельзя оставить без вождя и без защиты, — сказал Гэндальф.

— Я подумал о выборе наместника до того, как мы выступим, — ответил Феоден. — Вон идет мой советник.

Из Дворца вышел Гама, а за ним, съездившись между двумя воинами, Причмок, еще более, чем обычно, бледный. Выйдя на свет, он заморгал и зажмурил глаза. Гама опустился на одно колено и подал Феодену длинный меч в ножнах, окованных золотом и украшенных зелеными камнями.

— Вот, о Король, твой старый меч Харгрим, — сказал он. — Я нашел его в сундуке Гримы. Он не хотел давать мне ключи. Там, кроме этого, нашлись вещи, которые пропадали у твоих придворных.

— Поклеп! — заныл Причмок. — Король сам отдал мне меч на хранение.

— А теперь сам беру его назад, — сказал Феоден. — Тебе это не нравится?

— Это твое оружие, о Король! — ответил Причмок. — Я пекусь о тебе и твоих делах. Но не переоцени своих сил. Пусть кто-нибудь другой развлекает незваных гостей. Сейчас обед подадут. Не изволишь ли сесть за стол?

— Изволю, — сказал Феоден. — Вместе с гостями. Войско уже выступает в Поход. Пусть герольды трубят сбор. Вызвать всех, кто есть в городе. Мужички, юноши, умеющие держать оружие и сидеть в седле, пусть выстроятся в конном строю у ворот к двум часам пополудни.

— Король милостивый! — крикнул Причмок. — Сбываются мои опасения. Этот чародей тебя околдовал! Неужели ты никого не оставишь охранять Золотой Двор твоих предков и его сокровища? А кто же позаботится о безопасности Короля Рохана?

— Если это даже колдовство, — ответил Феоден, — то оно уже принесло больше пользы, чем твои

нашептывания. Позволь я тебе еще немного себя лечить, стал бы ходить на четырех, как скот. Нет, здесь я никого не оставлю, даже тебя. Грима пойдет с войском. Живо собирайся! Тебе еще хватит времени счистить ржавчину с твоего меча!

— О милости прошу, Повелитель! — взвыл Причмок, припадая к земле. — Смилуйся надо мной! На твоей службе я потерял силу и здоровье! Не удаляй меня от своей особы! Разреши хотя бы стоять рядом, когда все другие уйдут от тебя. Не отталкивай верного Гриму!

— Я оказываю тебе милость, — сказал Феоден, — и не удаляю тебя от своей особы. Я сам выступаю с войском. Предлагаю тебе ехать со мной, дабы ты смог оправдаться и доказать свою верность.

Причмок обвел взглядом окружающих. В его глазах был ужас загнанного зверя, который ищет лазейку, чтобы удрать от взявших его в кольцо охотников. Длинным языком он облизал дрожащие губы.

— Учитывая преклонные годы достойного потомка Эорла, такого решения можно было ожидать, — сказал он. — Но те, кто любит его по-настоящему, должны были пощадить его старость. Я вижу, что опоздал. Короля успели перетянуть на свою сторону другие советчики, которых его смерть опечалит меньше, чем меня. Я уже не могу изменить того, что сделали пришельцы. Так выслушай, Король, мою последнюю просьбу. Оставь в городе наместника, который знает твои помыслы и уважает твою волю. Выбери достойного. Позволь, пока не вернешься, вернейшему твоему советнику, Гриму, следить за порядком. И молю судьбу, чтобы она дала нам в скором времени счастье встретить тебя дома, несмотря на то, что здравый рассудок отказывается верить в удачное твое возвращение!

Стоявший рядом Эомер расхохотался.

— А если твоей просьбы окажется недостаточно, чтобы почетной должностью спастись от участия в боях, почтеннейший Причмок, какой менее важный пост ты согласишься занять? — спросил он. — Может быть, останешься перевозить в горное укрытие мешки с мукой, если найдется кто-нибудь, кто тебе их доверит?

— Нет, Эомер, ты, видно, не понял еще всех замыслов почтеннейшего Причмока, — сказал Гэндальф, обращая на изменника проницательный взгляд. — Причмок и смел, и хитер. Даже сию минуту он продолжает опасную игру и выигрывает ход. Но он украл слишком много моего времени. На землю, гадина! — крикнул вдруг маг во весь голос. — В прах ничком! Говори, с каких пор служишь Саруману? Чем он тебе платит? Когда достойные мужи погибнут, ты останешься и возьмешь себе часть сокровищ, а также ту, которую давно желаешь? Долго ты приглядывался к ней из-под век и следил за каждым ее шагом!

Эомер схватился за меч.

— Я это знал! — воскликнул он. — Потому и хотел его убить, забыв о правилах Двора. Есть и другие поводы.

Он сделал шаг вперед, но Гэндальф удержал его руку.

— Эовина уже в безопасности, — сказал он. — А ты, Причмок, для своего настоящего хозяина уже сделал все, что мог. Заслуживаешь награды. Кстати, Саруман подчас не сдерживает обещаний; я бы посоветовал тебе поспешить к нему и напомнить о них, а то он совсем забудет о тебе и твоих заслугах.

— Это клевета, — сказал Причмок.

— Слишком часто ты обвиняешь окружающих, — сказал Гэндальф. — Я не клеветшу. Видишь эту змею, Феоден? Брать его с собой так же опасно, как оставлять дома. Лучше всего было бы снять ему голову. Но он не всегда был таким подлым гадом, как сейчас. Был когда-то человеком и делал свое дело. Дай ему коня, пусть едет, куда хочет. И суди о нем по тому, как он себя дальше поведет.

— Слышишь, Причмок? — спросил Феоден. — Выбирай: ты едешь со мной на войну и в битве доказываешь свою верность, или едешь, куда хочешь, но если снова попадешься мне, снисхождения не жди!

Причмок медленно поднялся с земли. Посмотрел на собравшихся из-под тяжелых век. Потом медленно посмотрел в лицо Феодену и открыл рот, будто хотел что-то сказать. Вдруг весь напрягся, замахал руками. Глаза у него заблестели таким злобным блеском, что окружающие отступили от него, как от змеи. Он ощерил зубы, со свистом втянул воздух и неожиданно брызнул слюной под ноги Королю. Потом отскочил в сторону и стремглав пустился бежать вниз по лестнице.

— Кто-нибудь, побегите за ним, — приказал Феоден. — Надо проследить, чтобы он не принес больше вреда, но не бейте его и не задерживайте. Дайте ему коня, если захочет.

— И если найдется конь, который захочет его носить, — добавил Эомер.

Один гвардеец побегал вслед за изменником, другой принес в шлеме воды из фонтана под террасой и старательно омыл камни, оскверненные плевком Причмока.

— А сейчас прошу к столу, — сказал Феоден. — Прежде всего надо хоть немного поесть.

Все вернулись во дворец. Снизу уже слышались голоса герольдов и звуки боевых рогов. Король повелел выступать, как только подойдут вооруженные бойцы из города и из ближайших селений.

За королевский стол сели четыре гостя и Эомер, а прислуживала Королю его племянница Эовина. Ели и пили быстро. Феоден расспрашивал Гэндальфа о Сарумане, остальные молча слушали.

— Кто знает, когда началась измена! — говорил маг. — Саруман не всегда был злым. Без сомнения, было время, когда он был искренним другом Рохана и даже потом, когда сердце его остыло, помогал вам, потому что считал вас полезными. Но уже много лет он замышляет твою гибель и тайно собирает силы. Причмок все эти годы был его шпионом, и в Исенгарде знали обо всем, что у вас происходило. Причмок все время нашептывал тебе советы, отравлял тебе мысли, студил сердце, ослаблял тело. Друзья твои это видели, но ничего не могли сделать, потому что он, как змея, завладел твоей волей.

Когда я бежал из Ортханка и предостерег тебя, маска была сорвана; во всяком случае, те, кто хотел знать правду, увидели его истинный облик. Игра Причмока стала рискованной. Он пытался постоянно удерживать тебя от дел, не допускать единения всех сил в Рохане, скрыть новости. Он был ловок: усыплял бдительность или сеял страх, в зависимости от того, с кем имел дело. Помнишь, как он упрямо настаивал на том, чтобы ни одного воина не освобождать от большой охоты на диких гусей на севере, когда появилась угроза с запада? Он требовал, чтобы Эомеру запретили преследование рышущих по степи орков. Если бы Эомер не нарушил приказа Причмока, произнесенного устами Короля, большая банда орков спокойно дошла бы до Исенгарда со своей бесценной добычей. Правда, добыча была не совсем та, которую Саруман всеми силами старается захватить, но все-таки это были двое из нашего Отряда, посвященные в тайну, о которой я даже тебе, Королю, не могу рассказать открыто. Тайна эта прямо связана с нашей последней надеждой. Страшна даже мысль о том, какие муки ожидали наших друзей, какие сведения вырвал бы у них Саруман и какую гибель это бы нам принесло!

— Сейчас я очень благодарен Эомеру, — сказал Феоден. — У него верное сердце, хотя строптивый нрав.

— Знай, Король, что у правды может быть искаженный облик, если смотреть на нее затуманенными глазами, — заметил маг.

— Мои глаза застилала слепота, — сказал Феоден. — Ты пришел вовремя. Я хочу одарить тебя, прежде чем мы выступим. Выбери себе все, что хочешь. Все мое — твое. Одного только не отдам — меча своих предков.

— Вовремя ли мы пришли, покажет время, — ответил Гэндальф. — А что касается дара, Король, то я выбираю то, что мне сейчас необходимо: быстрого и верного коня. Отдай мне Серосвета. Пока я его брал только на время, в долг, если можно так сказать. Сейчас я поеду на нем в опасный Поход, брошу серебро против черни. Я бы не хотел рисковать тем, что мне не принадлежит. Кроме того, мы с этим конем уже связаны дружбой.

— Хорош твой выбор, — сказал Феоден. — Охотно дарю его тебе. Это ценный дар. Другого такого коня на свете нет. В нем — кровь великолепных скакунов прошлого. Таких больше не будет. Но, кроме этого, прошу тебя, Гэндальф, и всех остальных гостей выбрать себе все, что надо, из моей оружейни. Мечи вам не нужны, но у нас найдутся шлемы и латы тонкой работы, которые мои предки получили от Властителей Гондора. Выбирайте, и пусть эти доспехи служат вам верно!

Тут же служители принесли из оружейной сокровищницы блестящие латы и помогли их надеть Арагорну и Леголасу. Друзья также получили шлемы и круглые щиты с золотыми шишаками, украшенными зелеными, красными и белыми камнями. Гэндальф лат не взял, а Гимли они были не нужны, даже если бы в Эдорасе что-нибудь нашлось на его рост, потому что напрасно было среди человеческих доспехов искать кольчугу крепче, чем чешуйчатый панцирь, выкованный гномами в подземельях Одинокой Горы на севере. Он выбрал себе только кожаный шишак с железными полосами, хорошо сидевший на его круглой голове, и небольшой щит. На щите был нарисован белый конь в галопе на зеленом поле — герб рода Эорла.

— Пусть он надежно хранит тебя в бою! — сказал Феоден. — Этот щит сделали для меня еще при жизни Короля Фингла, когда я был мальчиком.

Гимли низко поклонился.

— Я с гордостью буду носить твой герб на щите, — ответил он и тут же добавил: — Коня лучше нести, чем на нем сидеть. Я бы хотел биться в пешем бою. Может быть, еще будет битва, где кони не понадобятся.

— Очень может быть! — ответил Феоден.

Король встал. Подошла Эовина с полным кубком вина.

— Ферту Феоден Хал! — произнесла она. — Прими этот кубок и выпей за удачный поход! Будь счастлив в пути и возвращайся в добром здравии!

Когда Феоден отпил из кубка, королева по очереди обнесла им всех гостей. Перед Арагорном она задержалась и подняла на него ясный взгляд. Арагорн с улыбкой смотрел на ее красивое лицо. Принимая кубок, он дотронулся до ее руки и почувствовал, как вздрогнули ее пальцы.

— Будь здоров, Арагорн сын Араторна! — произнесла она.

— Будь здорова, королева Рохана! — ответил воин, но улыбка сошла с его уст.

Все выпили по глотку из кубка, после чего Король вышел к войску. Его уже ждали гвардия и герольды, все военачальники и полководцы, а также достойнейшие мужи Рубежного Края, прибывшие из ближайших селений.

— Слушайте все! — объявил Феоден. — Ныне я выступаю, и быть может, это будет мой последний поход. Нет у меня детей. Единственный мой сын, Феодред, погиб. Объявляю своим наследником Эомера, сына моей сестры. Если ни один из нас не вернется, выберите достойного Короля по своему разумению. Сейчас надо кому-нибудь позаботиться о тех, кто останется здесь. Я должен назначить наместника, который бы это сделал и временно правил моим именем. Кто из вас останется?

Никто из мужей не отозвался.

— Назовите имя того, кого хотели бы видеть наместником! Кому больше всего доверяют люди?

— Роду Эорла, — отозвался Гама.

Но Эомер нужен войску, да и не согласится остаться, — сказал Король. — А он последний в роде.

— Я думал не об Эомере, — ответил Гама. — И он не последний. У него есть сестра, Эовина дочь Эомунда. У нее бесстрашное и благородное сердце. Ее все любят. Пусть она правит племенем Эорла во время твоего отсутствия, Король!

— Да будет так! — сказал Феоден. — Пусть герольды огласят мою волю.

Король сел на скамью перед входом в свой Золотой Дом. Эовина опустилась на колени и приняла из его рук короткий меч и красивый панцирь.

— Будь здорова и прощай, дочь моей сестры! — сказал Феоден. — В черный час расстаемся мы, но я надеюсь, что мы еще вместе с тобой вернемся в Золотой Двор. В крайнем случае, в Дунгарском Укрытии можно долго обороняться, а если мы проиграем битву, то все, кто останется в живых, придут туда.

— Вы победите, Король! — ответила девушка. — Каждый день будет мне казаться годом, пока ты не вернешься.

Но говоря так, она смотрела на Арагорна, стоявшего рядом с Королем.

— Король вернется, — сказал Арагорн. — Не бойся, Эовина. Не на западе, а на востоке свершится судьба.

Король встал и вместе с Гэндальфом сошел по ступеням. Все последовали за ним. Проходя через ворота, Арагорн еще раз обернулся. На верхней ступеньке перед входом в Золотой Дом стояла Эовина. Мечом она опиралась о землю, положив ладони на рукоять. В светлом панцире играло солнце, делая ее похожей на серебряную статуэтку.

Гимли шел с Леголасом, положив топор на плечо.

— Наконец-то! — сказал он. — Люди не могут обойтись без длинных слов, приступая к делу. Топорик греет мне руки. Не сомневаюсь, что рохирримы не подведут, когда дело дойдет до битвы. Но эта война мне не по сердцу. Как я доберусь до противника? Я бы хотел идти своими ногами, а не трястись, как мешок, за Гэндальфом.

— Это самое безопасное место, — сказал Леголас. — Но Гэндальф наверняка опустит тебя на землю,

когда начнется бой. Или Серосвет стряхнет. Топор — неподходящее оружие для всадника.

— Гном не всадник. Я хочу рубить головы оркам, а не брить лбы людям, — ответил Гимли, поглаживая лезвие топорика.

За воротами собралось внушительное войско рохирримов, старых и молодых. Все были на конях. Было здесь больше тысячи всадников. Копья стояли, как молодой лес. Воины громко и весело приветствовали Короля. Ему подвели коня по имени Снежногривый; подвели коней Арагорну и Леголасу. Гимли хмуро смотрел исподлобья, в явном беспокойстве, но к нему подошел Эомер с конем в поводу.

— Привет тебе, Гимли сын Глоина! — сказал он. — У меня не было времени, чтобы получить у тебя урок учтивости. Но может быть, мы отложим наш спор? Во всяком случае, обещаю больше не говорить плохих слов о Владычице Золотого Леса.

— Забудь сейчас о моем гневе, Эомер сын Эомунда, — ответил Гимли. — Если когда-нибудь ты своими глазами увидишь госпожу Галадриэль, то признаешь, что она красивее всех на свете, — или наша дружба кончится навеки.

— Пусть будет так! — сказал Эомер. — Однако пока ты прости меня, а в знак, что не держишь обиды, сядь со мной на коня. Гэндальф с Королем поедут во главе войска, а мой Огнескок согласен нести нас двоих, если ты не против.

— Спасибо, Эомер, — ответил Гимли, искренне радуясь. — Я охотно поеду с тобой, но только если мой друг Леголас будет рядом!

— Решено, — сказал Эомер. — Леголас поскачет слева, Арагорн справа, и никто нас не остановит!

— Где Серосвет? — спросил Гэндальф.

— Гуляет по степи! — ответило несколько голосов. — Он никому не дается. Вон он там, у брода, как светлая тень под ивами!

Гэндальф свистнул и громко позвал коня по имени. Серосвет поднял голову и издали ответил ржанием. Потом как стрела понесся на зов.

— Если бы Западный Ветер принял видимый облик, он был бы таким, — произнес Эомер, когда огромный жеребец встал перед магом.

— Оказывается, подарок уже давно твой! — сказал Король. — Пусть услышат все! Отныне мой гость Гэндальф Серый, мудрейший советник, желаннейший из всех гостей, назван мною Князем Рохана и Полководцем народа Эорла, и почести ему будут воздаваться, пока наш народ не исчезнет с лица земли. Дарю ему Серосвета, князя среди коней.

— Спасибо, Король Феоден! — сказал Гэндальф.

Он резким движением смахнул с плеч серый плащ, отбросил шляпу и вскочил на коня. Не было на нем ни шлема, ни панциря. Снежно-белые волосы развевались на ветру, белые одежды светились на солнце.

— Смотрите! Это Белый Всадник! — закричал Арагорн, и люди подхватили его слова.

— Наш Король и Белый Всадник! — закричали в войске. — Вперед, племя Эорла!

Заиграли трубы. Кони ржали и вставали на дыбы. Копья стучали о щиты. Король поднял руку. Будто мощный вихрь вырвался в степь. Войско Рохана помчалось вперед, на запад. Долго-долго в равнинной степи видела Эовина блеск копий, неподвижно стоя на крыльце затихшего Золотого Дома.

Глава седьмая. В ХЕЛЬМСКОЙ ТЕСНИНЕ

Когда войско выходило из Эдораса, солнце уже скатывалось к западу и било в глаза, так что широкая степь слилась в золотистое слепящее облако до самого горизонта. Под Великими Горами на северо-запад шел битый тракт, по которому и направился Феоден, а за ним все воины. До самого вечера они скакали то вверх, то вниз по зеленым предгорьям, переходя вброд мелкие ручьи и речки. Далеко справа виднелись Мглистые Горы, которые с каждым пройденным гоном казались все выше и темнее.

Войско двигалось почти без остановок. Этого требовала необходимость. Боясь не успеть на место вовремя, всадники гнали коней во весь опор. Роханские скакуны выносливые и быстрые, но и путь был далек. От Эдораса до Брода через Исену, где Феоден надеялся встретиться со своими сторожевыми отрядами, сдерживавшими натиск Сарумана, было не менее сорока гонов птичьего полета.

Стало уже совсем темно, когда, наконец, был дан приказ остановиться и разбить лагерь. Прошло пять часов с момента выступления, и войско находилось далеко на западных равнинах, но добрых полпути осталось впереди. На отдых расположились широким кольцом прямо под открытым звездным небом, при ярком свете прибывающего месяца. Костров не разводили, вокруг лагеря выставили стражу, а в степь разослали лазутчиков. Ночь прошла спокойно. На рассвете заиграли рога, и войско снова помчалось вперед.

В воздухе уже с утра чувствовалась тяжелая духота, и было необычайно тепло. Солнце поднялось в тумане, а за ним небо начала затягивать темная пелена, будто с востока шла большая буря. Далеко на северо-западе от подножия Мглистых Гор поднималась другая темная волна, медленно выползавшая из чародейского ущелья Нэн-Курунир.

Гэндальф подъехал к шеренге, в которой рядом с Эомером скакал Леголас.

— У тебя острое зрение благородного эльфийского рода, Леголас, — сказал маг. — Ты за несколько гонов отличишь воробья от зяблика. Что там делается в стороне Исенгарда?

— Посмотрим, — сказал Леголас, вытягиваясь вперед и приставляя ладонь ко лбу. — Вижу темноту. В ней движутся какие-то фигуры, огромные, но кто они — сказать не могу. Идут по берегу реки. Смотреть мешает туман, — воздух чистый, но на все падает тень, будто кто-то нарочно опускает ее на землю, и она растекается. А фигуры похожи на бесчисленные деревья, сползающие с горы.

— Так, — сказал Гэндальф. — А за ними — страшная буря из Мордора. Будет черная ночь.

На второй день марша воздух стал ещё более душным. После полудня войско догнали черные тучи, будто траурное покрывало, клубящееся по краям. То и дело его прошивали ослепительные искры. Кровавое солнце садилось словно в пар. Ярко блеснули острия копий, когда последние лучи осветили крутые бока горы Трезубец. Три ее кривых рога торчали над крайним северным бастионом Белых Гор, окрашенным пламенем заката. Горы были совсем близко. И тут передовые всадники заметили темную точку: кто-то скакал им навстречу. Войско остановилось.

Подъехавший воин был страшно утомлен. Его шлем был помят, щит треснул. Он медленно сполз с коня, глубоко вздохнул, затем заговорил.

— Эомер здесь? — спросил он. — Наконец-то прибыли, но поздно, и мало вас. С тех пор, как пал Феодред, все идет плохо. Вчера нас отбросили за Исену, мы понесли большие потери. Много наших погибло у брода. Ночью к неприятельскому лагерю пришло подкрепление. Исенгард, наверное, пустым остался. Саруман вооружил диких горцев и пастухов из Дунланда, и все они напали на нас, смяли численным перевесом, стена наших щитов дала трещину под их напором. Эркенбранд из Западной Лощины собрал раненых и отступил в сторону Теснины Хельма. Остатки войска разбрелись по степи... Где Эомер? Скажите ему, что идти дальше незачем. Пусть лучше вернется в Эдорас, пока не попал на зуб волкам из Исенгарда.

До сих пор Феоден слушал молча, отступив за спины своих гвардейцев, но тут хлестнул коня и выехал вперед.

— Встань передо мной, Кеорл! — сказал он. — Я тоже здесь. Последнее войско племени Эорла вышло на бой. Оно не отступит.

Запыленное лицо воина осветилось удивлением и радостью. Он выпрямился, расправил плечи, потом упал на колени и вынул из ножен меч, протягивая его рукоятью к Королю.

— Приказывай, Король! — воскликнул он. — Прости меня! Я думал...

— Думал, что я остался в Медусиле, согбенный, как дерево под зимним снегом. Так было, когда ты

выезжал на войну. Но ветер с запада заставил это дерево тряхнуть ветвями. Дайте ему свежего коня! — приказал Феоден. — Вперед, на помощь Эркенбранду!

Когда Феоден кончил говорить, к нему подъехал Гэндальф, который все это время внимательно всматривался в северный горизонт и поглядывал на запад, на заходящее солнце.

— Правь в Хельмскую Теснину, Король! — произнес он. — Не подходи к Броду через Исену и не выезжай в открытую степь. Держись возле гор! Я ненадолго должен вас оставить. Серосвет понесет меня туда, где ждет самое неотложное дело. — Маг повернулся к Эомеру, Арагорну и гвардейцам: — Берегите Короля, пока я не вернусь! Ждите меня у Хельмских Ворот. А пока — до свидания!

Гэндальф что-то шепнул на ухо Серосвету, и огромный жеребец стрелой рванулся в степь и исчез в мгновение ока, блеснув серебром в лучах заходящего солнца. Снежногривый рванулся и стал на дыбы, готовый помчаться за ним, но Серосвета теперь можно было бы догнать лишь на крыльях.

— Что это может означать? — спросил Гама один из гвардейцев.

— Только то, что Гэндальф Серый очень спешит, — ответил Гама. — Он всегда уходит и приходит неожиданно.

— Был бы тут Причмок, он бы сразу объяснил, — продолжал гвардеец.

— Наверное, — ответил Гама так же спокойно. — Но я дождусь Гэндальфа.

— Долго ждать будешь, — буркнул гвардеец, однако замолчал.

Войско развернулось, сошло с дороги, проложенной к Броду через Исену, и направилось к югу. С наступлением ночи рохирримы не остановились. Горы были совсем близко, но вершины Трезубца теперь лишь слегка выделялись на потемневшем небе. Через пару гонов воины доскакали до дальнего края Западной Лощины, где с горы зеленым языком сползало большое пастбище с глубоким оврагом посредине, переходящим в ущелье. Его-то и называли когда-то люди Тесниной Хельма, в честь героя прошлых времен, который выбрал себе здесь укрытие. От поля овраг отделялся зеленым валом. В Теснину можно было въехать с северной стороны, потом она изгибалась, резко сужалась и поднималась в гору, а там, где она упиралась в скалу, крутые склоны повисали над ней, а утесы с двух сторон напоминали башни. В них гнездились воронье.

У входа в Теснину с северной стороны выступал большой утес, на котором стояла старинная каменная башня со стрельчатыми сводами. Говорили, что во времена расцвета Гондора заморские Короли заставили великанов ее строить. Ее называли Рогатой Башней. Даже теперь, когда на башне играли трубы, эхо разносилось по всей Теснине, и казалось, что вот-вот из подземных пещер выйдут на войну рыцари Незапамятных Времен. Вход в Теснину был перекрыт стеной, шедшей от Рогатой Башни к противоположному южному утесу. Под стеной было вырублено отверстие, из которого в долину бежал серебристый Хельмский ручей. Он огибал подножие Рогатой Башни, добежал до зеленого вала, затем спокойно вливался в ров за валом и тек в поле.

Именно в этом убежище, в Рогатой Башне над Хельмскими Воротами, жил Эркенбранд, военачальник и правитель Западной Лощины, пограничной провинции Рубежного Края. Вовремя заметив собирающиеся тучи, понимая угрозу войны, опытный воин приказал укрепить начавшие разрушаться стены и основание Башни. Получилась настоящая крепость.

Воины Феодена были еще в нижней части долины, не дошли даже до зеленого вала перед Башней, как услышали шум и звуки рога. Трубили посланные вперед разведчики. Одновременно в темноте засвистели стрелы. Сбоку, из темной степи, слышались крики. Один из разведчиков галопом прискакал с известием, что по долине движутся всадники, и что банда орков перешла Брод через Исену и открыто направляется вместе с дикими горцами на юг, к Теснине Хельма.

— Мы видели наших убитых воинов, которые там отступали, — сообщил разведчик, — и встретили сильно поредевшие отряды без командиров. Они блуждали по степи, никто не мог сказать, где Эркенбранд и что с ним стало. Если он не успел добраться до Хельмских Ворот, его могли убить орки, а может, уже убили.

— Гэндальфа не видели? — спросил Феоден.

— Видели, Повелитель. Многие видели старца в белом. Он вихрем летел на коне через степь. Некоторые подумали, что это Саруман. Еще до того, как стемнело, он исчез в направлении Исенгарда. Говорят также, что за день перед этим туда ехал Причмок, а за ним орки.

— Беда Причмоку, если Гэндальф его догонит! — сказал Феоден. — Вот оба советника меня покинули, старый и новый. Но сейчас выбирать нечего, надо идти, как сказал Гэндальф, к Хельмским Воротам, даже если Эркенбранда там не будет. Уже известно, какие силы враг двинул с севера?

— Очень большие, — ответил разведчик. — Когда солдат отступает, силы противника кажутся ему вдвое большими, но я спрашивал храбрых воинов. Без сомнения можно заключить, что количеством враг превосходит нас в несколько раз.

— Тем более поспешим, — произнес Эомер. — Мы должны немедленно пробиться через вражеские отряды, которые уже оказались между нами и Рогатой Башней. В Теснине Хельма есть пещеры, где могут сидеть в засаде сотни воинов, а из этих пещер можно тайно выйти в горы.

— Сейчас нам нельзя отступать тайными тропами, — сказал Король. — Саруман много лет шпионил за этим краем, здесь стало опасно. Но в самой Башне можно довольно долго обороняться, если будет трудно. Вперед!

Арагорн и Леголас ехали теперь в первой шеренге рядом с Эомером. Войско двигалось на юг, но чем темнее становилось, тем круче поднимались вверх дороги, тем медленнее шли кони. По пути встречались мелкие банды орков, но при виде рохирримов они удирали быстро, ни остановить их, ни захватить в плен не удалось. Крупных сил противника вблизи не было.

— Боюсь, что известие о походе Короля во главе войска недолго оставалось тайной, — сказал Эомер, — и о нем уже знает если не сам Саруман, то какой-нибудь его ставленник, который командует армией.

Шум в степи нарастал. Уже доносилось оттуда хриплое воинственное пение. Когда войско Короля дошло до зеленых предгорий у входа в Теснину Хельма, рохирримы остановились и оглянулись. В степи горели бесчисленные огоньки, рассеянные в темноте, как красноватые цветы, и цепочками сбегаящие по холмам в низины. Это были походные костры и факелы. Местами виднелись большие огни, по-видимому, пожары.

— За нами идет большое войско, — сказал Арагорн.

— С ним идет огонь, — произнес Феоден. — Они жгут все, что попадает на пути: стога, хижины и деревья. Это богатая долина, в ней было много селений. Несчастный мой народ!

— И мы не можем обрушиться на них сейчас же ночью горным обвалом! — добавил Арагорн. — Мне больно, что мы вынуждены отступить.

— Далеко отступить не придется, — ответил Эомер. — Уже рядом Хельмский вал, — и добавил: — За четверть гона перед Воротами долину пересекает земляной вал со рвом. Там мы сможем закрепиться и встретить орков.

— Нет, — сказал Феоден. — Нас слишком мало, чтобы оборонять такой длинный вал, — он тянется больше мили, и ров неглубок, зато слишком широкий.

— Ров может оборонять тыловой отряд, если враг начнет наступать нам на пятки, — сказал Эомер.

На небе не было ни звезд, ни месяца, когда они доехали до широкого рва. По его дну в долину сбегал горный поток, вдоль которого шла дорога вниз из Рогатой Башни. Вал перед рвом оказался высок и крут, так что войско сразу попало в черную темень. С вала их окликнули — там оказалась стража.

— Говорит Эомер сын Эомунда! — крикнул в ответ Эомер. — К Хельмским Воротам едет Король Рохана!

— Вот это хорошая весть! — ответил стражник. — Мы на это и не надеялись. Но спешите! Враги близко.

Всадники проехали ров и задержались на откосе вала. К радости своей, они узнали, что для обороны Хельмских Ворот Эркенбранд оставил достаточно большой гарнизон, и что еще сюда собралось много воинов, отступивших под натиском орков.

— У меня сейчас около тысячи солдат, способных сражаться врукопашную, — сообщил Гамлин, старый командир обороны Хельмских Ворот, — только жаль, что большинство из них — такие, как я, уже слишком долго живут на свете, или такие, как мой внук, еще мало что умеют. Вы ничего не слышали об Эркенбранде? Вчера до нас дошли вести, что он пробирается сюда с тем, что осталось от лучшей конницы Рохана. Но его до сих пор нет.

— Боюсь, что он уже не придет, — ответил Эомер. — Разведчики ничего о нем не узнали, а вся долина за нами занята врагом.

— Хотелось бы, чтобы Эркенбранд уцелел, — сказал Феоден. — Это могучий воин. В нем возродилось мужество Хельма, прозванного Железноруким. Но здесь мы ждать не будем. Надо уйти под прикрытие стен. Есть здесь запасы провианта? Мы мало взяли с собой, потому что готовились к

битве в открытом поле, а не к осаде.

— В горных пещерах укрылось много народу из Западной лощины, это старики, женщины и дети, — ответил Гамлин. — Они принесли большие запасы. Есть даже скот и корм для него.

— Это хорошо, — сказал Феоден. — Орки жгут и грабят все, что попадаете им на пути.

Если они позарятся на добро, спрятанное за Хельмскими Воротами, то дорого заплатят! — воскликнул Гамлин.

Король повел войско дальше. Перед дамбой, насыпанной у горного потока, воины спешили и длинной колонной, ведя коней в поводу, перешли мост и вошли в ворота Рогатой Башни. Здесь их встретили радостными криками, в которых слышалась вновь пробудившаяся надежда. Теперь, когда прибыли королевские отряды, в крепости стало достаточно людей для надежной обороны.

Эоред Эомера сразу встал в боевую готовность.

Король со свитой остался пока в Рогатой Башне вместе с воинами из Западной Лощины, а Эомер расставил своих людей на стенах, за стенами и внутри крепости у бойниц, на случай, если враг вдруг решится штурмовать башню. Коней отвели подальше в Теснину, с ними ушло всего несколько человек, чтобы не ослаблять оборону.

Стена вокруг Башни была не менее двадцати локтей в высоту и так толста, что на ней свободно умещались в ряд четыре воина. Над стеной выступал парапет, из-за которого были видны только шлемы находящихся на стене воинов. В парапете были прорублены бойницы. К двери Башни со стены вели вверх крепкие каменные ступени. Три марша таких же ступеней вели сбоку из Башни крепости в Теснину, а спереди стена Башни была такой гладкой, что между камнями кладки нельзя было просунуть лезвие ножа, и нависала над Тесниной, как грозный утес над морем.

Гимли стоял, опершись о стену. Леголас сидел выше, на парапете, приготовив лук и стрелы, и вглядывался в темноту.

— Тут уж мне вольготно, — говорил гном, топая сапогом по камню. — У меня всегда сердце радуется, когда я попадаю в горы. Хорошая скала. У этой земли здоровые кости, я их почувствовал ногами, когда мы поднимались. Дали бы мне год сроку и сотню моих братьев в помощь, мы бы из этой Башни сотворили крепость, о стены которой разбилась бы любая армия!

— Верю, — ответил Леголас. — Вдобавок знаю, что ты — гном, а гномы — большие чудачки. Мне же вообще этот край земли не нравится и, наверное, даже при ярком солнце красивее не покажется. Но ты придаешь мне бодрости, Гимли, и я рад, что ты стоишь тут на крепких ногах с острым топориком. Жаль, что с нами нет твоих соплеменников. Еще больше я был бы рад сотне своих лихолесских лучников. Они бы намгодились. Рохирримы тоже неплохо стреляют, но мало их, совсем мало.

— Для лучников сейчас темно, — сказал Гимли. — В такую пору надо спать. Ох, как хочется спать! Наверное, никогда еще ни одному гному так спать не хотелось, как мне сейчас. Верховая езда очень утомляет. Вот только топорик у меня в руке в бой просится. Попадись мне под руку орчья башка, да чтобы хватило места размахнуться и раскроить ее, — тут и сон пропадет, и усталость куда денется!

Время, однако, ползло медленно. Далеко в Долине продолжали светиться цепочки огней. Они тянулись к горе. Войско Исенгарда передвигалось и приближалось, но не спешило и не поднимало шума.

Вдруг со стороны рва раздались выкрики орков, ответные возгласы людей, над краем вала показались факелы, сгрудились около рва, потом рассыпались в стороны и исчезли. К стенам Рогатой Башни подскакали галопом всадники — это побились к своим воины из тыловой обороны.

— Враг наступает! — кричали всадники. — Мы долго не продержимся. У нас ни одной стрелы не осталось, ров забит трупами орков. Они уже лезут на вал как муравьи. Мы их немного проучили, они побросали факелы.

Небо теперь было совершенно черным. Наступила полночь. Все чувствовали, что это затишье перед бурей. Стало душно. Вдруг небо расщепила молния, и на востоке зарокотал гром. При короткой белой вспышке молнии все, кто был на стене, увидели внизу кипящий муравейник орков, ползущих через ров к внутреннему валу и от него к Башне. Густая волна черных щитов и колючих шлемов переклестывалась через ближайшие к Башне скалы. Орки были разноплеменные — высокие и низкие, толстые и худые, большие и маленькие, смуглые и желтые... Сотни и сотни орков...

После мгновенной вспышки стало еще чернее, хлынул дождь. И тут, так же густо, как дождь, полетели в Башню стрелы, со свистом впиваясь в людей, высекая искры из камня. Орки начали штурм Теснины Хельма. Но в первые минуты из Башни не отозвался ни один голос, не вылетела ни

одна стрела.

Нападающие, сбитые с толку молчащей угрозой каменных стен, задержались. Гроза же только разъярилась. Раз за разом сверкали молнии, и в их свете орки разглядели людей на стенах. Туча стрел полетела в них. Роханские воины с изумлением смотрели на Долину, где, как им показалось, шумели от грозового ветра и колыхались черные колосья; военная буря готова была собрать урожай, и каждый колос сверкал смертоносным острием.

Заиграли медные трубы. Враги ринулись вперед. Одни ползли на вал, другие штурмовали дамбу, некоторые пытались уже взломать ворота Рогатой Башни. К этим воротам подскочили самые рослые орки и дикари из горного Дунланда. У самых ворот они немного замешкались, затем ударили. Молния высветила зловещую Белую Руку на их шлемах и щитах, герб ненавистного Исенгарда.

Наконец, крепость ответила, осыпав нападающих градом стрел и камней. Ряды орков сломались, спутались, откатились, но через минуту снова двинулись вперед. Так повторялось несколько раз, и с каждым разом волна черного приboя поднималась выше. Снова заиграли трубы, и, прикрыв щитами головы, черная орда пошла на ворота, используя вместо таранов два громадных дерева. Из-под щитов и из-за деревьев вылетали стрелы. Стволы ударили в ворота так, что балки затрещали. Когда кто-нибудь из осаждающих падал, пронзенный стрелой или сбитый камнем, на его место тут же вставало два новых орка, и снова мощные тараны били в ворота.

Эомер и Арагорн стояли рядом на стене. Они слышали крики, вой и глухие удары таранов. Видели при вспышках молний, что делается у ворот и какая опасность грозит крепости.

— Пора! — сказал Арагорн. — Пришло время вместе достать мечи!

Они побежали по стене и вверх по лестнице во двор, подзывая к себе самых храбрых воинов. В западном углу крепости, там, где над обрывом нависала площадка, была маленькая дверца, от которой под самой стеной над пропастью шла узкая тропа к главным воротам. Эомер и Арагорн вместе выскочили из этой дверцы, горстка храбрецов — за ними. Два меча, одновременно выхваченные из ножен, блеснули, как один клинок.

— Гутвиф! — крикнул Эомер. — Гутвиф, меч Рохана!

— Андрил! — закричал Арагорн. — Андрил, меч Дунаданов!

И они неожиданно набросились на толпу врагов с фланга. Взлетал и опускался Андрил, горя белым пламенем. Со стены раздался общий крик и раскатился по долине:

— Андрил! Андрил вернулся в бой! Смотрите, как сверкает возвращенный клинок!

Ошеломленные захватчики бросили тараны и повернулись к нападающим рыцарям, пытаясь закрыться щитами. Но черная стена щитов трещала и распадалась, будто под ударами молний, а сами орки, отступая под бешеным натиском, падали трупам на месте или сваливались с обрыва вниз, в каменное русло горного потока. Орки-лучники еще некоторое время стреляли вслепую, потом тоже отступили.

Эомер и Арагорн на мгновение задержались под стеной у ворот. Вой орков раздавался снизу. Молнии еще разрезали небо, но гроза уходила на юг, в горы. С севера дул пронизывающий ветер. По небу бежали рваные облака, но между ними уже показались звезды, и время от времени открывался желтый рог месяца.

— Мы подспели как раз вовремя, — сказал Арагорн, осматривая ворота. Огромные железные навесы и засовы были погнуты и посечены, балки во многих местах треснули.

— Под этими стенами нам больше нельзя оставаться, мы их не удержим, — добавил Эомер. — Смотри! — он указал в сторону рва.

Толпа дикарей и орков снова ползла через ров, собираясь у дамбы. Засвистели стрелы, несколько стрел упало на камни возле рыцарей.

— Идем скорее в крепость, завалим ворота изнутри и подопрем новыми балками, — сказал Эомер.

Они побежали к дверце. Десятка два орков, которые затаились между трупам своих сородичей, вдруг поднялись на ноги и молча погнались за рыцарями. Двое опять упали на камни, успев схватить Эомера за ноги, остальные навалились на падающего воина и накрыли его своими телами. В это время из тени выступил кто-то маленький, темный, непонятно как оказавшийся под стеной в этом месте, и с громким гортанным криком: «Барук-Казад! Казад ай-мену!» взмахнул топориком. Покатались две орчьи головы. Остальные орки кинулись врассыпную.

Эомер уже поднимался с земли, когда Арагорн вернулся ему на помощь.

Только когда дверца была закрыта, а ворота подперты изнутри железными балками и камнями, Эомер сказал:

— Спасибо тебе, Гимли сын Глоина! Я не знал, что ты присоединишься к нашей вылазке. Вот ведь как непрощенный гость может стать верным товарищем! Как тебе удалось оказаться рядом так вовремя?

— Я пошел за вами, чтобы стряхнуть сон, — ответил гном, — а когда увидел этих огромных дикарей с юга, то они мне показались слишком уж большими для моего топорика, и я присел за камнем посмотреть на работу ваших мечей.

— Не знаю, как тебе отплатить, — произнес Эомер.

— Пока ночь пройдет, наверное, не одна возможность представится! — засмеялся гном. — Но я рад, очень рад. От самой Мории мой топорик не рубил ничего, кроме дров.

— Два есть! — объявил Гимли, поглаживая лезвие топорика. Он как раз вернулся на старое место под внутренней стеной.

— Всего два? — спросил Леголас. — У меня счет побольше. Надо поискать стрелы, колчан у меня стал пустой. Не меньше двух десятков удалось уложить. Но это всего несколько листков, а остался целый лес!

Небо быстро светлело, заходящий месяц был ярким. Но день не принес радости. Ряды неприятеля умножались: к валу из долины подходили все новые отряды. Вылазка Эомера и Арагорна дала осажденным только краткий отдых. Враг наступал с удвоенной яростью. Под внешней стеной толпа исенгардцев бурлила, как море. Орки и горцы-гиганты полезли на стену по всей ее длине. Они забрасывали веревки с крюками с такой скоростью, что рохирримы не успевали их обрубать, десятки лестниц оказались одновременно приставленными к скале и к стенам. И если одна из них падала, на ее месте тут же вырастала другая, и орки лезли по стене, как обезьяны из темных южных лесов. У подножия стены рос завал из трупов и раненых, обломков дерева и кусков железа, как вал камней, который накатывает море в шторм. Этот завал становился все выше, а орков прибывало все больше.

Осажденные начали уставать. Они истратили стрелы, колчаны у всех были пусты, мечи зазубрились, щиты потрескались. Еще трижды Арагорн и Эомер поднимали людей в бой, трижды загорался Андрил, трижды неприятеля отгоняли от стены.

Вдруг раздались крики из Теснины. Орки, как крысы, пролезли в отверстие, через которое из горы вытекал поток. Они дождались там в тени ущелья, пока бой под стеной не потребовал всех сил и внимания осажденных, и тогда выскочили из укрытия. В Теснину были согнаны кони, и орки напали на пастухов и конюхов.

Одним скачком Гимли спрыгнул со стены, и его яростный клич: «Казад! Казад!» эхом раскатился между скал. Скоро его топор заработал, как мельница.

— Айя-хой! — кричал Гимли. — За стеной орки! Гейя! Сюда, Леголас! Их тут хватит на нас обоих! Казад ай-мену!

По голосу гнома, взвившемуся над шумом битвы, старый Гамлин следил за событиями с верхушки Рогатой Башни.

— Орки прорвались в Теснину! — крикнул он. — Хельм! Вперед, племя Хельма! — и с этим возгласом сбежал по ступеням, увлекая за собой многих воинов из Западной Лощины.

Люди бросились на орков так яростно и неожиданно, что враги не выдержали натиска. Загнанные в самый тесный угол, они падали, разрубленные мечами, или бросались бежать в крайние пещеры, где находили смерть от рук стражников.

— Двадцать первый! — закричал Гимли и, размахнувшись обеими руками, положил топором последнего орка себе под ноги. — Я тебя догнал, уважаемый эльф!

— Надо крысиную дыру заткнуть, — сказал Гамлин. — Говорят, что гномы — мастера, если дело идет о камне. Помоги нам, почтенный Гимли.

— Только мы не пользуемся при работе с камнем ни военными топорами, ни собственными когтями,

как эти крысы, — буркнул Гимли. — Ладно, я сделаю, что ты хочешь.

Собрав валуны и осколки камней, воины из Западной Лощины под руководством Гимли быстро закрыли почти весь пролом, оставив в нем только узкую щель для выхода воды. Набухший после дождя поток не успевал быстро выливаться через нее, кипел и бурлил и постепенно разлился холодным озером между утесами.

— Наверху посуше, — сказал Гимли. — Идем, Гамлин, посмотрим, что делается на стенах.

Гном поднялся по ступеням и застал на стене Леголаса вместе с Арагорном и Эомером. Эльф вытирал длинный кинжал. Сейчас здесь было временное затишье; после неудавшегося рейда в пролом враги приостановили штурм.

— Двадцать один! — похвастался Гимли.

— Прекрасно! — ответил Леголас — у меня уже две дюжины. Здесь дрались ножами.

Эомер и Арагорн устало опирались на мечи. Внизу слева, на скалах, битва вновь разгоралась. Рогатая Башня стояла нерушимо, как утес посреди черного моря. Ворота ее лежали разбитые, но стены уцелели, и через завалы из обломков и валунов в крепость не пробился пока ни один враг.

Арагорн посмотрел в бледное небо, на гаснущие звезды и месяц, который начал опускаться над западными склонами, замыкающими долину.

— Ночь тянется, как год, — произнес он. — Когда же наступит день?

Рассвет скоро, — сказал Гамлин, тоже поднявшийся на стену. — Но вряд ли нам станет легче при свете дня.

— Свет все-таки несет человеку надежду, — сказал Арагорн.

— Рабы Исенгарда, орки и полугоблины, мерзкие творения Сарумана, не боятся солнца, — продолжал Гамлин. — И дикие горцы его не боятся. Слышите их голоса?

— Слышим, — сказал Эомер. — Но в моих ушах они звучат, как звериный рык и хрип стервятников.

— Многие из них кричат на языке дунландцев, — сказал Гамлин. — Я его знаю. Это старый язык, на котором когда-то говорили в западных долинах Рубежного Края. Прислушайтесь! Они нас проклинают и ликуют, потому что наша гибель им кажется неизбежной. «Король! — вопят они. — Король! Мы возьмем в плен их короля! Смерть форгоилатам! Смерть соломенным лбам! Смерть северным захватчикам!» Это все прозвища, которые они нам дали. Они не забыли, что пять столетий назад гондорцы отдали Рубежный Край юному Эорлу и стали жить с нами в мире. Саруман разбудил в них древнюю ненависть, и они озверели. Сейчас они не отступят ни в темноте, ни при свете, пока не возьмут в плен Феодена или не полягут сами.

— Но все же свет несет надежду, — повторил Арагорн. — И предания утверждают, что Рогатая Башня еще никому не сдавалась.

— Так поется и в песнях, — сказал Эомер.

— Вот и не теряйте надежды! — воскликнул Арагорн. — Будем обороняться.

Не успел он договорить, как вновь загудели трубы. Шум взрыва раскатился по долине, внизу блеснул огонь, поднялось облако дыма, вода, шипя и пенясь, снова хлынула в пролом, зиявший теперь огромной дырой, и черная туча врагов опять двинулась к Теснине.

— Лиходейство Сарумана! — закричал Арагорн. — Пока мы разговариваем, они снова подползли к проходу и зажгли у нас под ногами огонь Ортханка. Элендил! Элендил! — испустил он боевой клич и бегом кинулся к пролomu. В тот же момент сто лестниц высунулось из-за парапета. Последний штурм заливал долину и стены черной волной. Яростная атака смела осажденных со стены Башни. Теперь бились все — одни отступали в глубь Теснины, используя для защиты каждый камень и цепляясь за любой выступ при отходе в тайные пещеры; другие, наоборот, пробивались к последним укрепленным помещениям Башни.

К Башне с тыла из Теснины вели широкие ступени. На одной из самых нижних встал Арагорн. В его руке сверкал Андрил, и какое-то время ему удавалось сдерживать натиск орков и горцев, чтобы рохирримы, пробившиеся к Башне, успели подняться к воротам. Немного выше на одном колене стоял Леголас с натянутым луком. У него осталась всего одна стрела, и он, наклонившись вперед, ждал, готовый выпустить ее в первого врага, который осмелится подойти к ступеням.

— Все, кому удалось дойти сюда живыми, уже в безопасности за стеной, Арагорн! — закричал он. — Поднимайся к нам!

Арагорн повернулся и побежал по ступеням, но споткнулся от усталости. Орки с воем побежали к рыцарю, протягивая когтистые лапы, чтобы схватить его. Первый упал со стрелой Леголаса в горле. Остальные прыжками перескочили через его труп и продолжали бежать дальше. Вдруг огромный камень, который кто-то толкнул сверху, покатился по ступеням и отогнал врагов вниз. Арагорн сумел добраться до ворот, и их захлопнули за ним.

— Бой принимает плохой оборот, — произнес он, отирая рукой пот со лба.

— Плохой, но все же не безнадежный, пока ты с нами, — ответил Леголас. — А где Гимли?

— Не знаю, — ответил Арагорн. — Последний раз я видел его, когда он дрался за стеной в самой Теснине, потом враги нас разделили.

— Печальная новость, увы! — воскликнул Леголас.

— Гимли сильный и храбрый гном, — сказал Арагорн. — Надеюсь, что ему удалось добраться до пещер, а там он будет в большей безопасности, чем мы; гномы — знатоки подземелий.

— Что ж, утешимся этим, — сказал Леголас. — Но я бы хотел быть рядом с ним. Я бы сказал ему, что на моем счету уже тридцать девять убитых орков.

— Если он пробьется в пещеры, то по дороге наверняка тебя переплюнет, — рассмеялся Арагорн. — Я не видел никого, кто бы орудовал топором лучше этого гнома!

— Надо набрать стрел, — сказал Леголас. — Скорее бы кончилась ночь! При дневном свете легче попадать в цель.

Арагорн пошел в Башню и, к великому огорчению, узнал, что Эомера в крепости нет.

— Он сюда не возвращался, — ответил Арагорну воин из Западной Лощины. — В последний раз его видели, когда он собрал вокруг себя людей и дрался у выхода из Теснины. С ним были Гамлин и гном, но я не смог к ним пробиться.

Арагорн прошел внутренний двор и поднялся по лестнице в самый верхний покой Башни. На фоне окна резко очерчивался силуэт Короля, смотревшего в долину.

— Какие вести, Арагорн? — спросил он.

— Внешняя стена в руках врагов, Повелитель, — они нас заставили отступить; многие наши ушли в пещеры.

— Эомер здесь?

— Нет, мой Король, Эомер был с теми, кто дрался в Теснине. Мог пробиться в гору. Туда многие отступили. Можно ли в пещерах спастись, не знаю.

— Можно, и легче, чем здесь. Мне доложили, что в пещерах сделаны большие запасы. Воздух там хороший, в скалах пробиты колодцы. Если вход охраняют храбрые воины, никто туда не войдет. Там можно очень долго обороняться.

— Орки принесли из Ортханка лиходейские штуки, — сказал Арагорн. — У них есть огонь, который разрушает скалы. Именно так они пробились к внутренней стене. Если они не смогут прорваться в пещеры, они могут закрыть выходы и замуровать там людей. А нам сейчас собрать силы надо для собственной обороны.

— Душно здесь, как в темнице, — сказал Король. — Если бы я мог с копьем у седла выехать во главе воинов в поле, может быть, узнал бы радость битвы и славно кончил жизнь. А здесь я ни на что не годен.

— Здесь, Король, ты пока под защитой крепчайшей твердыни Рохана, — ответил Арагорн. — И здесь больше надежды на спасение, чем в Эдорасе и даже в горном Дунгарском Укрытии.

— До сих пор никто еще не мог взять штурмом Рогатую Башню, — сказал Феоден. — Но я стал сомневаться. Мир изменился, и то, что когда-то было неприступным, может теперь оказаться ненадежным. Какая башня выдержит натиск такого огромного числа врагов и такой ненависти? Если бы я знал, насколько возросла сила Исенгарда, может быть, не спешил так опрометчиво навстречу Саруману, несмотря на все искусство Гэндальфа. Его советы кажутся мне сейчас не такими хорошими, как дома в блеске утра.

— Не суди поспешно о мудрости Гэндальфа, о Король! — воскликнул Арагорн. — Подожди, чем все кончится.

— Конец наступит скоро, — ответил Феоден. — И я не хочу кончить свой путь, как старый барсук в капкане. Снежногривый, Хасуф и скакуны моих гвардейцев здесь, во внутреннем дворе. На рассвете я созову людей боевым рогом Хельма и выведу за стены Башни на открытую битву. Поедешь ли ты со мной, Арагорн сын Араторна? Либо мы прорубим себе дорогу, либо встретим смерть, достойную песни... Если останется в живых кто-нибудь, кто сможет о нас эту песню сложить.

— Я поеду с тобой, Король, — ответил Арагорн.

Он вернулся на стену, обошел ее по кругу, подбадривая воинов и помогая обороняющимся в тех местах, где продолжали насаждать орки. Леголас всюду сопровождал его. Огненные вспышки время от времени сотрясали стены, на них беспрестанно забрасывались крючья с веревками и лестницы. Орки снова лезли в крепость, осажденные снова и снова сбрасывали их вниз, на камни.

Наконец, Арагорн встал над главными воротами во весь рост, не обращая внимания на свист стрел. Небо на востоке начинало бледнеть. Арагорн поднял руку ладонью вперед в знак того, что хочет говорить с неприятелем.

Орки взвыли.

— Слезай оттуда! Иди вниз! — орали они. — Если хочешь с нами говорить, лезь сюда! И бери с собой Короля! Мы — боевые Урук-Хай! Мы вытащим его из норы, если сам не выйдет! Веди Короля!

— Выйти или нет — на то воля самого Короля, — ответил Арагорн.

— А если так, чего ты-то пришел? Чего высматриваешь? — спрашивали гоблины. — Хочешь нас пересчитать? Нас — туча! Мы — боевое племя Урук-Хай!

— Смотрю на рассвет, — произнес Арагорн.

— А чем тебе поможет рассвет? — издевались орки. — Мы — боевые Урук-Хай, не боимся воевать, нам все равно, ночь или день, тихо или буря. Мы пришли убивать и убьем вас при солнце быстрее, чем при луне. Свет тебе не поможет!

— Никто не знает, что принесет день, — сказал Арагорн. — Уходите, ибо наступил день вашей гибели.

— Слезай со стены, не то подстрелим! — кричали орки. — Тебе нечего сказать!

— Есть, и вот что я скажу, — произнес Арагорн торжественно. — Никому и никогда до сих пор не удалось взять штурмом Рогатую Башню. Отступите, если не хотите погибнуть. Ни один из вас не уйдет отсюда живым, чтобы отнести на север весть о вашем поражении. Вы еще не знаете, что вам грозит.

Когда Арагорн говорил так, стоя на развалинах ворот, в нем чувствовалось столько силы и уверенности, что не один дикий горец замолчал и стал оглядываться. Некоторые с сомнением поглядывали в небо. Но орки громко смеялись. Град стрел и дротиков полетел на стену. Арагорн спрыгнул во внутренний двор.

Раздался гул, из-под стены вырвался язык пламени. Арка ворот, на которой только что стоял рыцарь, рухнула и рассыпалась в пыль. Завал разлетелся, Арагорн бегом бросился в Башню к Королю.

В тот самый момент, когда рухнули ворота, а передовые отряды орков готовились к новому нападению, по всей Долине за их плечами разнесся шепот, как шелест ветра, и с каждой секундой этот шепот и шорох нарастал, пока не поднялся общий крик о новой опасности, бросивший в рассвет странную весть.

Орки, стоявшие под стенами, обернулись на этот крик и заколебались, еще ничего не понимая.

И тогда неожиданно и устрашающе Башня загудела голосом Большого Рога Хельма. Орки задрожали. Многие упали ниц, закрывая уши когтистыми лапами. Из Теснины ответило эхо. Звук Рога многократно повторился, будто над каждым обрывом стоял герольд... Осажденные тоже прислушались: рог не умолкал. Его призыв становился все громче, все ближе, все грознее, будто горы отвечали друг другу, собираясь в бой.

— Хельм! Это сам Хельм! — закричали рохирримы. — Хельм проснулся и возвращается на поле боя! Он будет биться за Короля Феодена!

Под эти крики появился Король Феоден на белоснежном коне, с золотым щитом и длинным копьем; по правую руку от него скакал Арагорн, наследник Элендила, по левую и за ними — достойнейшие воины из рода Юного Эорла. Небо поголубело. Светом брызнул рассвет. Ночь кончалась.

— Вперед, племя Эорла!

С громким боевым кличем роханские всадники обрушились на врага. Вихрем пронесли их кони вниз, по камням, через дамбу, сметая с пути исенгардцев, давя их, как ветер стелет траву.

Из глубины Теснины слышались громкие голоса выбегавших из пещер воинов. Они погнали орков по ручью к валу. Из Башни вышли все мужчины, способные поднять оружие, и тоже бросились в бой. А рога все играли, и эхо разносилось по долине.

Король со свитой гнали коней вперед. Под их мечами, саблями и копьями падали сраженные военачальники и простые солдаты. Ни орки, ни горцы не встретили их грудью, как подобало бы храбрецам. Открыв спины и подставив плечи под разящие мечи, опустив лица к земле, они удирали с визгом и воем от непонятного страха, который принес им рассвет.

Так выехал Король Феоден через Хельмские Ворота и так прорубил себе дорогу до старого вала. Там весь отряд остановился. День уже настал. Солнечные лучи били в острия копий. Но люди Феодена молча смотрели на долину, не узнавая ее.

Там, где вчера лежали широкие поля, зеленела степь, сегодня чернел лес. Огромные деревья, нагие и молчащие, сплетенные ветвями, стояли плотными рядами, поднимая высоко вверх седые безлистные кроны. Их толстые корни скрывались в высокой траве. Под ними залегла густая темнота.

От странного нового леса вал отделяло всего лишь полгона открытого поля. И на нем сбились сейчас перепуганной стаей лучшие боевые силы Сарумана. Зажатые между грозным Королем и грозными деревьями, они роились, как черные мухи, на небольшом участке степи. Напрасно некоторые из них пытались взобраться на свободные склоны — скалы вокруг Теснины были настолько круты, что даже привычные к горам гоблины срывались с них. С востока они поднимались почти гладкими стенами, а с запада и с севера приближалась гибель.

Вдруг на гребне холма у подножия гор показался всадник в белом, ярко освещенный восходящим солнцем; за ним по склонам спускалось не меньше тысячи пеших воинов, длинными рядами, с мечами в руках. Между ними шагал высокий воин могучего сложения с красным щитом. Гудели рога.

Когда воин подошел к краю Долины, он тоже приложил к губам большой черный рог, который издал сильный чистый звук.

— Эркенбренд! — закричали рохирримы. — Это Эркенбренд!

— Смотрите! Белый Всадник! — кричал Арагорн. — Гэндальф вернулся!

— Мифрандир! Мифрандир! — звонко крикнул Леголас. — Вот это магия так магия! Идем, я хочу присмотреться поближе к этому лесу, пока чары не кончились!

Толпа исенгардцев загудела, завывала, всколыхнулась, кидаясь в растерянности от одной опасности к другой. С Башни снова зазвучал рог. С ближайшей горы, из-за наружного вала, спускался готовый к бою отряд гвардейцев Короля. С дальних гор, вдоль их склонов, шел во главе своих воинов Эркенбренд, правитель Западной Лоцины. Вниз со стороны Роханского Прохода скакал Серосвет, легко, как олень, перемахивая через расселины.

От одного вида Белого Всадника войско Сарумана ошалело. Дикие горцы падали перед ним ниц. Орки с воем бросали на землю оружие и бежали, словно гонимые ветром, чтобы скрыться под деревьями. Но оттуда не вышел ни один.

Глава восьмая. ПУТЬ В ИСЕНГАРД

Вот так случилось, что в свете погожего утра на зеленом поле у Теснины Хельма снова встретились Король Феоден и Белый Всадник Гэндальф. С ними были Арагорн сын Араторна, эльф Леголас, Эркенбранд из Западной Лощины и самые достойные мужи Золотого Двора. Их окружали многочисленные отряды рохирримов, радость переполняла их сердца, и никто не мог понять, откуда взялся лес.

С громкими приветственными криками вышли из Хельмской Теснины воины гарнизона Рогатой Башни, которых орки загнали вглубь ущелья. Их вели старый Гамлин и Эомер сын Эомунда, и между ними шел гном Гимли. Он потерял шишак, голова его была повязана окровавленной тряпичей, но голос звучал громко и весело.

— У меня сорок два, достойный Леголас! — кричал он. — Увы! Потом топорик зазубрился, у сорок второго был железный обруч на шее. А ты что скажешь?

— У меня на одного меньше, — отвечал ему Леголас. — Но я даже не завидую тебе, так я рад, что вижу тебя на ногах!

— Привет тебе, Эомер, сын моей сестры! — сказал Феоден. — Велика моя радость!

— Привет тебе, Король Рохана! — ответил Эомер. — Темная ночь прошла, снова светит ясный день. Дивные новости он принес. — Эомер обернулся, удивленно посмотрел на лес, потом на Гэндальфа. — Ты опять появляешься в час испытания, и опять неожиданно!

— Как это неожиданно? — переспросил Гэндальф. — Я же обещал, что вернусь, и что мы встретимся на этом самом месте!

— Но ты не назначил часа и не сказал, каким образом вернешься. Странная помощь пришла с тобой. Ты великий чародей, Гэндальф Белый!

— Может быть. Хотя я вам еще не показывал своих чар. Пока я только дал добрый совет в опасную минуту и воспользовался быстротой Серосвета. Остальное — результат вашего мужества.

Но все продолжали смотреть на Гэндальфа с изумлением, то и дело оглядываясь на чудом выросший лес. Некоторые протирали глаза, чтобы убедиться, что все это — не сон и не наваждение.

— Ах, вы о деревьях! — весело рассмеялся маг. — Я их так же хорошо вижу, как и вы. Но это не моих рук дело. Мудрые к этому непричастны. Получилось лучше, чем я ожидал, я на такое и надеяться не смел.

— Чье же это колдовство, если не твое? — спросил Феоден. — Не Сарумана же? Неужели есть поблизости еще один могущественный чародей, о котором мы ничего не знали?

— Здесь не колдовство, здесь сила более древняя, чем любые чары, — ответил Гэндальф. — Сила, которая существовала на земле раньше, чем запел первый эльф и зазвенел первый молот,

чем найдено железо и срублены деревья, чем выкованы Кольца и выпущено Лихо; тогда был юным месяц и молодыми — Горы, тогда Они ходили по молодому лесу...

— Как отгадывается эта загадка? — спросил Феоден.

— Если хочешь ее разгадать, едем со мной в Исенгард, — ответил маг.

— В Исенгард? — закричали окружающие.

— Да, — сказал Гэндальф. — Я возвращаюсь в Исенгард и зову вас с собой. Там увидим чудеса.

— Даже если бы ты собрал всех побежденных врагов, оживил убитых и вылечил раненых, в Рохане не хватит воинов, чтобы осмелиться угрожать твердыне Сарумана, — медленно произнес Феоден.

— Однако я направляюсь именно в Исенгард, — повторил Гэндальф. — Долго я там не задержусь. Мой путь лежит на восток. Жди меня в Эдорасе, я туда приду еще до смены месяца.

— Нет! — ответил Феоден. — В черный час мы усомнились в тебе, но сейчас наступил рассвет, и я не хочу с тобой разлучаться. Раз ты предлагаешь, поедем вместе.

— Я хочу поскорее поговорить с Саруманом, — сказал маг. — И поскольку тебе, Король, он тоже причинил много зла, считаю уместным твое присутствие при этом разговоре. Когда ты сможешь выступить, и как быстро мы сможем ехать?

— Люди измучены после боя, — ответил Король, — и я тоже устал. Я совершил большой переход и почти не спал. Увы! Мои преклонные годы — не выдумка Причмока, а печальная правда. Старость — болезнь, которую даже тебе не вылечить, хоть ты и маг.

— Тогда прикажи всем, кто едет с нами, отдыхать немедленно, — сказал Гэндальф. — Мы выедем в сумерки. Так будет даже лучше, потому что все наше передвижение должно проходить в глубокой тайне. Не бери с собой много воинов, Феоден! Мы едем говорить, а не воевать!

Король отобрал всадников, которые меньше пострадали в бою и у которых были свежие кони, и разослал их во все концы Рубежного Края с известием о победе и приказом всем мужам, молодым и старым, собраться в Эдорасе. На второй день после полнолуния там назначался Большой Сбор всех, способных поднять оружие. В Исенгард Король решил взять с собой Эомера и два десятка гвардейцев. С Гэндальфом ехали Арагорн, Леголас и Гимли. Несмотря на рану, гном ни за что не желал оставаться.

— Удар был слабый, — сказал он. — Шишак хорошо защитил голову. Чтобы меня удержать, такой царапины мало.

— Вот я тебя перевяжу, потом пойдешь, — сказал Арагорн.

Король сразу вернулся в Рогатую Башню и заснул спокойным сном, как давно уже не спал. Воины, которые должны были его сопровождать, тоже отдыхали. Всем остальным, кроме раненых, пришлось взяться за самую тяжелую работу, ибо очень много было убитых и в Теснине, и под Башней, и в поле.

Из орков в живых никто не остался, их трупов было столько, что невозможно сосчитать. Но многим диким горцам сохранили жизнь. Они тряслись от страха и просили пощады. Рохирримы отобрали у них оружие и заставили работать.

— Помогите исправить причиненное зло, — сказал им Эркенбранд, — а потом поклянетесь, что никогда не подойдете с оружием к Броду через Исену и не встанете больше в ряды врагов Рохана. На этих условиях получите свободу и вернетесь домой. Саруман вас обманул. Многие из вас заплатили смертью за его обещания. Знайте, что если бы он даже победил, плата была бы та же.

Горцы безмерно удивились, ибо Саруман уверял их, что рохирримы живьем сжигают пленных.

Среди поля перед Рогатой Башней было подготовлено место для двух курганов, под которыми сложили останки погибших, — с одной стороны воинов с восточных равнин, с другой — бойцов из Западной Лощины. Гаму, Привратника и начальника Королевской Гвардии, погибшего под стенами, схоронили в отдельной могиле в ее тени.

Тела орков свалили в кучу подальше от курганов у края леса. Рохирримов очень беспокоило, что такое количество трупов невозможно ни захоронить, ни сжечь. Топлива для костров не хватало, а странные деревья никто не посмел бы тронуть топором, даже если бы Гэндальф не предупредил, что поломка маленькой веточки навлечет новую опасность.

— Оставим орков пока так, — сказал маг. — Может быть, утром какой-нибудь выход найдется.

К вечеру отряд Короля стал готовиться в дорогу. Тогда же состоялись торжественные похороны. В большой печали Король простился с Гамой и сам бросил первую горсть земли на его могилу.

— Воистину, много горя принес Саруман мне и всему моему краю, — сказал он. — Я буду об этом помнить, когда встречу с ним.

Солнце уже почти скрылось в Роханском Разломе, когда, наконец, Феоден с Гэндальфом и свитой выступил из Рогатой Башни. Их провожали всадники, люди из Западной Лощины, старики, женщины и дети, которые во время битвы прятались в пещерах. Звонкими голосами они хором спели на прощанье песню победы, потом замолчали, с тревогой присматриваясь к таинственным деревьям.

Отряд подъехал к лесу и остановился, так как и люди и кони побаивались вступать в лес. Деревья стояли серые и суровые, обвитые не то тенью, не то туманом. Концы длинных ветвей свисали, словно узловатые пальцы, корни торчали из земли, как ноги странных чудовищ, а под корнями зияли темные ямы.

Гэндальф первым въехал под сень леса, за ним поскакал весь отряд. Там, где дорога из Рогатой Башни входила в лес, перед всадниками будто отворились великанские ворота в оправе толстенных сучьев. С удивлением всадники увидели, что дорога продолжается, вдоль нее течет Хельмский Ручей, а в просвете между кронами с неба светят золотые звезды. Только по сторонам дороги под деревьями залегла тьма, и сквозь нее ничего не было видно. Слышались какие-то шорохи, скрипы, шум ветвей, отдаленные крики, невнятный говор, гневное ворчание. Но ни одной души, никаких

следов орков не было видно.

Леголас и Гимли сидели на одном коне и старались держаться поближе к Гэндальфу, ибо гном боялся леса.

— Тут жарко, — сказал Леголас Гэндальфу. — Гнев кипит вокруг нас. Чувствуешь?

— Чувствую, — ответил Гэндальф.

— Что стало с несчастными орками? — спросил Леголас.

— Этого, наверное, никто уже не узнает, — ответил Гэндальф.

Некоторое время все ехали молча. Леголас все время оглядывался и охотно бы остановился, чтобы послушать лесные голоса, но Гимли ему не разрешил.

— В жизни не видел таких странных деревьев, — говорил эльф. — А ведь я много их знал от желудя до глубокой старости. Хотел бы я здесь побродить свободно, — у этих деревьев есть голоса, и со временем я бы научился понимать их мысли.

— Нет, нет! — взмолился Гимли. — Давай скорее выезжать отсюда. Я уже понимаю их. Они ненавидят всех, ходящих на двух ногах, и говорят о том, что надо всех давить и душить!

— И совсем не всех, а только орков, — сказал Леголас. — Они не знают ни эльфов, ни людей, потому что они нездешние и сюда издалека пришли. Видишь ли, Гимли, я, кажется, догадался, откуда они, — они из диких глубин Фангорна.

— А Фангорн — самый опасный из всех лесов Средиземья, — сказал Гимли. — Я им благодарен за все, что они сделали, но я не могу их полюбить. Ты вот их считаешь удивительными, а я видел тут гораздо большее диво, получше всех лесов и роц мира! У меня еще сердце полно впечатлений. Чудаки эти громадины! У них тут одно из чудес северного мира, а что они о нем говорят? — Пещеры! Для них это просто пещеры. Убежище на случай войны и зернохранилище в дни мира. Ты не видел, дорогой Леголас, какие огромные и удивительные пещеры в Хельмской Теснине! Да если бы мир об этом узнал, гномы ходили бы сюда толпами, чтобы только посмотреть, да-да, и платили бы за это чистым золотом!

— Я бы много заплатил, чтобы их не видеть, — сказал Леголас, — а если бы заблудился в них, заплатил бы двойную цену, чтобы мне помогли выбраться!

— Ты их не видел, поэтому я тебе шутки прощаю, — ответил Гимли. — Но ты говоришь глупости. Разве не красив дворец, в котором живет твой король под Лихолесским всхолмьем, который гномы много веков назад помогали вам строить? А он ведь попросту нищая конура по сравнению со здешними пещерами! Здесь есть огромные залы, звенящие вечной музыкой воды, которая каплями стекает в красивейшие озера, похожие на зеркальный Келед-Зарам в звездном свете! А когда люди зажгли факелы, Леголас, и шли по ровному полу под высокими гулкими сводами, драгоценные камни, кристаллы и золотые жилы засверкали в гладких стенах, свет пронизал мрамор, и он светился, как раковина, как жемчуг, как живая рука Владычицы Галадриэли! Леголас, там есть колонны белые, и шафранные, и розовые, как утро, причудливые, будто из снов. Они растут из разноцветных оснований и тянутся навстречу сверкающим сталактитам, которые висят под потолками, словно крылья, шнуры, змеи, тонкие щитки и нежные облака. Иногда они напоминают знамена, свисающие со стен в высоких замках. Все это отражается в тихих озерах. Из темных вод, покрытых стекляным льдом, выступают очертания страны, которая не могла бы присниться даже самому Дарину! В глубину идут красивейшие галереи и кончаются там, где смыкаются каменные челюсти. Туда не доходит никакой свет. Вдруг — динь! — падает серебряная капля, и в кругах, бегущих по воде, отраженные колонны и башни гнутся и колеблются, как кораллы и водоросли в морских гротах. Свет факела озаряет следующую комнату, показывает следующий сон, а позади наступает вечер и все гаснет. А дальше — новые залы, галереи, купола, лестницы, крутые подъемы и спуски до самого сердца гор, Леголас! Пещеры! Сверкающие гроты Хельмской Теснины! Счастливая судьба привела меня в них. Я плакал, когда пришлось оттуда уходить.

— Раз это для тебя такая радость, друг Гимли, — сказал эльф, — то желаю тебе вернуться с войны невредимым и снова увидеть эти пещеры. Только не болтай о них своим соплеменникам! Судя по твоим прежним рассказам, им уже почти нечего стало делать в своих горах. Может быть, здешние люди поступают правильно, что не разглашают тайну своего чуда. Одно трудолюбивое гномье семейство, вооруженное молотками и долотами, наверное, может быстро разрушить то, что ими построено за века.

— Ты нас не понимаешь! — возмутился гном. — Нет в мире гнома, которого бы не тронула такая красота. Ни один из потомков Дарина не превратил бы такие пещеры в копи и каменоломни, даже если бы в них можно было добывать золото и алмазы. Разве ты перевел бы на дрова молодой и цветущий весенний лес? И это чудо из цветущего камня мы бы не разрушили, а наоборот,

сохранили. Может быть, иногда очень осторожно стукнули бы молотком и отвалили плохо укрепленный камень в одном месте, потом в другом, — а на протяжении многих лет таким способом можно было бы открыть новые переходы и новые залы, которые сейчас прячутся во тьме; об их существовании едва можно догадываться, когда видишь пустоту через трещину в стене. А свет, Леголас! Мы бы сделали там освещение, поставили бы такие лампы, какие были когда-то в Казад-Думе. Если бы мы захотели, мы бы прогнали оттуда ночь, которая залегла со дня рождения гор.

— Ты растрогал меня, Гимли, — сказал Леголас. — Я еще ни разу не слышал от тебя подобных слов. Теперь я почти жалею, что не видел пещер в Хельмской Теснине. Послушай! Давай заключим договор. Если мы оба живыми выйдем из всех опасных приключений, поедем вместе по свету? Ты бываешь вместе со мной в Фангорне, а потом я с тобой поеду посмотреть Хельмские подземелья.

— Если бы это зависело только от меня, я бы выбрал другую дорогу, — ответил Гимли. — Ну да ладно, постараюсь вытерпеть твой Фангорн, если ты обещаешь мне, что потом вернемся вместе посмотреть пещеры!

— Обещаю, — произнес Леголас. — А сейчас, увы. Придется временно позабыть и о пещерах, и о лесе. Смотри! Мы выезжаем из-под деревьев. Гэндальф! Как далеко отсюда до Исенгарда?

— Для саруманового воронья около пятнадцати гонов, — ответил Гэндальф. — Пять до Брода, а потом еще десять до Исенгарда. Но нам нет надобности преодолевать все это расстояние за одну сегодняшнюю ночь.

— А что нас ждет у цели? — спросил Гимли. — Ты это, наверное, знаешь, а я напрасно ломаю голову.

— Я тоже наверняка не знаю, — ответил маг. — Я был там вчера вечером, за это время многое могло измениться. Но я все-таки надеюсь, что мы едем туда не зря... Хотя тебе и пришлось ради этого расстаться с Блισταющими пещерами Агларонда.

Отряд выехал из-под деревьев, и все увидели, что находятся в самой нижней части Лощины, как раз в том месте, где дорога из Хельмской Теснины делилась на две, и одна вела на восток — в Эдорас, а другая — на север, к Броду через Исену. Прежде чем отъехать от леса, Леголас с сожалением оглянулся, придерживая коня, и вдруг вскрикнул:

— Там глаза! Они смотрят из-под ветвей, из темноты. Я таких глаз еще не видел!

Остальные всадники, остановленные его криком, тоже посмотрели назад, но, по-видимому, ничего не разглядели. Леголас повернул коня, собираясь ехать назад.

— Не надо! — закричал Гимли. — Если ты сошел с ума, делай что хочешь, но сначала я слезу с твоего коня. Я не хочу видеть никаких глаз!

— Остановись, Леголас! — удержал его Гэндальф. — Не надо сейчас возвращаться. Твой час еще не пробил.

В эту минуту из леса выступили три странные фигуры. Огромные, как тролли, не меньше двенадцати локтей в высоту, они казались крепкими и сильными, как молодые деревья, и были одеты в узкое платье серо-коричневого цвета, а может, это была кора. Руки и ноги у них были длинные, пальцев на руках много, волосы жесткие, бороды серо-зеленые, как мох. Они медленно обвели взглядом горизонт, будто не заметили всадников, — внимательные их глаза остановились на северном направлении. Потом они подняли длинные руки ладонями ко рту и стали не то говорить, не то гудеть звучными приятными голосами на разные лады. Это было похоже на отдаленные звуки рогов, но разнообразнее и красивее. Издали им будто бы ответили похожие голоса. Всадники тоже посмотрели на север и увидели, что по траве оттуда идут такие же фигуры. Приближались они быстро, шагали, как цапли, но великанские шаги были такими, что цапли их бы и на крыльях не догнали. Всадники закричали от удивления, некоторые из них схватились за мечи.

— Оружие нам сейчас не нужно, — сказал им Гэндальф. — Это всего лишь пастухи. Они нам не враги, они на нас просто не обратят внимания.

По-видимому, так и было, потому что великаны, даже не глянув на конных воинов, быстро вошли в лес и исчезли в нем, будто растворились.

— Пастухи? — недоверчиво спросил Феоден. — А где стадо? Кто они, Гэндальф? Говори, потому что из нас никто их раньше не встречал.

— Пастухи деревьев, — ответил маг. — Ты помнишь старые сказки, которые тебе рассказывали в детстве вечером у очага? Дети твоей земли должны бы легко извлечь ответ на этот вопрос из запутанных клубков старинных легенд. Ты видел перед собой энтов, Король, онодримов из Фангорнского Леса, который, кстати, на вашем языке зовется Лес Энтов. Думаешь, это выдумка?

Тут все иначе, Феоден. Для энтов вы, рохирримы, являетесь случайной басней. Все долгие годы, прошедшие со времени Юного Эорла до правления Феодена Седого, им кажутся минутой, а все дела твоего рода — мелкой суетой.

Король молчал.

— Энты! — сказал он наконец. — В сумраке легенд для меня начинает проясняться загадка этих деревьев. Странные времена наступили на моем веку. Много лет мы разводили скот, возделывали поля, строили дома, изготавливали орудия, а когда надо было помогать гондорцам в их войнах, садились на коней. И это все казалось нам жизнью, человеческой жизнью. Нас мало заботило то, что происходило за пределами нашего края. Об этом пелось в песнях, но мы их забывали, а если наши дети их учили, то не задумывались о смысле. И вот песни ожили, пришли из своей таинственной страны и в видимом обличье ходят рядом с нами по земле средь бела дня.

— Ты должен этому радоваться, Король Феоден, — сказал Гэндальф. — Под угрозой оказалась не только короткая человеческая жизнь, но и существование тех, о ком вы знали лишь по легендам. Сейчас вы не одни, у вас есть союзники, хотя вы их и не знали.

— Но это одновременно очень печально, — произнес Король. — Когда все закончится и решатся военные судьбы, может ведь получиться так, что много прекрасного и дивного исчезнет из Средиземья?

— Может случиться и так, — ответил Гэндальф. — Нельзя уничтожить все зло, которое посеял Саурон, нельзя вернуться и сделать все, как было. Но мы обречены жить именно сейчас. Свою дорогу мы выбрали. Едем дальше!

Отряд повернул на север, к Броду через Исену. Леголас неохотно ехал за остальными. Солнце постепенно опустилось и скрылось за краем земли, но когда они выехали из тени Белых Гор и смогли повернуть на запад, к Роханскому Проходу, небо над ними было еще красным, а под плывущими по нему облаками словно догорал багровый пожар. На его фоне всадники увидели тучи черных птиц. Птицы с надрывными криками кружились у них над головами, возвращаясь в горные гнезда.

— У черных хищников было сегодня много работы на поле битвы, — заметил Эомер.

Отряд теперь двигался без спешки. Спустилась ночь, но было полнолуние, и дорога освещалась холодным серебристым светом. По холмистой местности она шла то вверх, то вниз. Холмы напоминали застывшие волны серого моря. Сзади была темнота.

Через четыре часа после развилки отряд уже подъезжал к Броду. Река здесь текла в широкой каменистой ложбине, к которой спускались поросшие зеленой травой террасы. Ветер доносил издали волчий вой. Всадники приближались к Броду с тяжелым сердцем, ибо помнили, как много рохирримов полегло в боях на этом месте.

Дорога спускалась между террасами довольно круто вниз, шла вдоль реки, затем пересекала ее и поднималась на противоположный берег. Для пешеходов переправу облегчали три ряда плоских камней, уложенных поперек потока, между ними были броды для лошадей. В середине Брода торчал голый островок. Но когда всадники еще сверху увидели это знакомое место, оно показалось им совсем чужим. Обычно вода громко шумела и плескалась по камням, а сейчас здесь было необычно тихо. Ложе реки почти совсем высохло, обнажив обкатанные камни и серый песок.

— Печальное зрелище, — произнес Эомер. — Какая беда высушила реку? Много прекрасного уничтожил Саруман. Неужели он покусился на исток Исены?

— Похоже, что так, — ответил Гэндальф.

— Увы! — воскликнул Феоден. — Неужели нельзя сейчас свернуть с дороги, чтобы не видеть, как дикие звери и птицы пожирают тела благородных воинов Рохана?

— Именно туда ведет нас дорога, — ответил Гэндальф. — И горько думать о смерти твоих рыцарей, но ты увидишь, Король, что волки их не тронули. Хищники пируют на трупах своих друзей орков. Такая у них дружба! Едем дальше.

Отряд въехал в реку и приблизился к острову, с которого слышался волчий вой. Гэндальф пустил Серосвета вперед. При виде мага на серебристом коне волки замолчали и отбежали на дальний берег острова. Оттуда недобрым светом тускло горели их зеленоватые глаза. Всадники поднялись за Гэндальфом на островок.

— Смотри! — сказал Гэндальф. — Здесь потрудились друзья.

И они увидели посреди острова курган, увенчанный короной камней с воткнутыми в землю

копьями.

— Здесь лежат все воины Рохана, павшие в Битве у Брода, — сказал Гэндальф.

— Да будет покоен их сон! — воскликнул Эомер. — Их копья сгниют и мечи заржавеют, но пусть этот курган вечно стережет Брод через Исену!

— Это уже твоих рук дело, дорогой друг Гэндальф! — сказал Феоден. — Много же ты успел за один вечер и одну ночь!

— С помощью Серосвета... и других, — ответил Гэндальф. — Я быстро ехал и далеко побывал. А здесь у кургана хочу сказать тебе слова утешения. Много твоих воинов полегло здесь в жестокой битве, но не столько, сколько называли в первых слухах. Большая часть была рассеяна. Всех, кого я смог разыскать, я собрал; часть отправил к Эркенбранду, остальных заставил сделать то, что ты видишь, а сейчас они на пути в Эдорас. Я знал, что Саруман все свои силы направил против тебя, и его прислужники должны были бросить все дела, чтобы идти к Хельмской Теснине. Край был свободен от вражеских войск, но я боялся, что дикие ворги и грабители могут напасть на неохраняемый Медусил. Сейчас я уверен, что можно уже не бояться. Когда вернешься, твой Дом радостно тебя встретит.

— А я буду счастлив увидеть его, — произнес Феоден, — хотя, наверное, недолго мне остается в нем жить.

С этими словами он хлестнул коня, и всадники расстались с островом и курганом, переправились на другой берег и поехали дальше, спеша побыстрее оставить позади печальный Брод. Когда они были уже довольно далеко, оттуда снова донесся волчий вой.

От Брода к Исенгарду вел старый тракт. Первое время он шел вдоль реки, вместе с ней поворачивал на восток, потом на север. Затем отрывался от Исены и направлялся прямо к воротам Исенгарда, которые находились у подножия скальной стены, замыкающей долину с западной стороны.

Отъехав пару гонов от Исены, всадники сошли с дороги и поскакали рядом. Так было удобнее, потому что почва была твердая и ровная, и на много миль вокруг росла пружинистая короткая трава. Ехать было по траве быстрее, и к полуночи они отмахали все пять гонов от Брода. Здесь пришлось остановиться, ибо Король устал. Подножия Мглистых Гор были уже рядом, казалось, что Нэн-Курунир протягивает им навстречу длинные руки. Долина впереди тонула во тьме, потому что луна уплыла на запад, и горы заслонили ее. А из глубины котловины поднимался толстый столб дыма и пара, который распластался черными и серебристыми клубами по звездному небу.

— Что ты об этом думаешь, Гэндальф? — спросил Арагорн. — Будто вся долина Сарумана горит.

— В последнее время дым постоянно поднимается из котловины Исенгарда, — отозвался Эомер. — Но такого я никогда не видел. Это скорее похоже на пар, чем на дым. Саруман готовит к нашему приходу новую хитрость. Может, он кипятит воду Исены? Это бы объяснило, почему река высохла.

— Может быть, — сказал Гэндальф. — Завтра узнаем, чем занят Саруман. Сейчас давайте отдыхать, пока время есть.

Они разбили лагерь недалеко от высыхающего русла Исены. Некоторым удалось пару часов поспать, но среди ночи всех разбудил крик часовых. Луны не было. Вверху светили звезды, а по земле двигалась темная громада, темнее ночи, и двигалась она на север по обеим сторонам реки мимо их лагеря.

— Не шевелиться! — крикнул Гэндальф. — Не доставать оружия! Ждите, пока они пройдут!

Темнота вокруг них сгустилась. Над головами мигали звезды, а по обеим сторонам лагеря стало совершенно темно. Отряд оказался между двумя движущимися стенами. Люди слышали какие-то странные голоса, шепот, вздохи, стоны, бесконечный непонятный шелест. Земля дрожала и гудела. Это происходило, как им показалось, очень долго, но в конце концов шепчущая темень отодвинулась и исчезла у подножия гор.

В то же время далеко на юге, в Рогатой Башне Хельмской Теснины люди услышали в полночь шум, будто в Долине разыгралась буря. Задрожала земля. В темноте идти на разведку никто не решался. Вышли из крепости утром, когда все давно стихло и светило солнце. Вышли и застыли в ошолоблении: все трупы орков исчезли, и все деревья тоже. Только трава на большой площади, даже в самой Теснине, была помята и местами вырвана, будто великаны пасли тут свои стада. Примерно в миле от вала в земле была вырыта огромная яма, полузасыпанная, и из нее торчали крупные камни, целая куча. Люди догадывались, что, наверное, там зарыты убитые орки. Куда девались трупы тех, кто бежал в лес, так и осталось неизвестным. На камни, торчащие из ямы, никто не отважился влезть. Это место назвали Смертный Горб, со временем земля вокруг него сгладилась, присыпала камни, но трава так и не выросла. И деревьев в этой долине больше никто не

видел. Наверное, ночью, завершив страшную месть, они вернулись в темные урочища Фангорна.

Король и его свита до утра не сомкнули глаз, но не увидели и не услышали больше ни одного дива, кроме того, что утром Исена вдруг заговорила. Высокая волна воды выплеснулась с горы на камни, и река снова, как и раньше, шумела и пенилась, играя в каменистом русле.

Лагерь покидали на заре. День вставал серовато-светлый, но солнца видно не было. Вокруг лежал туман, в душном воздухе распространялся неприятный запах гари. Ехали медленно, опять по дороге, широкой, ровной, за которой, видно, хорошо следили. Сквозь туман и пар слева просматривался длинный горный отрог. Они были уже в долине Нэн-Курунир. С трех сторон ее замыкали горы, единственный выход был на юге.

Когда-то в красивой долине зеленым озером колыхались пышные травы, а пересекающая ее Исена уже здесь, в своем начале, была глубокой и сильной рекой, так как ее питали бесчисленные источники и ручьи, стекавшие с гор. Земля у ее берегов была жирной и плодоносной.

Сейчас все здесь изменилось. У стен Исенгарда оставались заплатки полей, возделываемых невольниками Сарумана, но большая часть долины зарастала сорняками и колючками. Терновник прижился у камней и бугорков, под которыми вырыли себе норы мелкие зверьки. Деревья тут не росли, но в жесткой траве еще попадались иногда обгоревшие или обрубленные пни, следы давних рощ. Долина выглядела сумрачно и печально, в ней стояла тишина, нарушаемая лишь плеском воды в камнях. Дым и пар тяжелыми клубами плыли над землей и залегали в ямах. Всадники скакали молча.

В сердца многих закрадывалось сомнение, и не один уже мысленно со страхом задавал себе вопрос о том, что ждет их в конце пути.

Через несколько миль битый тракт сменился широкой мощеной дорогой, плоские камни которой были выложены искусными руками, без единой щели или вмятины. Ни ростка травы не было между камнями. Дорога была чистой. По обеим сторонам ее шли канавы с водой. Вдруг перед всадниками словно из тумана вырос черный столб с укрепленным на нем большим камнем, вырезанным в форме руки и покрашенным в белый цвет. Указательный палец Белой Руки показывал на север, обозначая, что Ворота Исенгарда уже близко, и сердца забились в груди всадников, хотя самих ворот во мгле видно пока не было.

Город-крепость, названный людьми Исенгардом, стоял тут, в Чародейской Котловине, с Незапамятных Времен. Отчасти его укрепили сами горы, многое построили люди, пришедшие с запада. Да и Саруман, издавна тут поселившийся, тоже времени даром не терял.

Когда Саруман достиг могущества и величия и был признан вождем всех магов и чародеев, Исенгард выглядел мощно и красиво. Гигантское кольцо скал отделялось от горного массива и окружало город. Выход был только в одном месте, через огромные кованые Ворота в южной стене. Ворота вели в вырубленный в черной скале длинный туннель, кончавшийся такими же мощными железными дверями. Огромные навесы крепились в заклиненных в скалу стальных косяках и ходили так бесшумно и легко, что, отодвинув засовы, можно было открыть двери легким нажатием руки. Тот, кто проходил по гулкому туннелю внутрь, видел перед собой большую ровную чашу около мили в диаметре. Когда-то она была вся зеленая от садов, в которых переплетались красивые аллеи, и бесчисленные ручьи стекали с гор в озеро. Но в последние годы правления Сарумана вся зелень исчезла без следа, дороги вымостили твердым черным камнем и украсили не фруктовыми деревьями, а рядами мраморных, медных и железных столбов, соединив их между собой тяжелыми цепями.

Комнаты, залы и коридоры были вырублены в скалах, так что круглая котловина была вся обрамлена окнами и дверями. В этом скальном городе могли поместиться тысячи жителей: работники, слуги, пленники, наемники, рабы и воины. У Сарумана были огромные оружейни. В глубоких ямах под стеной держали волков. Вся котловина была изрыта и пробурвана. Глубоко в землю шли ходы с винтовыми или прямыми лестницами, над землей оставались только рамы входов, прикрытых низкими крышами или каменными навесами, а там, в глубине, в подвалах у Сарумана были склады, арсеналы, кузницы и огромные печи. Неустанно вращались железные колеса и стучали молоты. Сверху при лунном свете Исенгард напоминал громадное мрачное кладбище, где в могилах пробудились мертвецы, ибо земля все время гудела и вздрагивала, из-под низких навесов и из открытых люков вырывались струи дыма и пара, подцвеченные снизу красным, синим или ядовито-зеленым светом.

Все дороги сходились к центру Котловины, где торчала высокая башня необычного вида. Строили ее тогда же, когда выравнивали дно Котловины, то есть в Незапамятные Времена, но при взгляде на нее с трудом верилось, что это творение рук человеческих. Казалось, что она выросла здесь, как кость из костей земли, когда рождались сами горы. Похожа она была на утес, черный и блестящий, составленный из четырех мощных многогранных каменных столбов, соединенных между собой, а сверху расходящихся, будто изогнутые рога, и щетинившихся острыми, как копья, башенками, углы

которых были заточены, словно лезвия ножей. Между башенками размещалась гладкая каменная плита, покрытая таинственными письменами. Стоящий на ней мог с высоты пятисот локтей обозревать всю равнину.

Так выглядела цитадель Сарумана, которую, — может, случайно, а может, умышленно, — называли Ортханк, что имело двойной смысл: на языке эльфов это означало «Гора-Клык», а по-рохански — «Хитрая Голова».

Раньше Исенгард был не только неприступной крепостью, но и процветающим поселением. В нем жили доблестные воины, охранявшие западные границы Гондора, искусные мастера и мудрецы, постигшие тайны звезд. Со временем Саруман приспособил удивительный город-крепость к своим преступным замыслам. Он думал, что сам все усовершенствовал, но в самообольщении ошибался, ибо все хитроумные и зловерные выдумки, на которые он тратил свою мудрость и которые приписывал себе, на самом деле были ему ловко подсунуты из Мордора. Весь его труд свелся к созданию уменьшенной копии, детской игрушки, рабского повторения действительно гигантской твердыни, оружейни, застенков, огненного котла, всей великой мощи Черного Замка Барад-Дур, в котором не терпели соперников, смеялись над подражанием и ждали своего часа, чтобы применить безмерную накопленную силу.

О крепости Сарумана жители Рохана знали только из рассказов, ибо никто на памяти последнего поколения не прошел через Ворота Исенгарда, разве что Причмок, но он бывал там тайно и никому о том, что видел, не говорил.

Гэндальф первый подсказал к каменному столбу с Белой Рукой. Всадники с удивлением заметили, что ногти у нее красные и сама она не чисто белая, а словно запятнана засохшей кровью. Гэндальф смело поехал вперед, остальные неохотно последовали за ним. Можно было подумать, что по долине прошло наводнение: у дороги разливались большие лужи, вода заполняла все углубления и текла ручейками между камней.

Наконец, маг остановился и кивком подозвал друзей. Туман перед ними рассеялся. Был полдень, светило солнце. Они стояли у Ворот Исенгарда.

Но Ворота лежали на земле, выломанные и погнутые. Вокруг кучами валялись камни, расколотые в щебень. Огромная арка над воротами еще держалась, но за ней в скале вместо туннеля зиял провал, с обеих сторон ворот были проломы и завалы. Грудами камней стали привратные башни. Если бы Великое Море в гневе поднялось и ударило в скальную стену, то и оно не принесло бы большего опустошения.

Вся внутренняя чаша, залитая неуспокоившейся еще водой, казалась котлом с кипятком, и в нем, колыхаясь, плавали разные обломки, балки, столбы, сундуки, бочки... Погнутые столбы с расщепленными верхушками торчали вверх, мостовые скрылись под водой. Скалистым островом посередине оставалась лишь высокая черная башня Ортханк, полускрытая в тумане, и волны лизали ее подножие.

Король и все остальные остолбенели. Они поняли, наконец, что твердыня Сарумана пала, но не могли постичь, как это случилось. Обводя взглядом весь разгром, они вдруг увидели на высокой груде камней у ворот две маленькие фигурки, развалившиеся в свободных позах, в серых плащах едва заметные на серых камнях. Возле них стояли бутылки, миски и тарелки, как будто они только что хорошо подкрепились, а сейчас отдыхали после больших трудов. Один, казалось, спал, а другой, прислонившись спиной к большому обломку, закинул ногу на ногу и, заложив одну руку за голову, выпускал изо рта длинные струйки и маленькие колечки легкого голубоватого дымка.

Феоден, Эомер и их воины с изумлением смотрели на этих двоих: очень уж необычно они выглядели на развалинах Исенгарда.

Прежде чем Король смог открыть рот, человек, пускавший дым, заметил всадников, молча выступивших перед ним из тумана и вскочил на ноги. Это был юноша, но ростом раза в два меньше обычных людей. На его непокрытой голове буйно росли кудрявые каштановые волосы, он был плотно закутан в сильно потрепанный плащ такого же цвета и покроя, как те плащи, в которых друзья Гэндальфа прибыли в Эдорас. Он низко поклонился, приложив к груди руку, а потом, будто не замечая мага и его спутников, обратился к Феодену и Эомеру.

— Добро пожаловать в Исенгард, уважаемые гости! — произнес он. — Мы тут сейчас за привратников. Я — Мерриадок сын Сарадока, к вашим услугам, а мой друг, который, увы! очень устал, — тут он толкнул своего друга ногой, — зовется Перегрин сын Паладина, из рода Туков. Мы с далекого севера. Почтенный Саруман дома, но сейчас он уединился с неким Причмоком, и это мешает ему выйти навстречу столь важным гостям. А то бы он вас поприветствовал!

— Без сомнения! — засмеялся Гэндальф. — Это что, сам Саруман приказал вам сторожить разбитые ворота и встречать гостей без отрыва от тарелок и бутылок?

— Нет, уважаемый господин, такая подробность ускользнула от его внимания, — очень серьезно ответил Мерри. — Он, как я уже сказал, сильно занят. Приказ мы получили от Древесника, который взял на себя бразды правления в Исенгарде и поручил мне достойными словами приветствовать Повелителя Рохана, что я и сделал, как умел.

— А нас, своих друзей, совсем не замечаешь? Нам с Леголасом тебе нечего сказать?! — взорвался Гимли, не в состоянии больше владеть собой. — Ах вы, шерстолапые негодники, бродяги, хулиганы кудлатые! Нечего сказать, заставили нас поохотиться! Мы ради вас двести гоним проходимцев по лесам, горам, степям и болотам, через войну и смерть, а вы развалились тут пузом кверху и, в довершение всего, сосете трубки! Трубки! Откуда у вас табак, шалопай? Гром по наковальне! Меня сейчас злость и радость распирают, чудо будет, если не лопну!

— Ты выразил и мои чувства, Гимли, — смеясь, сказал Леголас. — Только я бы сначала спросил, где они вином разжились?

— Чего-чего, а соображения вы на охоте не добыли! — отозвался вдруг Пипин, открывая один глаз. — Застаете нас на поле славы среди всяких доказательств геройства, рядом с добычей, и спрашиваете, откуда у нас эти мелочи для заслуженного удовольствия!

— Заслуженного?! — спросил Гимли. — Что-то не верится.

Всадники со смехом слушали разговор.

— Мы, без сомнения, присутствуем на встрече любящих друзей, — сказал Феоден. — Это и есть твои пропавшие спутники, Гэндальф? Видно, нам суждено каждый день встречать новое диво. Много я уже чудес видел, а вот еще одно племя из легенды. Если я не ошибаюсь, вы — невысоклики, или как иногда у нас говорят — холбиты?

— Хоббиты, уважаемый Король! — поправил его Пипин.

— Хоббиты, — проговорил Феоден. — Выражаетесь вы странно, но название у вас подходящее. Значит, хоббиты. Все, что я о вас слышал, бледнеет перед действительностью.

Мерри поклонился. Пипин тоже встал и отвесил Королю низкий поклон.

— Ты милостив к нам, Король! — сказал он. — Надеюсь, именно так надо понимать твои слова. Но ведь это новое чудо. Я прошел много стран и до сих пор не встретил никого, кто бы знал что-нибудь о хоббитах. Ты первый.

— Мой народ много лет назад пришел с севера, — отвечал Феоден. — Но не хочу вас обманывать. У нас нет преданий о хоббитах. Рассказывают только, что где-то очень далеко за горами и реками живет племя невысокликов, которые копают себе норы в песчаных склонах. Но о деяниях этого племени легенд нет. Известно только, что невысоклики не любят беспокойства, не показываются людям на глаза, а умеют молниеносно прятаться и менять голоса, например, щебетать, как птицы. Теперь я вижу, что мои знания о вас ничтожно малы.

— Конечно, малы, — вставил Мерри.

— Например, — продолжал Феоден, — никто мне не говорил, что хоббиты пускают дым изо рта.

— В этом нет ничего удивительного, — ответил Мерри. — Это искусство у нас известно уже несколько поколений. Тобольд Дудстон из Долгодона, из Южного Удела, впервые вырастил у себя на огороде трубчатое зелье примерно в одна тысяча семидесятом году по нашему летоисчислению. Каким образом старый Тоби раздобыл это зелье...

— Ты не знаешь, что тебе сейчас грозит, Король, — прервал беседу Гэндальф. — Хоббиты могут сидеть на развалинах и распространяться о застольных удовольствиях или вспоминать подробности из жизни своих отцов, дедов, пра-пра-прадедов и дальних родственников столько времени, что вряд ли даже у тебя хватит терпения. Отложим рассказ о трубчатом зелье до более удобного случая. Где Древесник, Мерри?

— Далеко отсюда, на северной стороне, — ответил Мерри. — Он пошел напиться воды, чистой воды. Большинство энтов с ним, они еще не всю работу закончили... там!

Мерри показал рукой на дымящееся озеро. Всадники посмотрели в ту сторону и услышали отдаленный гул и грохот, будто с гор катилась лавина. Где-то в стороне раздавалось гудение и веселый шум, напоминающий триумфальный звук множества рогов.

— Значит, Ортханк никто не охраняет? — спросил Гэндальф.

— А вода зачем? Ее хватит, — ответил Мерри. — И в охране Шустряк, с ним еще пара энтов. Не все

столбы здесь вбиты Саруманом. Если я не ошибаюсь, Шустряк стоит под башней-скалой, недалеко от ступеней.

— Да-да, я вижу там высокого серого энта, — сказал Леголас. — У него руки опущены, и стоит он, не двигаясь.

— Уже полдень прошел, а мы еще крошки во рту не держали, — сказал Гэндальф. — Но я хотел бы как можно скорее поговорить с Древесником. Он тебе для меня никаких поручений не оставил? Или за бутылками и тарелками у вас все из головы вылетело?

— Оставил, оставил, — ответил Мерри. — Я вам собирался все сразу сказать, но меня засыпали другими вопросами. Он просил передать вам, что если Повелитель Рохана и Гэндальф соизволят проехать к северной стене, они застанут там Древесника, который будет рад их приветствовать. Добавлю от себя, что там они найдут готовый обед и наилучшие закуски и угощения, специально разысканные и подобранные вашими покорными слугами, — с поклоном закончил хоббит.

Гэндальф расхохотался.

— С этого надо было начинать! — воскликнул он. — Ну что, Король Феоден, хочешь поехать со мной на свидание с Древесником? Озеро придется объехать, но это не очень далеко. От Древесника ты узнаешь много интересного, ибо он и есть Фангорн, старейший и достойнейший из энтов, и из его уст ты услышишь язык самых древних существ, живущих на земле.

— Я поеду с тобой, — ответил Феоден. — До свидания, хоббиты! Я хотел бы увидеть вас в своем доме! Там мы сядем поудобнее, и вы мне расскажете все, что захотите, о своих предках хоть от сотворения мира, о старом Тобольде и его зелье! До свидания!

Хоббиты низко поклонились.

— Вот он какой, Король Рохана! — шепнул Пипин на ухо другу. — Симпатичный старичок, очень вежливый.

Глава девятая. ЧТО МОЖНО ВЫЛОВИТЬ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ

Гэндалф с Королем и свитой поехали на восток, в обход озера и разрушенных стен Исенгарда, а Арагорн, Гимли и Леголас остались на развалинах Ворот. Эрода и Хасуфа отпустили попастись, а сами сели рядом с хоббитами.

— Ну вот, — сказал Арагорн, — охота кончилась, мы с вами встретились, да еще в таком месте, куда никто из нас не собирался.

— А пока большие вожди пошли обсуждать большие дела, — произнес Леголас, — мы, скромные охотники, хотели бы получить ответ на свои скромные вопросы. По вашим следам мы дошли до самого леса, но что с вами было дальше, узнать не успели.

— Мы также многое хотели бы о вас узнать, — ответил Мерри. — Кое-что нам рассказали, но старый энт Древесник сам мало знает о всех событиях.

— Давайте по порядку, — сказал Леголас. — Поскольку это мы за вами гонялись, сначала пусть будет ваш рассказ.

— Сначала, но не сейчас, — заметил Гимли. — Предлагаю: все разговоры — после обеда. У меня разбита голова, а время уже послеполуденное. Слушайте, разбойники, я бы вам все простил, если бы вы поделились с нами добычей, о которой что-то тут говорили. Едой и питьем частично оплатите свои долги.

— Будет тебе и еда и питье, — сказал Пин. — Ты предпочитаешь, чтобы мы тебе подали обед сюда, или будешь обедать с удобствами, в Сарумановой Караульне, вон там, за Воротами? Нам пришлось перекусить под открытым небом, чтобы глаз не спускать с дороги.

— Так вот почему вы смотрели на нее одним глазом! — сказал Гимли. — А насчет караульни — ноги моей не будет ни в одном орчем доме, и я не притронусь ни к чему, что было у них в лапах!

— Никто такого от тебя не требует, — сказал Мерри. — Думаешь, нам они не опротивели на всю жизнь? В Исенгарде кроме них были другие племена. Саруман сохранил разум, оркам не доверял, для охраны Ворот держал людей, выбирал, наверное, самых преданных. Им оказывали милости и давали хорошее содержание.

— И трубочное зелье тоже? — спросил Гимли.

— Не думаю! — рассмеялся Мерри. — Трубочное зелье — это совсем другая история, ее ты услышишь после обеда.

— Ну так пошли обедать! — заявил гном.

Вся компания во главе с хоббитами прошла под арку и поднялась по лестнице в обширную комнату. Против входа была другая дверь, маленькая, под боковой стеной стоял длинный стол, в стене был очаг. Комната, вырубленная в камне, раньше, наверное, была темной, потому что выходила окнами в туннель, но сейчас свет падал прямо в окно. В очаге горело полено.

— Это я разжег огонь, — сказал Пин. — Он нас утешал в тумане. Хворосту тут было мало, все дрова оказались сырыми. Но тяга хорошая, наверное, труба выходит далеко в скалах и не завалилась. Сейчас нам огонь пригодится, я вам гренокв нажарю, а то хлеб тут черствый, ему уже дня три или четыре.

Арагорн, Леголас и Гимли сели в конце длинного стола, а хоббиты исчезли за маленькой дверью.

— Кладовая тут повыше, и ее не залило, к счастью, — сообщил Пин, выходя из двери, нагруженный тарелками, мисками, кубками, ножами и разнообразным провиантом.

— Не крути носом, дорогой Гимли, — сказал Мерри. — Это не орчья жратва, а человеческая еда, как сказал бы Древесник. Чего тебе налить, вина или пива? Есть порядочный бочонок. А вот солонина из кабана, первосортная. Если хочешь, могу поджарить тебе пару ломтиков. Жаль, что нет овощей: в последнее время привоза не было. И на сладкое могу предложить только масло с медом на хлеб. Тебе этого хватит?

— С лихвой, — ответил Гимли. — Можешь вычеркнуть из своих долгов приличную сумму.

Вскоре трое друзей уже были заняты едой, а оба хоббита без зазрения совести уселись рядом и принялись уплетать второй обед за день.

— Приходится поддерживать компанию, — сказали они.

— Вы сегодня необычайно заботливы, — засмеялся Леголас. — Только я думаю, что если бы мы не появились, один хоббит другому все равно составил бы компанию за вторым обедом.

— Может быть, может быть. Почему бы и нет? — сказал Пин. — В плену у орков нас кормили плохо, да и перед этим пришлось попоститься. Я уж и не помню, когда последний раз ел досыта.

— Что-то непохоже, чтобы пост вам повредил, — заметил Арагорн. — У вас вполне цветущий вид.

— Это правда, — подтвердил Гимли, рассматривая хоббитов из-за большого кубка. — Волосы у вас вдвое пышней и кудрявей, чем были, когда мы расстались у Великой Реки, и мне даже кажется, что вы немного подросли, если это возможно у хоббитов вашего возраста. Видно, Древесник вас голодом не морил.

— Нет, — ответил Мерри. — Но энты ведь только пьют, а напитком по-настоящему не наешься. И хотя питье у Древесника очень питательное, если можно так сказать, хоббиту все же требуется что-нибудь поплотнее. Даже lembas бывает приятно заменить на другие блюда.

— А, так вы пили воду у энтов? — воскликнул Леголас. — Тогда зрение Гимли не обманывает. Удивительные песни поют у нас про воду Фангорна!

— Об этом лесе ходят очень интересные легенды, — сказал Арагорн. — Я там ни разу не был. Расскажите мне про него и про энтов тоже.

— Про энтов! — сказал Пин. — Энты... Ну вот, энты бывают очень разные. Это одно. А потом, у них такие глаза, такие чудные глаза!.. — он попробовал что-то еще произнести, но запнулся и замолчал. — В общем, вы уже нескольких энтов издали видели, потому что они вас видели и доложили, что вы находитесь на пути в Исенгард. Наверное, вы еще здесь на них посмотрите и сами составите о них представление.

— К делу, к делу! — вмешался Гимли. — Мы начинаем с середины. А я бы хотел все подряд узнать, расскажите все по порядку с того странного дня и часа, когда распался наш Отряд.

— Все расскажем, если времени хватит, — сказал Мерри. — Но сначала, — если обед закончен, — набейте трубки и давайте закурим. Очень нам хочется представить хоть на минутку, будто мы счастливо вернулись в Пригорье или хоть в Райвендел.

Он достал кожаный мешочек, набитый табаком.

— Этого добра у нас полно! — сказал он. — Возьмите себе, сколько хотите. Сегодня утром мы с Пином развлекались, вылавливая всякую всячину. Пин заметил два маленьких бочончка, похоже было, что вода их вымыла из пивного подвала. А когда мы их открыли, там оказалось сушеное трубочное зелье высшего сорта в прекрасном состоянии.

Гимли взял щепотку на ладонь, растер и понюхал.

— Пахнет хорошо и на вид кажется отличным, — сказал он.

— Да не кажется, а просто отличное! — сказал Мерри. — Милый Гимли, это же Долгодонские Листья! На бочонках были фирменные знаки Дудстонов. Как они сюда попали, понятия не имеем. Наверное, Саруман для себя лично достал. Вот уж не думал, что наше зелье так далеко вывозится! Но теперь оно очень даже пригодится!

— Пригодилось бы, — грустно сказал Гимли, — если бы у меня была трубка. Но я ее потерял в Мории, а может быть, даже раньше. Там у вас в добыче трубочки не найдется?

— Боюсь, что нет, — ответил Мерри. — Мы нигде тут не видели трубок, даже в караульне. Саруман, видно, позволял эту роскошь только себе. Но мне кажется, не стоит стучать в двери Ортханка и просить у него трубочку. Что ж, раз другого выхода нет, давай по-дружески раскурим одну на двоих.

— Постой-ка! — сказал Пин. Он сунул руку за пазуху и вытянул за шнурок мешочек из мягкой кожи. — Ношу возле сердца свои сокровища, — объяснил он. — Для меня они такие же ценные, как Кольцо. Вот одно: моя старая деревянная трубка. Вот другое: запасная трубка. Протаскал ее полсвета, сам не знал, зачем. Не думал даже найти по дороге трубочное зелье, когда кончились взятые запасы. А вот теперь пригодилась! — и хоббит протянул гному широкую короткую трубочку. — Ну как, сравняем счет?

— Сравняем?! — воскликнул Гимли. — Благороднейший хоббит! Я теперь твой должник!

— А что касается меня, то я хотел бы выйти отсюда на свежий воздух, — сказал Леголас, — и посмотреть, откуда ветер дует и что делается на небе.

— Мы все выйдем, — согласился Арагорн.

Они вышли из караульни и расселись на куче камня перед воротами. Отсюда открывался далекий вид на долину, потому что туман, наконец, поднялся и расплывался под легким ветерком.

— Вот здесь хоть немножко расслабимся, — сказал Арагорн. — Посидим на развалинах и побеседуем, как любит говорить Гэндальф, пока он сам не придет. Не часто в жизни мне приходилось так устать.

Он завернулся в серый плащ, прикрыв им доспехи, лег на спину и с удовольствием вытянул длинные ноги. Потом выпустил тонкую струйку дыма.

— Смотрите! — закричал Пин. — Бродяжник к нам вернулся!

— А он никуда не уходил, — ответил Арагорн. — Я Бродяжник, Дунадан, гондорец и северянин в одном лице.

Довольно долго они молча дымили трубками, а солнце освещало их косыми лучами из-за облаков, плывущих высоко в западной половине неба. Леголас некоторое время тоже лежал неподвижно, не щурясь, смотрел на солнце и тихо напевал. Потом вдруг сел.

— Хватит, друзья! — сказал он. — Время проходит, туман рассеялся, и воздух был бы чистым, если бы вы не коптили с таким странным наслаждением. Где ваши истории?

— Моя история начинается в полной темноте, когда я очнулся ночью, связанный и среди орков, — сказал Пин. — Какой сегодня день?

— Пятое марта по Хоббитскому календарю, — ответил Арагорн.

Пин подсчитал на пальцах:

— Всего девять дней назад! А мне казалось, что прошел год с тех пор, как мы попали в плен. Половина этого времени — страшный сон, а потом явь была еще страшнее. Мерри меня поправит, если я в чем-нибудь важном ошибусь. Я не буду вдаваться в подробности и говорить о кнутах, грязи, вони и подобных кошмарах. Лучше этого не вспоминать.

И Пипин рассказал про последний бой Боромира и переход орков с Нагорья Эмин Муйл до самого Фангорна. Слушатели кивали головами, когда что-нибудь в рассказе хоббита совпадало с их догадками.

— А вот сейчас получите назад кое-что из утерянных ценностей, — сказал вдруг Арагорн. — Радуйтесь!

Он расстегнул пояс под плащом и снял с него два кинжала в ножнах.

— Ну и ну! — воскликнул Мерри. — Никак не ожидал снова их увидеть! Вот этим кинжалом я проткнул нескольких орков, пока Угрук не отобрал у нас оружие. Как он страшно смотрел! Я думал, он меня на месте заколет, но он оба кинжала только отбросил подальше, будто они его жгли.

— А вот твоя застежка, Пин, — протянул Арагорн руку. — Я ее сохранил, потому что это очень ценная вещь.

— Знаю, что ценная, — ответил Пин. — Я с ней расстался с великим сожалением, но что я еще мог сделать?

— Ничего, — ответил Арагорн. — Кто не умеет при необходимости расставаться с ценностями, тот становится их рабом. Ты хорошо сделал.

Вот это ловко с развязанными руками, — заметил Гимли. — Тебе, конечно, повезло, и ты схватил свой счастливый случай, можно сказать, обеими руками.

— А нам задал трудную загадку, — добавил Леголас. — Я удивлялся, уж не выросли ли у вас крылья.

— Увы, нет! — ответил Пин. — Но вы еще не знаете о Грышнаке, — он вздрогнул и замолчал, оставляя Мерри самую страшную часть рассказа: про объятия орчьих когтей, смрадное дыхание и жуткую силу мохнатых рук Грыشناка.

— Меня тревожит то, что вы рассказали об орках из Мордора, или, как они говорят, из Лугбура, — произнес Арагорн. — Выходит, что Черный Властелин и его прислужники слишком много знают. Грышнак после драки в Приречном Нагорье наверняка переслал какие-то сообщения за Великую Реку. Красный Глаз, без сомнения, следит за Исенгардом. Но Саруман все же попал в капкан, который сам готовил.

— Да, какая бы сторона ни победила, у Сарумана теперь надежд нет, — заметил Мерри. — Дела его приняли плохой оборот с тех пор, как он пустил орков на роханские земли.

— Старый злодей показался нам на окраине леса, — сказал Гимли. — По крайней мере, так получается по намекам Гэндальфа.

— Когда это было? — спросил Пин.

— Пять ночей тому назад, — ответил Арагорн.

— Пойдите... Да, пора рассказывать дальше, о том, что вам совсем неизвестно. На следующий день после Битвы на Опушке мы встретили Древесника. Ночевали у него в Родниковом Гроуте, это один из домов старого энта, а на следующий день пошли на Сход энтов и видели самое удивительное собрание на свете. Оно продолжалось целый день, а потом еще день. Спали мы тогда у другого энта, которого зовут Шустряк. А потом, в конце второго дня, энты вдруг выступили! Это было потрясающе! В лесу чувствовалось такое напряжение, будто в нем варилась гроза, а потом получился взрыв. Жаль, что вы не слышали песню, которую пели энты на марше. Если бы ее услышал Саруман, он, наверное, убежал бы за сто гонов сломя голову, — добавил Пин.

... Пусть горд и тверд, пусть укреплен, И гол, как кость, со всех сторон, Под барабан на Исенгард, Убить врага, убить врага... На Исенгард, на Исенгард!..

Песня, конечно, была гораздо длиннее, но большая часть ее пелась без слов и звучала, как музыка рогов и барабанов. Она нам страшно понравилась. Правда, сначала я подумал, что это только маршевая песня, и ничего больше. Но мы вместе с ними дошли прямо сюда, и тут же я понял все.

— С последнего гребня в котловину Нэн-Курунир мы спускались вечером, почти ночью, — продолжал Мерри. — Тогда я почувствовал, что за нами целый лес идет. Сначала я думал, что мне снится сон про энтов, но Пин его тоже увидел. Мы оба испугались, и только потом нам все объяснили. На «сокращенном языке» энты называют их хьорнами. Древесник о них очень неохотно говорит. Я думаю, что это такие энты, которые стали перерождаться в деревья, во всяком случае на вид. Они стоят молча в лесу или по краям леса и наблюдают за деревьями, а в глубине темных урочищ их, наверное, много сотен.

В них кроется огромная сила, но они умеют окутываться тенью, и их трудно увидеть в движении. Однако иногда они ходят, и даже очень быстро, особенно когда разгневаются. Например, стоишь ты тихо, наслаждаешься погодой или слушаешь шум ветра, и вдруг вокруг тебя оказывается толпа деревьев. Голоса они сохранили и могут объясниться с энтами, — Древесник говорит, что поэтому их хьорнами зовут, — но одичали. Стали опасными. Не будь рядом настоящих энтов, которые за ними присматривают, я бы очень боялся с ними встретиться. Ну, так вот, поздно вечером мы спустились с гор в Чародейскую Котловину с энтами, а за нами шуршала толпа хьорнов.

Мы их, конечно, не видели, но воздух наполнился шелестом, скрипом и треском. Ночь была темная и ненастная. Хьорны спускались с гор необычайно быстро и шумели, как под ветром. Месяц из-за туч так и не вышел. К полуночи на всех северных склонах в темноте над Исенгардом вырос большой лес. Враг не подавал признаков жизни, только на башне светилось окно.

Древесник и несколько энтов тихо прокрались вперед, в такое место, откуда были хорошо видны Ворота. Мы с Пином были с ними. Сидели на плечах у Древесника и чувствовали, как напряжен старый энт. Энты ведь в самом большом возбуждении сохраняют осторожность и терпение. Они стояли как каменные, только дышали и внимательно прислушивались.

Вдруг раздался шум, заиграли трубы, эхо прокатилось в стенах Исенгарда. Мы думали, что это нас обнаружили, и что сейчас начнется битва. Ничего подобного! Это все войско Сарумана уходило из крепости. Я мало знаю об этой войне и о роханских всадниках, но мне кажется, что Саруман хотел одним мощным ударом уничтожить Короля и всех его воинов. Исенгард остался без гарнизона. Я видел, как уходили враги, — бесчисленные ряды пеших орков, а между ними гоблины верхом на огромных волках. Были отряды из людей. Они шли с факелами, и я видел их лица. Большинство людей были обычные — рослые, темноволосые, но не очень злые; а были совсем страшные — ростом, как люди, но с клыкастой пастью, как гоблины, косоглазые, злющие. Мне вспомнился один южанин из Пригорья, он был вроде этих, хотя и не так явно походил на орка, как они.

— Я тоже почему-то о нем вспомнил, — сказал Арагорн. — В Хельмской Теснине мы сражались с такими полуорками. Теперь мне ясно: тот южанин из Пригорья был шпионом Сарумана. Но непонятно, работал он только на Сарумана или действовал заодно с Черным Всадником. У этих подлецов никогда не разберешь, кто с кем в союзе и кто кого обманывает.

— Всего их было не меньше десяти тысяч, — продолжал свой рассказ Мерри. — Целый час только выходили из Ворот. Часть их пошла по тракту к Броду, а вторая свернула на восток. В миле от крепости река течет по глубокому каменному каналу, там мост построили. Если встать во весь рост, отсюда его видно. Пели они хриплыми голосами, хохотали и выли дико. Я подумал, что Рохану

придется плохо. Но Древесник не двинулся. Говорил: «Я должен сейчас расправиться с Исенгардом, с его каменными корнями».

Мне в темноте не было видно, где что делается, но кажется, хьорны подождали, пока закроются Ворота, и пошли вслед за орчьим войском. Они, наверное, хотели именно с орками расправиться. Утром они были уже далеко, я так подумал, когда разглядел плотную тень на горизонте.

Когда ушла армия Сарумана, пришла наша очередь. Древесник поставил меня с Пином на землю, подошел к Воротам и стал в них колотить, вызывая Сарумана. Вместо ответа в него со стены посыпались стрелы и камни. Стрелы для энтов не опасны. Они их царапают и раздражают, как докучливые мухи. Если энта утыкать стрелами, как подушку для иголок, он еще не считает себя раненым. Во-первых, энты не чувствительны к ядам, а во-вторых, у них толстая кожа, твердая, как кора. Надо взять хороший топор, чтобы по-настоящему ранить энта. Они топоров терпеть не могут. Но и тогда против одного энта надо десятка два дровосеков выставить, ибо если кто-нибудь его заденет, то удара уже не повторит, — энт может руками согнуть стальную плиту, как тонкий лист.

Когда в лоб Древеснику вонзилось несколько стрел, старый энт рассердился так, что его почти можно было назвать «расторопным», как он сам любил говорить о других. Он громко крикнул свое «Ах-ха!», и несколько энтов подошло к воротам. В гневе энты страшны. Пальцами рук и ног они впивались в скалу и драли ее, будто корку хлеба. Я видел, как в считанные секунды они выполняли работу, с которой корни деревьев справляются веками.

Они толкали, тянули, трясли, топтали, давили. Через пять минут ворота со скрипом и треском рухнули, и часть скалы развалилась. Другие в это время вгрызались в стены, как кролики в песчаный склон. Не знаю, понял ли Саруман, что происходит, но во всяком случае он не знал, что делать. Может быть, его чародейская сила ослабела, может быть, он утратил силу духа или, проще говоря, трусил, когда противник застал его одного, без войска, без защиты рабов и машин. Короче, вы меня поняли. С Гэндальфом он ни в какое сравнение не идет! Мне кажется, что он всей своей славой был обязан только тому, что выбрал своей твердыней и опорой Исенгард.

— Нет, ты не прав, — ответил ему Арагорн. — Был он когда-то велик и славен, и достоин своей славы. Обладал глубокими знаниями, полетом мысли, удивительно ловкими руками. Умел овладевать мыслями других существ. Мудрых убеждал, простаков держал в страхе. Эти способности он наверняка по сей день сохранил. Даже теперь, когда на него обрушился такой тяжелый удар, мало кто в Средиземье одержит над ним верх, если придется иметь дело с глазу на глаз. Гэндальф, Элронд, Галадриэль — эти бы не поддались ему, раз уж вся его подлость выплыла так очевидно, но кроме них вряд ли еще кто-нибудь найдется.

— За энтов я спокоен, — сказал Пин. — Один раз, насколько мне известно, они дали себя обмануть, но это вряд ли повторится. Саруман их вообще недооценил и не принял в расчет и сделал большую ошибку. Он забыл о них, когда плел свои сети, а когда они встали у стен Исенгарда, было уже поздно исправлять промахи. Когда мы начали штурм, последние крысы, которые еще прятались в крепости, бросились удирать через дыры в стенах. Людей энты выпускали живыми, сначала, правда, расспрашивали. Их было всего дюжины две или три. Из орков вряд ли кто уцелел. Во всяком случае, если кто и удрал из крепости, всех их прикончили хьорны, которые продолжали окружать Котловину лесом, хотя их главный отряд ушел за войском.

Когда под ударами энтов большая часть южной стены развалилась в щепень и остатки гарнизона разбежались, бросив хозяина, Саруман пал духом. В начале штурма он, кажется, был у ворот, наверное, провожал свое войско. А когда энты ворвались внутрь, дал ходу. Сразу этого никто не заметил. Но ночь прояснилась, звезды светили ярко, энтам этого достаточно, и вдруг Шустряк закричал: «Убийца деревьев! Убийца деревьев!». У него вообще сердце доброе, но тем страшнее он ненавидит Сарумана, ибо много его соплеменников и любимых деревьев пострадало от орчьих топоров. Он побежал по дороге к внутренним воротам, а бежать он может как ветер, если рассердится. Чародея он заметил в полутьме, когда тот метался в тенях за столбами, а потом в последний момент добежал до ступенек в Башню. Еще минута — и Шустряк бы его догнал и раздавил, ему только шага не хватило, но Саруман успел проскользнуть в двери и мгновенно закрыть их за собой.

Так он оказался в безопасности в Башне и вскоре запустил свои любимые машины. Многие энты были уже внутри крепости, некоторые побежали за Шустряком, другие ворвались с севера и с востока. Громили в Котловине все, что попадалось им под руку. И вдруг из-под земли стал вылетать огонь с вонючим дымом. Из всех люков. Многие энты получили тяжелые ожоги. Один из них, если я не ошибаюсь, его звали Буковик, высокий, красивый, оказался как раз под струей жидкого огня и вспыхнул как факел. Это было очень страшно.

Энты ошалели. Перед этим они были просто возбуждены, но теперь я понял, что то была только раскачка, и увидел настоящий гнев. Все закипело. Энты рычали, гудели, трубили так, что от одного крика камни лопались. Мы с Мерри плотно прижались к земле и плащами заткнули уши. С гудением, криком и шумом энты метались по Котловине и по скалам вокруг Ортханка, засыпали

каменными люки, — каменные плиты летали, словно листья на ветру. Башня стояла в центре бури как скала. Я видел, как в нее летели железные балки из разобранных строений и камни. Но Древесник головы не потерял. К счастью, огонь его не тронул. Он не хотел, чтобы его собратья в пылу боя получили увечья, и боялся, что Саруман воспользуется суматохой и сумеет выскользнуть каким-нибудь тайным ходом. Толпа энтов напирала на Ортханк, но Башня стояла. Она гладкая и твердая. Может, в ней кроется колдовская сила, более древняя и могущественная, чем власть Сарумана. В общем, энты не смогли даже трещину в ней сделать, не то что разрушить.

Древесник вышел на середину котловины и закричал. Его громкий голос перекрыл шум битвы, наступила мертвая тишина. И в этой тишине из верхнего окна Башни раздался ядовитый смех. Странно все это подействовало на энтов. Минуту назад они кипели, а теперь мгновенно стихли, остыли, будто их лед сковал. Они медленно отошли от Башни, собрались вокруг Древесника, застыли. Он поговорил с ними на своем языке. Я думаю, что он объяснял им план, который давно сложился в его седой голове. Они стояли и слушали молча. Потом все тихо растворилось в сером рассвете.

Думаю, что они оставили часовых у Башни, но часовые так затаились в тени, что я их не видел. Большинство энтов пошло к северу. Целый день они чем-то там занимались и не показывались. О нас никто не беспокоился, будто забыли. День тянулся очень долго; мы немного покрутились по Котловине, стараясь, чтобы нас не заметили с Башни, ибо ее окна зияли по-прежнему грозно. Много времени заняли поиски хоть какой-нибудь еды. А еще мы сидели и разговаривали между собой, пытаясь предположить, что сейчас делается в Рохане, на юге, и что могло произойти с нашим Отрядом. Время от времени до наших ушей доходил грохот падающих камней и звук далеких ударов, от которых в скалах раскатывалось эхо.

После полудня мы вышли из-за стен посмотреть, что делается вокруг. На выходе из долины стоял большой лес хьорнов, а другой такой же полукругом выстроился у северной стены. В его тень мы войти не отважились. Из чащи доносились странные звуки, что-то там ломали и раздирали, что-то тащили. Энты и хьорны копали огромные рвы и ямы, строили водосборники и плотины, соединяли воды Исены с другими потоками и ручьями. Мы ушли назад к воротам.

В сумерках появился Древесник. Он что-то мурлыкал себе под нос и казался очень довольным. Подошел, потянулся, расправил длинные руки, глубоко вздохнул. Я спросил его, не устал ли он. «Устал? — повторил Древесник. — Нет, не устал, только руки немного занемели. Сейчас бы глоток воды из Реки Энтов. Трудная была работа. За много лет мы не перевернули столько камней, не перерыли и не перетаскали столько земли, сколько сегодня за один день. Почти все готово. Когда настанет ночь, не советую вам находиться возле Башни или в старом туннеле. Вода может туда прорваться — и будет это грязная вода, пока вся грязь Сарумана не смоется. Потом Исена опять станет чистой». Говоря так, Древесник, будто забавляясь, продолжал разваливать стену.

Потом мы с Мерри долго думали, где бы лечь спать, чтобы быть в безопасности, и тут случилось самое неожиданное.

Со стороны дороги донесся топот копыт, кто-то скакал галопом. Мы с Мерри спрятались за камень. Древесник отошел в тень под арку. Вдруг перед нами, словно из-под земли, вырос огромный серебристый конь, и несмотря на темноту, мы рассмотрели лицо всадника. Казалось, что оно светится, и одет он был весь в белое. Я сел, разинув рот, и глаза раскрыл. Хотел крикнуть, а голос куда-то подевался. Но окликать его не надо было. Он сам остановился и посмотрел на нас сверху вниз. Тогда я прошептал: «Гэндальф!»

Думаете, он ответил: «Добрый вечер, Пипин, какая приятная встреча»? Совсем нет. Он сказал: «Вставай, Тук, балбес! Во имя дива, куда в этом развале подевался Древесник? Мне он нужен. Срочно!»

Древесник узнал его голос и сразу же вышел из тени. Ни один из них не удивился при виде другого. Очевидно, Гэндальф собирался застать Древесника на этом месте, а Древесник, наверное, ради того и торчал под воротами, чтобы встретить Гэндальфа. Это только я от удивления опомниться не мог. А ведь мы рассказывали Древеснику о том, что произошло в Мории. Я вот тогда припомнил, что, слушая про эту часть нашего путешествия, Древесник как-то странно на нас смотрел. Теперь понятно, что он с Гэндальфом виделся или получал от него вести, только нам раньше времени говорить об этом не хотел. «Не будем поспешными» — его любимые слова. А ведь правда, никто, даже эльфы, не говорят о Гэндальфе и его делах в его отсутствие!

«Ах-ха, Гэндальф! — сказал Древесник. — Я рад, что ты приехал. С водой, лесом, с корнями и камнями я сам справлюсь, но тут надо разобраться с Чародеем».

«Древесник, — сказал Гэндальф. — Нужна твоя помощь. Ты сделал очень много, но надо еще больше. Мне надо разделаться примерно с десятью тысячами орков».

И они отошли в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз. Наверное, Древеснику это казалось

очень «поспешным», потому что даже мы издали видели, как быстро говорит Гэндальф, хотя слов и не разбирали. Видно, очень срочное было дело. Говорили они всего около четверти часа. Потом Гэндальф вернулся к нам. Он немного успокоился, стал веселее и, наконец, сказал, что рад нашей встрече.

«Гэндальф! — закричали мы. — Где ты был? Не встречал ли наших друзей?»

«Там, где был, меня уже нет. Да, некоторых встречал, — ответил он. — Но сейчас об этом некогда разговаривать. Впереди страшная ночь, и я спешу. Может быть, рассвет будет ясным, тогда мы снова увидимся. Будьте осторожны, держитесь подальше от Ортханка! До свидания!»

После отъезда Гэндальфа Древесник глубоко задумался. Наверное, получил сразу столько известий, что надо было все переварить. Потом сказал:

«Ох-хо, теперь я вижу, что не такие вы «расторопные», как мне показалось. Вы мне рассказали намного меньше, чем могли, и наверняка не больше, чем вам было позволено. Да, вести, вести, нечего сказать. Ну, а теперь опять за дело!»

Перед тем, как уйти, он с нами поделился самыми важными вестями. Они были не очень утешительными. Мы забеспокоились о вас троих и, правду сказать, думали о вас больше, чем о Фродо и Сэме и бедном Боромире. Потому что мы узнали, что начинается большая битва, а может быть, уже началась, и что вы там, и неизвестно, удастся ли вам выйти из нее живыми.

«Хьорны помогут», — сказал Древесник, уходя. И больше мы его до сегодняшнего утра не видели.

Ночь была темная. Мы лежали на куче камней и щебня и совершенно ничего не различали в темноте, словно нас накрыли одеялом из черного тумана. Воздух был горячий и какой-то густой, полный шелеста, шорохов, скрипов, в нем плавали невнятные голоса. Я думаю, что это были сотни хьорнов, которые проходили мимо нас, спеша к вам на помощь. Потом, в середине ночи, на юге что-то гремело, небо сверкало молниями, видно, там, далеко над Роханом, бушевала гроза. В свете молнии мы иногда видели вдали горы — черные и белые вершины. С противоположной стороны над Исенгардом тоже гремело, но совсем по-другому, и раскатывалось эхом в котловине.

Примерно в полночь энты разрушили все запруды, и скопившаяся масса воды хлынула через проломы в северной стене на Исенгард. Тени хьорнов разошлись, будто растворились. Гроза гремела уже в отдалении. Луна скатывалась к западу. Исенгард стал наполняться черной водой. Ее потоки блестели под луной, растекались по всей котловине, сливались в сплошное озеро. Местами на их пути оказывались входы в подземелья, люки. Когда вода туда попадала, из них с шипением вырывались клубы пара. Иногда что-то там взрывалось, показывались языки пламени. Огромный столб дыма вырвался из земли, изогнулся, обвил Ортханк. Башня стояла, как черный утес в тучах, снизу освещенный огнем, сверху луной, а вода разливалась и разливалась, и перед нами была уже не котловина, а огромная дымящаяся и бурлящая сковорода...

— Вчера ночью, когда мы подходили к долине Нэн-Курунир, мы видели издалека дым и пар над Исенгардом, — вставил Арагорн, — но подумали, что Саруман в своем котле готовит новую чародейскую пакость к нашему приходу.

— Ничего подобного! — ответил Мерри. — Он тогда, наверное, чуть не задохнулся, и ему было не до потех. Вчера утром — совсем рано — вода заливала ямы и дыры, и в котловине поднялся густой туман. Мы спрятались в караульне и тут немного испугались. Вода перелилась через завал, залила старый туннель и подступила к порогу. Мы решили, что попались, как орки в своих подвалах. Но, к счастью, нашли в кладовой еще одну дверь, а за ней винтовую лестницу вверх, на Ворота. Мы с трудом там протиснулись, потому что ворота обвалились и проход был наполовину завален, но все-таки вылезли и стали смотреть на заваленный Исенгард. Энты пускали новые потоки воды, пока все подземелья не затопили. Все огни погасли. Пар, как зонтик, поднялся вверх и висел там тучей, наверное, в милю толщиной. Вечером над восточными холмами была радуга, а потом пришла настоящая туча и полил такой дождь, что даже заката солнца видно не было. Потом стало тихо, только где-то далеко выли волки. Ночью энты кончили заливать котловину и повернули Исену в прежнее русло. Вот и все. Вода стала спадать.

Под землей, наверное, сделан какой-нибудь сток из подвалов. Если Саруман смотрел из окон, то уже видел грязную помойку. А нам показалось, что мы остались одни на свете. Ни одного энта не было видно, никто ничего не рассказывал, никаких вестей ниоткуда, а вокруг такое разорение. Мы не спали всю ночь, дрожали от воротах от холода и сырости. И боялись, что еще что-нибудь произойдет. Саруман ведь до сих пор сидит в своей Башне. Ночью был шум, будто ветер дул в долине. Я думаю, это вернулись энты с хьорнами и сразу ушли, а куда на этот раз — я уже не знаю. Утро встало туманное, мы спустились вниз и немного походили, но ничего не изменилось и нигде никого не было.

Ну вот, больше нам говорить нечего. После вчерашнего шума и разгрома Исенгард сейчас тихий, а

раз Гэндальф с нами, то, конечно, и безопасный. Можно спать спокойно.

С минуту все сидели молча. Гимли во второй раз набивал трубку табаком.

— Я только одного не понял, — проговорил он, высекая кремнем искры. — Про Причмока. Ты сказал Феодену, что Причмок у Сарумана. Как он сюда попал?

— Ах да, я о нем забыл, — ответил Пин. — Он сегодня рано утром явился. Мы только-только огонь развели и кое-как позавтракали, как вдруг появился Древесник. Мы его услышали из караульни, он нас по именам называл и гудел.

«Я пришел узнать, что вы тут делаете, — сказал он, — и вам кое-что рассказать. Хьорны вернулись, все хорошо. Да, да, даже очень хорошо! — он, смеясь, похлопал себя по бокам. — Нет больше орков в Исенгарде, нет топоров! А еще раньше, чем этот день кончится, будут тут гости с юга, и с ними те, кому вы обрадуетесь!»

Не успел он закончить, по дороге зацокали копыта. Мы выбежали за ворота, вытаращили глаза, я уже думал, что это Гэндальф и Бродяжник с боевым отрядом, а вместо них из тумана выехал незнакомый человек на замученной кобыле, такой урод, и один. Как увидел выломанные ворота и разваленную стену, то встал, как вкопанный, и лицом позеленел. Он был так ошеломлен, что даже нас не сразу заметил. А как только увидел, взвизгнул и хотел лошадь завернуть и отъехать. Но тут Древесник сделал три шага вперед, протянул длинную руку и снял его с седла. Лошадь испугалась и ускакала, а человек пал на землю. Он говорил, что он Грима, друг и советник Короля Рохана, и уверял, что Феоден прислал его к Саруману с важным поручением.

«Никто другой не отважился бы проехать через степь, в которой черно от орков, — сказал он. — Поэтому мне пришлось ехать одному. Я очень голоден, я устал, дорога была опасной, мне пришлось сделать большой крюк на север, потому что за мной гнались волки».

— Но я увидел, с каким выражением он украдкой поглядывал на Древесника, и сказал себе: «Он лжет». Древесник долго смотрел на него, а этот подлец извивался под его взглядом, как пескарь. Потом энт сказал:

«Ах-ха... Я тебя ждал, Причмок! — тот даже вздрогнул, услышав свое прозвище. — Гэндальф приходил раньше. Поэтому я знаю о тебе все, что надо знать, и знаю, что с тобой делать. Запри всех крыс в одной крысоловке, — так сказал Гэндальф. Так я и сделаю. Сейчас Исенгардом управляю я, но Саруман у себя в Башне. Я тебя отправлю к нему, и рассказывай ему все, что хочешь».

«Пусти меня, пусти! — взмолился Причмок. — Я знаю дорогу!»

«Не сомневаюсь, что знал, — ответил Древесник. — Но тут недавно кое-что изменилось. Иди смотри!»

Древесник его пропустил. Причмок пролез под ворота, а мы по верху — за ним. Когда он оказался в котловине и увидел разгром до самой Башни, он повернул назад:

«Разреши мне уйти! — стал он просить. — Отпусти меня! Мое поручение теперь бесполезно».

«Что правда, то правда, — сказал Древесник. — Но выбирай: или ждешь вместе со мной Короля и Гэндальфа, или идешь через лужу. Что будешь делать?»

Причмок задрожал, когда вспомнил про своего Короля, и сделал один шаг в воду. Но тут же отступил.

«Я не умею плавать», — заныл он.

«Тут не глубоко, — ответил Древесник. — Только очень грязно, но тебе это подходит. Иди!»

Несчастный Причмок полез в грязь. Сначала ему было по пояс, потом по самую шею. Потом мы потеряли его из виду, а когда увидели вновь, он уже вцепился не то в бочку, не то в колоду. Древесник даже в воду зашел посмотреть, куда он денется.

«Ну вот, до Ортханка он добрался, я видел, — рассказал нам энт, вернувшись. — Выполз на ступени, как мокрая крыса. Кто-то из Башни за ним следил, оттуда сразу же высунулась рука и втащила гостя внутрь. Так что он уже в Ортханке, надеюсь, его тепло там приняли. Но мне теперь надо хорошо отмыться. Если меня спросят, я буду у северного склона. Здесь нет чистой воды ни для мытья, ни для питья. Вас прошу следить за дорогой, стеречь ворота и встречать гостей. Среди них будет Хозяин Роханских Степей, поняли? Его надо принять достойно. Окажите ему почет, как сумеете. Помните, что его войско выдержало большую битву с орками. Вы должны лучше энтов

знать слова, которыми у людей полагается встречать вождей. Сколько живу, не выучил их языка и не запомнил имен, но они так часто меняются. Надо бы их накормить человеческой едой, а это вы тоже лучше меня знаете. Постарайтесь найти подходящую еду для Короля, на свой вкус».

Теперь уже точно все. Только вы мне, пока я не забыл, скажите, что это за Причмок? Он и правда был королевским советником?

— Да, — ответил Арагорн. — Был. Но одновременно был шпионом Сарумана и выполнял его задания в Рохане. Судьба с ним сурово обошлась, но он это заслужил. То, что он увидел развалины крепости, которую считал мощной и неприступной, для него уже удар. Но боюсь, что его ждет худшая кара.

— И мне кажется, что Древесник его отправил в Ортханк не по доброте душевной, — заметил Мерри. — Он это сделал с каким-то хмурым удовольствием, потом смеялся, когда пошел умываться. А у нас было полно работы: искать продукты и вылавливать всякие запасы. Мы в разных местах нашли пару кладовых, куда вода не попала. Но Древесник прислал энтов, и они много припасов у нас забрали.

Сказали, что надо «человеческой еды на двадцать пять человек». Кто-то из них уже всех пересчитал, пока вы ехали. Вас троих посчитали вместе со всеми. Но вы ничего не потеряли от того, что пообедали с нами. Мы на всякий случай половину запасов придержали, даже лучшую половину, потому что тут есть вино. Мы спросили энтов: «Питье возьмете?», а они ответили, что в Исене есть вода, которой хватит и энтам, и людям. Наверное, энты сумели приготовить свое питье из горных ключей, и тогда Гэндальф вернется к нам с пышной кудрявой бородой!

Мы, конечно, очень устали, и голодные были, но не жаловались, потому что наш труд принес щедрые плоды. Как раз в поисках еды Пин нашел самую ценную добычу: бочонки с клеймом Дудстонов. «Трубочное зелье ценнее еды», — сказал Пин. Вот так.

— Ну, теперь мне все понятно, — сказал Гимли.

— А мне не все, — сказал Арагорн. — Как сюда попало трубочное зелье из Южного Удела? Чем больше я про это думаю, тем больше удивляюсь. В Исенгарде я ни разу не был, но хорошо знаю все земли между Рубежным Краем и Хоббитширом. Уже много лет по этим землям не ходят, не ездят и не возят товары, разве что тайно. Боюсь, что у Сарумана и в Хоббитшире есть союзник. Не только при дворе Феодена водятся Причмоки! Даты на бочонках были?

— Были, — ответил Пин. — Листья 1417-го года, то есть из последнего урожая... Ой, что я говорю, из прошлогоднего. Год был очень хорошим.

— Значит, так. Если какая-нибудь подлость с этим связана, то это уже дело прошлое, и принимать меры поздно, — сказал Арагорн. — На всякий случай, надо сказать Гэндальфу, хотя рядом с великими делами это мелочь.

— Интересно, какими делами Гэндальф сейчас занимается? — вмешался Мерри. — Идемте прогуляемся, а то уже скоро вечер. Раз ты тут ни разу не был, дорогой Бродяжник, можешь сейчас свободно походить по Исенгарду. Только предупреждаю, что там невесело.

Глава десятая. ГОЛОС ЧАРОДЕЯ

Друзья прошли по разбитому туннелю и взобрались на кучу камня, чтобы лучше рассмотреть черную Башню Ортханк с разбитыми окнами, слепой угрозой стоявшую над окружающим разгромом. Вода из котловины почти вся ушла. Местами еще стояли лужи, в которых плавали пена и мусор, но большая часть огромной круглой площади уже подсыхала, хоть и была скользкая от грязи, захламленная, вся в дырах от люков, между которыми, как пьяные, клонились в разные стороны столбы. По краям котловины громоздились кучи битых камней и щебня, как бывает на морском берегу после большой бури. А за всем этим была зеленовато-бурая долина, которую с двух сторон словно обнимали горные отроги. По котловине с севера пробиралась группа всадников, направляясь к Ортханку, и была уже близко.

— Это Гэндальф и Феоден со своими людьми! — воскликнул Леголас. — Идемте к ним!

— Осторожно! — предостерег Мерри. — Тут надо хорошо смотреть под ноги, очень много расшатанных плит, наступишь — и тебя в дыру опрокинет.

Они все-таки пошли, придерживаясь разрушенной дороги, которая вела от ворот к Башне. Идти пришлось медленно, под ногами было неровно и скользко. Всадники их увидели и придержали коней, а Гэндальф выехал навстречу.

— Мы с Древесником очень интересно побеседовали, составили план на будущее, — сообщил маг. — Кроме того, чудесно отдохнули. Пора снова в путь. Надеюсь, вы тоже смогли поесть и расслабиться?

— Конечно, — ответил Мерри. — Наша беседа началась с трубки и трубкой закончилась. И злость на Сарумана немного приугасла.

— Неужели? — переспросил Гэндальф. — Моя горит ярким пламенем. И перед тем, как уйти отсюда, я должен выполнить свой последний долг: нанести ему прощальный визит. Это несколько опасно и, наверное, бесполезно, но надо. Кто хочет, идемте со мной, только помните: без шуток. Для них время не пришло.

— Я пойду, — сказал Гимли. — Хочу на него посмотреть и убедиться, что он действительно на тебя похож.

— Как же ты в этом убедишься, милый мой гном? — ответил ему Гэндальф. — Саруман может в твоих глазах стать на меня похожим, если ему понадобится использовать тебя в своих целях. А может и не стать. Думаешь, у тебя ума хватит разобраться в его мошенничествах? Хотя посмотрим. Может статься, он и не захочет всем сразу показываться. На всякий случай я попросил энтов немного отойти, чтобы он их не видел. Надеюсь, что тогда он даст себя уговорить и выйдет из Башни.

— А в чем опасность? — спросил Пин. — Он в нас будет стрелять, или огонь из окна выпустит, или чарами околдует?

— Последнее наиболее вероятно, если ты легкомысленно подъедешь к его порогу, — ответил Гэндальф. — Невозможно предугадать, какой силой он еще обладает и что решит предпринять. Обложенный зверь всегда опасен. А Саруман наделен могуществом, о котором вы понятия не имеете. Берегитесь его голоса!

Они подошли к подножию Ортханка. Башня стояла нерушимо, основание ее влажно поблескивало, углы и ребра были острые, как отшлифованные черные лезвия, и все усилия энтов привели лишь к появлению нескольких царапин и кучки отколотых чешуек у порога.

С восточной стороны два столба образовывали что-то вроде высокого крыльца, между этими столбами под треугольным навесом была огромная дверь, а выше — балкон с железной решеткой. К порогу вело двадцать семь широких ступеней, вырубленных в цельном черном камне. Это был единственный вход в Башню, кроме него лишь множество окон смотрело в мир из глубоких, как бойницы, ниш в гладких стенах.

Подъехав к ступеням, Гэндальф и Король сошли с коней.

— Я поднимусь повыше, — сказал Гэндальф. — Я уже был в Ортханке и хорошо представляю, что мне может здесь грозить.

— Я пойду с тобой, — сказал Король. — Я стар, и ничего уже не боюсь. Хочу говорить с врагом, причинившим мне столько зла. Эомер будет рядом со мною и поддержит, если меня подведут

старые ноги.

— Твоя воля, — ответил Гэндальф. — Я возьму с собой Арагорна. Остальные пусть ждут внизу. Отсюда хорошо видно и слышно, если с нами вообще захотят говорить.

— Ну нет, — запротестовал Гимли. — Мы с Леголасом хотим все увидеть вблизи. Мы тут единственные представители наших племен, так что пойдем с тобой.

— Пусть будет так, — согласился Гэндальф и начал подниматься по ступеням; Король шел рядом с ним.

Роханские всадники, выстроившись по обе стороны от входа, беспомощно поворачивались в седлах и с подозрением смотрели на Башню, страшась за своего Короля. Мерри и Пин присели на самой нижней ступеньке: они чувствовали себя маленькими и лишними.

— Отсюда до Ворот, наверное, с полмили по липкой грязи, — ворчал Пин. — Я бы лучше потихоньку пробрался назад в Караульню. И зачем мы сюда пошли? Никому мы не нужны.

Гэндальф встал перед дверью и постучал в нее Жезлом. Дверь глухо загудела.

— Саруман! — крикнул Гэндальф громко и раздельно. — Саруман! Выходи!

Ответа долго не было. Потом балконная дверь открылась внутрь, но к решетке никто не подошел.

— Кто там? — спросил голос из темноты. — Что вам надо?

Феоден брезгливо вздрогнул.

— Знакомый голос, — произнес он. — Будь проклят день, когда я в первый раз его услышал!

— Позови Сарумана, раз ты остаешься его слугой, Причмок, носивший имя Гримы! — потребовал маг. — Не трать времени зря.

Окно закрылось. Снова долгое ожидание. И вдруг из Башни раздался совсем другой голос, тихий и мелодичный, полный колдовского обаяния.

Кто случайно слышал этот голос, обычно не мог запомнить и повторить слов, а если повторял, то с удивлением обнаруживал, что в его устах эти слова потеряли силу и не всегда имеют смысл. Чаще всего внимавшие Саруману помнили лишь то, что слушать его было невыразимо приятно; все, что он говорил, казалось мудрым и справедливым, и хотелось поскорее согласиться, чтобы тоже стать мудрым. Все, что рядом произносили другие, звучало грубо и плоско, а если это противоречило Саруману, то вызывало гнев в сердце околдованного.

На некоторых чары действовали только пока голос звучал, а когда Саруман обращался к другим, оставалось ощущение, как от встречи с фокусником. При этом одни посмеивались, другие удивлялись и задумывались. Многих очаровывали не слова, а звук его голоса. Поддавшийся чарам даже на расстоянии продолжал слышать ласковый шепот и навязчивые указания. Никто не мог внимать Саруману равнодушно. Никто не мог без большого усилия воли и разума отказать ему в просьбе, пока его необыкновенный голос звучал.

— В чем дело? — спросил он очень кротко. — Почему вы мешаете мне отдыхать? Почему не даете ни минуты покоя ни днем, ни ночью?

Удивленно смотрели все на Башню, и никто не смог бы сказать, когда он появился на балконе, — этому не предшествовали ни звуки, ни движение, — но вот балкон открыт, и Саруман стоял у решетки, глядя на них сверху: старик в широком плаще, цвет которого трудно было определить, потому что при каждом движении он менялся. Лицо чародея было продолговатое, лоб высокий, глаза темные, глубоко посаженные, загадочные; в этот момент они казались печально-доброжелательными и немного усталыми. В седых волосах темные пряди — у висков и около рта в бороде.

— Похож и непохож, — пробормотал Гимли.

— Ну что ж, давайте побеседуем, — негромко продолжал голос. — Двоих из вас я знаю по именам. Гэндальфа знаю настолько хорошо, что не тешу себя надеждой, что он мог придти сюда за помощью или за советом. Но ты, Феоден, Повелитель Рубежного Края, слынешь благородным потомком отважных Королей племени Эорла. О, достойнейший сын трижды прославленного Фингла! Почему ты не пришел сюда раньше, как друг? Я от всей души хотел видеть своим гостем могущественного Короля Западных Земель, особенно в последнее время; хотел предостеречь от недобрых и неосторожных советчиков. Неужели поздно? Несмотря на зло, причиненное мне, к которому — увы! — рохирримы приложили руки, я готов спасти тебя. Ибо гибель неотвратимо ждет тебя на

пути, который ты выбрал. Верь мне, только я могу тебе помочь.

Феоден открыл рот для ответа, но ничего не произнес, а вместо этого поднял глаза на склонившегося над ним Сарумана, затем перевел их на Гэндальфа. Похоже было, что Король в растерянности. Маг, наоборот, стоял неподвижно и невозмутимо, как камень, терпеливо ожидая вызова. Всадники задвигались в седлах, зашептались, одобряя речь Сарумана, потом снова затихли. Им сейчас казалось, что Гэндальф никогда не обращался к Королю так красиво и учтиво, что он с самого начала грубил Феодену. В их верные сердца закралась тень подозрения и вошел страх перед грозящей опасностью, перед тенью, в которой может погибнуть Рохан, и бороться с которой их толкает Гэндальф. А вот Саруман стоит у дверей, из которых светит луч надежды.

Наступило тяжелое молчание.

Его неожиданно прервал гном Гимли.

— Слова этого чародея надо понимать наоборот, — сказал он, сжимая топорище. — На языке Ортханка «помощь» означает «гибель», а спасти значит убить, это ясно. Но мы пришли не за подаянием.

— Спокойно, — произнес Саруман, и на мгновение голос его потерял ласковость, а в глазах сверкнули искры. — Я еще не к тебе обращаюсь, Гимли сын Глоина. Твоя страна далеко отсюда, и тебя мало касаются дела этой земли. Однако я знаю, что не по своей воле ты оказался втянутым в эти дела, и я не буду осуждать тебя за сыгранную в них роль; кстати, не сомневаюсь, что ты действовал мужественно. Сейчас, прошу тебя, не мешай мне говорить с Королем Рубежного Края, моим ближайшим соседом и до недавнего времени другом. Что же ты мне скажешь, Король Феоден? Хочешь ли ты мира между нами и всяческой поддержки, которую тебе может оказать моя мудрость и вековой опыт? Хочешь ли, чтобы мы вместе решили, как действовать дальше в эти грозные дни, как исправить причиненное друг другу зло и приложить все усилия, чтобы наши государства расцвели пышнее, чем когда бы то ни было?

Феоден по-прежнему не отвечал. Трудно было догадаться, что происходит в его душе, — борется он с гневом или с сомнениями? Вместо него откликнулся Эомер.

— Послушай меня, о Король, — сказал он. — Вот та самая опасность, о которой нас предупреждали. Неужели мы боролись и победили ради того, чтобы сейчас нам морочил головы старый лжец, смазавший ядовитый язык медом? Так бы говорил с собаками попавший в капкан волк, если бы умел. Какую помощь он может тебе предложить? Ему сейчас надо спасти свою шкуру. Неужели ты согласишься вести переговоры с мошенником и убийцей? Вспомни Феодреда, погибшего у Брода через Исену, и могилу Гамы в Теснине Хельма!

— Раз зашла речь о ядовитых языках, то что сказать про твой, змееныш? — сказал Саруман, и в его глазах еще ярче сверкнули злые искры. — Но не будем поддаваться гневу, — снова смягчил он голос. — Каждый играет свою роль, Эомер сын Эомунда. Тебе пристало носить оружие и применять его, и в этом деле ты заслуживаешь наивысших похвал. Убивай тех, кого твой господин считает врагами, и будь доволен. Не вмешивайся в политику, в которой ничего не понимаешь. Может быть, если ты сам станешь когда-нибудь Королем, ты поймешь, что Правитель должен быть особенно осторожным в выборе друзей. Не пристало вам легкомысленно отталкивать дружбу Сарумана и могущество Ортханка, даже если между нами и были в прошлом обиды, справедливые или выдуманные. Вы выиграли бой, но не войну, да и то с помощью союзников, на которых больше не сможете рассчитывать. Кто знает, не подступит ли Тень Леса к вашему порогу в ближайшем будущем? Лес капризен и неразумен и людей вообще не любит.

Неужели ты назовешь меня убийцей, Король Рубежного Края, только за то, что в честном бою погибли твои мужественные воины? Раз ты начал войну, — напрасно, ибо я не хотел ее, — должны быть жертвы. Если ты при этом считаешь меня убийцей, то я отвечу, что та же печать лежит на всем роду Эорла. Разве этот род не вел войн, много войн, разве он не завоевывал тех, кто не хотел ему подчиниться? И разве не заключал мир с сильными противниками и не имел от этого выгоду? Еще раз спрашиваю тебя, Король Феоден: хочешь ли мира и моей дружбы? Это зависит только от тебя.

— Хочу мира, — сказал, наконец, сдавленным голосом Феоден, будто с усилием. Несколько всадников радостно вскрикнули. Но Король поднял руку, требуя тишины, и уже в полный голос продолжал: — Хочу мира, и будет у нас мир, когда мы разгромим тебя и сорвем замыслы твои и твоего мрачного хозяина, в руки которого ты хочешь нас выдать. Ты лжец, Саруман, ты отравитель сердец. Ты протягиваешь мне руку, но я вижу лишь злой и холодный коготь Мордорской лапы! Да будь ты в десять раз мудрее, и то не было бы у тебя права управлять мной и моим народом ради своей выгоды, как ты собираешься. Не была справедливой война, начатая тобой против меня; даже если бы ты захотел оправдать ее, как ты объяснишь пожары, в которых сгорели жилища жителей Западной Лощины, как оправдаешься за смерть убитых там детей? Твои палачи рубили уже мертвое тело Гамы у ворот Рогатой Башни. Будет у нас мир с тобой и с Ортханком, когда ты повиснешь на

веревке в окне своей Башни на поживу собственным стервятникам! Вот тебе мой ответ от имени рода Эорла. Я лишь скромный потомок великих Королей, но я не буду лизать твою руку. Ищи себе слуг в другом месте. Боюсь, однако, что твой голос потерял чародейскую силу.

Всадники смотрели на Феодена, будто пробудившись от сна. После музыки слов Сарумана его голос закрипел в их ушах, как карканье старого ворона. Но Саруман от ярости потерял самообладание. Он резко перегнулся через решетку, будто хотел ударить Короля Жезлом. Некоторым из присутствующих показалось, что они видят змею, готовую ужалить.

— Стервятники и веревка, говоришь? — зашипел Саруман так, что все вздрогнули, настолько неожиданной и страшной была в нем перемена. — Старик, впавший в детство! Что такое двор Эорла? Дымная лачуга, где бандиты и всякий сброд напиваются, как скоты, а их пашенки возятся на полу с псами! Это тебя веревка зажала! Но петля уже затягивается; ее долго готовили, в конце концов она тебя крепко сдавит! Будешь висеть, раз напрашиваешься... — По мере того, как он говорил, голос его снова становился мягче, видно, он сумел овладеть собой. — Не знаю, зачем я так долго тебя переубеждаю и трачу на тебя столько терпения. Нет у меня надобности ни в тебе, Феоден-конево, ни в твоей банде, которая умеет так же быстро отступать, как и скакать вперед. Много лет назад я предлагал Рохану образовать общее с моим государство, даровать тебе то, на что не хватит у тебя ни заслуг, ни ума. Сейчас снова предложил, чтобы твои подданные, которых ты ведешь к гибели, ясно поняли, перед какими двумя дорогами ты стоишь на перепутье и какой неверный выбор делаешь. Ты же мне отвечаешь бахвальством и клеветой. Будь по-твоему. Возвращайся к своим хлевам!

А ты, Гэндальф! Обидно мне за тебя, больно за твое унижение. Как ты терпишь этот сброд? Ты ведь горд, Гэндальф, и тебе есть чем гордиться, ибо замыслы твои благородны, взгляд проникает глубоко, и ты дальновиден. Хочешь услышать мой совет?

Гэндальф вздрогнул и поднял глаза.

— Хочешь что-нибудь добавить к нашему последнему разговору? — спросил он. — Или взять назад часть сказанного тогда?

Саруман молчал.

— Взять назад? — повторил он, будто раздумывая в удивлении. — Взять назад... Я пытался дать тебе совет ради твоего же блага, а ты меня не выслушал до конца. Гордый ты, не любишь чужих советов, да и правда, ума тебе не занимать. Но мне кажется, что ты делаешь ошибку, упорно извращая мои намерения. Увы! Я так старался тебя переубедить, что не совладал с собой, потерял терпение. Мне искренне жаль. Я не желаю тебе зла, даже сейчас, хотя ты водишься со сбродом забияк и невеж. И разве я мог бы иначе? Разве мы оба не принадлежим к одному старинному и почетному братству, к кругу достойнейших и мудрейших во всем Средиземье? Нам обоим выгодна наша дружба. Вместе мы сможем много сделать и залечить раны мира. Мы с тобой друг друга поймем, а мнения этой черни даже спрашивать не будем. Пусть ждут приказания. Во имя общего блага я готов зачеркнуть старые счеты и принять тебя в своем доме. Войди в Ортханк, Гэндальф.

И столько силы было в его голосе, что никто не мог слушать без волнения. Но странно действовали сейчас его чары. Всем показалось, что они — свидетели ласковых упреков, какими добрый Король журит своего любимого, но совершившего ошибку придворного. Не к ним были обращены слова, не для них подбирались доводы, и они не слушали, а подслушивали, как невоспитанные дети или любопытные слуги, стоящие под дверями и выхватывающие из разговора господ отдельные слова, пытаясь угадать, как они повлияют на их маленькие судьбы. Два чародея, конечно, были вылеплены из более тонкой глины, они были благородны и мудры. Неудивительно, если они станут союзниками. Гэндальф сейчас войдет в Башню, чтобы в верхних залах Ортханка держать совет с Саруманом о высоких делах, недоступных разуму простых людей. Двери перед ними захлопнутся, и будут они ждать приказа или наказания. Даже у Феодена промелькнула тень сомнения: «Если Гэндальф изменит нам и войдет, мы погибнем».

Но Гэндальф вдруг расхохотался. Чары развеялись как дым.

— Ах, Саруман, Саруман! — говорил маг, смеясь. — Ты ошибся в выборе судьбы. Тебе бы надо стать королевским шутом, заработал бы на хлеб и, может, даже был бы в почете, передразнивая королевских советников. Говоришь, — продолжал он, становясь опять серьезным, — что мы с тобой наверняка поймем друг друга? Боюсь, что тебе меня никогда не понять. А вот я тебя сейчас насквозь вижу. И осведомлен о твоих делах больше, чем ты думаешь. Когда я был здесь в последний раз, ты был тюремщиком, выполнявшим волю Мордора, и собирался меня туда отправить. Нет уж! Гость, однажды бежавший из твоей Башни через крышу, хорошо подумает, прежде чем еще раз войти в нее через дверь. Я не пойду к тебе в Башню. Но последний раз предлагаю: выйди к нам! Исенгард, как видишь, не так крепок, как ты себе внушил. Так же могут подвести и другие силы, в которые ты еще веришь. Может, пришло время распрощаться с ними? Обратиться к чему-нибудь новому? Хорошо подумай, Саруман! Сойдешь к нам?

По лицу Сарумана пробежала тень, потом он страшно побледнел. И прежде, чем он снова сумел найти подходящую маску, все поняли, что чародей не смеет оставаться в Башне, но и боится выйти из последнего убежища. Минуту он колебался, все затаили дыхание. Когда же он, наконец, заговорил, голос его звучал резко и холодно. Гордость и ненависть взяли верх.

— Сойти к вам? — повторил он язвительно. — Разве безоружный может выйти за порог на переговоры с бандитами? Отсюда достаточно хорошо все слышно. Я не глупец. Я не верю тебе, Гэндальф. Дикая лесная тварь не стоит у меня на пороге, это правда, но я догадываюсь, где ты их спрятал.

— Изменникам свойственна подозрительность, — устало ответил Гэндальф. — Но можешь не бояться за свою шкуру. Я не хочу убивать тебя, и если бы ты меня в самом деле понимал, ты бы это знал. У меня даже хватит силы, чтобы тебя защитить. Даю тебе последнюю возможность. Если согласишься, свободно уйдешь из Ортханка.

— Красиво звучит! — фыркнул Саруман. — Как подобает речам Гэндальфа Серого, весьма учтиво и доброжелательно. Не сомневаюсь, что, уйдя отсюда, я помогу исполнению твоих планов и оставлю тебе удобное жилье и большие владения. Но зачем мне отсюда уходить? И что в твоих устах означает «свободно»? Думаю, что ты поставишь определенные условия?

— Поводом к уходу отсюда может быть хотя бы вид из твоих окон, — сказал Гэндальф. — Найдешь и другие, если подумаешь. Слуги твои погибли или разбежались. Соседей ты сделал врагами, а нового хозяина пытался обмануть. Когда Глаз повернется в твою сторону, он наверняка будет багровым от гнева. Говоря «свободно», я имею в виду настоящую свободу, без заточения в тюрьму, без цепей, без приказов. Я позволю тебе идти в любую сторону, хоть в Мордор, Саруман, если захочешь. Перед этим ты только отдашь мне ключ от Ортханка и Жезл. Я их возьму в залог и верну тебе потом, если снова заслужишь.

Лицо Сарумана посинело и перекошилось от злости, в глазах у него засверкали красные огни. Он дико захохотал.

— Потом! — воскликнул он, переходя на крик. — Потом! Наверное, когда получишь ключи от самого Барад-Дура, а может быть, еще корону Семи Королей и Жезлы Пяти магов? Когда сменишь шкуру на более просторную, чтоб не лопнуть? Скромные планы. Обойдешься без моей помощи. У меня найдутся другие дела. Не будь глупцом! Если хочешь со мной разговаривать, пока еще есть время, отойди и протрезвей, потом вернешься. И не таскай за собой головорезов и босяков, которые цепляются за полы твоего плаща. Прощай!

Он отвернулся и ушел внутрь.

— Вернись, Саруман! — приказал Гэндальф.

К удивлению собравшихся, Саруман снова появился на балконе, но так медленно подходил к краю и так тяжело дышал, хватаясь за решетку, как будто какая-то чужая сила тащила его сюда против воли. Лицо у него сморщилось, глаза ввалились. Пальцами, как когтями, он впился в массивную черную трость.

— Я не разрешал тебе уходить, — сурово продолжал Гэндальф, — потому что еще не кончил. Ты поглупел, Саруман, и стал жалок. Даже сейчас ты еще мог бы расстаться со злом, вернуться к здравому смыслу и послужить доброму делу. Но ты хочешь остаться у себя в Башне и глотать сухие кости старых измен. Тогда сиди там! Но предупреждаю тебя, что выйти будет трудно. Разве что черные руки дотянутся сюда и выволокут тебя. А теперь слушай, Саруман! — Голос мага стал мощным и властным: — Я больше не Гэндальф Серый, которого ты предал. Я — Гэндальф Белый, вернувшийся из Страны Смерти. У тебя больше нет своего цвета, и я исключаю тебя из Мудрых и из Белого Совета! — он поднял руку и звонким голосом раздельно произнес: — Саруман, твой Жезл сломан!

Раздался треск, палка раскололась в руках Сарумана, набалдашник ее покатился к Гэндальфу под ноги.

— Вон! — крикнул Гэндальф.

Саруман вскрикнул, попятился и скрылся. В эту же минуту тяжелый блестящий предмет, брошенный сверху, блеснул в воздухе, задел решетку балкона, от которой едва успел отойти Саруман, пролетел на волосок от головы Гэндальфа и ударился о ступеньку у ног мага. Железная балконная решетка зазвенела и сломалась, каменная ступенька разлетелась вдребезги. Темный полупрозрачный шар, в котором просвечивало багровое ядро, покатился вниз. Когда он был уже на краю глубокой лужи, Пин бросился вперед и схватил его.

— Негодяй! Убийца из-за угла! — закричал Эомер.

Гэндальф не шевельнулся.

— Это не Саруман, — сказал он. — Саруман ничего не бросал и не приказывал бросать. Шар падал с верхнего этажа. Если я не ошибаюсь, это прощальный привет Причмока, только он не попал в цель.

— Не попал, потому что не смог быстро решить, кого ненавидит больше, тебя или Сарумана, — предположил Арагорн.

— Очень может быть, — сказал Гэндальф. — Эти двое немного радости получают, оставшись наедине не по своей воле. Будут все время ссориться. Справедливое наказание, однако. Если Причмок уйдет живым из Ортханка, это для него будет незаслуженным счастьем.

— Эй, хоббит, отдай-ка его мне! — крикнул он вдруг, резко повернувшись, потому что заметил, как Пин с трудом взбирается на ступени, неся что-то тяжелое. — Я не просил тебя его поднимать.

Маг быстро сбежал по ступеням навстречу хоббиту, почти вырвал у него из рук шар, завернул в полу своего плаща.

— Уж я о нем позабочусь. Саруман сам ни за что бы его не выбросил!

— Может, у него там еще что-нибудь есть на выброс, — буркнул Гимли. — Если у вас разговор кончен, давайте отойдем так, чтобы в нас не попали!

— Кончен, — ответил Гэндальф. — Пошли!

Они повернулись спиной к дверям Ортханка и сошли вниз. Всадники радостно приветствовали своего Короля и уважительно — Гэндальфа. Чары Сарумана рассеялись. Все видели, как он вернулся по приказу Гэндальфа, а потом, когда его прогнали, сник и почти уполз.

— Вот так. Одно дело сделано, — сказал Гэндальф. — Сейчас надо разыскать Древесника и рассказать ему, как все закончилось.

— Он сам, наверное, уже догадался, — предположил Мерри. — Разве могло быть иначе?

— Вряд ли, — ответил маг. — Но все висело на волоске. У меня были свои способы, чтобы с ним справиться, как благородные, так и не очень. Во-первых, я должен был убедить Сарумана, что чары его голоса ослабли. Нельзя одновременно быть и тираном, и советником. Во-вторых, я дал ему в последний раз возможность выбрать, причем честно, — предложил разорвать союз с Мордором, отказаться от своих планов, исправить содеянное, помочь в наших замыслах. Он лучше, чем кто-либо, знает наши трудности, мог бы во многом помочь. Но он отверг предложение, чтобы удержать Ортханк. Он не хочет служить, хочет только властвовать. Сейчас он дрожит от страха перед тенью Мордора, но все еще обманывает себя, надеется оседлать бурю и уцелеть. Несчастный безумец! Если рука Мордора протянется до Исенгарда, она его раздавит. Мы снаружи не можем повалить Ортханк, но Саурон... Кто знает, каково его могущество?

— А если Саурон не победит, что ты сделаешь с Саруманом? — спросил Пин.

— Я? Ничего, — ответил Гэндальф. — Мне власть не нужна. Что с ним будет, я тоже не знаю. Мне до боли обидно, что столько силы, которая когда-то была доброй, пропадает зря в этой Башне. Но для нас события вполне удачно складываются. Странные повороты делает иногда колесо судьбы. Как часто ненависть сама себя ранит. Я думаю, что даже если бы мы заняли Ортханк, то не нашли бы там ничего ценнее того, чем Причмок в нас швырнул.

В это время отчаянный пронзительный крик донесся из открытого верхнего окна Башни и оборвался.

— Кажется, Саруман того же мнения, — заметил Гэндальф. — Идемте отсюда, пусть сами разбираются.

И они вернулись к разбитым воротам. Тут же из тени вышел Древесник, а с ним десятка полтора энтов. Арагорн, Леголас и Гимли смотрели на них с изумлением.

— Вот мои друзья, Древесник, — сказал Гэндальф, обращаясь к старому энту. — Я тебе о них говорил, но ты их еще не видел. — И маг по очереди произнес имена своих спутников.

Старый энт подолгу изучающе рассматривал каждого, потом с каждым поговорил. Последним он обратился к Леголасу.

— Значит, ты прибыл к нам из Лихолесья, благородный эльф? — спросил он. — Когда-то это был большой Лес.

— Он и сейчас большой, — ответил эльф. — Но не настолько, чтобы живущий в нем потерял интерес к другим деревьям. Мне бы очень хотелось побродить по Фангорнскому Лесу. Я прошел только по самому его краю, и уже жаль было оттуда уходить.

Глаза Дровесника радостно замерцали.

— Надеюсь, что твое желание исполнится раньше, чем постареют эти горы, — произнес он.

— Я обязательно приду, если судьба мне улыбнется, — пообещал Леголас. — Я уже договорился с другом, что если нам повезет и все будет удачно, мы вместе навестим Фангорн, конечно, с твоего разрешения.

— Каждый эльф, которого ты приведешь, будет для нас желанным гостем, — сказал Дровесник.

— Друг, о котором я говорю, не эльф, — ответил Леголас. — Это Гимли сын Глоина, вот он.

Гимли низко поклонился, и при этом топорик выскользнул у него из-за пояса и со звоном упал на камни.

— Хм-х-хо... Гном с топором! — сказал Дровесник. — Ты слишком многого от меня хочешь, дорогой эльф. Ха... Странная дружба.

— Может быть, это кажется странным, — сказал Леголас, — но пока жив Гимли, я не приду без него, Владыка Леса! А его топор предназначен для того, чтобы рубить не стволы, а орчьи шеи. Сорок два орка оставил он без голов в последней битве, о Фангорн!

— Хо-хо... Так бы сразу сказал, — произнес Дровесник. — Это мне нравится. Но посмотрим: что будет, то будет, не надо спешить и опережать события. Сейчас время расставаться. День идет к вечеру, Гэндальф говорит, что хочет выйти засветло, и Король Рохана тоже собирается поскорее вернуться домой.

— Да, нам надо ехать, причем прямо сейчас, — вмешался в их разговор Гэндальф. — Извини, но я забираю твоих привратников. Надеюсь, что ты как-нибудь без них обойдешься?

— Обойтись-то обойдусь, — сказал Дровесник. — Но скучать буду. Наверное, с возрастом я становлюсь расторопным, потому что, несмотря на недолгое знакомство, крепко с ними подружился. Говорят, что в старости детство возвращается. Что правда, то правда, уже много-много лет ничего нового я не встречал ни под солнцем, ни под луной, пока не увидел этих хоббитов. Я их никогда не забуду. Мы уже вставили их в Длинный Список, теперь все энты их запомнят:

... Энты, что вышли из недр, как горы, Дальние ходоки, пьющие воду, Хоббиты, зазорные, кудрявые обжоры, Смеющиеся дети малого народа.

Наша дружба будет жива, пока весной зеленеют листья. Будьте здоровы! Если узнаете какие-нибудь новости на своей прекрасной родине, пришлите мне весточку. Вы понимаете, о чем я хочу знать: не видел ли кто наших жен... Если сможете, приезжайте в гости.

— Обязательно приедем! — хором ответили Мерри и Пин, быстро отводя глаза. Дровесник долгим взглядом посмотрел на них и нежно кивнул. Потом обратился к Гэндальфу:

— Значит, Саруман не хочет уходить из Ортханка? Другого я не ждал. У него сердце гнилое, как у черного хьорна. Со своей стороны могу признаться, что если бы меня кто-нибудь победил и вырубил бы все мои деревья, я бы тоже никуда не ушел, пока было бы хоть одно укромное местечко, чтобы спрятаться дома.

— Да, но ты не плетешь заговоров и не стремишься к тому, чтобы весь мир засадить деревьями и уничтожить всякую другую жизнь, — возразил Гэндальф. — Саруман остался делеять свою ненависть, и если будет возможность, опять предаст. У него ключ Ортханка. Только не дайте ему удрать.

— Не дадим. Энты за ним последят, — пообещал Дровесник. — Без моего разрешения Саруман шагу не ступит за эти стены. Энты будут сторожить.

— Хорошо! — сказал Гэндальф. — Я так и думал. Теперь я спокойно уеду из Исенгарда и займусь другими делами. Ты снимаешь у меня камень с души. Но стерегите бдительно! Вода спала. Не мало ли охраны вокруг Башни? Я уверен, что под Ортханком наверняка есть подвалы, которыми Саруман попытается выбраться. Если вас не пугает тяжелый труд, прошу вас, залейте опять котловину водой, и пусть стоит, пока Исенгард не превратится в болото, или пока вы не найдете тайного хода.

Если подземелья залить, а выход завалить, Саруману придется сидеть наверху и смотреть на свет только через окна.

— Энты все сделают, — повторил Древесник. — Мы осмотрим всю котловину, заглянем под каждый камень, а потом сюда придут деревья. Старые, раскидистые. Назовем это место Караульным Лесом. Даже белка не проберется через него без моего ведома. Все сделают энты. Пока не пройдет семь раз по столько лет, сколько Саруман над нами издевался, мы отсюда не уйдем.

Глава одиннадцатая. ПАЛАНТИР

Солнце уже заходило за длинный западный отрог, когда Гэндальф со своим маленьким отрядом и Король с гвардейцами выехали, наконец, из Исенгарда. Гэндальф посадил рядом с собой на коня Мерриадока, Арагорн взял Пипина. Два роханских всадника по приказу Короля сразу от Ворота пустили коней вскачь и быстро скрылись из глаз, остальные ехали без особой спешки.

Энты торжественно выстроились по обеим сторонам дороги, поднимая длинные руки прощальным жестом, но молчали. Отъехав уже довольно далеко от котловины, Мерри и Пин в последний раз оглянулись. На небе еще розовел закат, но над Исенгардом простерлась тень, и серые развалины были едва видны в полумраке. Древесник одиноко стоял на дороге и издали казался стволом старого дерева. Хоббиты вспомнили первую встречу с энтом на краю Фангорнского Леса.

Столб с гербом Белой Руки был разбит. Точнее, сам столб, хоть и с треснутой верхушкой, стоял, как раньше, а разбитая рука валялась на земле. Посреди дороги белел длинный указательный палец с почерневшим ногтем.

— Энты ничего не пропустили, — заметил Гэндальф. Дальше двигались уже в густых сумерках.

— Мы что, будем ехать всю ночь, Гэндальф? — спросил через некоторое время Мерриадок. — Я не знаю, как ты себя чувствуешь с вцепившимся в твой плащ босяком, но босяк так устал, что охотно бы отцепился и лег где-нибудь поспать.

— Значит, ты слышал все оскорбления? — ответил Гэндальф. — Не держи их в своем сердце. Будь доволен, что Саруман еще кратко выразился. Он хоббитов до сих пор не видел и не знал, что вам сказать. Теперь увидел. Если хочешь пластырь на свою раненую гордость, то знай, что сейчас он наверняка больше думает о вас с Пипином, чем обо всех остальных. Кто вы такие? Как попали в Исенгард и зачем? Много ли знаете? Были ли в плену, а если были, то как спаслись, когда все орки до единого погибли? Этими загадками занята сейчас мудрая голова Сарумана. Издевка в его устах — это честь, Мерри, если правильно оценить то, что вы его заинтересовали.

— Спасибо, — ответил Мерри, — но самая большая честь для меня — это вцепиться в твой плащ, Гэндальф. Во-первых, чтобы еще раз повторить вопрос: неужели мы всю ночь будем ехать?

Гэндальф рассмеялся.

— От тебя так просто не отделаешься. У каждого мага всегда должна быть рядом пара хоббитов. Уж они бы нас научили ясно выражаться и не витать в облаках. Прости меня, Мерри. Ты прав, я сам уже думал об этих простых вещах. Мы проедем еще пару часов, без спешки, до конца этой долины. Утром поскачем быстрее. Сначала мы собирались прямо из Исенгарда ехать через степь в королевский дворец в Эдорасе, это заняло бы несколько дней, но потом подумали и изменили планы. Мы выслали гонцов в Хельмскую Теснину, они предупредят, что Король вернется туда завтра. И уже оттуда с более многочисленной свитой Феоден поскачет по горным тропам в Дунгарское Укрытие. Теперь по открытой местности большим отрядом ни днем, ни ночью не проедешь — опасно стало.

— Вот у тебя всегда так — или ничего, или сразу много! — сказал Мерри. — Я же спрашивал только про ночлег. Что это за Хельмская Теснина и все остальное? Ты забыл, что я этих краев совсем не знаю.

— Стоило бы и поинтересоваться, если хочешь понять, что делается вокруг. Только узнавай не сейчас и не от меня; мне еще многое надо срочно обдумать.

— Ну хорошо, на первом привале я все выпытаю у Бродяжника. Он не такой озабоченный, как ты. Но хоть скажи мне, зачем нам надо прятаться? Я думал, что мы выиграли бой.

— Да, выиграли, но это лишь первое испытание. Одержав в нем победу, мы находимся под еще большей угрозой. Между Исенгардом и Мордором есть какая-то связь, которую я пока не разгадал. Я не знаю, как они обменивались вестями, но этот обмен был. Красный Глаз Барад-Дура, как мне кажется, зорко следит за Чародейской Котловиной и за роханскими степями. Чем меньше он увидит, тем лучше для нас.

Отряд медленно спустился по крутой дороге в долину Исены. Река в каменном ложе то приближалась к ним, то снова убегала от Тракта. С гор сползала ночь. Туманы ушли. Дул холодный ветер. Почти полная луна в восточной половине неба разливала бледный холодный свет. Справа горные отроги переходили в безлесные холмы, впереди открывалась широкая серая равнина.

Здесь путники свернули с тракта на мягкую траву, проехали около мили на запад и оказались в

ложбине, открытой с юга и упирающейся в подъем последнего в цепи Мглистых Гор отрога Дол-Барн, утопающего в зелени и увенчанного вересковыми кустами. В ложбине росли буйные папоротники, среди побуревших прошлогодних листьев появились первые весенние побеги. Пахло свежей земли. Путники разбили лагерь среди колючих терновых кустов на склоне и разожгли костер под большим кустом шиповника, используя в качестве топлива сухую траву.

Выставили караульных, по двое на смену. Остальные завернулись в плащи и уснули. Хоббиты лежали отдельно, на подстилке из папоротника. Мерри засыпал, а Пина охватило странное беспокойство. Листья папоротника под ним скрипели и шуршали, он вертелся и крутился, не давая спать другу.

— Что с тобой? — спросил Мерри. — Ты лег на муравейник?

— Нет, — ответил Пин. — Но мне ужасно неудобно. Я пытаюсь вспомнить, когда последний раз спал в постели.

Мерри зевнул.

— Посчитай на пальцах, — предложил он. — Ты что, не помнишь, сколько времени прошло с тех пор, как мы были в Лоризне?

— Лоризн не считается, — возразил Пин. — Я думаю о настоящей спальне и кровати.

— Тогда считай от Райвендела, — сказал Мерри. — Но я сейчас усну на чем угодно.

Счастливчик, — продолжал разговаривать Пин. — Ты ехал с Гэндальфом.

— Ну и что?

— Может быть, узнал у него какие-нибудь новости?

— Даже много новостей. Больше, чем обычно. Разве ты не слышал, что он говорил? Ты ведь ехал совсем рядом, а мы не секретничали. Если ты думаешь, что мог бы узнать от него больше, чем я, садись утром с ним на коня. Конечно, если сам Гэндальф захочет сменить пассажира.

— Ты уступишь мне место? Замечательно! Только ведь Гэндальф ужасно скрытный. Он таким и остался, правда?

— Нет, он изменился, — ответил Мерри, у которого сон начал пропадать, так его растревожили вопросы друга. — Он будто бы вырос. Стал сразу и добрее, и строже, и веселее, и серьезнее, чем был. Изменился. Но пока у нас не было возможности узнать, насколько. Вспомни конец расправы с Саруманом. Раньше Саруман был выше Гэндальфа, он был главой Белого Совета, хотя я точно не знаю, что это такое. Он был Саруман Белый. А теперь Гэндальф сам Белый. Заставил Сарумана вернуться, сломал ему Жезл, а потом одним словом прогнал!

— Да, пожалуй, Гэндальф немного изменился, но скрытность в нем осталась, ее даже больше стало, — ответил Пин. — Например, этот случай со стеклянным шаром. По нему было видно, что он ужасно обрадовался. Что-то он уже про этот шар знал или сразу догадался. А нам разве сказал хоть что-нибудь? Ни словечка. А ведь если бы не я, он бы в воду провалился. «Эй, хоббит, отдай его мне», — и все. Интересно, что это за шар? Он мне показался страшно тяжелым.

Последние слова Пин проговорил тихим шепотом, будто сам с собой разговаривал.

— Ага, так вот что тебя грызет. Пипинчик мой любимый, вспомни, что сказал Гилдор, и что Сэм любил повторять: «Не вмешивайся в дела магов, каждый маг хитер и на расправу скор».

— Но мы уже много месяцев только и делаем, что вмешиваемся в дела магов, — ответил Пин. — Я бы охотно рискнул немножко, чтобы только что-нибудь узнать. И мне очень хочется получше присмотреться к этому шару.

— Да спи ты, наконец, — возмутился Мерри. — Рано или поздно все узнаешь. Я тебя уверяю, что ни один Тук еще не переплюнул Брендибака по части любопытства, но согласись, что еще не время лезть, куда не следует.

— Хорошо, но что плохого, если мне хочется узнать про этот шар? Допустим, это даже невозможно. Старина Гэндальф сидит на нем, как квочка на яйце. Но мне не становится веселее от того, что даже ты говоришь, что мне нечего туда лезть, и посылаешь меня спать.

— А что тебе еще сказать? — ответил Мерри. — Конечно, обидно, но придется подождать до утра. После завтрака ты увидишь, что меня эта загадка не меньше твоего интересует, и я тебе помогу, как сумею, добиться у Гэндальфа хоть какого-то объяснения. А сейчас у меня уже глаза слипаются. Если я еще раз зевну, у меня губа лопнет. Спи.

Пин ничего не ответил. Он лежал тихо, но спать ему совсем не хотелось, не в пример Мерри, который через пару минут ровно и спокойно дышал рядом, погрузившись в глубокий сон.

В ночной тишине мысль о темном шаре сверлила Пина еще острее, чем днем. Хоббиту казалось, что он опять чувствует тяжесть стекла в руке, видит таинственный багровый свет изнутри, который на краткий миг блеснул ему днем. Он продолжал ворочаться с боку на бок, напрасно пытаясь думать о чем-нибудь другом.

В конце концов хоббит не выдержал. Он встал и осмотрелся. От луны по-прежнему струился холодный белый свет, под кустами лежали черные тени. Было холодно, пришлось завернуться в плащ. Все вокруг спали. Часовых видно не было, наверное, они забрались повыше на бугор или спрятались в папоротниках. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Пин тихонько подкрался к Гэндальфу.

Маг, похоже, спал, только веки у него были полузакрыты и из-под длинных ресниц поблескивали краешки глаз. Пин попятился. Гэндальф не шевелился. Тогда хоббит опять подкрался к нему, почти против воли, будто его толкала посторонняя сила. Он подбирался к магу сзади, со стороны головы. Гэндальф укрылся одеялом, плащ накинул сверху. Между его рукой и правым боком обрисовывался круглый предмет, завернутый в темное сукно.

Затаив дыхание, Пин осторожно подошел еще ближе к спящему. Потом встал рядом с ним на колени, протянул руку, потянул к себе сверток и поднял его двумя руками. Предмет оказался легче, чем он ожидал. «Может, барахло какое-нибудь», — подумал хоббит с облегчением. Но на место сверток не положил. С минуту подержал его в руках, потом быстро на цыпочках отбежал в сторону, пошарил по земле руками, нашел подходящий по размеру камень, вернулся назад. Быстро размотал ткань, завернул в нее камень, и, присев, сунул Гэндальфу под руку. А сам стал рассматривать украденный предмет.

Да, это было именно то, о чем он думал: гладкий стеклянистый шар, на этот раз темный и неживой. Пин обернул его полой собственного плаща и собирался бегом вернуться на свое место рядом с Мерри, но в это время Гэндальф во сне что-то пробормотал и пошевелился. Пину показалось, что он услышал слова на незнакомом языке. Рука мага нащупала завернутый в сукно камень и сжала его. Гэндальф вздохнул и шевелиться перестал.

«Дурак, — сказал себе Пин. — Будут ужасные неприятности. Положи на место». Но колени у него дрожали, и он не смел приблизиться к магу. «Не удастся, — думал он с отчаянием. — Я его разбужу; надо подождать, надо перестать бояться. А пока посмотрю хоть одним глазком. Все равно шар у меня. Только не здесь!»

Хоббит тихонько отошел и присел неподалеку на траву. Светила луна.

Пин сидел на корточках, высоко подняв колени и сжимая между ними шар, как жадный мальчишка, который удрал от сверстников с миской лакомой еды. Он откинул плащ и, замерев, стал смотреть. Ему показалось, что воздух вокруг тоже застыл и давит. Шар был черный, как агат, и отражал лунный свет. Потом в самой его середине что-то дрогнуло и засветилось, и это свечение притянуло взгляд хоббита так, что оторваться он уже не мог. Шар будто разгорался изнутри. Пину показалось, что или сам шар вращается, или свет внутри него вертится с огромной скоростью. Потом все погасло. Хоббит ахнул и рванулся — но поздно: он не смог ни распрямиться, ни выпустить шара из рук, только все больше цепенел, все ниже и ниже склонялся, впившись в него взглядом, и крепко сжимал обеими руками. Его губы беззвучно шевелились. Так продолжалось довольно долго. Потом Пин сдавленно крикнул и упал навзничь.

Крик прозвучал коротко и пугающе. Подбежали часовые. Весь отряд вскочил на ноги.

— Так вот кто вор! — сказал Гэндальф, быстро набрасывая плащ на шар. — Как же ты, Пипин! Очень неприятная неожиданность.

Маг встал на колени перед потерявшим сознание хоббитом, неподвижные глаза которого были широко открыты.

— Черные Силы! Что накликал на себя и на нас этот дурачок!

Лицо у мага было хмурым и озабоченным. Он взял Пина за руку, склонился, прислушиваясь к его дыханию, потом наложил ладони ему на лоб. Хоббит задрожал и закрыл глаза, еще раз вскрикнул, сел и удивленно обвел глазами окружающих.

— Это не для тебя, Саруман! — закричал он пронзительным чужим голосом без всякой интонации, отодвигаясь от Гэндальфа. — Я за этим скоро пришло. Понял! Повтори! — Потом он дернулся, пытаясь вскочить, но Гэндальф мягко придержал его.

— Перегрин Тук! — спокойно и раздельно произнес он. — Вернись!

Хоббит расслабился и упал на землю, хватая мага за руку.

— Гэндальф! — закричал он. — Гэндальф, прости меня!

— За что тебя прощать? — спросил Гэндальф. — Сначала скажи, что ты натворил.

— Я взял... взял шар и посмотрел в него, — всхлипнул бледный Пин. — Увидел такое, что испугался. Хотел убежать, но не смог. А потом появился Он и стал спрашивать. Смотрел на меня и... и больше я не помню.

— Так просто не отвертись, — строго произнес Гэндальф. — Что ты видел и что ему говорил?

Пин закрыл глаза и задрожал, но не ответил. Все молча смотрели на него, только Мерри отвернулся. Лицо Гэндальфа казалось каменным.

— Говори! — приказал он.

Пин заговорил сначала очень тихо и неуверенно, потом постепенно громче и выразительнее.

— Я... увидел темное небо... и высокие крепостные стены, — говорил он, — и маленькие звезды. Будто все было далеко, но очень ясно и четко видно. Потом звезды стали то гаснуть, то снова загораться, потому что их закрывали крылатые существа. Я думаю, что они на самом деле очень большие. В шаре они были, как летучие мыши, и летали вокруг крепости. Кажется, их было девять. Один полетел прямо на меня, рос и рос — у него был страшный... нет, я про это не могу!.. Я хотел убежать, потому что мне показалось, что это страшилище сейчас вылетит из шара, но когда он весь шар заслонил, то сразу исчез... И тогда пришел он. Он говорил так странно, я не слышал его голоса. Просто он смотрел на меня, и я знал, что он спрашивает:

«Значит, ты вернулся? Почему так долго не отзывался?»

Я не ответил, и он спросил:

«Кто ты?»

Я не ответил, и на меня обрушилась его воля, мне было очень больно, я не мог сопротивляться и сказал:

«Хоббит».

Тогда он стал смеяться. Он ужасно смеялся, будто рвал меня ножами. Я вырывался, но он сказал:

«Подожди. Мы скоро снова встретимся. Скажи Саруману, что эта игрушка не для него. Я за этим скоро пришлю. Понял? Повтори!»

Он впился в меня взглядом. Мне показалось, что я рассыпаюсь в прах. И больше я ничего не помню.

— Смотри на меня, — сказал Гэндальф.

Пин посмотрел ему прямо в глаза. Маг словно вонзил взгляд в хоббита. Лицо его постепенно светлело, стало мягче, появилась тень улыбки. Наконец, он легким жестом положил руку на кудрявую голову Пина.

— Все в порядке. Больше ничего не говори. Серьезного вреда ты себе не причинил. Глаза твои не лгут, а этого я больше всего боялся. Он тебя недолго держал. Дурень ты, Пипин Тук, но хоть честный дурень! Такая встреча могла бы искалечить многих поумнее тебя. Будь осторожен. Сейчас ты остался цел, и вместе с тобой уцелели твои друзья, но это, как бы сказать... просто везение. Не надейся на такое же счастье в другой раз. Если бы он стал тебя пытаться, ты бы, наверное, все, что знаешь, ему рассказал, на свою и на нашу погибель. Он тебя еще не допрашивал. Он спешил. Ему сейчас не столько сведения были нужны, сколько ты сам; он хочет быстро взять тебя в Черный Замок и там медленно все из тебя вытянуть. Не дрожи. Раз вмешался в дела магов, надо быть готовым ко всему. Ну, ну, успокойся, Пипин. Я тебя прощаю. Выше голову. Все-таки самого худшего мы пока избежали.

Он ласково поднял Пина на руки и отнес на папоротник, где хоббит должен был спать. Мерри ни на шаг не отставал и сел рядом с другом.

— Ляг и отдохни, а если сможешь, поспи, Пипин! — сказал Гэндальф. — И верь мне. Если у тебя снова руки зачесутся, расскажи, я найду средство. Да, очень прошу тебя, хоббит милый, больше не подкладывай мне под локти твердых камней. Все. Будьте рядом.

И Гэндальф отошел к остальным, которые так и остались стоять, с удивлением и тревогой глядя на прикрытый плащом шар.

— Опасность подкралась ночью в минуту, когда ее никто не ждал, — произнес маг. — Мы были на волосок от гибели.

— Что с хоббитом, с Пипином? — спросил Арагорн.

— Думаю, что с ним ничего не станется, — ответил Гэндальф. — Он очень недолго был во власти Того, и вообще, у хоббитов удивительная сопротивляемость. Он быстро забудет то, что было. Даже слишком быстро. Арагорн, не согласишься ли ты взять шар из Ортханка на хранение? Знай, что это очень опасно.

— Конечно, опасно, — произнес Арагорн, — но не для тех, у кого есть на него неоспоримое право. Ибо это, без сомнения, Палантир из сокровищницы Элендила, оставленный на хранение в Ортханке Королями Гондора. Подходит мой час. Да, я его беру.

Гэндальф посмотрел на Арагорна, а потом, к изумлению окружающих, торжественно поднес ему завернутый в плащ шар и передал с низким поклоном.

— Прими его, достойнейший, — сказал маг, — как первое из сокровищ, которые будут тебе возвращены. Но если позволишь, я дал бы тебе совет: не смотри на него до времени! Будь осторожен!

— Разве я был когда-нибудь нетерпелив или неосторожен? Я, который ждал и готовился столько лет? — спросил Арагорн.

— Это правда, — подтвердил Гэндальф. — Но не рискуй, чтобы не споткнуться в конце пути! Во всяком случае, спрячь и храни тайну. Об этом же прошу всех присутствующих. Никто, и особенно Пипин, не должен знать, у кого шар. Искушение может повториться, потому что хоббит брал его в руки и смотрел в него, а этого нельзя было делать. Очень плохо, что он дотронулся до шара тогда в Исенгарде, — я корю себя, что не поспешил за ним сам. Но я был тогда занят мыслями о Сарумане и поздно сообразил, что за камень был сброшен на нас с Башни. Теперь уже знаю точно.

— Да, сомнений не осталось, — добавил Арагорн. — Вот так Исенгард передавал сведения в Мордор. Многое становится понятным.

— Удивительна сила наших врагов и так же удивительна их слабость, — проговорил Феоден. — Поистине верна старая поговорка: «Зло себя злом изводит».

— Да, так бывало, — сказал Гэндальф. — Но в этот раз нам помогла сама судьба. Кто знает, может быть, хоббит и меня спас от страшной беды? Я ведь уже думал, как проверить этот шар, чтобы понять, для чего он нужен. Если бы я это сделал, открылся бы Врагу. Но пока я не готов к этому, и даже не знаю, буду ли готов вообще. У меня хватит сил, чтобы вовремя отступить, но он бы меня увидел, и тогда наша игра проиграна. Он ничего не должен знать обо мне, пока не пробьет час, когда можно будет открыться.

— Мне казалось, что этот час подошел, — сказал Арагорн.

— Еще нет, — ответил Гэндальф. — Сейчас время сомнений, нам надо этим воспользоваться. Враг, конечно, считает, что шар находится в Ортханке. Откуда ему знать, что это не так? Значит, он думает, что хоббит там в плену, и что Саруман, пытая пленника, заставил его смотреть в шар. В его черном сознании отразился образ и голос хоббита, сейчас он ждет и надеется. Пока он поймет свою ошибку, пройдет время. Это время мы не должны упускать. Мы и так уже много потеряли. Надо спешить. Больше нельзя оставаться в близком соседстве с Исенгардом. Что касается меня, я немедленно уезжаю отсюда и беру с собой Пипина Тука. Лучше ему меня сопровождать, чем лежать в темноте и не спать среди спящих.

— Я оставлю себе Зомера и десять всадников, — сказал Король. — На рассвете мы поскачем дальше. Пусть Арагорн возьмет остальных и сам решит, когда и кто с ними поедет.

— Твоя воля, Король, — но постарайся поскорее добраться до гор, иди в Теснину Хельма!

Не успел он договорить последнее слово, как их накрыла странная тень, заслонившая луну. Несколько рохирримов, вскрикнув, пригнулись, закрывая головы руками, будто их сверху ударило. Всех проняла холодная дрожь. Превозмогая страх, они посмотрели вверх. Огромная крылатая тень черным облаком неслась по небу, на котором стали пропадать звезды. Тень развернулась к северу и исчезла быстрее ветра.

Ошеломленные люди стали приходить в себя. Гэндальф стоял прямо, вытянув опущенные руки со сплетенными пальцами, и смотрел в небо.

— Назгул! — воскликнул он. — Посланец Мордора! Гроза приближается. Назгулы перешли границу Великой Реки. В путь! Скорее в путь! Не ждите рассвета! Не ждите друг друга! Скорее!

Он побежал в сторону, на бегу призывая Серосвета. Арагорн бросился за ним. Маг подбежал к хоббитам и поднял Пина на руки.

— Поедешь со мной, — сказал он. — Убедишься, что Серосвет скачет быстрее ветра.

Так же бегом маг вернулся к месту ночлега, подхватил небольшую сумку, в которой было все его имущество, перекинул через плечо, вскочил на подбежавшего Серосвета. Арагорн помог ему усадить перед собой Пина, закутанного в плащ и одеяло.

— До свиданья! Скачите за мной! — крикнул Гэндальф. — Вперед, Серосвет!

Великолепный жеребец встряхнул головой, взмахнул волнистым хвостом, сверкнул серебром в свете луны и помчался, как северный ветер, взбивая копытами землю.

— Чудная ночка. Отдохнули, нечего сказать! — пожаловался Мерри Арагорну. — Но есть же на свете счастливы! Пипин не хотел спать, а хотел ехать с Гэндальфом. Вот и любуйтесь! Поехал, вместо того, чтобы окаменеть тут и торчать в назидание потомкам.

— Ну, а если бы не Пипин, а ты поднял шар в Ортханке, то совсем неизвестно, что бы произошло, — сказал Арагорн. — Может быть, еще хуже показал бы себя, чем он. Кто знает. Теперь поедешь со мной. И сейчас же. Приготовься и собери вещи Пипина. Только поскорее.

Серосвет летел как стрела, его не надо было ни направлять, ни подгонять. Меньше, чем за час, он донес седоков до Брода через Исену и перемахнул на другой берег мимо острова и кургана рохирримов, ошетилившегося холодной сталью копий.

К Пину постепенно возвращались силы. Он согрелся, только встречный ветер приятно охлаждал лицо. Гэндальф был рядом. Страх перед шаром и черными теньями, закрывавшими луну, таял. Хоббит глубоко вздохнул.

— Я не знал, что ты едешь без седла, Гэндальф, — сказал он. — И уздечки у тебя тоже нет.

— Обычно я так по-эльфийски не езжу, — ответил маг. — Но Серосвет не потерпел бы удил. У него нет хозяина, он несет только того, кого хочет нести, и сам следит, чтобы ты удержался у него на хребте.

— Он очень быстро скачет, — сказал Пин. — Это я по ветру чувствую; и очень легко. На нем совсем не трясет.

— Он мчит сейчас так, что самый быстрый конь с трудом догнал бы его, — ответил Гэндальф. — Но для Серосвета это пустяк. Здесь немного поднимается почва, и земля неровная. Смотри, как приближаются Белые Горы. Вон там, под звездами, как черные копыта, — вершины Трезубца. Скоро мы будем у развилки дорог и въедем в лошину, где две ночи назад была битва.

Пин замолчал и задумался. Он слышал, как Гэндальф что-то тихо бормочет или напевает, будто стихи на разных языках. Земля убегала под копытами Серосвета. Потом Гэндальф запел громче, и хоббит в свисте ветра услышал и понял отдельные слова, даже разобрал несколько строк подряд:

У высоких Владык высоки Корабли — Трижды три! Что они из погибшей страны привезли
Через Море Разлук? Семь звезд, Семь Камней, И Белое Древо.

— О чем ты поешь, Гэндальф? — спросил хоббит.

— Перебираю в мыслях Песни о Давних Делах, — ответил маг. — Хоббиты, наверное, их забыли, даже если когда-то знали.

— Не все забыли, — сказал Пин. — У нас есть такие песни, но тебе они, наверное, неинтересны. Хотя эту я ни разу не слышал. О чем она? Что за семь звезд и семь камней?

— Песня рассказывает о палантирах великих Королей, — объяснил Гэндальф.

— Палантиры? Что это такое?

— Это слово означает «Тот, кто далеко видит». Один из палантиров — шар Ортханка.

— А он не... — Пин запнулся. — Он не творенье вражьих рук?

— Нет, — ответил Гэндальф. — И Саруман тут ни при чем. Ни ему, ни даже Саурону не хватило бы ни сил, ни знаний, ни власти, чтобы сотворить их. Палантиры привезены с Заокраинного Запада, из далекого Эльдамара. Их сработали нольдоры, может быть, сам Феанор, и было это давно, когда еще никто не считал лет. Но нет под солнцем ничего, что бы Саурон не мог использовать для себя, во зло всему. Несчастный Саруман! Я теперь понимаю, что его погубило. Получить в руки оружие высшей мудрости, недоступное малому уму, всегда опасно. Безумец! Он хотел удержать Кристалл в тайне, пользоваться им только для себя. Никогда никому из членов Совета о нем не заикнулся. Мы как-то не подумали, что хоть один гондорский Палантир мог уцелеть во всех этих войнах. О них почти забыли. Среди эльфов и людей про них слышали только родичи Арагорна, дунаданы, да и то из песен.

— А для чего людям в Давние Дни нужны были эти Палантиры? — спросил Пин, удивляясь, что получает ответы, и думая о том, как долго у Гэндальфа будет такое настроение.

— С их помощью они видели, что делается на огромном расстоянии, — и могли обмениваться мыслями. Благодаря этому удавалось так долго сохранять единство и безопасность Королевства Гондор. Гондорцы разместили по одному такому Кристаллу в крепостях Минас Анор, Минас Итиль и Ортханк в Исенгарде. Самый главный гондорский Палантир, которому подчинялись остальные, находился под Звездным Куполом в Оспиате, пока город не был разрушен. Остальные три палантира были в северных землях. О них забыли, даже песен не сохранилось. В Доме Элронда существует предание, что один из них хранился в Ануминасе, другой — в Ветрогорной Башне Амон Сул, а третий — в Столбовом Нагорье, в Башне, обращенной к Мифлорскому Плато и Лунному заливу, где строились серые корабли.

Каждый Палантир мог вступать в связь с любым из остальных, но одним, а Кристаллу из Оспиата отвечали все гондорские. Теперь оказывается, что палантир в Ортханке был цел до сих пор, ибо Черная скала выдержала все бури. Но он один, без связи с другими, мало на что годился — показывал только мелкие изображения дальних и давних событий. Безусловно, Саруман им пользовался, но ему этого казалось мало. При помощи шара он проникал все дальше, пока не направил взгляд в Барад-Дур, и тут сразу попался! Никто ведь не знает, куда девались остальные палантиры. Может быть, они разбиты, может быть, закопаны, может быть, испорчены или потоплены? Вероятно, одним из них завладел Саурон. Допустим, что Кристалл из Итилиэна, из крепости Минас Итиль, он ее давным давно завоевал, теперь ее название Минас Моргул, она стала оплотом Зла!

Можно без труда теперь представить, как, заблудившись, Саруман попал в западню. Один раз глянув не туда, куда следует, он уже не мог вырваться, и им распоряжались издали, сначала убеждением, а потом, если оно не помогало, устрашением. Сокол попал в когти стервятника, паук запутался в стальной сетке. Интересно, как долго приходилось ему передавать сведения и получать приказы? Сколько времени шар Ортханка был так тесно связан с Барад-Дуром, что теперь любой, кто в него посмотрит, немедленно переносится мыслью и взглядом в Черную Крепость, если не обладает несокрушимой волей? Как притягивает этот Кристалл! Ты почувствовал его силу. Меня он тоже искушал, я хотел попробовать свою волю, проверить, не удастся ли мне вырвать его из-под власти Врага и направить туда, куда захочу, например, увидеть за волнами морей и времен прекрасный Тирион, познать неизведанную мудрость Феанора и посмотреть, как искусен он в делах рук своих, увидеть мир в те дни, когда цвели Белое и Золотое Деревья!.. Гэндальф вздохнул и замолчал.

— Жаль, что я тогда ничего этого не знал! — сказал Пин. — Я не понимал, что делаю.

— Ничего подобного, ты многое понимал, — возразил Гэндальф. — Ты знал, что поступаешь плохо и глупо. Ты даже сам себе говорил, но и себя не захотел послушать. А я тебе ничего не рассказал потому, что только сейчас, пока мы едем, понял, наконец, всю эту историю. Если бы я тебя просто предостерег, то не спас бы от искушения и не отвел бы твою руку. Наоборот! Ты должен был обжечься, чтобы запомнить, что это больно.

— Ты прав! — признался Пин. — Теперь, если передо мной положат все семь Кристаллов, я закрою глаза и спрячу руки в карманы.

— Прекрасно! — воскликнул Гэндальф. — Я ждал этого признания.

— Но я хотел бы узнать... — начал Пин.

— Сжался! — взмолился Гэндальф. — Если, чтобы отучить тебя от привычки везде совать свой нос, мне надо отвечать на все твои вопросы, то придется забросить остальные дела до конца жизни. Ну, что еще ты хочешь знать?

— Названия всех звезд и всех живущих на земле существ, всю историю Средиземья, а также

историю Заокраинных стран и Моря Разлук, — со смехом перечислил Пин. — Ну, конечно, не меньше! Но я еще не спешу, и все сразу у тебя сегодня спрашивать не буду. Сейчас меня больше всего интересует Черная Тень. Я слышал, как ты кричал: «Посланец Мордора!». Кто это был? Зачем он летел в Исенгард?

— Это был крылатый Черный Всадник, Назгул, — ответил Гэндальф. — Он мог забрать тебя в Черный Замок.

— Но разве его за мной послали? — дрожащим голосом спросил Пин. — Он ведь не знал, что именно я трогал...

— Не знал, — сказал маг. — От Барад-Дура до Ортханка двести гонов птичьего полета, а может, больше. Даже Назгулу на это надо несколько часов. Но с того дня, когда Саруман отправил орков на войну, он, наверное, не раз заглядывал в шар, и на той стороне прочитано немало его тайных мыслей, больше, чем он хотел бы открыть. Назгул должен выяснить, что делает Саруман. После событий последнего вечера должен прибыть еще один посланец, причем очень скоро. Пленника, которого он обещал доставить, нет. Шара нет, и он теперь не может ни увидеть, что делается вдали, ни ответить на вызов Властелина. Саурон заподозрит, что Саруман оставил пленника себе и намеренно уклоняется от встречи, не трогает шар. Это не облегчит ему разговора с посланцем. Пусть Исенгард лежит в развалинах, он-то сам цел и невредим сидит в Башне Ортханк. Хочет он того или не хочет, в глазах Сауона он сейчас — мятежник. Если бы он принял наше предложение, мог бы избежать хоть этого. Как он выберется из всех передраг, понятия не имею. Думаю, что пока сидит в Ортханке, сил у него хватит, чтобы противостоять Девяти Всадникам. Может быть, ему удастся отбиться. Может быть, он сумеет пленить Назгула или хотя бы убить крылатого коня. Ну, тогда пусть рохирримы дрожат за свои табуны!

Я не могу предвидеть, лучше или хуже будет от этого нам. Может быть, возня с Саруманом изменит или даже отменит ближайшие планы Врага. Может быть, Саурон узнает, что я был в Исенгарде, стоял на ступенях Ортханка с хоббитами, вцепившимися в мой плащ. Или что наследник Элендила жив и стоял рядом со мной. Если Причмок в Медусиле был внимателен, он вспомнит Арагорна и его титул. Этого я больше всего боюсь. Поэтому пытаюсь убежать от одной опасности, устремляясь навстречу другой, куда более грозной и страшной. Каждый скок Серосвета приближает нас к Стране Тьмы, Пипин Тук!

Пин не ответил, только плотнее завернулся в плащ, чтобы согреться от холода, сжавшего сердце. А земля по-прежнему уносилась из-под копыт жеребца.

— Смотри! — сказал Гэндальф. — Перед нами открывается Западная Лощина. Мы вернулись на дорогу, которая ведет на восток. Вон то темное пятно вдали — это начало долины, где находится развилка дорог и Хельмская Теснина. Там Блистающие Пещеры и гроты Агларонда. Но я тебе о них рассказывать не буду, расспроси лучше Гимли, когда встретишь его снова. От него ты услышишь даже более подробный рассказ, чем захочешь. Только самих гротов ты не увидишь, во всяком случае, сейчас не увидишь. Мы их скоро проедем.

— Я думал, что мы остановимся в Хельмской Теснине! — жалобно протянул Пин. — Куда же мы едем?

— В Минас Тирит, пока эту крепость не охватил пожар войны!

— Ой! А далеко отсюда до Минас Тирита?

— Много, много гонов, — ответил Гэндальф. — В три раза дальше, чем до Золотого Двора Короля Феодена, а его столица находится больше, чем в ста милях отсюда по линии птичьего полета — например, для крылатых Назгулов. Нам с Серосветом придется ехать длинной дорогой. Кто знает, кто там раньше окажется? Мы не остановимся до самого рассвета, это еще несколько часов. Потом даже неугомимому Серосвету понадобится отдых: придется остановиться в каком-нибудь ущелье, а может быть, уже в Эдорасе... Поспи сейчас, если получится! Кто знает, может быть, в первых лучах солнца я тебе покажу золотую крышу Дома Эорла. А через два дня ты увидишь фиолетовые тени под горой Миндоллуин и белые стены крепости Денэтора! Вперед, Серосвет! Мчись, мой верный храбрый друг, как никогда еще в жизни не мчался! Мы уже на твоей родной земле, ты здесь знаешь каждый камень. Спешу, вся надежда теперь на тебя!

Серосвет вскинул голову и громко заржал, будто услышал боевые трубы. Затем рванулся вперед. Искры сыпались у него из-под копыт, он разрывал ночную тьму, как молния.

Пипин засыпал с удивительным чувством: будто он и Гэндальф окаменели на хребте застывшего в странном беге коня, а весь мир уносится из-под них в неистовом шуме ветра.

Глава первая. УКРОЩЕНИЕ СМЕАГОЛА

Ну, хозяин, мы, кажется, влипли! — сказал Сэм Гэмджи. Он съежился рядом с Фродо и, прищурив глаза, всматривался в темноту.

Был вечер третьего дня с тех пор, как они покинули Отряд, во всяком случае, им показалось, что они уже третий день в пути. Счет времени они почти потеряли, без конца поднимаясь и спускаясь по голым камням Приречного Нагорья Эмин Муйл, много раз при этом попадая в тупики или обнаруживая, что, сделав круг, вернулись на то самое место, откуда несколько часов назад ушли. Но все же им удалось продвинуться довольно далеко на восток и приблизиться к наружному краю причудливо переплетенного горного узла, который почти везде обрывался отвесными скалами, недоступно торчавшими над плоской равниной. Внизу под лохмами тумана застыли гнилые болота, там не было никаких признаков жизни, даже птицы над ними не летали.

Хоббиты стояли на краю высокого обрыва, подножие хмурой скалы терялось во мгле, за спинами путников поднималась неровная каменная стена, над ней плыли тучи. Холодный ветер дул с востока. Над бесформенной равниной собиралась ночь, гнилая зелень трясины в сумраке казалась неприятно-бурой. Далеко справа, где днем поблескивал Великий Андуин, уже совсем ничего не было видно. Но не за реку и не на Гондор, и не на Земли людей смотрели хоббиты. Их притягивал юго-восток, а там на ночном горизонте вырисовывался темный вал, не то дальние горы, не то застывшая полоса дыма. Время от времени в месте, где земля сходилась с небом, вспыхивали и опадали языки огня.

— Ой, влипли! — повторил Сэм. — Из всех краев земли, о которых мне приходилось слышать, хуже этого нету, глаза б мои на него не глядели! И как раз туда нас несет! Еще и добраться не можем. Мы, наверное, с пути сбились: здесь вниз не сойдешь, а если бы и сошли, — спорю, что под этой зеленью — поганое болото. Фу! Слышите, какая вонища?

Сэм потянул носом. Пронизывающий ветер был насыщен запахом холодной гнили.

— Воняет, — ответил Фродо, но сам не шевельнулся и не отвел взгляда от темного вала и огней на горизонте. — Мордор! — прошептал он едва слышно. — Если уж я должен туда идти, надо скорее добираться и все кончать! — Хоббит задрожал и повернулся к Сэму. — Что ж, влипли или не влипли, но до утра здесь оставаться нельзя. Давай поищем удобное место, где ветра меньше, и еще одну ночь скоротаем под открытым небом. Может быть, завтра при свете тропа найдется.

— Может, завтра, может, послезавтра, а то еще после-послезавтра, — бурчал Сэм. — Может, никогда. Заблудились мы. Вот что!

— Не знаю, — сказал Фродо. — Думаю, что если мне суждено дойти до Страны Мрака, дорога будет. Но кто мне ее покажет, друг или враг, — этого не знаю. Пока надежда не погасла, надо спешить. Любое промедление на руку Врагу, и, как нарочно, меня все время что-то задерживает. А вдруг уже воля Черной Крепости нами управляет? Все мои прежние решения оказались неправильными. Надо было гораздо раньше расстаться с Отрядом, пойти с севера на юг по восточному берегу Андуина и обойти Нагорье Эмин Муйл с востока, по твердой равнине, которая называется Полем Битвы, и выйти прямо к воротам Мордора. Но сейчас мы уже не найдем дорогу назад, а по берегу Реки рыщут банды орков. Каждый уходящий день — потеря драгоценного времени. И я устал, Сэм. Совсем не знаю, что делать. У нас еда осталась?

— Только эти, как их, лембасы, господин Фродо. Порядочно еще осталось. Это все-таки лучше, чем ничего. Когда я первый из них на зуб положил, не думал, что когда-нибудь они мне опrotивеют. С каким бы удовольствием я съел бы сейчас кусок обыкновенного хлеба и выпил кружку или хоть полкружки пива, горло промочить! Я с последней стоянки забрал свою посуду и ташу до сих пор, да, видать, зря. Во-первых, не из чего костер разжечь, а во-вторых, нечего в котелок кинуть, даже травы нет!

Хоббиты сошли с края обрыва, отыскиали в скалах углубление и спустились туда. Тучи совсем закрыли заходящее солнце, и ночь наступила быстро. Они скоротали ее, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться, и ворочаясь с боку на бок на неудобных камнях. Зато скалы защищали их от восточного ветра.

— Вы его больше не видели, господин Фродо? — спросил Сэм, когда серым холодным утром они расправляли онемевшие руки-ноги и жевали лембасы.

— Нет, — ответил Фродо. — Ничего не видел и не слышал уже две ночи.

— И я не видел, — сказал Сэм. — Брр! Мурашки по спине ползут, как вспомню эти глаза. Может, мерзкий слизняк от нас, наконец, отвязался? «Голм-голм!» Он бы у меня забулькал, доберись я до

его горла!

— Надеюсь, тебе не надо будет добираться до его горла, — заметил Фродо. — Я не знаю, как он нас выследил, но, кажется, сейчас, как ты говоришь, отвязался. Тут сухо, на голом камне не остается следов, и вряд ли он нас почует, даже своим нюхалом.

— Вот если бы правда отстал! — вздохнул Сэм. — Если бы насовсем!

— Я бы этого тоже хотел, — сказал Фродо. — Но больше всего меня беспокоит не Голлум, а то, как нам выбраться из этих скал. Я их уже ненавижу! Будто торчу голый на восточном обрыве, и мертвая пустота между мной и Мраком. А там, во мраке — Глаз... Брр! Пошли! Попытаемся найти спуск.

Но день клонился к вечеру, а оба хоббита все еще бродили по гребню, не находя дороги вниз. Иногда им казалось, что в безлюдной тишине сзади них слышится не то шум, не то шелест, будто камешек скатился или босые ноги шлепают, тогда они останавливались и напрягали слух, но ничьего присутствия уловить не могли. Только шум ветра в острых скалах напоминал свистящее дыхание сквозь зубы.

Еще днем они заметили, что гребень, по которому шли, явно сворачивал к северу. Он был довольно широким, плоским, выветренным, с узкими крутыми ущельями, словно ножом прорезанными в скалах, с трещинами и провалами. Трещины, попадавшиеся им на пути все чаще и становившиеся все шире, Сэм и Фродо обходили слева, и при этом поневоле забирались в глубь Нагорья. Пройдя таким образом несколько миль, хоббиты обнаружили, что гребень медленно, но верно понижается.

И вдруг пришлось остановиться. Гребень резко поворачивал на север, а перед хоббитами зияло ущелье страшнее всех предыдущих. С противоположной его стороны серой глыбой и на много локтей в высоту поднималась гладкая стена, словно обрубленная одним ударом ножа. Вперед идти было нельзя, оставалось выбирать между западным и восточным направлениями. Путь на запад означал сложный подъем и бесцельную потерю времени, ибо они вернулись бы в центр массива, а с востока горы обрывались в пропасть.

— Ничего не остается, Сэм, дружище, придется вниз лезть, — сказал Фродо. — Посмотрим, куда ведет вот эта расщелина.

— К обрыву, с которого свалимся, — сказал Сэм.

Расщелина, в которую они начали спускаться, была глубже, чем им показалось сверху. Сначала — впервые за всю дорогу — они наткнулись на группу деревьев: тощие, кривые, маленькие березы и между ними несколько елок. Были среди них сухие, мертвые, с корой, ободранной восточным ветром. Вероятно, в лучшие дни тут рос целый лес, потому что из камней то здесь, то там торчали старые пеньки, но сейчас остался лишь вот этот жалкий островок. Склон, по которому еще можно было идти, привел их на дно неглубокого желоба, обходившего скальный выступ. Дно желоба было засыпано камнями. Когда они дошли до его конца, Фродо наклонился над обрывом и посмотрел вниз.

— Видишь, — сказал он Сэму, — мы с тобой, кажется, большую часть дороги прошли, скалы-то понижаются. По-моему, здесь будет легче спускаться и к долине ближе.

Сэм опустил на колени рядом с Фродо и очень неохотно посмотрел вниз тоже. Потом поднял взгляд на стену, высившуюся слева.

— Ничего себе, легче! — пробурчал он. — Если выбирать из двух зол, то оказаться внизу, конечно, легче, чем вскарабкаться на стенку. Кто не умеет летать, может спрыгнуть.

— Прыжок получится изрядный, — сказал Фродо, смерив взглядом обрыв. — Наверное, сто локтей — нет, пожалуй, пятьдесят, не больше.

— Нам хватит, — сказал Сэм. — Уф! Я даже смотреть вниз боюсь. А ведь смотреть проще, чем лезть.

— Все равно, я думаю, что здесь спуститься можно, — заключил Фродо. — Надо попробовать. Здесь обрыв не такой отвесный, как в других местах. И трещины есть.

Действительно, обрыв имел небольшой положительный уклон, он был похож на гигантский осевший оборонный вал или волнорез; в неровном склоне попадались небольшие выступы, словно редкие ступени, какие-то вмятины и складки.

— Если мы хотим попытать счастья, ждать больше нечего, — сказал Фродо. — По-моему, начинает темнеть, а ведь еще рано. Похоже, будет гроза.

Горы на горизонте, всегда окутанные дымом, сейчас совсем скрылись в плотной черноте, и эта чернота длинными полосами протягивалась по небу с востока на запад. Слышалось глухое ворчание дальнего грома. Поднимался ветер. Фродо понюхал воздух, с опаской посмотрел на небо, потом подтянул пояс, заложил за него плащ, поправил легкий мешок за спиной и подошел к краю обрыва.

— Попробую, — сказал он.

— Ладно уж, — уныло согласился Сэм. — Только первым пойду я.

— Ты? — удивился Фродо. — Что-то быстро ты меняешь свое мнение.

— Своего мнения я не менял, — сказал Сэм. — Но разум подсказывает мне, что первым должен идти тот, кто наверняка сорвется. Не хочу падать на вас и убивать сразу двоих.

И прежде чем Фродо сумел его задержать, Сэм сел, опустил ноги с обрыва, потом повернулся, сполз на животе и повис на руках, пытаясь ногами найти опору. Пожалуй, ни разу в жизни ему не приходилось хладнокровно совершать столь героический и безрассудный поступок.

— Нет! Не надо! Сэм, упрямый осел, Сэмми, дорогой, назад! — закричал Фродо. — Убьешься! Надо смотреть, куда лезешь! Вернись! — Он схватил Сэма под мышки и с трудом вытащил назад. — Имей терпение, не все сразу.

Потом он сам лег на край обрыва, свесил голову и внимательно осмотрел спуск. Солнце еще не село, но темнело довольно быстро.

— Кажется, сможем, — заключил хоббит. — Во всяком случае, я слезу, а ты за мной, с условием, что не потеряешь голову и будешь спускаться точно вслед.

— Боюсь, что вы слишком самонадеянны, хозяин, — ответил Сэм. — В этой тьме уже сейчас ничего не видно. А что если вы там внизу попадете в такое место, где ни ногами, ни руками нельзя будет зацепиться?

— Наверное, назад вернусь, — сказал Фродо.

— Легко сказать! — вздохнул Сэм. — Давайте лучше до утра подождем, когда виднее будет.

— Нет! Это конец! — закричал Фродо. — Часы, минуты проходят! Я сейчас полезу, нащупаю дорогу. Ты тут сиди, пока не позову.

Фродо вцепился пальцами в каменный край и осторожно сполз по стене, прижимаясь к ней всем телом. Когда руки у него были уже полностью вытянуты, он, наконец, нащупал ногой маленький выступ.

— Есть первый шаг! — сообщил он. — Эта полочка вправо расширяется, я сейчас попробую на нее встать покрепче. Сейчас... — и его голос прервался.

Темнота, накинувшаяся на небо с востока, поглотила его целиком и с каждой секундой становилась все гуще. Сухой треск грома приближался. Сверкали молнии, одна из них вонзилась в скалу. И вдруг сильный порыв ветра донес жуткий пронзительный крик. Этот голос хоббиты узнали: слышали его еще дома, когда бежали из Хоббиттауна в Бакленд, и даже там, в родном Хоббитшире, от него кровь застывала в жилах. А здесь, далеко от родины, в пустых горах, он звучал еще страшнее, пронзая сердца холодным кинжалом отчаяния. На мгновение у хоббитов перехватило дыхание. Сэм упал ничком на землю. Фродо инстинктивно оторвал руки от скалы, чтобы заткнуть уши, качнулся, поскользнулся и сорвался.

Сэм услышал его жалобный вскрик и подполз к обрыву.

— Хозяин! Господин Фродо! Хозяин! — кричал он.

Ответа не было. Трясаясь от страха, Сэм набрал побольше воздуха в легкие и еще раз крикнул. Ветер оборвал его слова и заглушил их, но среди шума, гула и свиста ветра, раскатов и эха до ушей Сэма долетел ответ:

— Все в порядке, не бойся, я здесь! Только ничего не вижу...

Голос был слабый, но Фродо был недалеко: он не упал, а всего лишь сполз, немного ушибся и сумел встать ногами на другой выступ, чуть шире, чем тот, на котором стоял... К счастью, стена в этом месте имела довольно приличный уклон, и хоббита к ней прижимал ветер. Сердце у него бешено колотилось; пытаясь устоять, он прижимался к холодному камню и абсолютно ничего не различал вокруг — его окружила такая непроницаемая темень, что он решил, что ослеп. С трудом набрал в

грудь воздуха и замер, боясь пошевелиться.

— Хозяин! Хозяин! Вернитесь! Лезьте сюда! — долетел до него из темноты перепуганный голос Сэма.

— Не могу, — ответил Фродо. — Ничего не вижу. В стене нет ни одного зацепа. Двинуться не могу!

— Ой, что же делать! Чем вам помочь? — запричитал Сэм, наклоняясь над пропастью с риском для жизни.

Что случилось с Фродо? Почему он не видит? Было, конечно, темно, но не так, чтобы совсем ничего не различить. Сэм увидел Фродо, маленькую фигурку, прижавшуюся к стене. Но руками до него невозможно дотянуться.

Снова с треском грохнул гром, и начался дождь. Ледяные струи воды, смешанные с градом, ударили по стене.

— Я сейчас к вам спущусь! — крикнул Сэм, хотя еще не имел понятия, как ему удастся помочь хозяину.

— Нет, нет, подожди, не надо! — откликнулся Фродо, начиная приходить в себя. — Мне уже лучше. Сиди там. Все равно без веревки ты ничего не сделаешь!

— Веревка! — закричал Сэм и тут же затараторил: — Бестолковая я голова, да меня самого надо повесить на веревке, в назидание другим недоумкам; кочерыжка ты безмозглая, Сэм Гэмджи, как говорил мой Старик, светлого ума хоббит, да веревка-то...

— Перестань молоть языком! — крикнул Фродо, которому было не до смеха. — Оставь Старика в покое. Ты хочешь сказать, что у тебя есть веревка? Так давай ее сюда, коли есть!

— Есть, есть, хозяин! В мешке она. Сотни миль тащу на спине, а тут дошло до такого страха, что я про нее забыл.

— Доставай скорее, бросай мне конец!

Сэм кинулся развязывать мешок. Порывшись в нем, он нащупал моток шелковистой лоризэнской веревки. Вытащил, бросил конец Фродо. Веревка была светло-серая, тонкая, легко качалась на ветру. У Фродо в глазах к этому времени немного посветлело, веревку он увидел, ему даже показалось, что от нее исходит еле заметное серебристое свечение. Взгляд сосредоточился на одном предмете, голова перестала кружиться. Поймав конец, хоббит обвязал его вокруг пояса и крепко ухватил веревку двумя руками.

Сэм отступил на пару шагов от края и уперся ногами в торчащий из камней пенек. Немного помогая себе ногами, Фродо, наконец, оказался наверху и свалился без сил рядом с Сэмом.

Гром гремел уже в отдалении, а дождь лил как из ведра. Хоббиты попробовали было отползти в глубь желоба, но по нему уже текла вода, собираясь в быстрый пенный поток, который хлестал с обрыва, как из гигантской водосточной трубы.

— Если бы я там остался, меня бы смыло в пропасть, — сказал Фродо. — Какое счастье, что у нас была веревка!

— Было бы еще большее счастье, если бы я про нее раньше вспомнил, — сказал Сэм. — Помните, хозяин, когда мы уходили из Лотлоризэна, эльфы в каждую лодку положили по мотку, и так мне эта веревка понравилась, что я один моток себе в мешок упаковал. Кажется, это было так давно, много лет назад! «Она вам не раз пригодится», — сказал кто-то из эльфов, Халдир, наверное. Будто знал.

— Жаль, что мне не пришло в голову и себе моток положить, — сказал Фродо. — Но я расстался с Отрядом в такой спешке, что ни о чем не подумал. Будь веревки больше, мы бы могли по ней отсюда спуститься. Проверь, Сэмми, какой она длины.

Сэм начал разматывать моток, меряя его через локоть:

— Пять, десять, двадцать... не меньше тридцати локтей, господин Фродо!.. Сорок!

— Ну и ну! Кто бы мог подумать! — воскликнул Фродо.

— Ха! — ответил Сэм. — Эльфы — народ удивительный. Веребочка вроде тонкая, а крепкая-прекрепкая и рук не режет. Легкая, как перышко. Мастера эти эльфы, я вам скажу.

— Тридцать локтей... — задумчиво повторил Фродо. — Может быть, и хватит. Как только гроза утихнет, я еще раз попробую.

— Дождь-то почти кончился, — сказал Сэм. — Но в темноте больше не надо рисковать, господин Фродо. Может быть, вы уже забыли тот крик, а у меня он в ушах стоит, как ветер его донес. У Черных Всадников такие голоса, только этот прямо сверху слышался, будто тот, кто кричал, над горами летел. Я думаю, нам лучше переждать до утра прямо здесь.

— А я думаю, что мне больше ни минуты нельзя оставаться на этой стене, куда глаза Страны Мрака прямо через болото смотрят, — возразил Фродо.

С этими словами он встал и опять подошел к обрыву. Восток немножко посветлел. Рваное боковое крыло грозы постепенно отступало и рассеивалось. Основной удар бури принял на себя центр Нагорья, на котором, наверное, дольше задержались черные мысли Саурана. Оттуда гроза пошла в наступление на долину Андуина, засыпая ее градом и молниями, потом черная тень накрыла крепость Минас Тирит, прокатилась над Гондором и пограничными областями Рохана. Воины Феодена в это время по дороге на запад видели мрачные грозовые башни туч, заслоняющие солнце, но здесь, над болотами, темно-синее небо постепенно открывалось, и скоро на нем заблестело несколько маленьких белых звездочек, как окошки в покрывале, накинутом на серп Луны.

— Приятно снова видеть свет, — произнес Фродо, глубоко вздохнув. — Знаешь, Сэмми, там внизу мне показалось, что я ослеп не от молнии, а от чего-то похуже. Ничего не видел, совсем ничего, пока ты не спустил серую веревку. Она будто светилась.

— Да, в темноте она серебрится, — сказал Сэм. — Раньше я этого не замечал. Правда, не помню, чтобы я ее раньше разглядывал, а упаковывались ведь мы днем. Но если даже на ней спускаться, то как? Тридцать локтей — это примерно высота стены или меньше?

Фродо немного подумал.

— Похоже, что так, — сказал он. — Ты завяжи веревку покрепче вокруг пенька. Если хочешь, на этот раз я позволю тебе спуститься первым. Буду понемногу отпускать веревку, а ты только отталкивайся руками и ногами от стены. Мне будет легче, если ты на каком-нибудь выступе по дороге сможешь задержаться. А когда будешь совсем внизу, я съеду за тобой. По-моему, я уже снова в форме.

— Ладно, — сказал Сэм, но особой радости в его голосе не было. — Будь, что будет.

Он прикрепил веревку к ближайшему пню. Другой конец обвязал вокруг пояса и невесело посмотрел вниз. Потом нехотя начал спускаться.

Это оказалось совсем не так страшно, как он думал. Веревка была крепкой, и она будто бы придавала ему духа, только несколько раз он прикрыл глаза, когда смотрел вниз — стена в одном месте была совершенно отвесной, и Сэм повис, оторвавшись от нее. Но Фродо старался отпускать веревку медленно и ровно, так что все кончилось благополучно.

Больше всего Сэм боялся, что веревки не хватит, что она кончится там, где еще нельзя будет прыгать. Но у Фродо в руке оставалась довольно большая петля, когда Сэм встал на землю под горой и крикнул: «Я приземлился!». Его голос Фродо слышал отчетливо, но самого его не видел, потому что серый эльфийский плащ полностью сливался с сумраком.

Спуск Фродо занял немного больше времени. Он прикрепил сложенную веревку к поясу, проверил длину первой петли от пня, чтобы не слететь сразу далеко от обрыва. Спускаясь, пытался не рисковать, цеплялся за каждый выступ, потому что не так крепко, как Сэм, верил в абсолютную надежность тонкой веревки. Дважды ему все же пришлось проверить ее на себе, там, где стена будто уходила в глубину горы и была такой гладкой, что даже цепкие хоббиты пальцы не смогли нащупать ни одного зацепа. Наконец, Фродо тоже оказался на земле.

— Получилось! — выдохнул он с облегчением. — Мы прошли Нагорье Эмин Муйл. Что дальше? Может быть, еще заскучаем по нему, вспоминая в болоте про твердые камни под ногами!

Сэм не ответил. Подняв голову, он смотрел на обрыв, с которого они только что спустились.

— Ах, я полудурок! Ах, растяпа! — расстроенным голосом запричитал он. — Моя чудная веревка! Она же привязана там, наверху, а мы тут, внизу. Все равно, что лестница для этого слизняка Голлума! Надо было еще указатель с надписью «Иди сюда» оставить. Слишком легко спустились, вот и неприятность.

— Ну, если ты знаешь способ, как спуститься по веревке и при этом оставить ее в своем мешке, можешь уступить мне прозвища «полудурка» и «растяпы» и все остальные, которыми награждал тебя твой Старик, — сказал Фродо. — Лезь назад, отвязывай веревку и спускайся снова. Ну что?

Сэм почесал в затылке.

— Простите, хозяин, не знаю я такого способа, — ответил он. — Но очень мне жалко ее оставлять, это факт. — Он подергал веревку за конец. — Так трудно расставаться с тем, что эльфы дали. Может быть, эту веревку сама Галадриэль сплела? Галадриэль, — позвал он шепотом, глядя наверх, будто прощаясь, и еще раз повис на конце веревки.

К удивлению хоббитов, узел развязался. Сэм упал навзничь, а длинный серый шнур с тихим шелестом свернулся у него на животе. Фродо расхохотался.

— Кто так замечательно узлы вяжет? — спросил он. — Счастье, что он не развязался раньше. Только подумать, что твоему узелку я доверил весь свой живой вес!

Сэм смеяться не стал.

— Я согласен с вами, хозяин, что по горам лазать совсем не умею, — обиженно оправдывался он, — но в веревках и узлах кое-что понимаю. Это у нас, так сказать, семейное ремесло. Мой дедушка и самый старший двоюродный дядя Энди были канатчиками, много лет держали канатную переправу в Узкополье. И ни в Хоббитшире, и нигде на свете вы не найдете никого, кто бы лучше вязал узлы на пеньках!

— Ну, значит, веревка оборвалась, перетерлась об острый край скалы, — предположил Фродо.

— Не может этого быть, — ответил Сэм. — Нет, не оборвалась она, посмотрите, даже ни одна ниточка не перетерлась!

— Но узел-то подвел!

Сэм покачал головой, перебирая веревку пальцами.

— Говорите, что хотите, господин Фродо, — сказал он наконец, сматывая ее и пряча в мешок, — а она сама отвязалась, когда я ее позвал.

— Что отвязалась, это точно, и очень хорошо, что она у нас опять есть, — сказал Фродо, — давай думать, что делать дальше. Уже почти день. Какие красивые звезды! А луна!

— Сердце радуют! — сказал Сэм, взглядывая на небо. — Звезды какие-то эльфийские. Луна растет. Мы ее две ночи не видели за облаками, сейчас она уже почти круглая. Вон как светит!

— Да, — ответил Фродо. — Но совсем полной она станет через несколько дней. Света еще мало, чтобы искать дорогу в болоте.

Так в наступающей ночи они начали следующий этап пути. Через некоторое время Сэм оглянулся. На том месте, где они спускались, на сером краю обрыва темнело черное пятно — там выходил желоб.

— Хорошо, что мы веревку стянули, — произнес Сэм. — Задали хорошую задачку этой твари. Пусть попробует пошлепать с выступа на выступ, если сумеет.

Шли они по дикому и пустынному месту, обходя валуны и камни поменьше, без дороги, по скользкому после дождя грунту. Каменистый склон продолжал довольно круто опускаться вниз. Не успели они отойти далеко от горы, как путь им внезапно отрезала черная расщелина, неширокая, но и не настолько узкая, чтобы они смогли перепрыгнуть ее в потемках. Глубину ее они определить не смогли, но им показалось, что на дне булькает вода. Влево от них щель поворачивала к северу и уходила в сторону от горы; обходить ее в темноте они побоялись.

— Надо попробовать пойти вдоль стены на юг, — предложил Сэм. — Может быть, найдем какую-нибудь ямку или даже пещерку.

— Ты прав, — ответил Фродо. — Я тоже устал спотыкаться по этим камням. Была бы ровная тропа, можно было бы шагать, пока ноги несут.

Дорога по битым камням вдоль стены Нагорья оказалась, однако, не легче. И Сэм не нашел ни ямки, ни пещерки, ни даже щели, где можно было спрятаться. Чем дальше, тем выше и глаже была стена. Наконец, совсем обессилев, они просто опустились под большой валун, прислонились к нему спинами и некоторое время просидели так, тесно придвинувшись друг к другу, съежившись под сырыми одеялами и дрожа от холодного ветра на холодном камне. А потом их все-таки сморил сон, как они ни пытались бодрствовать. Луна уже плыла высоко по безоблачному небу, бросая на камни белые блики, и в ее прозрачном свете голая темная громада скальной стены казалась серой, а резкие тени на ней — совершенно черными.

Фродо очнулся первым.

— Знаешь что, Сэм, — сказал он, вставая и плотнее закутываясь в плащ, — ты возьми мое одеяло и еще немного поспи, а я посторожу... Ой, что это? Смотри, — вдруг перешел он на шепот, вздрогнув и схватив Сэма за рукав. — Вон там, на обрыве!

Сэм посмотрел и поперхнулся от удивления.

— Тише! — проговорил он, тоже вздрагивая. — Это он, Голлум. У, змей, гад ползучий! Мы-то думали, что задали ему задачу, и что он не сможет тут спуститься. Смотрите, смотрите — лезет, как паук по стенке!

По совершенно отвесной и гладкой стене сползало небольшое темное существо, цепляясь всеми четырьмя конечностями. Может быть, гибкие цепкие пальцы его рук и ног находили какие-то зацепы и захваты, которые хоббиты не смогли бы нащупать и использовать, но выглядело это так, будто оно приклеивалось лапами к стене, как хищное насекомое, головой вниз, ощупывая и обнюхивая дорогу перед собой. Время от времени Голлум медленно поднимал голову, поворачивал ее на длинной худой шее, и тогда хоббиты видели два бледных огонька, в которых на мгновение отражалась луна, а потом они опять прятались под тяжелыми веками.

— Вы думаете, он нас видит? — спросил Сэм.

— Не знаю, — тихо ответил Фродо. — Думаю, что нет. Даже привычному глазу трудно различить в темноте эльфийские плащи. Я тебя в сумерках с двух шагов уже почти не вижу. А он как будто света не любит.

— Тогда почему он именно тут лезет? — опять спросил Сэм.

— Тише, Сэм! — предостерег его Фродо. — Может быть, он нас вынюхал. Слух у него, кажется, не хуже, чем у эльфов. Может быть, он наши голоса слышал. Мы много орали, когда спускались, и пару минут назад тоже громко разговаривали.

— Он у меня вот где сидит, — сказал Сэм, показывая на горло. — Но это уже слишком, в конце концов я до него доберусь и скажу ему пару слов, пусть попробует от меня удрать, ему это не удастся!

И он, надвинув капюшон, крадучись, направился туда, где со стены сползал Голлум.

— Осторожно! — зашептал Фродо, идя за ним. — Не спугни его. Он страшнее, чем кажется.

Голлум уже пролез по стене три четверти пути и находился в пятнадцати локтях от земли, если не ниже. Притаившись за большим камнем, хоббиты смотрели на него, не отрываясь. Он, по-видимому, попал на трудный участок или что-то почуял и насторожился. Слышалось сопение, свистящее дыхание, которое переходило не то в бормотанье, не то в проклятья. Он поднял голову, и хоббитам показалось, что он плюется. Потом снова пополз. Теперь он был ближе, и они разобрали, наконец, что он шипит и бормочет:

— Ш-шш-ш! Ос-сторож-жно, Прелес-сть моя, не с-спеш-ши. Нам нельз-зя подс-ставлять ш-шею, нет, моя Прелес-с-сть! Голм-голм! — он опять поднял голову, заморгал на луну и быстро прикрыл глаза. — Омерз-зительный с-с-свет, х-холодный... ш-ш-ш... ш-шпионский с-свет, глаз-з-ски болят.

Чем ниже он сползал, тем лучше было слышно.

— Куда девалас-сь наш-ша Прелес-сть, Прелес-сть моя? Это наш-ше С-сокровищ-ще, наш-ше с-собственное, надо вернуть. Воры, воры, раз-збойники, вориш-шки. Куда они с-спрятались с-с нашей Прелес-стью? Пус-сть провалятся. Ненавиж-жу...

— Ага, он не знает, где мы, — шепнул Сэм еле слышно. — Что это он называет своей «Прелестью»? Неужели...

— Молчи! — тоже шепотом ответил Фродо. — Он очень близко, как бы не услышал.

Голлум, действительно, остановился и поворачивал голову на тонкой шее в разные стороны, полуоткрыв глаза-плошки и прислушиваясь. Сэм сдержался и затаился, хотя у него уже руки чесались. Он только сердито смотрел на неприятную тварь, которая снова поползла вниз, не переставая бормотать и шипеть.

Когда Голлум был уже в нескольких локтях от земли, он повернул вбок и оказался как раз над головами хоббитов, а тут скала была совершенно гладкой, такой, что даже его лапы не смогли найти на ней точки опоры. Голлум попытался поднять голову и повернуть назад или вверх, но не

удержался и с громким визгом шлепнулся вниз, сложив все четыре лапы в воздухе, как паук, над которым оборвалась паутина.

Сэм двумя прыжками подскочил к нему и, прежде чем Голлум успел подняться, сел ему на шею. Но даже ушибленный и пойманный врасплох, Голлум оказался сильным противником. Сэм не успел его придавить, как Голлум обвил его ногами и руками, схватил мягко, но зажал мертвой хваткой, не давая шевельнуться и медленно сдавливая, как петлей. Липкие пальцы лезли к горлу, острые зубы впились в плечо. Не в состоянии обороняться как следует, Сэм пытался круглой головой ударить Голлума в морду. Голлум сипел и плевался, но лап не разжимал. Для Сэма это бы, наверное, плохо кончилось, если бы не Фродо, который выскочил вперед и, правой рукой выхватив из ножен Жало, левой вцепился Голлumu в редкие волосы, потом повернул его лицом вверх, так что свет луны ударил прямо в белесые, злые глаза.

— Пусти моего друга, Голлум, — потребовал хоббит. — Это Жало. Ты уже один раз его видел. Пусти, иначе тебе придется ближе с ним познакомиться. Горло тебе перережу.

Голлум сразу ослаб, обмяк, как мокрая веревка, сполз с Сэма. Сэм встал, ощупывая плечо. Его глаза горели гневом, но хнычущий у ног противник был так омерзительно жалок, что ударить его рука не поднималась.

— Не обиж-жай нас-с! Не допус-сти, чтобы нас-с обидели, моя Прелес-сть! Хоббиты х-хорош-шие, ма-аленькие, они не з-зах-хотят нас-с обидеть! У нас-с не было з-злых-х намерений, они с-сами на нас-с брос-силис-сь, как коты на бедную мыш-ш-шку. Такие мы нещ-ща-ас-стные, одинокие, голм-голм. Мы будем приз-знательны, будем оч-чч-чень приз-зна-ательны, если х-хоббиты с-сжа-алятс-ся.

— Что делать с такой пакостью? — спросил Сэм. — Связать ему ноги покрепче, чтобы больше за нами не плелся!

— Но тогда нам с-с-смерть, с-с-смерть! — заныл Голлум. — Прот-тивные хоббиты, х-хотят нас-с-с связ-зять и брос-сать на холодных камнях, голм-голм!.. — Он рыдал, и слюна булькала у него в горле.

— Ну его! — сказал Фродо. — Если убивать, так сразу. А за что? У нас нет права на убийство. Сейчас нет. Злосчастная тварь! Он все-таки нам ничего плохого не сделал.

— Как это ничего? — возразил Сэм, растирая плечо. — Наверняка хотел сделать гадость, и если оставить его в живых, то еще сделает. Мы заснем, а он нас и придушит, только об этом и думает.

— Кое в чем ты прав, — сказал Фродо, — но думает он не об этом. — Хоббит сам надолго задумался. Голлум лежал тихо, даже хныкать перестал. Сэм не спускал с него глаз.

А у Фродо в ушах ясно зазвучали далекие голоса из прошлого: «Жаль, что Бильбо не проткнул кинжалом подлую тварь, когда подвернулся случай!»

«Жаль? Но ведь именно жалость удержала его руку. Он пощадил, ибо у него не было необходимости убивать...»

«Но мне Голлума совсем не жалко. Он заслуживает смерти».

«Вне всякого сомнения, заслуживает! Смерти заслуживают многие из живущих. А разве не умирают те, кто должен был жить? Ты можешь подарить им жизнь? Тогда не спеши никого осуждать на смерть. Во имя справедливости. Ибо даже мудрейшие не могут всего предвидеть».

— Хорошо, — громко сказал хоббит и опустил меч. — Я боюсь, но, как видишь, я его не тронул. Я его увидел и почувствовал сострадание.

Сэм удивленно смотрел на своего хозяина, который будто разговаривал с кем-то невидимым. Голлум поднял голову.

— Да-да, нещ-щас-стные мы, — заскулил он опять. — С-ссос-страдание! Хоббиты нас-с не убьют, хоббиты добрые.

— Не уйдем, — сказал Фродо, — но и не отпустим. От тебя можно ждать только коварства и подлости, Голлум. Пойдешь с нами, мы с тебя глаз не спустим. Ничего плохого мы тебе не сделаем, но ты должен будешь нам помогать, чем сможешь. Добром отплатишь за добро.

— Отплатим, да, отплатим! — засвистел Голлум. — Хорош-шие хоббиты воз-зьмут нас-с. Мы пойдем с-с ними. Мы в темноте найдем без-зопас-сные тропки. Но куда они с-спеш-шат по холодным камням, хотели бы мы з-знать? Да, з-знать.

Он посмотрел на хоббитов, и в его белесых полузакрытых глазах вспыхнул хитрый живой блеск.

Сэм нахмурился и закусил губу. Он видел, что Фродо как-то особо оценивает положение, чувствовал, что никто сейчас не заставит его изменить решение, и это его очень удивило.

Фродо смотрит прямо в глаза Голлуму. Несчастливая тварь ежилась и извивалась под его взглядом.

— Ты кое-что хорошо знаешь и о многом догадываешься, Смеагол, — спокойно и строго говорил Фродо. — Мы спешим в Мордор. А тебе, если я не ошибаюсь, дорога туда знакома.

— А! Ш-ш-ш-с-с, — зашипел Голлум, закрывая руками уши, будто громко произнесенные слова ранили его. — Мы догадывалис-с-сь... Пус-сть хоббиты туда не ходят, мы им этого не ж-желаем. Нет, Прелес-с-сть моя, добрым хоббитам туда нельз-зя. Пепел, пепел, там з-зола и с-суш-ш-шь, там копи и ш-шах-хты, там орки, тыс-сяч-чи орков. Добрым хоббитам, хорош-шим хоббитам там не мес-с-сто!

— Значит, ты там был? — настойчиво спросил Фродо. — И что, тебя туда снова тянет?

— Да-да... Нет! — вскрикнул Голлум. — Мы один раз-з-с з-зашли туда с-случайно, это был случай, правда, Прелес-сть моя? Мы туда больш-ше не х-хотим, нет! — тут у него изменился голос, и он с плачем закричал, обращаясь к кому-то невидимому: — Оставь меня в покое, голм! Мне больно!.. Ой, мои бедные руч-ч-чки! Голм-голм! Я... мы... я не хочу воз-звращатьс-ся. Я не найду его. Я ус-стал, очень устал. Я... Мы его не найдем, голм-голм, его нигде нет. Там вс-се начеку. Люди, гномы, эльфы, страшные эльфы со светлыми глазами. Я не могу. А!..

Он встал, перевил длинные руки в узел, тряс ими, вытягиваясь на восток.

— Нет! Не для тебя! — крикнул он и обмяк снова, и захныкал, припадая мордой к земле: — Не надо, голм-голм! Не смотри на нас! Уйди! Иди спать!

— Он не уйдет и не заснет по твоему хотению, Смеагол, — сказал Фродо. — Но если ты в самом деле хочешь избавиться от него, ты должен помочь мне. И для этого — увы — придется показать нам дорогу к нему. Я не требую, чтобы ты шел с нами до конца и вошел в ворота, этого можешь не бояться.

Голлум сел и смотрел на Фродо из-под полуприкрытых век.

— Он там, — заскрипел он. — Он вс-егда там. Орки проводят. Орков встретишь на восточном берегу. Не прос-си С-смеагола. Смеагол давно погиб. Отобрали у него С-сокровищ-ще, Смеагол пропал.

— Может быть, оно найдется, если пойдешь с нами, — сказал Фродо.

— Нет, никогда! Вс-се пропало, он потерял С-сокровищ-ще, — ныл Голлум.

— Встань! — приказал Фродо.

Голлум встал и прижался к стене.

— Говори! — продолжал хоббит. — Как тебе легче показывать дорогу: днем или ночью? Мы устали, но если хочешь ночью, то пойдем сразу, сейчас.

— Больш-шой с-свет реж-жет нам глаз-з-ски, — пожаловался Голлум. — Белое Лицо тож-же меш-шает, — показал он на Луну, — но оно скоро уйдет за горы, тогда мы пойдем. Пусть пока добрые хоббиты отдохнут.

— Тогда садись рядом и не вздумай шевелиться, — сказал Фродо.

Хоббиты сели под стеной, посадив Голлума посередине. Плечами они оперлись о скалу, ноги свободно вытянули. Все трое молчали, Сэм и Фродо понимали, что глаз сомкнуть не удастся. Луна медленно плыла по небу. Тени удлинялись, постепенно напознала темнота, только над головами зажигалось все больше звезд. Никто не двигался. Голлум съежился, положил морду на колени, плоскими ладонями и ступнями оперся о землю, закрыл глаза, но хоббиты догадывались, что он напряженно прислушивается и не спит, а думает.

Фродо искоса взглянул на Сэма. Сэм ответил ему понимающим взглядом. Они чуть раздвинулись, свесили головы, прикрыли веки и равномерно задышали. У Голлума слегка задрожали руки. Почти незаметным движением он повернул голову направо, потом налево, открыл один глаз, за ним другой. Хоббиты не шевельнулись.

Вдруг с удивительной легкостью и быстротой Голлум вскочил и бросился бежать в темноту,

подскакивая, как кузнечик, и шлепая по земле лапами, как лягушка. Но Фродо и Сэм только этого и ждали. Не успел Голлум сделать пяти шагов, как Сэм опять сел ему на закорки, а Фродо поймал его за ногу и повалил.

— Сейчас нам пригодится твоя веревка, Сэмми! — сказал Фродо.

Сэм достал веревку из мешка.

— Куда это уважаемый Голлум изволил драпать по холодным камням? — язвительно спросил он. — Очень интересно, очень. Хотел найти своих любимых орков? Паршивый предатель! Ты заслуживаешь, чтобы тебе не ноги веревкой связали, а петлю на шее затянули.

Голлум лежал тихо и не пытался сопротивляться. Только смотрел на Сэма недобрым взглядом.

— Надо только, чтобы он не убежал, — сказал Фродо. — Мы берем его с собой, поэтому нельзя ему связывать ни ног, ни рук. Он же передвигается на всех четырех. Обвяжи ему веревку вокруг щиколотки, а другой конец держи крепче.

Пока Сэм затягивал узел, Фродо стоял над Голлумом. Результат их стараний оказался совершенно неожиданным. Голлум завизжал тонким душераздирающим голосом, который слушать было почти невозможно. Он извивался, грыз веревку и собственную ногу, кричал так, что пришлось поверить, что ему действительно невыносимо больно.

Фродо попробовал узел, внимательно осмотрел веревку. Петля была затянута совсем не туго, руки у Сэма оказались добрее, чем язык, поранить ногу веревка не могла.

— Что с тобой? — спросил Фродо. — Раз ты пробовал удрать, тебя надо было связать, но издеваться над тобой мы не собирались.

— Больно мне, больно! — вопил Голлум. — Мороз-зит, ж-жалит! Эльфы, проклятые эльфы, это их работа! З-злые, противные хоббиты! Потому мы и хотели убежать, моя Прелес-сть! Мы чувствовали, что хоббиты з-злые, они водятся с эльфами, со с-страш-шными эльфами, у которых с-светятся глаза. С-снимите!.. Больно!

— Нет, — ответил Фродо. — Ничего я с тебя не сниму, разве что... — он на минуту задумался. — Разве что ты дашь такую клятву, что я смогу тебе поверить.

— Дадим, дадим клятву! Мы поклянемс-ся, что будем делать вс-се, вс-с-се, что с-скаж-жут! — корчась, взвыл Голлум, хватаясь за обвязанную ногу тремя остальными конечностями. — Нам больно!

— Поклянешься? — еще раз спросил Фродо.

— Смеагол поклянется, — сказал вдруг Голлум без шипения, довольно чистым голосом и широко раскрыв глаза. — Смеагол поклянется на Сокровище.

Фродо выпрямился и когда начал говорить, опять удивил Сэма и словами, которые произносил, и суровым тоном.

— На Сокровище? И ты посмеешь? Ты на нем поклянешься, Смеагол? Эта клятва тебя свяжет. Но оно еще вероломнее тебя. Оно может по-другому перетолковать твои слова. Берегись, Смеагол.

Голлум скорчился на земле.

— На Сокровище, на Сокровище! — повторял он.

— Что обещаешь? — спросил Фродо.

— Что буду хороший, очень-очень послушный и хороший! — ответил Голлум. Потом заюлил, завыл, зашептал хрипло, будто сам уже боялся того, что говорил: — Смеагол поклянется, что никогда-никогда не выдаст ему. Никогда. Смеагол спасет. Только надо дотронуться. Одним пальчиком.

— Нет! — ответил Фродо, с жалостью, но сурово смотря на Голлума сверху вниз. — Ты хочешь его увидеть и тронуть, хотя знаешь, что, увидев, обезумеешь. Нет! Клянись так. Ты знаешь, где оно, знаешь, Смеагол. Оно перед тобой, но — без рук!

Сэму на мгновение показалось, что его хозяин вырос, а Голлум уменьшился. Высокая серая тень в эльфийском плаще стояла перед ним, это был могущественный повелитель, скрывавший сияние под серым облаком, а у его ног скулил жалкий пес. И вместе с тем в них было что-то, что их объединяло, связывало, чем-то они стали очень похожи и стали понимать мысли друг друга.

Голлум приподнялся и попытался дотянуться руками до груди Фродо, а сам все терся у его колен.

— Лапы прочь! — приказал Фродо. — Клянись!

— Клянусь, да, клянусь, — сказал Голлум. — Клянусь служить Хозяину Сокровища. Хозяин хороший, Смеагол хороший, голм-голм.

И вдруг опять расплакался, хватая зубами ногу возле веревки.

— Отвяжи его, Сэм, — сказал Фродо.

Сэм послушался очень неохотно. Голлум сразу вытянулся и тут же запрыгал, как дворняжка, которую крепко побили, а потом погладили. С этой минуты он как-то изменился. Меньше шипел, меньше хныкал, говорил, обращаясь к хоббитам, а не к себе самому. Съеживался и отступал при каждом неожиданном приближении Сэма, вздрагивал от прикосновения эльфийских плащей и старался держаться от них подальше. Вместе с тем всячески показывал свое расположение и старался подольститься. Когда Фродо или Сэм шутили, или Фродо ласково к нему обращался, Голлум от радости не то смеялся, не то кудахтал и нелепо взбрыкивал, а от строгих слов заливался слезами. Поэтому Сэм старался к нему не обращаться. Он доверял этой твари еще меньше, чем раньше, и новый Смеагол вызывал в нем большее омерзение, чем прежний Голлум.

— Ну, Голлум или как тебя там, — сказал он, когда отвязал веревку, — трогай! Месяц зашел, скоро ночь кончится. Пошли.

— Да-да, идем, — поддакнул Голлум, угодливо гримасничая. — Между Северным и Южным болотом только одна дорога. Я ее нашел. Орки там не ходят, орки не знают дороги. Орки боятся болота, далеко-далеко обходят. Ваше счастье, что вы пошли по этой дороге. Счастье, что встретили Смеагола. Смеагол вас поведет! — он отбежал на несколько шагов и вопросительно смотрел на хоббитов, как пес, который просит хозяев вывести его на прогулку.

— Подожди! — крикнул Сэм. — Не очень-то вырывайся вперед. Я иду за тобой, и у меня есть веревка.

— Не надо, нет! — испугался Голлум. — Смеагол поклялся!

Они пошли в темноту под холодными звездами. Сначала Голлум повел их на север, по дороге, вдоль стены, потом вдоль расщелины, которая круто повернула вправо, уходя от обрыва вниз по осыпи, прямо к большим болотам. Шли быстро и бесшумно. В огромной пустыне перед воротами Мордора была непроницаемая мгла и тишина.

Глава вторая. ПО БОЛОТАМ

Голлум шел резво, вытянув вперед голову на длинной шее, часто помогая себе руками. Сэму и Фродо приходилось почти бежать, чтобы не отстать от него; но видно было, что он пока удирать не собирается, и когда хоббиты оказывались слишком далеко позади, он оборачивался и ждал. В том месте, где расщелина дальше всего уходила от горы, Голлум остановился.

— Здесь! — крикнул он, потом показал на юго-восток, в сторону болот. — Да, да, здесь дорога, вниз и дальше, дальше, вон туда!

В нос им ударил тяжелый запах гнили и сырости, перебивая ночную свежесть. Голлум ползая по краю расщелины и еще раз сказал:

— Здесь! Здесь можно спуститься. — А потом добавил: — Смеагол один раз тут был. Ходил тут. Прятался от орков.

Вниз, в темный овраг он сполз первым, а хоббиты — за ним. Спуск не показался трудным, потому что овраг был неглубок, всего локтей пятнадцать, а в ширину — не больше двенадцати. Он вел почти точно на юг. По его дну бежала вода, по-видимому, это был один из тех ручьев, которые стекали с гор и питали вонючие болота. Голлум дошел до воды, свернул вправо и побрел прямо по мелкому ручью, шлепая ступнями с явным удовольствием. Он даже тихонько подхихикивал и пытался квакающим голосом изобразить что-то вроде песенки:

Как кости, камни
Мне ножки сбили,
И ручки в ранах,
И все немило.
В ручье прохладно
И мягко ножкам,
И мне приятно,
Хочу немножко...

— А чего хочу? — спросил он, бросив косой взгляд на хоббитов. — Сейчас скажу, сейчас скажу. Он когда-то отгадал, Торбинс отгадал.

Глаза у Голлума заблестели странным зеленым блеском, и он забормотал:

Без воздуха живет,
Холодная, как лед.
Не хочет пить, а пьет,
Броней блестит, но не звенит,
И все молчит.
Ей остров кажется горой,
Ей плохо на земле сухой,
А если льет из тучи,
Ей веселей и лучше.
Скользкая, гибкая,
Пощекотать бы горлышко рыбкой...

Эта песенка еще раз вернула Сэма к проблеме, над которой он задумался, когда понял, что хозяин собирается взять Голлума в проводники: пропитание. Сэм был уверен, что Фродо об этом и не думает, но Голлум-то думал наверняка. Что он ел один в дороге? «Вероятно, почти ничего, — сам себе сказал Сэм. — Вид у него изголодавшийся. Он неразборчив, на безрыбье может попробовать и хоббита, если удастся придушить кого-нибудь из нас во сне. Только это у него не пройдет, Сэм Гэмджи начеку!»

По темному оврагу они шли долго, во всяком случае, усталым хоббитам так показалось. Овраг повернул на восток, постепенно расширился, склоны стали ниже. Наконец, перед рассветом небо над ними начало бледнеть. Непохоже было, что Голлум устал, однако он остановился и поднял голову.

— День близко, — зашептал он, будто считал день опасным существом, которое может подслушать его и вцепиться в горло, — Смеагол останется здесь; я тут спрячусь, чтобы Желтое Лицо меня не увидало.

— Мы бы с радостью посмотрели на солнце, — сказал Фродо, — но мы останемся с тобой, тем более что очень устали и вряд ли сможем без отдыха идти дальше.

— Глупо радоваться Желтому Лицу, — сказал Голлум. — Оно выдает. Пусть умные хоббиты останутся со Смеаголом. Рядом орки и другие злодеи. Далеко видят. Всем надо прятаться.

Они уселись под обрывом. Ручей сбегал по узкому руслу по противоположной стороне оврага. Фродо и Сэм устроились на сухом камне, прислонившись спинами к обрыву. Голлум бродил по воде, шлепая широкими ступнями.

— Надо бы перекусить, — сказал Фродо. — Ты, наверное, тоже голодный, Смеагол? У нас мало еды, но мы с тобой поделимся, чем можем.

При слове «голодный» в белесых глазах Голлума сверкнули зеленоватые огоньки, и сами глаза, казалось, стали вылезать из орбит. На минуту он даже вернулся к прежнему свистящему пришепыванию.

— Мы голодные, мы есть хотим, моя Прелес-сть! Ш-ш-што они едят? Мож-жет быть, у них-х ес-сть вкус-ная рыбка? — он даже облил бесцветные губы, высунув язык из-за острых желтых зубов.

— Нет, рыбы у нас нет, — ответил Фродо. — У нас только вот это, — сказал он, показывая кусочек лембаса, — и вода, если эту воду можно пить.

— Вода хорош-шая, вкус-ная, — ответил Голлум. — Пейте, пейте, пока мож-жете. Но ш-што это у них, моя Прелес-сть? Оно х-хрус-с-стит. Оно вкусное?

Фродо отломил кусочек сухаря и подал ему на листе, в который лембас был завернут. Голлум понюхал лист, и лицо у него исказилось: гримаса отвращения перекосила рот, в глазах появилась прежняя злоба.

— Смеагол чует! — воскликнул он. — Это листья эльфийского леса, фу! Воняет! Смеагол там влез на дерево, потом руки не мог отмыть, не мог смыть этот запах с наш-ших бедных несчастных ручек!..

Отбросив лист подальше, он отколол край лембаса и сунул в рот, но тут же выплюнул его и захлебнулся в кашле.

— Нет, ох! — кричал он, отплевываясь, кашляя и фыркая. — Хотят отравить бедного Смеагола, чтобы он задохнулся! Пыль, пепел, этого мы не едим. Смеагол будет голодать. Трудно, но нельзя сердиться. Хоббиты добрые. Смеагол поклялся. Он будет голодать. Мы не можем есть хоббитскую еду. Значит, мы изголодаемся. Бедный голодный Смеагол!

— Мне очень жаль, — произнес Фродо, — но я ничем не могу тебе помочь. Я думаю, что сухари пошли бы тебе на пользу, если бы ты их как следует распробовал. Но, видно, для этого время не пришло.

Хоббиты молча жевали лембасы. Сэму в это утро их вкус показался замечательным. Может быть, они ему снова здорово понравились именно потому, что не понравились Голлуму? Вместе с тем он чувствовал себя неловко, потому что каждый раз, когда хоббиты подносили руки ко рту, Голлум провожал их взглядом, как пес, ждущий под столом хозяйских объедков. Только когда они кончили еду и стали укладываться на отдых, Голлум, наконец, поверил, что никаких лакомств от него не прячут, отошел на несколько шагов и присел в одиночестве, тихо всхлипывая.

— Послушайте, хозяин! — обратился Сэм к Фродо, не очень беспокоясь, услышит ли его Голлум. — Надо все-таки немного поспать, ну, не вместе, так хоть по очереди, раз тут рядом эта голодная тварь, потому что клятва — клятвой, а голод — голодом. Могу поспорить, что хотя он и стал себя вместо Голлума называть Смеаголом, повадки у него остались прежние. Вы спите первым, хозяин, отдыхайте, я вас разбужу, когда глаза у меня начнут окончательно слипаться и больше сидеть не смогу. Гляньте на него — извивается, как раньше, а ведь не связанный.

— Может быть, ты и прав, Сэм, — ответил Фродо, тоже не понижая голоса. — Он изменился, но и я не уверен, что эта перемена достаточно глубоко зашла. Думаю, все-таки, что у нас пока нет причин его бояться. Если хочешь — посторожи. Дай мне часа два поспать, потом разбудишь.

Фродо настолько устал, что кончив говорить, сразу уснул, опустив голову на грудь. Голлум тоже улегся, свернувшись в клубок и ни о чем больше не спрашивая. Дышал он с легким присвистом сквозь зубы и лежал неподвижно, как камень. Сэм вдруг испугался, что равномерное дыхание обоих спящих и его усыпит, тут же вскочил и стал ходить взад-вперед. Даже один раз легко тронул Голлума ногой по дороге. У того только руки вздрогнули и разжались, потом он снова замер. Сэм нагнулся и шепнул ему прямо в ухо: «Рыба!», — но Голлум не пошевелился и сопел ровно.

Сэм почесал в затылке.

— Наверное, он вправду заснул. Эх, доброта наша! Представляю, что бы он сделал на моем месте...

Хоббит вспомнил о мече и веревке, но отогнал эту мысль и уселся рядом со своим господином.

Когда он очнулся, небо было мутное, и не светлое, а темнее, чем утром. Сэм тут же вскочил на ноги, удивляясь, почему он чувствует себя таким свежим и голодным, и вдруг сообразил, что проспал целый день, не меньше девяти часов. Фродо все еще спал, вытянувшись во весь рост на боку. Голлума видно не было. Сэм разразился упреками в собственный адрес, извлекая обидные прозвища из лексикона своего Старика и утешаясь только одной мыслью: Фродо прав, сейчас Голлум не опасен. Во всяком случае, оба хоббита остались живы; пока они спали, никто их не душил.

— Горемыка несчастный, — произнес он со смешанным чувством стыда и жалости. — Куда же он делся?

— Близо, близо, тут я, — ответил ему голос сверху.

Сэм поднял глаза и увидел на фоне вечернего неба большую голову Голлума с оттопыренными ушами.

— Эй, а что ты там делаешь? — крикнул Сэм, потому что от одного вида Голлума в нем снова проснулось недоверие.

— Смеагол голодный, — сказал Голлум. — Скоро вернется.

— Сейчас же возвращайся! — крикнул Сэм. — Эй, иди назад!

Но Голлум уже исчез. Крики Сэма разбудили Фродо. Он сел, протирая глаза.

— Что случилось? — спросил он. — Ты чего кричишь? Который час?

— Не знаю, — ответил Сэм. — Кажется, солнце зашло. А он ушел. Сказал — голодный.

— Не огорчайся, — сказал Фродо. — Тут уж ничего не поделаешь. Он вернется, вот увидишь. Клятва на некоторое время его связала. И не захочет он уходить от своего Сокровища.

Фродо совершенно не беспокоило то, что оба они спали, как сурки, рядом с голодным и свободным Голлумом.

— Нечего вспоминать прозвища, которыми награждал тебя Дед Гэмджи, — произнес Фродо, заметив, что Сэм открыл рот. — Ты очень устал, и все хорошо кончилось. Пока мы оба отдохнули, а впереди плохая дорога, самая трудная из всех.

— Я думаю, как нам дальше быть с едой, — сказал Сэм. — Сколько времени понадобится, чтобы довести Дело до конца? И что потом? Дорожные сухари эльфов, конечно, очень питательны, но если правду сказать, на ногах они держат, а живота не наполняют, во всяком случае, моего, без обиды будет сказано для тех, кто их пек. Кроме того, запасы-то наши тают. Я думаю, что их хватит недели на три, не больше, и то если реже жевать и крепче пояса затягивать.

— Я не знаю, сколько времени нам понадобится, чтобы, как ты говоришь, довести Дело до... до конца, — ответил Фродо. — Мы слишком долго канителились в горах. Но Сэмми, милый мой, дорогой хоббит, лучший из друзей, я не думаю, что нам стоит беспокоиться о том, что будет потом! У нас вообще не так уж много надежды на то, что мы кончим наше Дело. Если даже это нам удастся, кто знает, как оно получится? Представь, что Единое гибнет в пламени, а мы остаемся у Большого Огня? Скажи, Сэм, понадобится нам тогда хлеб? Думаю, что нет. Сейчас главное — сохранить силы, чтобы добраться до Роковой Горы, — вот все, что мы можем сделать. Но и это много, боюсь, что для нас это слишком много, и я не справлюсь.

Сэм молча кивнул. Он взял руку Фродо, наклонился над ней, но не поцеловал, а только расплакался. Потом отвернулся, утер нос рукавом, встал, прошел несколько шагов, попытался посвистеть, у него это не получилось, и он стал повторять:

— Куда это колченогий запропастился? Куда...

Голлум, наконец, вернулся, подошел так тихо, что его заметили, когда он уже стоял перед ними. Пальцы и губы у него были в грязи. Он еще пускал слюни и что-то дожевывал, а что — хоббиты спрашивать не стали, и думать об этом было противно.

«Змеи какие-нибудь, черви или другая болотная пакость, — решил Сэм. — Брр, мерзость. Несчастливая тварь».

Голлум ничего не сказал, пока не напился воды и не умылся в ручье. Потом подошел к хоббитам, облизывая губы.

— Теперь лучше, — сообщил он. — Вы уже выспались? Готовы в путь? Хорошие хоббиты, вкусно спали. Доверяете Смеаголу, правда? Это хорошо, это очень хорошо!

Следующий их переход не отличался от предыдущего. Овраг становился все более пологим и сбегал вниз. Дно его было уже не сплошь каменистым, стены превратились в земляные валы, овраг все время вился и поворачивал то в одну, то в другую сторону.

Ночь кончалась, но тучи плотно закрывали луну и звезды, и рассвет только угадывался, когда в холодный предутренний час они вышли к концу оврага. Берега ручья здесь поднялись двумя поросшими мохом валами. Ручей перекатылся через последний плоский камень и с бульканьем вливался в бурое болото. Сухая трава по его берегу, еле различимая в полутьме, качалась и

шелестела, хотя ветра путники не чувствовали.

Перед ними, вправо и влево, сколько видел глаз, в мутном тумане на юг и на восток тянулись болота: топи и трясины. Над черной зловонной жижей курился пар. Стоячий воздух был насыщен удушливым смрадом. Далеко на юге вырисовывались мрачные горные хребты Мордора, казавшиеся отсюда черным нагромождением рваных туч над окутанным туманом унылым бурым морем.

Теперь хоббиты полностью отдались на милость или немилость Голлума. Глядя на бесконечные болота в мутном предутреннем свете, они не знали и не могли догадаться, что находятся на их северном краю, что почти все они тянутся отсюда строго на юг, и что их можно было, слегка удлинив путь, обогнуть с востока, дойдя по твердой земле до бесплодной равнины Дагорлад, где перед воротами Мордора некогда разыгралась великая битва. Правда, те дороги тоже обещали мало хорошего, спрятаться на них было бы негде, они все шли по открытой каменистой равнине, где перекрещивались пути орков и солдат вражьих армий. Даже Лориэнские плащи вряд ли помогли бы хоббитам пройти там незамеченными.

— Куда теперь, Смеагол? — спросил Фродо. — Неужели надо лезть прямо в эти вонючие болота?

— Не надо, — ответил Голлум. — Не надо, если хоббиты хотят скорее дойти до темных гор и скорее встретиться с Ним. Можно немного пойти назад, немного вокруг, — он показал тонкой рукой на север и восток, — там твердая холодная дорога прямо к воротам. Там много слуг высматривают гостей, да-да, их встречают и провожают прямо к Нему. Да, да. Глаз всегда стережет ту дорогу. Давно-давно там поймали Смеагола, — Голлум задрожал. — Но с тех пор Смеагол не тратил времени зря, он не ленился, нет, глаза работали, ноги работали, нос работал. Я сейчас знаю другие дороги. Труднее, дальше, идти надо медленно, но лучше, если мы не хотим, чтобы Он нас увидел. Идите за Смеаголом: он поведет вас через болота, через туман, через хороший густой туман. Идите за Смеаголом осторожно, и, может быть, вы зайдете далеко, очень далеко, прежде, чем Он вас поймает.

День вставал хмурый, утро было безветренное, над топиями клубились тяжелые туманы. Ни один луч солнца не пробивался сквозь низкие тучи, и Голлум требовал выходить сейчас же, не тратя ни минуты. Поэтому привал путники сделали совсем короткий, после чего вступили в хмурый, молчаливый, темный и сырой мир, сразу потеряв из виду и горы, с которых только что сошли, и горы, к которым стремились, и вообще все. Шли очень тихо, гуськом: первым Голлум, за ним Сэм, потом Фродо.

Фродо, казалось, устал больше всех, и хотя двигались они медленно, часто отставал. Но хоббиты были рады, что местность, которая издали казалась одной сплошной трясинкой, на самом деле представляла собой долину, покрытую густой сетью разлившихся луж, топкой грязи и болот, среди которых зоркий глаз и проворные ноги все-таки могли найти тропу. У Голлума явно были зоркие глаза и быстрые ноги, и он ими умел пользоваться. Но и ему приходилось туго. Он то и дело поворачивал голову то влево, то вправо, принимаясь и что-то бормотал себе под нос. Иногда он поднимал руку, останавливал хоббитов, а сам шел вперед на четвереньках, щупая почву ногами и руками, или прислушивался, припадая ухом к земле.

Пейзаж был хмурым и однообразным. На всеми забытой гнилой пустоши еще продолжалась холодная, мокрая зима. Вместо настоящей зелени лишь бледные синеватые водоросли плавали поверх мутных стоячих вод. Кое-где во мгле вырисовывались космы увядшей травы и засохшие стебли тростника, как напоминание о давно забытом лете.

К полудню день немного прояснился, туман чуть поднялся и поредел. Где-то высоко над всей этой гнилью и туманами в светлом мире плыло золотое солнце, под ним сверкали белоснежные клубы облаков, а сюда вниз проникали только бледные бесцветные лучи, не дающие тепла. Но даже от такого света Голлум корчился и ежился. Он остановил хоббитов, и все трое, как маленькие затравленные зверьки, присели под бурой стеной камыша. Стояла тишина.

— Ни одной птички! — грустно заметил Сэм.

— Ни одной птички! — повторил Голлум, облизываясь. — Птички вкусные. Тут нет птичек. Червячки тут, змейки... много всяких ползучек живет. А птички не живут! — жалостно закончил он.

Сэм посмотрел на него с отвращением.

Кончался третий день их путешествия с Голлумом. Еще до того, как в горах удлинились вечерние тени, а в этом тумане теней не было, — они двинулись дальше. Шли почти без остановок, упорно стремясь вперед, останавливались редко и ненадолго, и то не на отдых, а по сигналу Голлума, который чем дальше, тем больше осторожничал и часто колебался, когда тропы расходились. Теперь они были в самом сердце Гиблых Болот.

Шли в темноте, низко наклонившись над тропой, след в след, внимательно следя за проводником и повторяя каждое его движение. Почва была здесь вязкая, со всех сторон мутно поблескивали стоячие лужи, между ними трудно было найти место, чтобы поставить ногу, не попав в чавкающую грязь. Если бы трое путников не были маленькими и легкими, ни один из них не прошел бы через трясины.

Наступила кромешная ночь, даже воздух казался черным и густым, так что трудно было дышать. Когда появился первый огонек, Сэм принялся тереть глаза, думая, что это ему привиделось от усталости. Огонек мелькнул слева, он был далеким, бледно-зеленым и скоро погас. Потом стали зажигаться другие, они напоминали красноватые угольки в дыму или колебались, как язычки пламени над свечами, только самих свечей не было; иногда они спокойно стояли на месте или медленно плыли, иногда вдруг рассыпались в стороны и таяли, будто невидимые руки прикрывали их призрачными саванами. Ни Фродо, ни Голлум не произносили ни слова. Наконец, Сэм не выдержал.

— Что это? — спросил он Голлума шепотом. — Откуда огоньки? Они уже со всех сторон. Это не западня? Кто их зажигает?

Голлум поднял голову. Вокруг разливалась темная вода, и он ползал на четвереньках, разыскивая дорогу.

— Да, да, со всех сторон, — так же шепотом ответил он. — Это обманные огни. Свечи умерших, да, да. Не смотри на них! Не ходи к ним! Не думай о них! Где господин?

Сэм оглянулся, но Фродо не увидел. Он, видно, опять отстал. Сэм прошел несколько шагов назад, боясь далеко отходить от Голлума и боясь кричать. Он только пару раз хрипло прошептал имя хозяина. Никто не откликнулся. Вдруг Сэм неожиданно наткнулся на него самого. Фродо стоял, задумавшись, уставившись на бледный огонек. Руки его плетями висели вдоль тела, и с них капала болотная жижа.

— Идемте, господин Фродо, идемте, — сказал Сэм. — На них нельзя смотреть, Голлум говорит, что нельзя. Надо идти за ним и не отставать, пока мы не пройдем через эти проклятые болота... Если мы вообще через них пройдем.

— Хорошо, — ответил Фродо, будто его разбудили. — Иди вперед, я за тобой.

Быстро повернувшись, чтобы догнать Голлума, Сэм споткнулся, зацепившись ногой за старый корень или стебель камыша, и тяжело упал, выбросив руки вперед. Руками он сразу влип в густую грязь; лицо его оказалось над черной глубокой лужей. Раздалось шипение, пахнуло вонючей гнилью, огоньки замигали, затанцевали, закружились. На мгновение черная поверхность лужи показалась Сэму темным мутным окном, через которое он заглянул в глубину. Сэм выдернул руки из грязи и с криком вскочил на ноги.

— Под водой мертвецы! — с ужасом произнес он. — Там мертвые лица!

Голлум противно засмеялся:

— Да-да, Гиблые Болота, Мертвые Топи, так их называют, — заквакал он. — Не надо в них смотреть, когда свечи горят.

— Кто там? Что? — спрашивал Сэм, трясаясь от страха и обращаясь к Фродо.

— Не знаю, — ответил Фродо задумчиво. — Я тоже их видел. Глубоко-глубоко в воде, когда горят свечи. Везде под черной водой бледные лица. Злые, гадкие лица, или печальные и благородные. Много гордых и красивых, волосы серебристые, водоросли в них. Все мертвые, все гниют, жутким светом светятся. — Фродо закрыл глаза ладонями. — Не знаю, кто это; мне показалось, что я видел людей и эльфов, и орков тоже.

— Да, да, — подтвердил Голлум. — Все мертвые, все сгнили. Эльфы, люди, орки. Это Мертвые Топи, Гиблые Болота. Давным-давно тут была большая битва, Смеаголу про нее рассказывали, когда он был очень маленьким. Он уже потом нашел Сокровище. Великая Битва. Большие люди, длинные мечи, страшные эльфы, вой орков. Они сражались на равнине у Черных Ворот много дней, не один месяц. Потом болота разлились и поглотили их могилы. Потом дальше разлились, и еще разливаются.

— Но это же было много веков назад, — сказал Сэм. — Мертвецы не могли сохраниться до сих пор. Здесь уже злые чары Страны Мрака?

— Как знать? Смеагол не знает, — ответил Голлум. — До них нельзя достать, их нельзя тронуть. Мы когда-то пробовали, моя Прелесть. Я сам пробовал, но до них нельзя дотянуться. Это тени, их можно только видеть, их нельзя тронуть. Нет, нет, Прелесть моя. Они все умерли, их нет.

Сэм хмуро посмотрел на него и вздрогнул, потому что догадался, зачем Голлум хотел дотянуться до теней.

— По мне, так нечего на них смотреть! — сказал он. — Чего мы стоим? Отсюда надо уходить поскорее!

— Да, да, скорее, но спешить нельзя, — ответил Голлум. — Надо быть очень осторожными, иначе хоббиты провалятся в болото и зажгут свои свечи. Идите за Смеаголом! Не смотрите на огни!

Голлум свернул вправо, шлепая по грязи в поисках тропы. Хоббиты пошли за ним, по его примеру часто помогая себе руками.

«Если так долго будет продолжаться, — подумал Сэм, — из нас получатся три отличных Голлума».

Потом путь им преградил черный разлив, и они с трудом перебрались через него, прыгая с кочки на кочку, проваливаясь, падая, местами бредя по колено в гнилой воде. Все трое с головы до ног вымазались в липкой грязи и задыхались от болотного смрада, которым, казалось, они пропитались насквозь.

Ночь кончалась, когда, наконец, путники почувствовали под ногами твердую почву. Голлум шипел и сопел, но хоббитам показалось, что он сопит от удовлетворения. Несмотря ни на что, каким-то ему одному известным способом, на ощупь или по запаху, а также благодаря необыкновенной памяти он узнавал в темноте один раз виденные приметы и определял верное направление.

— Теперь вперед! — звал он. — Хоббиты хорошие, хоббиты храбрые! Они очень устали; конечно, они очень устали, и мы тоже, моя Прелесть, но надо поскорее увести нашего господина от обманных огней, да, да, надо обязательно!

С этими словами он рванулся вперед, по извилистой тропе, похожей на межу, разделявшую надвое высокие камыши. Хоббиты, как могли, поспешили за ним. Но через несколько минут Голлум вдруг остановился и стал с недоверием к чему-то приниматься, обеспокоено шипя и оглядываясь.

— Что там опять? — фыркнул Сэм, по-своему объяснив поведение Голлума. — Что ты носом крутишь? Если даже его заткнуть, можно сомлеть от вони. Тут все воняет. И ты воняешь, и господин Фродо воняет, и вообще все.

— Да, да, и Сэм тоже. Бедный Смеагол все чувствует, но он терпеливый. Добрый Смеагол помогает доброму хозяину. Воняет не страшно. Смеагол другого боится. Воздух зашевелился. Он меняется. Смеаголу плохо.

Он снова пошел вперед, явно волнуясь. Теперь он то и дело вытягивался во весь рост, вертя головой на длинной шее во все стороны, но смотрел чаще всего на юго-восток. Хоббиты не могли понять, что так встревожило Голлума. Но вдруг все трое остановились, как вкопанные, и замерли. Фродо и Сэму показалось, что издали доносится жуткий протяжный и пронзительный крик. Они задрожали, и воздух будто напрягся и по нему тоже прошла дрожь. Стало очень холодно. Никто не двигался, а вдали нарастал неясный шум, будто там начинался вихрь. Огоньки замерцали, заколебались в тумане, погледнели и погасли.

Голлум трясся и булькал, но с места не двигался, а вихрь приближался и со свистом пронесся над болотами. Стало настолько светло, что они различили катящиеся у них над головами бесформенные клубы тумана, готовые вот-вот разорваться. Туман в самом деле рассеивался, вытягиваясь полосами, уползал к центру болот, а на юге меж облаков показалась луна. Потянуло свежестью.

Фродо и Сэм сразу приободрились, а Голлум пригнулся к самой земле, проклиная Белое Лицо. И тут хоббиты, которые уже с облегчением вдыхали свежий воздух, увидели вдали над вражьиими горами маленькое черное пятно, как лоскут тени, оторвавшийся от мордорской Тьмы. Пятно невероятно быстро росло, и вот уже что-то зловеще-огромное, с черными крыльями, пронеслось на фоне луны и, обгоняя ветер, с жуткой скоростью помчалось к западу, издав крик, от которого кровь застыла.

Хоббиты пали ничком, прижавшись к холодной земле. Страшная тень, сделав огромный круг, вернулась, пролетев на этот раз совсем низко, прямо над ними, гоня перед собой чудовищными крыльями смрадные пары Гиблых Болот, и исчезла в направлении Мордора. Ветер с ревом и свистом понесся туда же. Стало еще холодней. Неверный свет луны залил унылую равнину, простершуюся перед путниками до дальних гор.

Сэм и Фродо поднялись, протерли глаза, как дети, пробужденные от кошмарного сна, и с удивлением обнаружили, что ночь спокойна. Голлум, словно оглушенный, продолжал лежать. Хоббиты с трудом расшевелили его, но он еще долго стоял на четвереньках и не хотел поднимать голову, зажимая ее между широкими плоскими ладонями.

— Призраки! — сипел он. — Крылатые призраки! Их хозяин — Сокровище! Они все видят, все-все. От них ничего нельзя спрятать. Проклятое Белое Лицо! Все расскажут Ему. Он видит, он узнал. Х-хх, голм-голм!

Только когда луна зашла, скрывшись за Тол-Брандиром, несчастный Голлум встал и двинулся вперед.

После этого случая Сэм заметил, что в Голлуме снова произошла перемена. Он еще усерднее заискивал, изображая предельную доброжелательность, но Сэм видел, как он иногда украдкой поглядывал на них, особенно на Фродо, и глаза его вспыхивали странным блеском, а потом он снова булькал и начинал пришепetyвать, как прежде. Но не только это беспокоило Сэма: Фродо выглядел страшно измученным, казалось, что он движется на пределе сил, на грани полного изнеможения. Сам Фродо ничего об этом не говорил, он вообще в последнее время мало говорил, только все ниже сгибался под бременем, которое явно стало тяжелее. Шел он медленно, так что Сэму приходилось часто просить Голлума постоять и подождать, чтобы Фродо не остался один в безрадостной пустоши, в которую постепенно перешли болота.

С каждым шагом, приближающим его к Вратам Мордора, тяжесть Кольца, которое Фродо носил на цепочке на груди, росла и пригибала его к земле. Но еще больше его мучил Глаз (так он про себя называл эту непонятную силу). Все отчетливее, все с большим страхом он чувствовал Врага, наделенного могучей волей, которой Он пытался пробить Тьму и тучи, землю и тела живущих, чтобы добраться до него, сковать убийственным взглядом, обнажить и обессилить. Заслоны, хранившие его до сих пор, стали тонкими и слабыми. Фродо точно знал, где источник злой воли. Он знал его так, как человек с закрытыми глазами знает солнце и может показать, в какой оно стороне. Сейчас он оказался лицом к лицу с этой злой волей, прямо в ее лучах...

Голлум наверняка ощущал нечто подобное. Хоббиты не могли знать, что творится в его измученной душе, как он мечется между приказаниями Глаза, алчным желанием вернуть Кольцо, которое было совсем рядом, и узами клятвы, данной под угрозой холодной стали... Фродо об этом просто не думал, а Сэм больше всего беспокоился о своем хозяине и не замечал темной тени, которая пала и на него самого. Он следил, чтобы Фродо теперь все время шел перед ним, не спускал с него глаз, готовый в любую минуту поддержать его, подать руку, ободрить неумелым, но искренним словом.

Подошел день, когда хоббиты, наконец, увидели зловещие горы совсем близко. Похолодало, воздух был довольно чист. Стены Мордора уже не маячили смутным силуэтом на горизонте, а высились громадами упиравшихся в небо черных башен за хмурой пустошью, которую, как болячки, покрывали бурые торфяники с высохшей, растрескавшейся грязью между ними. Безжизненная равнина слегка подымалась; дальше перед Вратами Саурона была пыльная пустыня. Пока тянулся серый день, хоббиты с Голлумом сидели, съежившись, под черным камнем, боясь, как бы их не увидел пролетающий крылатый призрак. Дальнейшее передвижение запомнилось им только тенью страха, в которой не было просветлений. Две ночи они шли по бездорожью. Воздух стал колючим, пропитанным горечью, от него сохло во рту и в горле.

На пятое утро общего пути с Голлумом был очередной привал. Впереди в тусклом свете до самых туч поднимались огромные горы, над ними клубились облака и дымы. От подножий вытягивались мощные скалистые отроги, торчали отколовшиеся от массива глыбы. До них уже было не больше двенадцати миль.

Фродо с трепетом осматривался. Страшно было в Гиблых Болотах и в бесплодной пустоши за Рекой, но еще страшней оказался открывшийся им Черный Край.

Даже на гнилом болоте, где светятся Мертвые Лица, в свое время появляются бледные приметы весны, но тут никогда не смогла бы расцвести весна, и кроме жара, ничто не указало бы на лето. Не было здесь никаких признаков жизни, ни одного, даже мертвого, засохшего растения, ни травы, ни грибов, ни плесени. Ямы дымились паром, все было серым или сизым, земля задыхалась от пепла, гнила под засохшей грязью, горы будто выбрасывали из своего чрева на окрестные равнины все, что сгорело или умерло. Огромные кучи земли, шлака, битого камня с рыжими пятнами ржавчины и ядовитыми потеками высились бесчисленными рядами, как надгробья на страшном кладбище.

Пустыня у Врат Мордора стала вечным памятником Злу, безвозвратно сгубившему громадный край. Только Великое Море могло бы смыть с груди больной земли ее позор.

— Меня тошнит от этого вида, — сказал Сэм.

Фродо молчал.

Они долго стояли так, как люди иногда задерживаются на границе сна, в котором их ждут жуткие

кошмары, зная, что только пережив их, они придут к завтрашнему ясному утру.

День наступал быстро и резко. Четко очерчивались зияющие ямы и крутые горы мусора. Солнце их освещало, но внести в такой пейзаж хоть каплю радости было бессильно. Хоббитов на этот раз встающий день и свет тоже не утешал, а скорее пугал своей безжалостностью — они сами себе казались маленькими беспомощными призраками, заблудившимися на жутком пепелище Черного Властелина.

Слишком усталые, чтобы продолжать путь, они не сразу стали искать удобное место для отдыха. Все трое молча опустились на пепел рядом с кучей шлака и немного посидели под ней. Из шлака валил удушливый дым, от которого им скоро стало трудно дышать и запершило в горле. Голлум встал первым и, не глянув на хоббитов, плюясь и ругаясь, на четырех пошел в сторону. Сэм и Фродо потащились за ним. Он привел их к широкой почти круглой воронке, с одной стороны которой был вал из камней, а на дне стояла густая вонючая маслянистая жидкость, затянутая радужной пленкой. Убежище вызывало отвращение, но все-таки можно было надеяться, что здесь Глаз Врага их не заметит, и они спустились в воронку.

День тянулся долго. Путников мучила жажда, но они позволили себе выпить лишь по несколько капель воды из фляг, которые наполнили в овраге четыре дня назад. Теперь, когда они о нем вспоминали, овраг казался им таким мирным и приятным местом!

Хоббиты опять решили сторожить по очереди. Сначала обоим казалось, что, несмотря на усталость, они не смогут здесь заснуть, но потом, когда солнце прикрыли медленно плывущие облака, Сэм незаметно задремал. Фродо лежал, опершись спиной о склон воронки, но тяжесть ноши не покидала его, давила грудь. Он смотрел на затянутое дымами и облаками небо и видел в нем странные тени, темные силуэты всадников, лица, выступившие из прошлого. Он потерял счет времени, тоскливо колебался между явью и сном, наконец, тоже забылся.

Сэм проснулся, словно от толчка: ему показалось, что его зовет хозяин. Был вечер. Фродо звать его не мог, потому что крепко спал, сползая почти на дно воронки. Рядом с ним сидел Голлум. Сначала Сэм подумал, что Голлум пытается разбудить Фродо, но вскоре понял, что это не так. Смеагол спорил с сидевшим в нем другим существом, которое говорило его собственным голосом, только более скрипучим, пришепетывающим и свистящим. И когда оно говорило, в белесых глазах Голлума загорался зеленый огонь.

— Смеагол поклялся, — говорил один голос.

— Да-да, Прелес-сть моя, — шепелявил другой, — мы поклялис-сь, чтобы с-спас-сти С-сокровищ-ще, не отдать его в руки Тому. Но он к Тому спеш-ш-шит. С каж-ждым ш-шагом ближ-жже. Что хоббит с-собираетс-ся с-сделать с наш-шей Прелес-стью, хотели бы мы з-знать, оч-чень хотели бы з-знать.

— Не знаю. Ничего не могу поделать. Господин им владеет. Смеагол поклялся помочь Господину.

— Да-да, потому что он хоз-зяин С-сокровищ-ща. Но ес-сли мы с-станем х-хоз-зяевами С-сокровищ-ща, мы смож-жжем с-сдерж-жать обещание, помогая с-сами с-себе.

— Смеагол обещал, что будет хорошим, совсем хорошим. Хоббит добрый. Снял страшную веревку с ноги Смеагола. Ласково с ним говорит.

— Х-хоро-ший, хорош-ший, Прелес-сть моя! Мы тож-же будем хорош-шие, как рыбки, с-сами для с-себя. Мы х-хоббитам нич-чего плох-хого не с-сделаем, нет, только воз-зьмем...

— Но Сокровище приняло клятву, — сказал Смеагол.

— З-зз-значит, надо его вз-зять, и клятву с-с ним вмес-сте, — ответил другой голос. — Тогда мы будем хозяевами С-сокровищ-ща, голм! Пус-сть перед нами полз-зает на брюх-хе другой, противный хоббит, который все время нас-с-с подоз-зревает, голм!

— А хорошего хоббита наказывать не будем?

— Ес-сли не х-хочеш-шшь, то не будем. Х-хотя вс-се-таки он Торбинс-с-с, ненавис-стный Торбинс-с, Прелес-сть моя! Торбинс-с нас-с обокрал. Наш-шел С-сокровищ-ще и не приз-з-зналс-ся. Ненавидим Торбинс-сс-са.

— Но ведь не этого.

— Да, да, и этого, каж-ждого Торбинс-са. Каж-ж-ждого, у кого С-сокровищ-ще. Надо вернуть с-себе наш-шу Прелес-сть.

— Тот все увидит. Он узнает. Он сразу отберет.

— Тот уж-же видит. Он з-знает. Он с-слыш-шал наш-шу глупую клятву. Мы наруш-шили его приказ-зз. Надо вернуть С-сокровищ-ще. Его ищ-шут Призраки. Надо его вз-зять.

— Не для Него!

— Нет, моя Прелес-сть! Подумай х-хорош-шенько, ес-сли оно будет у нас-сс, мож-жно с-скрытьс-ся, даже от Него. У нас-с будет с-сила, мож-жет быть, больш-ше с-силы, чем у Приз-зраков. Влас-стелин С-смеагол! С-с-смеагол С-сильнейш-ший! Голлум С-славный! Каж-ждый день с-свеж-жая рыба, три раза в день прямо из-з-з моря. Наш-ш прелес-стный Голлумч-чик! Ты долж-жен его вз-зять! Нам х-хочетс-ся им з-завладеть, нам его оч-чень, оч-чень х-хочетс-ся!

— Хоббитов двое. Они сейчас проснутся и нас убьют, — пискнул Смеагол, борясь с собой из последних сил. — Не здесь. Не сейчас.

— Нам х-хоч-четс-ся! Но... — голос оборвался и некоторое время молчал, потом зазвучал снова. — Не сейчас-сс, говориш-шь? Мож-жно и так. Потом. Потом Она могла бы помоч-чь. Да, да. Она помож-жж-жет.

— Нет. Нет! Так я не хочу! — заскулил Смеагол.

— Да! Х-хочетс-ся! Нам х-хоч-четс-сс-ся!

Каждый раз, когда звучал этот второй, с присвистом, голос, длинная рука Голлума протягивалась к груди Фродо, но потом, когда раздавался голос Смеагола, рука трусливо отдергивалась назад. Но вот странный разговор закончился, и обе руки с дрожащими пальцами потянулись к горлу хоббита.

Сэм лежал, словно замороженный двумя голосами, но из-под полуприкрытых век внимательно следил за каждым движением Голлума. До сих пор он по простоте душевной думал, что Голлум опасен только потому, что вечно голоден, и боялся, что эта тварь может захотеть съесть хоббитов. Теперь он понял, что опасность гораздо страшнее. Голлум поддавался чарам Кольца. «Тот» — это, очевидно, Черный Властелин, но кого имел в виду Голлум, говоря «Она поможет»? Наверное, завел дружбу с подобной себе гадкой тварью. Ломать голову над этой загадкой было уже некогда: Голлум становился опасен.

Сэм с трудом оторвался от земли, будто его одолело тяжкое бессилие, руки и ноги еле двигались. Кроме того, он инстинктивно чувствовал, что надо действовать осторожно, что нельзя выдавать себя, никто не должен знать, что он, Сэм, подслушал разговор Голлума со Смеаголом. Поэтому он только громко зевнул, вздохнул и спросил заспанным голосом:

— Сколько уже времени? Вставать не пора?

Голлум протяжно зашипел сквозь зубы и вскочил. Какое-то мгновение он стоял напряженно в угрожающей позе, потом обмяк, опустился на четвереньки и отполз на край воронки.

— Хоббиты хорошие! — сказал он. — Сэм добрый. Сони вы, сони, спали крепко, Смеагол вас охранял. Но уже вечер. Темнеет. Идти пора.

«Да-да, пора, — подумал Сэм. — Давно пора нам с тобой расстаться». Но ему тут же пришло в голову, что Голлум на свободе не менее опасен, чем Голлум в роли проводника и попутчика.

— Нелегкая его к нам прибила! Чтоб он своими слюнями захлебнулся! — буркнул Сэм почти неслышно, потом спустился вниз и разбудил хозяина.

Отдохнувший Фродо чувствовал себя гораздо лучше. Он видел сны. Черная Тень отступила, и во сне к нему явилось что-то светлое. Он не запомнил, что это было, но ему стало веселей и легче на душе. Тяжесть роковой ноши тоже уменьшилась. Голлум встретил пробудившегося Фродо, как пес вернувшегося хозяина. Он юлил, хихикал, хрустел пальцами, терся о колени хоббита. Фродо ему улыбнулся.

— Слушай! — сказал он. — Ты был хорошим и верным проводником. Начинается последний этап нашего пути. Веди нас к Воротам, и больше я тебя ни о чем не прошу. Проводишь до Ворот — и иди, куда хочешь, только не к нашим врагам.

— К Воротам? — испуганно заскрипел Голлум. — Господин говорит, к Воротам? Да-да, он так сказал. Хороший Смеагол сделает все, что скажет господин. Да-да, все-все... Но посмотрим, что он скажет, когда подойдем ближе. Там не самый лучший вид, нет!

— А ну, иди! — сказал Сэм. — Пора с этим кончать!

В наступивших сумерках путники выбрались из воронки и двинулись без дороги по засыпанной пеплом пустыне. Через некоторое время их снова охватил тот же страх, который они почувствовали, когда Призрак пролетел над облаками. Они припали к смрадной земле и замерли, но на этот раз угроза быстро миновала. Крылатый посланник Тьмы летел очень высоко и быстро, видно, спешил выполнить поручение Барад-Дура. Голлум через минуту встал и, дрожа всем телом, поплелся дальше.

Примерно через час после полуночи над ними в третий раз пронеслась черная тень, но еще выше, еще дальше, со страшной скоростью направляясь на запад. Больше всех испугался Голлум. Он трясся и причитал, уверенный, что их выследили, и что теперь Враг знает, где они.

— Три раза! — всхлипывал он. — Три раза — это предупреждение. Они нас-с почуяли, они почуяли С-сокровищ-ще. С-сокровищ-ще их-х х-хозяин. Дальше нельз-зя идти, сюда нельз-зя! Вс-се з-зря!..

Ни просьбы, ни ласковые уговоры не помогали. Голлум дрожал и не желал подниматься с земли. Только когда Фродо гневно повторил приказ, положив руку на рукоять меча, Голлум встал и пошел, ворча и нося, как побитый пес.

Так они шли, спотыкаясь, до конца ночи, до следующего страшного дня. Шли молча, опустив головы, ни о чем не думая, ничего не видя и ничего не слыша вокруг, кроме ветра, со свистом пролетавшего над пеплом.

Глава третья. ЧЕРЕЗ ВОРОТА В МОРДОР НЕ ПРОЙТИ

Прежде чем наступил новый рассвет, поход к Мордору кончился. Позади остались болота и пустыня, впереди встали могучие черные горы, надменно подняв грозные вершины в бледное небо.

С запада Мордор охраняла угрюмая цепь Сумрачных Гор Эфел Дуат, с севера высились неровные зазубрины пиков и лысые хребты Пепельных Гор Эред Литтох, серые, как зола. Эти две горные цепи образовывали неприступные стены вокруг двух угрюмых плато Лифлат и Горгорот и большого горького озера, которое называлось Морем Нурнов. В том месте, где хребты сходились, они словно тянули друг к другу и на север длинные руки-отроги, между которыми оставался узкий проход, Кирит Горгор, или Проклятое Ущелье, вход во владения Врага. Над ним с двух сторон нависали гладкие черные скалы. На двух утесах, справа и слева, торчали высокие башни, прозванные Зубами Мордора. Давным-давно их построили гондорцы, люди гордые и сильные. Было это после поражения и бегства Саурона. В башнях должна была находиться стража, чтобы вовремя заметить и не допустить его возвращения. Но могущество Гондора ослабло, люди измельчали, башни много лет стояли пустыми. Потом Саурон вернулся. Он заново отстроил разрушенные сторожевые посты, обновил башни, набил арсеналы оружием, поставил бдительный гарнизон. Из черных окон в каменных стенах смотрели на север, восток и запад зоркие стражи.

Единственный проход между скалами Черный Властелин загородил каменной стеной и сделал в ней стальные ворота, по арке которых все время ходили часовые. В скалах у подножия гор с обеих сторон была пробита сеть переходов и подвалов. В них засели орчьи отряды, готовые по первому сигналу выйти на войну, как черные муравьи из муравейника. Зубы Мордора раздавили бы и сокрушили любого, кто попытался бы пройти между ними, за исключением тех, кто шел по зову Саурона или знал тайный пароль, открывающий Черные Врата Мораннон.

Фродо и Сэм с ужасом смотрели на башни и стену. Даже издали и в слабом утреннем свете видно было, как движутся часовые на воротах и патрули перед ними. Хоббиты выглядывали из каменной ямы в тени северного отрога хребта Эфел Дуат. Ворону отсюда до черной стены ближайшей башни пришлось бы лететь примерно четверть гона. Было душно. Из башни вверх поднималась тонкая прямая струя дыма, будто там внутри горел огонь.

Наступил день. Из-за мертвого хребта Пепельных Гор показалось бледное солнце. И вдруг из башни раздался громкий трубный звук. Ему ответили медные горны с ворот, а в тайных казематах заиграли рожки. Одновременно издали послышались гулкие и зловещие, многократно повторенные эхом сигналы барабанов и больших военных рогов Барад-Дура. Новый день трудов и тревог начинался в Мордоре; ночные стражи сошли в подземелья, на их место заступили свирепые солдаты с раскосыми глазами, готовые убить любого, кто посмеет приблизиться. В лучах солнца грозно отсвечивала тусклая сталь Ворот.

— Вот и пришли! — сказал Сэм. — Ворота перед нами, но сдается, что мы дальше шагу не ступим. Уж здесь бы мне мой Старик все сказал, что думает. Сколько раз он мне наказывал быть осторожным и предупреждал, что иначе я плохо кончу! Вряд ли я теперь его увижу. Больше он мне не скажет свое «Говорил я тебе...» А жаль. Я бы сейчас все-все выслушал с удовольствием, пусть бы он орал, сколько хватит сил, только бы разочек посмотреть на старика. Надо бы, конечно, еще вымыться, а то он меня в таком виде не узнает... Наверное, нечего и спрашивать, какой дорогой идти дальше: дальше никуда идти нельзя, разве что пригласить орка в провожатые.

— Нет, нет! Не надо орка! — прошептал Голлум. — Дальше идти нельзя. Смеагол говорил: дойдем до Ворот, сами увидите. Теперь увидели. Да, да. Прелесть моя, увидели. Смеагол еще в горах знал, что хоббиты тут не пройдут, Смеагол знал.

— Так чего же ты нас сюда вел, чтобы тебя орки съели? — закричал Сэм, от отчаяния потеряв всякую осторожность и способность рассуждать.

— Господин сказал. Господин говорил: «Веди к Воротам». Смеагол хороший, Смеагол послушался. Господин умный, он сказал.

— Да, сказал, — подтвердил Фродо. Он был сердит и упрям, и страх его, казалось, прошел. Грязный, похудевший, еле живой от усталости, он сумел выпрямиться и смотрел на спутников ясными глазами. — Сказал, потому что решил идти в Мордор, а другого пути не знаю. Значит, пойду через ворота. Прошу меня не провожать.

— Нет, нет! Не надо! — Голлум в отчаянном и жалком порыве протянул к нему руки. — Туда нельзя! Ничего не выйдет! Не носи Сокровища Тому! Он нас всех пожрет, он весь мир проглотит, если получит нашу Прелесть! Спрячь, спрячь Сокровище, добрый господин, и смилуйся над Смеаголом! Не отдавай Тому! Давай уйдем отсюда, вернемся в красивые места, а Сокровище верни Смеагольчику, а? Да, да, верни нам нашу Прелесть! Смеагол будет крепко стеречь Сокровище. Он

сделает много хорошего, он больше всего добра сделает добрым хоббитам. Пусть добрые хоббиты идут домой. Не надо подходить к воротам!

— Мне сказано идти в Мордор, и я пойду, — упрямо сказал Фродо. — Если туда ведет только одна дорога, то у меня нет выбора. Будь, что будет.

Сэм молчал. Видя лицо Фродо, он понял, что словами ничего изменить нельзя.

В глубине души Сэм с самого начала не верил в благополучный исход путешествия, но, будучи жизнерадостным хоббитом, гнал от себя страх и безнадежность, пока мог. Теперь наступал конец. Сэм был верен хозяину, потому и шел с ним, чтобы не оставлять его одного. Нет, хозяин один в Мордор не пойдет. Сэм его не покинет. И в конце концов, они хоть избавятся от Голлума.

Но Голлум явно не хотел, чтобы от него избавлялись, во всяком случае, пока не хотел. Он встал перед Фродо на колени и заскрипел, заламывая руки:

— Только не туда! Не ходи туда! Есть другая дорога. Правда, есть другая дорога. Она темная, ее трудно найти, она тайная. Но Смеагол знает. Он покажет.

— Другая дорога? — с подозрением спросил Фродо, испытующе глядя в глаза Голлуму.

— Да, да, есть. Была. Смеагол нашел ту дорогу. Идем, проверим, осталась ли она.

— Ты до сих пор о ней ни разу не вспоминал.

— Нет. Господин не спрашивал. Господин не говорил про свои замыслы. Он ничего не рассказывает бедному Смеаголу. Сказал: веди к Воротам, потом иди куда хочешь. Смеагол мог бы сейчас уйти, честно мог бы уйти. Но теперь добрый хоббит говорит: решил идти в Мордор через Ворота. Смеагол испугался. Он не хочет, чтобы добрый господин пропал. Он обещал. Господин приказал мне поклясться, чтобы спасти Сокровище. Но теперь господин хочет нести Сокровище Тому, прямо в его черные руки. Смеагол должен спасти и господина и Сокровище, вот он и вспомнил про другую дорогу, которая раньше точно была. Хоббит добрый. Смеагол тоже добрый, всегда ему поможет.

Сэм нахмурился. Если бы он мог взглядом пронзать Голлума, тот уже давно стал бы дырявым, как решето. Верный слуга засомневался. Со стороны казалось, что Голлум искренне расстроен и хочет помочь, но Сэм помнил недавно подслушанное двухголосье и не мог поверить, чтобы Смеагол, столько лет прозябавший в подчинении у Голлума, мог вдруг взять верх над ним... Последнее слово принадлежало Голлуму. Сэм допускал, что обе половины этой твари — Голлум-Смеагол (он их про себя называл Злодей и Вонючка) — заключили временный союз. Ни тот, ни другой не хотели, чтобы Кольцо досталось Врагу. Оба старались уберечь Фродо от пленения орками, и оба решили не спускать с него глаз как можно дольше — во всяком случае, пока Вонючка не теряет надежды наложить лапу на сокровище. В существование другой дороги в Мордор Сэм не очень поверил.

«Хорошо хоть, что ни одна половина мерзавца не знает, что мой хозяин на самом деле собирается сделать с Кольцом, — думал Сэм. — Если бы Голлум догадался, что господин Фродо хочет уничтожить его, новых приключений не пришлось бы долго ждать. Вонючка трясется от страха перед Врагом, а ведь он с ним как-то связан — или был связан, — так уж он скорее выдаст нас, чем допустит, чтобы Тот узнал, что он нам помогает. И наверняка предаст, чтобы его Прелесть не расплавилась в огне. Вот так мне кажется. Будем надеяться, что хозяин хорошо подумает, прежде чем решить. Голова у него мудрая, но сердце слишком доброе. А что у него на уме, — мне, простому Гэмджи, ни за что не догадаться. Уж такой он».

Фродо медлил с ответом Голлуму. Пока Сэм ломал голову, размышляя о событиях, и путался в сомнениях, Фродо стоял, устремив взгляд на черные утесы прохода Кирит Горгор. Яма, в которой они притаились, была вырыта в склоне длинного отрога, долина теперь лежала перед ними. В свете утра ясно были видны серые, пыльные дороги, расходящиеся от Врат Мордора. Одна из них вела прямо на север; другая шла к ближайшему восточному отрогу, вилась вдоль Пепельных Гор и терялась в утренней дымке; третья крутой петлей огибала западную сторожевую башню, потом круто сворачивала к югу и пропадала в плотной тени западного склона Сумрачных Гор.

Переведя взгляд на ту сторону, Фродо скорее угадал, чем увидел какое-то движение. Будто подходило огромное войско, скрытое расстоянием и туманом, тянувшимся от болот. Далеко-далеко поблескивали шлемы и копья, вдоль дороги двигались конные отряды. Фродо вспомнил вид, открывшийся ему несколько дней назад с Амон Хена. Как давно это было! Теперь он понял, что надежда, на краткий миг осветившая его сердце, была обманной. Трубы не звали в бой, а играли привестивший марш. Это не гондорцы шли на штурм Черной Крепости, и не павшие рыцари восставали, чтобы отомстить за давние обиды. Очевидно, люди из разных племен, разбросанных на

восточных равнинах, собирались по зову своего Властелина в единую силу и шли к Стальным Вратам, чтобы влиться в и без того мощную мордорскую армию.

Оценив положение и сообразив, что он стоит на освещенном месте близко от врага, Фродо надвинул на голову тонкий серый капюшон и сполз в яму, а потом повернулся к Голлуму:

— Хорошо, Смеагол, еще один раз я тебе поверю. Кажется, судьба велит мне сейчас принять твою помощь, а тебе та же судьба велит помочь хоббиту, к которому ты раньше относился как нельзя хуже. Пока ты сослужил мне верную службу и сдержал слово. Могу повторить, — добавил он, посмотрев на Сэма, — что дважды мы были в твоей власти, и ты ничего плохого нам не сделал. Ты даже не попытался отобрать у меня то, чего давно желаешь. Если бы так было в третий раз! Но предупреждаю тебя, Смеагол, — ты в опасности.

— Да-да, господин! — ответил Голлум. — Мы в ужасной опасности. У Смеагола кости дрожат от страха, но он не убегает. Надо помочь доброму хоббиту.

— Я говорю не о той опасности, которая нам всем грозит, — продолжал Фродо. — Есть другая, которой подвергаешься ты один. Ты поклялся на том, что называешь Сокровищем. Помни! Сила этого Сокровища тебя связывает и вынуждает держать слово, но она же может обмануть и погубить тебя. Ты уже ей поддаешься. Ты начинаешь изменять. Ты выдал себя, произнес: «Верни Сокровище Смеаголу». Никогда так больше не говори! Не позволяй этой мысли угнездиться у тебя в голове. Ты его никогда не вернешь. А если будешь его желать, плохо кончишь. Повторяю: никогда не вернешь. Я надену его на палец в минуту крайней опасности, Смеагол; ты давно в его власти, и если я надену его и прикажу, ты все исполнишь. По моему приказу ты прыгнешь в пропасть или бросишься в огонь. А мой приказ таким и будет. Берегись и помни!

Сэм смотрел на Фродо с почтением и удивлением. В глубине души он считал, что непонятная доброта хозяина исходит от некоей слабости характера. Он несколько не сомневался, что господин Фродо умнее всех на свете (не считая Гэндальфа и старого Бильбо), но думал, что с Голлумом тот возится зря.

Голлум тоже, оказывается, ошибался в его хозяине и принимал доброту за глупость. Неожидавшая речь хоббита его поразила. Он упал на землю и забулькал что-то непонятное, изредка повторяя: «Хороший господин, добрый».

Фродо терпеливо подождал, а потом сказал, уже не так строго:

— Ну теперь, Голлум, или Смеагол, если хочешь, чтобы тебя так называли, говори, где другая дорога, и объясни мне, если сможешь, достаточно ли она надежна, чтобы ради нее сворачивать с прямого пути. Говори быстро, я спешу.

Но Голлум был слишком потрясен, чтобы сразу заговорить: грозная речь Фродо все перевернула в его мозгу. Он хныкал, скрипел, обрывал слова на половине, ползал под ногами у хоббитов и умолял их сжалиться «над бедным Смеагольчиком». Довольно много времени прошло, пока он успокоился настолько, что Фродо смог из его заплетающегося бульканья понять, что если идти по западной дороге вдоль Сумрачных Гор, то можно дойти до места, где растут кольцом большие деревья. Там перекресток. Одна дорога ведет прямо в Звездную Цитадель Осгилиат и к мосту через Андуйн, а другая — на юг.

— Она ведет далеко, далеко, далеко, — говорил Голлум. — Мы никогда по ней не ходили, но говорят, что она через сто гонов приводит к большой воде, которая всегда волнуется. Там много рыбы и огромные птицы, которые едят рыб. Хорошие птицы. Но мы там никогда не были, это счастье не для нас. А еще дальше — другие страны, где Желтое Лицо очень сильно греет, где редко бывают тучи и где живут злые черные воины. Туда мы не хотим, не нужны нам эти страны.

— Нет, конечно, — сказал Фродо. — Но ты отвлекся. Куда ведет третья дорога?

— Да, да, третья дорога, — будто вспомнил Голлум. — Есть третья дорога, она сворачивает влево. Эта дорога сразу поднимается в гору и уходит в большую тень. А когда по ней обойдешь вокруг Черной Скалы, то увидишь такое, что захочется залезть под землю.

— Что увидишь? Какое «такое»?

— Старая крепость, очень старая и очень страшная. Мы слышали о ней от путников, которые приходили с юга, давным-давно, когда Смеагол был молодым. Да-да, вечерами мы слушали их рассказы под ивами на берегу Великой Реки, мы были молодыми, и Река тогда была молодая, голм-голм-голм... — Голлум снова заныл и забулькал.

Хоббиты терпеливо ждали.

— С юга приходили рассказы про высоких людей с блестящими глазами, — продолжал Голлум, —

про дома из камня, как горы, про короля в серебряной короне и его Белое Дерево. Красивые рассказы. Большие люди строили большие башни. Одна была белая, как серебро, в ней хранился прозрачный белый камень, белые стены были толстые-толстые. Мы много слышали о Лунной Башне.

— Наверное, это Минас Итиль, крепость, которую построил Исилдур сын Элендила, — сказал Фродо. — Именно он отсек палец у Врага.

— Да-да, у Черной Руки только четыре пальца, но ему и четырех хватает, — вздрогнув, сказал Голлум. — Он возненавидел город Исилдура.

— Он все ненавидит, — сказал Фродо. — Но какое отношение имеет Лунная Башня к нашей дороге?

— Башня была и есть, большая башня, белые дома и крепость с белыми стенами, только уже не красивые, не хорошие. Тот все завоевал. Сейчас там страшно. Путники боятся одного вида, обходят далекой дорогой, боятся тени. Но туда надо идти. Это единственная дорога. Там горы ниже, а старая дорога идет по ним вверх, вверх, через темный проход на самом верху, а потом вниз, вниз, на Горгорот, — Голлум понизил голос до шепота и весь дрожал.

— Чем же это нам поможет? — спросил Фродо. — Враг знает все свои горы и стережет, наверное, все дороги, как и эти ворота. Или крепость пустая?

— Не пустая, нет! — ответил Голлум. — Она кажется пустой, но она не пустая! В ней живут страшные орки, там всегда орки и еще другие живут, еще страшнее. Дорога поднимается в тень стен и идет через перевал. Там ворота с башней. Те, кто в башне сидят, все видят. Это Молчащие Стражи.

— Так ты советуешь пройти еще больший путь на юг, чтобы попасть в такую же западню, как вот эта или еще похуже? — спросил Сэм. — Может, мы туда даже не дойдем.

— Нет, нет! — сказал Голлум. — Хоббиты должны понять. Тот не ждет нападения со стороны Лунной Башни. Его Глаз круглый, но он больше следит за одной стороной, и тогда не может видеть другую. Ему не видно все сразу. Он победил целую страну на Запад от Темных Гор и сторожит мосты. Он думает, что к Лунной Башне никто не сможет пройти без большой битвы на мостах или без лодок, а их он бы сразу увидел.

— Ты, кажется, слишком хорошо знаешь все мысли Врага, — сказал Сэм. — Ты что, недавно с ним беседовал? Или наслушался сплетен от своих приятелей-орков?

— Злой хоббит, несообразительный, не верит Смеаголу, — ответил Голлум, обиженно отворачиваясь от Сэма к Фродо. — Смеагол говорил с орками, с разными тварями раньше, чем встретил господина. Он далеко ходил, очень далеко. То, что он говорит, теперь многие говорят. Самую большую угрозу Тот ждет с севера, значит, и нам с севера всего опаснее приходить. И Он будет выходить через Стальные Ворота, в любой день может оттуда выйти. Только через эти ворота может выйти большое войско. А с запада Тот ничего не боится, там сторожат Молчащие Стражи.

— Вот именно, — вставил опять Сэм, не давая сбить себя с толку. — А мы туда подойдем, постучим в ворота и вежливо спросим, как пройти в Мордор. Может быть, те стражи такие молчащие, что вообще нам не ответят? Вздор это все. Так мы и тут можем попытать счастья, ноги целее будут.

— Не насмехайся, — прошипел Голлум. — Это не шутки, нет, нет, не шутки. В Мордор вообще нельзя ходить. Но если господин говорит «Я должен идти» или «Я пойду», то надо искать дорогу. В Башни идти не надо, там страшно, Смеагол поможет их обойти, Смеагол хороший, хотя ему никто не рассказывает, зачем все это нужно. Смеагол еще один раз поможет. Он нашел. Он знает.

— Что ты нашел? — спросил Фродо.

Голлум съежился и перешел на шепот.

— Тропинку, тропиночку, которая ведет вверх, а потом ступеньки, узкие ступеньки, очень узкие, очень много. И еще ступеньки. А потом, — он заговорил едва слышно, — туннель, темный ход, а в конце щель и высоко опять тропинка на перевал. Тем путем Смеагол выбрался из Темной Страны. Но это было давно, очень давно. Может быть, сейчас тропки больше нет. А может быть, есть...

— Не нравится мне все это, — сказал Сэм. — Такой простой дороги не бывает. Если эта тропка существует по сей день, ее наверняка стерегут. Может быть, ее и раньше стерегли, а?

Когда Сэм так говорил, ему показалось, что в глазах у Голлума сверкнул зеленый огонек. Голлум что-то пробурчал, но не ответил.

— Так стерегут тропу или нет? — сурово спросил Фродо. — И правда ли, что ты, Смеагол, сумел

бежать из Темной Страны? Может быть, тебя Враг отпустил? Так, между прочим, думал Арагорн, который несколько лет назад нашел тебя в Гиблых Болотах.

— Неправда! — зашипел Голлум, а при имени Арагорна его глаза снова хищно сверкнули. — Он налгал, да, он меня обогал. Я сам удрал, несчастный Смеагол сам сумел убежать оттуда. Мне приказали искать Сокровище, это правда, и я искал, искал... Но не для Него, не для Черного!.. Сокровище наше, было моим, теперь у тебя. Я бежал!

Фродо был уверен, что Голлум на этот раз не очень далеко уходит от правды, и поверил, что он действительно знает дорогу в Мордор, хотя, может быть, и обманывает, говоря, что сам ее нашел. Фродо заметил, что Голлум произнес не «мы», а «я». Это было признаком того, что в данный момент остатки искренности в нем оказались сильнее подлости. Но даже если Голлуму можно было поверить, нельзя было забывать о коварстве Врага. Вполне возможно, что Голлум не соврал, что он бежал. Но не дал ли ему Саурон бежать? И почему не преследовал? Голлум наверняка не все сказал.

— Еще раз спрашиваю — эту дорогу совсем никто не стережет?

Голлум не отвечал. Напоминание об Арагорне явно отбило у него всякую охоту говорить. У него было обиженное лицо лгуна, которому не верят, когда он случайно один раз сказал правду или хоть полуправду.

— Дорогу не охраняют? — еще раз повторил Фродо.

— Может быть, охраняют, может быть. В этой стране все дороги опасны, — уныло ответил Голлум. — Нет безопасных. Но надо попробовать пойти по той дороге или вернуться домой. Другой дороги нет.

Больше из него ничего не удалось вытянуть. Он даже не смог или не захотел сказать, как называется страшное место, через которое они собирались идти.

Называлось оно Кирит Унгол и имело плохую славу. Арагорн, наверное, мог бы объяснить им значение названия. Гэндальф, вероятно, предостерег бы их и посоветовал туда не ходить. Но они были одни, а их друзья — далеко: Арагорн воевал, Гэндальф пытался одолеть изменника Сарумана в разрушенном Исенгарде.

Правда, при последнем разговоре с Саруманом, когда на ступени Ортханка, высекая из них искры, упал Палантир, Гэндальф вспомнил про Фродо и Сэма и попытался через разделявшее их огромное пространство послать утешительные мысли, вселить надежду и поддержать их дух. Может быть, Фродо как раз это и почувствовал, не умея разгадать; он ведь был уверен, что Гэндальф погиб в Морийской бездне, ушел в вечный путь. Хоббит уже ощущал нечто подобное на Амон Хене. Сейчас он сидел на земле, опустив голову, и пытался вспомнить советы мага. Но не мог припомнить ничего, что облегчило бы ему выбор. Слишком рано судьба отняла у них Гэндальфа, Страна Тьмы была тогда еще очень далеко. Маг не научил их, как войти в Мордор. Может быть, он и сам этого не знал. В северную твердыню Врага, замок Дол-Гулдур, Гэндальф однажды ходил. Но бывал ли он в Мордоре, на Роковой Горе, в Барад-Дуре, откуда Черный Властелин поднялся с новыми силами? Фродо предполагал, что нет. И вот он, невысокий из Хоббитшира, простой хоббит из мирного Западного Удела, должен отыскать дорогу, не известную никому из великих! Суровая ему выпала судьба. Но ведь Фродо согласился добровольно, выбрал этот путь еще там, дома, прошлой весной, давным-давно. Та весна сейчас казалась ему главой из легенды о юности мира, когда в нем цвели Золотое и Серебряное деревья. Выбор был нелегким. Какой дорогой идти? Если обе ведут к ужасам и смерти, то, может быть, и выбирать нет смысла?

День кончился. У границ Страны Мрака, над серой воронкой, в которой притаились три грязные фигурки, стояла глубокая тишина. Почти осязаемая, она плотным одеялом накрывала их, отделяя от остального мира. Бледный купол неба был недостижимо высок, серые облака ползли между землей и небом, как грустные мысли.

Хоббиты были настолько незаметны в серых плащах на сером пепле, что даже паривший под солнцем орел не увидел их сверху. Может быть, он на мгновение остановил бы взгляд на распростертом на земле Голлуме, приняв его за высохшего от голода человечьего детеныша, у которого кожа прилипла к костям и руки и ноги казались голыми костями: такая мелочь не стоила того, чтобы пачкать о нее клюв.

Фродо продолжал сидеть, упершись подбородком в колени, а Сэм лежал, подложив руку под голову и из-под капюшона смотрел в небо. Небо сначала было совершенно пустым. Вдруг Сэму показалось, что он видит на огромной высоте силуэт уродливой птицы, которая то отдалялась, исчезая, то возвращалась, делая большие круги. Потом появился второй силуэт, третий... еще один... Сэм видел их очень маленькими, но почему-то знал, что они огромные, с широченным размахом крыльев. Он закрыл глаза и крепко прижался к земле. Его объят тот же беспомощный страх, который овладел

им когда-то при первом появлении Черных Всадников в Хоббитшире и потом, в горах, когда черная тень закрыла луну и стало холодно. Только на этот раз страх меньше давил. Угроза была далеко. Но она была. И Фродо ее тоже ощутил. Его мысль прервалась. Он вздрогнул и пошевелился, но вверх не посмотрел. Голлум подтянул руки и ноги, сворачиваясь, как потревоженный паук, в плотный клубок. Крылатые чудовища слетелись в круг и, резко снижаясь, унеслись в Мордор. Сэм глубоко вздохнул.

— Опять Всадники, только в воздухе, — хрипло прошептал он, — я их видел. Они могут нас выследить? Они летели очень высоко, и если это те самые Черные Всадники, то ведь днем они плохо видят?

— Они сами вряд ли видят, — объяснил Фродо. — У них кони зрячие. Эти крылатые скакуны, наверное, видят лучше всех на земле. Они будто огромные стервятники. И они чего-то ищут. По-моему, Враг чем-то обеспокоен.

Небо опустело, страх прошел, но спокойствия не было. Перед этим хоббитам казалось, что они отрезаны от мира, а теперь враждебный мир снова подступал к ним со всех сторон. Фродо прикрыл глаза, но так и не сказал Голлуму, что решил делать. Он будто задремал или ушел в себя, в свои мысли. Когда он, наконец, встряхнулся и встал, Сэм был уверен, что его хозяин произнесет решающее слово, но вместо этого Фродо вдруг прошептал:

— Слушай. Что это?

Им опять стало страшно. Они услышали песню и хриплые крики. Сначала далеко, потом все ближе. Всем троим на мгновение подумалось, что Крылатые Всадники их выследили и прислали вооруженных солдат, чтобы взять их в плен. Для этих жутких слуг Саурона не существовало неодолимых расстояний. Хоббиты и Голлум припали к земле и прислушались. Голоса и звон оружия раздавались уже совсем близко. Бежать было некуда. Сэм и Фродо вынули мечи.

Голлум медленно приподнялся и, как червяк, пополз к краю ямы. Очень осторожно он пристроился за двумя камнями и стал смотреть. Пока шум приближался, он лежал неподвижно, потом шум стал удаляться и постепенно стих. На стенах Мораннона запел рог. Голлум бесшумно сполз на дно ямы.

— Это люди. Новое войско идет в Мордор, — тихо сказал он. — Темнокожие. Мы таких людей раньше никогда не видели. Смеагол не видел. Они страшные. Черные глаза, длинные черные волосы и золотые кольца в ушах. Золото красивое, его много. У некоторых на щеках красная краска и плащи красные. Флаги красные. Копья тоже с красными наконечниками. Щиты у них круглые, желтые и черные, с большими шипами. Злые люди. Страшные. Дикие, как орки, только большие, больше орков. Смеагол думает, что это люди с юга, из стран за устьем Великой Реки. Они оттуда шли. Уже прошли через Стальные Ворога, но теперь могут подойти другие. В Мордор все время приходят люди. Когда-нибудь все люди там соберутся.

— А олифанов ты там не видел? — спросил Сэм, от любопытства на минуту перестав бояться, так ему всегда хотелось узнать про чужие края.

— Нет олифанов. Кто такие олифаны?

Сэм встал, заложил руки за спину, как всегда, когда декламировал стихи, и начал:

Я серый, как крыса, большой, словно дом, А нос у меня, как змея. Когда я иду, все ломаю кругом, И дрожит подо мной земля. Клыки у меня торчат изо рта, И хлопают уши громко, А спать не ложусь я никогда, Стою даже ночью в потемках. Мне, может быть, много-много лет, Но даже в минуту смерти, Когда в глазах потемнеет свет, Упаду, но не лягу, поверьте. Зовут меня О-ли-фан, Я житель полдневных стран. Кто видел меня, не сможет забыть, Кто не видел, тот не поверит, Что могут на белом свете жить Такие страшные звери. Я сильный большой О-ли-фан Из жарких далеких стран!

— Это стишок в Хоббитшире все знают, — объяснил Сэм, закончив. — Может быть, это враки, а может, правда. У нас много своих легенд, но кое-что мы слышали про южные страны. Когда-то давным-давно хоббиты выходили в широкий мир, и в Хоббитшир они откуда-то пришли. Правда, из путешествий не многие возвращались, и мы не всем и не во все верим. Говорят же про вранье, что это «Пригоряньские новости», и еще говорят: «Правды не больше, чем в хоббитширских сплетнях». Но я своими ушами слышал рассказы про громадин с юга. Их как-то смешно называют. Говорят, что они на войну ездят на этих олифанах. Ставят им на спины башни и прячутся в них, а олифаны по дороге вырывают деревья и ими потом дерутся. И камни бросают, и скалу могут разбить. Когда ты сказал, что сюда движутся люди с юга в золоте и в краске, я спросил про олифанов, уж если бы они были, я бы рискнул высунуть голову, чтобы только на них посмотреть. Больше, наверное, случая не представится. Только, может быть, и нет на свете никаких олифанов...

И Сэм вздохнул.

— Нет, нет никаких олифанов, — сказал Голлум. — Смеагол про них не слышал. Никогда не слышал. Он бы не хотел таких увидеть, пусть их лучше не будет на свете. Смеагол хочет уйти отсюда в безопасное место. Смеагол хочет, чтобы добрый хоббит тоже ушел отсюда. Хороший хоббит пойдет за Смеаголом, да?

Фродо встал. Когда Сэм декламировал старый стишок, столько раз слышанный им у камина в Хоббитшире, Фродо, несмотря на все огорчения, улыбался, и настроение у него от этого стало лучше, и сил прибавилось.

— Жаль, что их нет, — сказал он. — Нам бы сюда тысячу олифанов и Гэндальфа на белом олифане впереди! Тогда бы мы сами протоптали дорогу в эту зловредную страну. Но у нас только свои усталые ноги. Трудно, и ничего не поделаешь. Ладно, Смеагол, на все дается три попытки, может быть, третья окажется удачной. Я пойду за тобой.

— Добрый господин, хороший хоббит! Мудрый господин! — запричитал обрадованный Голлум и принялся гладить колени Фродо. — Хороший господин. Сейчас хоббитам надо отдохнуть, пусть добрые хоббиты лягут в тень под камень, поближе к камню. Пospите, пока Желтое Лицо не уйдет. Потом пойдем быстро-быстро. Тихо-тихо пойдем, как тени.

Глава четвертая. О ТРАВАХ И РАГУ ИЗ КРОЛИКА

Остаток дня они провели в воронке, прячась в тени. Потом тень удлинилась, накрыла всю воронку, и пустыня стала темно-серой. Хоббиты съели по кусочку лембаса и пригубили фляги с остатками воды. Голлум есть опять отказался, только воду пил охотно.

— Скоро будет много воды, — сказал он, облизывая губы. — Хорошая вода течет с гор в Великую Реку, вкусная вода там, куда мы идем. Может быть, Смеагол найдет там еду. Он голодный, голм-голл, очень голодный, изголодался Смеагол.

Плоские ладони его при этих словах легли на впалый живот, а в глазах появился бледный зеленый блеск.

Когда они, наконец, решились выползти из ямы, темнота сгустилась, и три их тени растворились в ней. До полнолуния оставалось дня три, луна пока пряталась за горами, и было темно. Высоко на одной из башен, прозванных Зубами Мордора, горел красный огонек. Не слышно было ни сигналов, ни голосов, ничто не выдавало, что на Моранноне стоит бессонная стража.

Огонек, словно красный глаз, долго провожал их, будто следил, как они бегут, спотыкаясь, по камням и осыпям предгорья. На дорогу выходить они не отважились, только старались все время держаться к ней поближе и по возможности идти слева от нее. За всю ночь решились сделать лишь один краткий привал. Красный огонек-глаз превратился в маленькую точку, а потом, уже под утро, пропал, когда они обогнули темную гору и направились на юг.

Почему-то они почувствовали облегчение и даже позволили себе ненадолго остановиться, чтобы перевести дух, но отдохнуть как следует не удалось. Только-только они устроились на привал, как Голлум снова заторопил их в путь. По его расчетам, от Мораннона до Перепутья за Осгилиатом было около тридцати гонов, и он надеялся пройти это расстояние за четыре перехода. И вот они встали и шли до тех пор, пока свет не облил серую пустошь. Гонов восемь они за ночь преодолели, но больше не смогли бы, наверное, сделать ни шагу, даже если бы не боялись идти днем.

Когда рассвело окончательно, они увидели, что вокруг уже не так пусто и голо. Слева грозно вздымались к небу горы, справа дорога поворачивала на запад, к пологим холмам с редкими купами темных деревьев. Неровный склон, по которому они шли, зарос вереском, в нем торчали редкие кусты раkitника, иногда кизил и еще какие-то растения — их хоббиты первый раз в жизни видели. Повыше группами стояли стройные сосны. Местность слегка напоминала им холмы Северного Удела.

Хоббиты с удовольствием вдыхали свежий душистый воздух, на душе становилось легче. Они чувствовали себя так, будто им объявили об отсрочке исполнения страшного приговора, и наслаждались видом живой земли, доставшейся Черному Властелину всего несколько лет назад и не успевшей превратиться в гниющие пустоши. При этом все понимали, что Черные Врата еще совсем рядом за темной горой, что надо быть осторожными и не забывать об опасности.

Путники остановились, осмотрелись и стали искать место, где можно было бы укрыться до ночи, не боясь, что их увидят, и нашли приют в буйных зарослях вереска.

Время тянулось медленно. Тускло светило солнце. Сумрачные Горы отбрасывали густую тень. Фродо несколько раз ненадолго засыпал. Может быть, он доверял Голлumu, а может, просто был слишком измучен, чтобы беспокоиться. Сэм, наоборот, только подремывал, а крепко заснуть так и не смог, даже когда убедился, что Голлум спит, как сурок, всхлиывая и вздрагивая, будто ему снятся кошмары. Может быть, сон не шел не столько из-за волнения и вечной настороженности, сколько из-за голода — уже давно хоббит тосковал по настоящей горячей пище, «из кастрюльки».

В дальнейший путь они пустились, когда зашло солнце и все вокруг стало серым и потеряло очертания. Голлум вскоре вывел их на южную дорогу; идти пришлось быстро, так как на дороге их могли заметить. Все трое прислушивались к каждому шороху, боясь услышать топот копыт, но прошла еще одна ночь, а ни пеших, ни конных врагов они не встретили.

Дорога была построена в давно минувшие времена. Около Мораннона ее, вероятно, недавно чинили, но уже милях в тридцати от ворот начинались разрушения, и чем дальше, тем сильнее дикая природа брала верх над творением человеческих рук. Древняя дорога была каменной, некогда идеально прямой и ровной. Она стрелой прорезала горные отроги и холмы, над ручьями и оврагами выгибались стройные и прочные арки мостов. Сейчас камни где выщербились, где стерлись, поваленные столбы заросли мохом и скрылись в густом кустарнике, трава покрыла не только обочины, а и саму дорогу, которая превратилась в нехоженный проселок, но и он никуда не

сворачивал и не изгибался, вел прямо на юг.

По этой дороге они дошли до северной границы местности, которую люди когда-то называли Итилиэн. Был это красивый край горных лесов и быстрых потоков. Ночь прояснилась, светила полная луна, искрились звезды, хоббитам казалось, что воздух пахнет все приятнее. По бурчанию и сопению Голлума они поняли, что он все замечает, но никакого удовольствия он не выражал и Белое Лицо проклинал по-прежнему. Рассвет застал их в глубоком и длинном ущелье. Путники дошли до его конца и поднялись на обрыв осмотреться.

Занимался день. Склоны гор были здесь пологими, вершины отступали далеко на восток, а на западе видна была широкая долина, подернутая золотистой утренней дымкой. Вокруг были деревья, небольшие рощицы, отделенные друг от друга лугами, а среди пахнущих смолой пихт, кедров и кипарисов стояли деревья, невиданные в Хоббитшире. Лужайки заросли душистым многотравьем. Далеко был Райвендел, еще дальше — родной Хоббитшир, климат тут был совсем другой, и это чувствовалось. Здесь уже хлопотала весна, из мха и дерна торчали молодые побеги, на лиственницах светлели новые веточки, в траве пестрели мелкие цветы, пели птицы. Итилиэн, сад Гондора, давно обезлюдевший и одичавший, сохранил обаяние растрепанной дриады.

С юга и с запада от Итилиэна лежала теплая долина Андуина, от восточных бурь ее заслоняла стена Сумрачных Гор Эфел Дуат, с севера защищало Нагорье Эмин Муйл, с юга дули жаркие ветры, насыщенные морской влагой. Много было здесь деревьев-гигантов, медленно старевших в окружении многочисленного потомства; густо росли тамариски, смолистые туи, маслины и лавры. Попадались можжевельники и мирты, кустился тимьян, покрывая камни толстым зеленовато-сиреневым ковром. Красным, голубым и бледно-зеленым цвели шалфеи, полно было дикой петрушки и майорана. Сэм нашел еще много душистых трав, которые не росли в родных садах и огородах. Открытые камни уже украсились звездочками камнеломки и заячьей капусты, на полянках под орешником распустились примулы и анемоны, а там, где горные речки разливались в желобках и ямках и отдыхали в синих озерцах по пути в Андуин, в густой темной траве качались полураскрытые лилии и блестели чашечки златоцветника.

Путники сошли с дороги и спустились немного ниже по горному откосу, вдыхая пряные запахи, путаясь в густой траве. Голлум фыркал, кашлял и плевался, а хоббиты дышали полной грудью; один раз Сэм даже вслух рассмеялся от избытка чувств.

Чтобы не сбиться с пути, пошли вдоль ручья, резво сбежавшего в долину, и он привел их к чистому озерцу в плоской котловинке: вода заполнила старый каменный резервуар, его резные края заросли мхом. Рядом рос шиповник, торчали саблевидные побеги ириса, на темной поверхности воды раскинулись плоские листья водяных лилий. Озерцо было глубокое и холодное; из него, переливаясь через каменный порог, ручей бежал дальше по долине.

Хоббиты умылись и всласть напились чистой свежей воды. Потом стали искать подходящее место, чтобы спрятаться, потому что, как ни красива была эта земля, ею владел Враг. Не успели они далеко отойти, как уже наткнулись на следы давних войн и на свежие раны, нанесенные природе орками и другими подлыми прислужниками Черного Властелина: открытую яму, заваленную объедками и мусором, подрубленные деревья, оставленные медленно умирать, свежие надрезы на коре, изображение зловещего Глаза, уродливые руны.

Сэм отошел от озерца, трогая и нюхая незнакомые растения, — и на минуту забыл о близости Мордора, но тут же получил новое зловещее напоминание: круг выжженной травы, а посередине обгорелые кости и черепа. Следы огня были довольно свежими, зелень не успела их скрыть; костей было много. По-видимому, здесь не однажды убивали и пировали. Сэм поспешно вернулся к своим спутникам и про то, что нашел, не сказал ни слова. Он не хотел тревожить кости и не хотел, чтобы Голлум в них рылся.

— Надо бы прилечь, — сказал он. — Но здесь, внизу, сыровато; пойдемте повыше.

Выше они нашли полянку, заросшую папоротниками. Над ней росло несколько лавров с блестящими листьями, а еще выше на склоне стоял старый кедровник. День обещал быть погожим и теплым. В такой день хорошо просто гулять по лесам и полянам Итилиэна, но тут вполне могли оказаться орчьи засады, да и кроме орков вокруг было много врагов — Саурон не считал своих слуг. И Голлум не согласится двинуться с места, пока светит Желтое Лицо. Скоро оно выглянет из-за темных гребней Эфел Дуата, и Голлум сразу съжится в клубок, прячась от тепла и света.

Сэма уже давно беспокоил вопрос пропитания. Теперь, когда они давно отошли от страшных Ворот, он, в отличие от своего хозяина, стал задумываться, что с ними будет после завершения Похода. Здравый смысл подсказывал ему, что пора искать еду в лесу, а эльфийские сухари приберечь до

более трудных времен, которые наверняка наступят. С тех пор, как он высчитал, что lembasов хватит не больше, чем на три недели, шесть дней уже прошло.

«Нам повезет, если сумеем быстро добраться до Огненной Горы, — думал Сэм. — А может быть, даже возвращаться будем, кто знает?»

После ночного перехода и умывания Сэм ощущал голод острее, чем обычно. Воображение рисовало ему завтрак, а еще лучше ужин в кухне старого дома на Пронырной Улице. Кое-что уже пришло ему в голову, и он быстро повернулся к Голлуму, который как раз собирался уползти куда-то на четвереньках под папоротниками.

— Эй, Голлум, — окликнул Сэм. — Ты куда? На охоту? Слушай, старый нюхало, тебе не нравятся наши сухари, но и мы не против положить в рот что-нибудь посвежее. Ты вот все твердишь: «Всегда готов помогать», да? Так не мог бы ты найти в лесу что-нибудь подходящее для голодного хоббита?

— Да, да, может быть, — ответил Голлум. — Смеагол всегда помогает, если его просят... Если вежливо просят.

— Ну, ладно, — сказал Сэм. — Считаю, что я тебя вежливо попросил, а если мало, то покорно прошу!

Голлум скрылся. Его долго не было. Фродо съел пару кусочков lembаса, закопался поглубже в бурый папоротник и уснул. Сэм сидел и смотрел на хозяина. Дневной свет с трудом проникал под деревья, но лицо Фродо и руки, спокойно лежащие на папоротнике, Сэм видел отлично. Ему припомнилось, как давным-давно Фродо лежал тяжело раненный в Доме Элронда. Еще там, ухаживая за ним, Сэм обратил внимание, что иногда от него как бы исходит чуть заметный свет. Сейчас он увидел то же самое, только ему показалось, что свет ярче. Лицо Фродо было спокойным, выражение страха и заботы полностью с него сошло; но оно стало старше. Оно было мудрым и красивым, будто долгие годы тонким резцом подправили и облагородили его, хотя, в общем, черты остались прежними. Сэм не стал во всем этом разбираться до тонкостей, а покачал головой, будто слов не хватило, и еле слышно шепнул сам себе: «Люблю я его. Уж такой, как есть, иногда вот светится. А хоть светится, хоть нет, все равно люблю».

Голлум бесшумно подошел и заглянул из-под руки Сэма в лицо Фродо, но тут же прикрыл глаза и попятился. Когда Сэм через минуту пошел за ним, Голлум уже сидел под кустом, что-то жевал и бормотал. На земле перед ним лежало два крольчонка, и он время от времени поглядывал на них с зелеными огоньками в глазах.

— Смеагол всегда помогает, — сказал он. — Смеагол принес кроликов, вкусные кролики. Но господин спит, Сэм, наверное, тоже хочет спать и не хочет сразу есть кроликов? Смеагол очень старался помочь, но за одну минуту дичь поймать трудно.

Сэм совсем не считал, что завтракать поздно, и постарался объяснить это Голлуму. Тем более, что он уже предвкушал... рагу из кроликов! Все хоббиты неплохо готовят, это умение им родители прививают еще до обучения грамоте (тем более, что до грамоты доходит не каждый), — но Сэм был большим мастером кулинарии даже по хоббичьим меркам; а в этом путешествии приобрел навыки приготовления вкусных блюд почти из ничего. Даже сейчас, не теряя надежды на лучшие дни, он таскал в заплечном мешке «кухонный набор»: трут, огниво, два плоских котелочка, один из которых помещался в другом, деревянную ложку, двузубую вилку и пару острых спиц вместо вертела. Самым ценным его имуществом был деревянный коробок на самом дне мешка с остатками соли. Не хватало только очага и приправ. Сэм вытащил нож, вытер его, заточил на камне и принялся свежевать кроликов, прикидывая в уме, что делать дальше. Он не хотел оставлять спящего Фродо одного ни на минуту.

— Знаешь что, Голлум, — сказал он, — у меня для тебя еще есть работа. Сходи набери воды в котелки.

— Хороший Смеагол принесет воду, — ответил Голлум. — Но зачем хоббиту вода? Он уже напился и умылся.

— Поменьше рассуждай, — сказал Сэм. — Скоро узнаешь. Чем скорее принесешь, тем скорее поймешь. И не испорти мои кастрюльки, а то я из тебя котлеты сделаю.

Голлум ушел, а Сэм снова посмотрел на Фродо. Тот спал спокойно, как и раньше, но теперь Сэма поразила его необычная худоба. «Досталось ему, бедняге, — сказал про себя Сэм. — Разве так должен выглядеть хоббит? Как только приготовлю рагу, сразу его разбужу».

Сэм навалил кучу самого сухого папоротника, насобирав мелкий палочек и стеблей травы, нашел сломанную кедровую ветку, которая могла долго гореть, потом вырыл небольшое углубление в

земле, положил туда топливо и быстро высек огонь. Маленький костерок почти не дымил, но в воздухе разнесся приятный запах. Сидя на корточках, Сэм подкладывал в костер новые палочки, когда на поляне появился Голлум с полными котелками воды. Боясь ее расплескать, он осторожно поставил котелки на землю, и тут заметил, чем занят Сэм. Раздался злой и испуганный визг.

— Не надо! Глупый хоббит, несообразительный, да, недогадливый! Этого нельзя делать!

— Чего нельзя делать? — удивился Сэм.

— Гадкие красные язычки! — зашипел Голлум. — Огонь! Опасно! Жгут, убивают! Может заметить Враг, да, да, заметит и придет!

— Ничего подобного, — ответил Сэм. — Ничего не будет, если костер не задымит; а он не задымит, если не совать в него сырых листьев. И вообще, будь что будет. Ради кроликов можно рискнуть. Надо же их поджарить!

— Поджарить кроликов? — обиделся Голлум. — Испортить вкусное мясо, которое отдал Смеагол, несчастный голодный Смеагол? Зачем? Зачем, глупый хоббит? Кролики молоденькие, мягкие, сочные. Ешь их так, ешь так!

И Голлум схватил одного из освежеванных кроликов.

— Успокойся, — сказал Сэм. — Что одному — мед, другому — отрава. У тебя в горле застревает наш хлеб, а я сырым кроликом подавлюсь. Если ты принес мне кролика в подарок, он уже мой, я могу готовить его, как хочу. И я его приготовлю. А ты не шпионь. Поймай себе еще одного и ешь на здоровье по-своему, только уйди с моих глаз. Тебе не будет видно костра, а мне не придется смотреть на тебя, и обоим будет хорошо. Я прослежу, чтобы дыма не было, раз уж ты так боишься.

Голлум заворчал и, пятясь, заполз в папоротник. Сэм занялся кроликами и котелками. «Для приготовления рагу, — рассуждал он про себя, — хоббиту нужна зелень и кое-какие корешки, а лучше всего клубни, не говоря уже о хлебе. Здесь, кажется, придется обойтись одной травой».

— Голлум! — негромко позвал он. — У меня к тебе еще одна просьба: поищи мне трав! Нужна пара лавровых листочков, горсточка тимьяну и пучок шалфея, только поскорее, пока вода не закипела.

— Нет, нет! — ответил Голлум, высовывая голову из папоротников и всем своим видом изображая брезгливость. — Смеагол недоволен, Смеагол не любит, когда трава пахнет. Не надо ни травы, ни корешков, Смеагол их не ест, он их может есть только если умирает с голоду или очень заболел, бедный Смеагол!

— Вот я разварю Смеагола в кисель, если он не сделает того, о чем я его вежливо прошу! — прикрикнул на него хоббит. — Сэм сунет твою башку в кипяток, Прелесть моя. Будь сейчас другое время года, я послал бы бедного Смеагола за репой, морковкой и картошками, ибо бьюсь об заклад, в этой земле много разных диких овощей. Дорого бы я дал сейчас за полдюжины клубней!

— Смеагол за ними не пойдет, Смеагол сейчас никуда не пойдет, — зашипел-запричитал Голлум, — Смеагол боится, и он очень устал, а хоббит злой, да, да, недобрый хоббит. Смеагол не будет копать корни и клубни. А что это такое — кар-тош-ки?

— Кар-то-фель, — ответил Сэм. — Любимая еда моего Старика и лучший способ набить пустой желудок. Но сейчас если даже поискать, здесь его, конечно, нет. Принеси, пожалуйста, немного зелени, чтобы я стал лучше о тебе думать. Если будешь хорошо себя вести и докажешь свою преданность, то обещаю когда-нибудь потом приготовить тебе картошку так, что ты пальчики оближешь. Жареная рыба с картофельной соломкой — фирменное блюдо Сэма Гэмджи. Уж этим ты бы не побрезговал.

— А вот и побрезгую! Испортишь вкусную рыбу своим жарением. Дай мне сырую рыбку, а сам ешь свою солому.

— Ты неисправим, — заключил Сэм. — Иди спать.

Пришлось обходиться без помощи Голлума, благо не надо было далеко ходить за травами — все, что требовалось, росло на полянке.

Некоторое время Сэм сидел, следя за костром и котелками. Шло время, воздух постепенно согревался, роса высохла. Кролики шипели, трава пахла, хоббит разомлел и чуть не заснул. Когда рагу было готово, Сэм отставил котелки в сторону и пошел к хозяину. Его тень упала на Фродо, тот сначала приоткрыл глаза, а потом и совсем проснулся.

— Что случилось, Сэмми? — спросил он. — Ты почему не отдыхаешь? Который час?

— Позднее утро, — ответил Сэм. — По часам в Хоббитшире было бы, наверное, полдевятого. Ничего плохого не случилось, и хорошего тоже мало, потому что у меня нет картошки, и тарелок тоже нет, и лука. Но все равно я сейчас вам подам горячий завтрак прямо в кастрюльке, вот только остынет малость. Можно из кружек поесть и попить соус, хотя накрыть стол, как положено, я, к сожалению, не смогу.

Фродо зевнул и потянулся.

— Тебе бы тоже надо поспать, — сказал он. — Не стоило здесь жечь костер, это я не доглядел. Есть, конечно, хочется изрядно... Хм... здесь, правда, чем-то пахнет! Что ты приготовил?

— Подарок Смеагола, — ответил Сэм. — Пара крольчат. Кажется, Голлум уже жалеет о своей щедрости. Только в рагу ничего, кроме травы, нет.

Оба хоббита уселись рядом и принялись уплетать то, что Сэм называл «рагу», прямо из котелков, по очереди пользуясь ложкой и вилкой. Для полного удовольствия поделили еще один лембас на двоих. Давно они так не пировали!

— Эй, Голлум! — позвал Сэм и тихо присвистнул. — Иди сюда. Даю минуту на размышление. Будешь пробовать тушеного кролика? Последний кусок!

Из кустов никто не ответил.

— Ну пусть; наверное, он пошел еще раз поохотиться, — предположил Сэм. — Доедим без него.

— А потом все-таки поспишь, — сказал Фродо.

— Только вы не спите, хозяин, пока я вздремну, — попросил Сэм. — Совсем я не уверен в этом Смеаголе. Тот Злодей в нем все-таки сидит, и похоже, что опять берет верх над Вонючкой. Если сможет, он меня первого задушит. Не подходим мы с ним друг другу, Смеагол не любит Сэма, ох, не любит, Прелесть моя!

Они съели все, и Сэм пошел к ручью помыть котелки. А когда сполоснул их и распрямил спину, то посмотрел в небо. Солнце вырвалось из Черной Тени, стоявшей над Мордором, золотило верхушки деревьев и открытые поляны. И в его блеске в небо поднималась тонкая, но хорошо различимая голубоватая струйка дыма. Поднималась она с того места, где они только что завтракали. Сэм с ужасом смотрел на дым, ибо сообразил, что это дымит его полевая кухня, потому что он забыл загасить костер.

— Вот так штука! Кто бы подумал, что будет столько дыма? — воскликнул он и поспешил на поляну.

По дороге остановился и прислушался. То ли ему показалось, то ли на самом деле неподалеку кто-то свистнул. Птица, что ли? Свист слышался не с той стороны, где сидел Фродо. И вот еще раз кто-то свистнул, совсем с другой стороны. Сэм помчался на поляну со всех ног.

Оказалось, что от ветки, выпавшей из костра, затлела трава, загорелся папоротник и начал дымиться дерн. Хоббит быстро затоптал костер, разбросал пепел, закрыл место костра влажным дерном, потом полез в заросли папоротника к Фродо.

— Слышали свист, хозяин? — спросил он. — С одной стороны свистели, а с другой кто-то ответил. Хотелось бы думать, что это птицы, но больше похоже на то, что кто-то подражал птицам. Это мой костерок наделал беды. Я себе никогда-никогда этого не прощу, если, конечно, жив останусь!

— Тише! — шепнул Фродо. — Кажется, я голоса слышу.

Хоббиты завязали мешки, готовые быстро удрать, если понадобится, заползли поглубже в папоротник и прислушались. Сомнений не оставалось: все ближе слышались голоса, приглушенные и осторожные, но достаточно ясные.

Здесь! Дым шел отсюда, — говорил один. — Точно из этого места. Он, наверное, спрятался в папоротнике, как кролик. Тут мы его и возьмем. Узнаем, кто это.

— И узнаем, что ему известно, — добавил второй.

К зарослям папоротника с четырех сторон подошло сразу четверо. Ни убегать, ни прятаться дальше не имело смысла. Фродо и Сэм вскочили на ноги, выхватили мечи и стали спинами друг к другу.

То, что они увидели, их очень удивило, а нападающие удивились еще больше. К хоббитам подходили

четыре рослых человека. У двоих в руках были копья с блестящими плоскими наконечниками, у двух других — луки размером с них самих, и в колчанах — длинные стрелы со светло-зеленым оперением, у всех четверых — мечи у пояса. Одеты они были в зеленые плащи разных оттенков, вероятно, чтобы казаться незаметнее на зеленых полянах. На руках были зеленые перчатки, на лицах под капюшонами — зеленые маски, только светлые глаза смотрели открыто и ясно. Фродо сразу вспомнил Боромира, на которого эти люди были похожи ростом, статью и речью.

— Нашли, да не то, что искали, — сказал один из них. — Как ты думаешь, кого мы нашли?

— Во всяком случае, не орков, — сказал другой, снимая руку с рукояти меча, к которой он потянулся, когда Фродо вытаскивал Жало.

— Это не эльфы? — с сомнением спросил третий.

— Нет, не эльфы, — ответил четвертый, самый высокий и, похоже, старший из них. — Эльфы давно не ходят сюда. И говорят, что эльфы очень красивы.

— Если я правильно понял, ты хочешь сказать, что красотой мы не отличаемся, — вмешался Сэм. — Спасибо за комплимент. Когда закончите беседу о нас, пожалуйста, сообщите, кто вы такие и почему мешаете отдыхать усталым путникам?

Высокий человек невесело засмеялся.

— Я Фарамир, капитан гондорского войска, — ответил он. — Но в этих краях путников не бывает, здесь только слуги Черного Замка или Белой Башни.

— Мы ничьи не слуги, — отозвался Фродо. — Мы путники, хотя капитан Фарамир, как видно, не хочет в это верить.

— Быстро отвечайте, кто вы и зачем пришли! — приказал Фарамир. — У нас свои дела, сейчас не время и не место для загадок и отгадок! Говорите! Где ваш третий?

— Третий?

— Да, третий, который прятался в воде, только нос сверху торчал и злые глаза. Шпион, наверное, какая-нибудь разновидность орчьего племени или их прислужник. Ускользнул, как змей.

— Я не знаю, куда он подевался, — сказал Фродо. — Это наш случайный спутник, мы встретились в дороге. Он сам по себе. Если вы его поймаете, я только попрошу, не обижайте. Пусть идет куда хочет, или приведите его к нам. Это несчастная, жалкая тварь, но я временно за ним присматривал. Что же касается нас, то мы — хоббиты из Хоббитшира, далекой страны, куда надо идти через много рек на север и на запад отсюда. Меня зовут Фродо сын Дрого, а это — Сэммиум сын Хэмфаста, честный хоббит у меня на службе. Мы прошли долгий путь из Райвендела, который называют еще Имладрисом.

При этом слове Фарамир вздрогнул и насторожился.

Фродо продолжал:

— С нами вышли еще семеро. Одного мы потеряли в Мории, с остальными расстались на Луговине Парт Гален, недалеко от водопадов Рэрос. Среди них было два моих соотечественника, а также гном, эльф и два человека — Арагорн и Боромир, который говорил, что он родом из южного города Минас Тирит.

— Боромир! — воскликнули люди.

— Боромир сын Денэтора? — спросил Фарамир, и лицо его стало странно торжественным. — Так вы путешествовали с Боромиром? Это большая новость, если вы сказали правду. Знайте, маленькие чужеземцы, что Боромир сын Денэтора был верховным стражем Белой Башни, нашим главным военачальником; нам его очень не хватает. Кто же вы такие, и что у вас было с ним общего? Говорите скорей, а то солнце уже высоко.

— Известны ли вам тайные слова, значение которых Боромир пытался узнать в Райвенделе? — спросил Фродо. — «Сломанный Меч ищи. Он лежит в Имладрисе до срока...»

— Эти слова нам известны, — удивленно ответил Фарамир. — И то, что ты их знаешь, уже подтверждает, что ты не солгал.

— Арагорн, о котором я упоминал, носит у пояса Перекованный Меч, — сказал Фродо. — А мы — те самые невысокликы, об одном из которых говорится в Предсказании.

— Вижу, — сказал Фарамир. — Вернее, вижу, что вам подходит это прозвище. Но что такое

«Проклятие Исилдура»?

— Это пока тайна, — ответил хоббит. — Она раскроется со временем.

— Ты должен будешь рассказать нам подробнее обо всем этом и о делах, которые привели тебя столь дальним путем в Тень Тьмы, — воин указал на горы, не называя их, — но сейчас на это нет времени. У нас здесь неотложное дело. А вы могли погибнуть. Сегодня вам не удалось бы далеко уйти ни по дороге, ни бездорожьем. Раньше, чем солнце окажется в зените, у оврага начнется жестокая битва. Спаситесь вы могли бы, только быстро отступив к Андуину. Сейчас, ради вашей и своей безопасности, я оставляю с вами двоих солдат. Здравый смысл подсказывает мне, что нельзя полностью доверять чужеземцам, случайно встреченным в этих местах. Если я вернусь живым, мы еще побеседуем.

— Возвращайся с удачей! — пожелал ему Фродо, низко кланяясь. — Что бы ты обо мне ни думал, я — друг врагов нашего общего Врага. Мы бы пошли с тобой, если бы могли надеяться, что большим и храбрым людям пригодятся маленькие хоббиты, но мой долг не позволяет мне сейчас рисковать собой. Пусть солнце отразится в ваших мечях!

— Оказывается, невысоклики учтивы, — ответил Фарамир, — и знают рыцарские обычаи. Я рад. Будьте здоровы.

Хоббиты снова сели на папоротник. Рядом с ними в тени лавра остались два охранника. Было жарко, охранники время от времени снимали зеленые маски, тогда Фродо видел их лица, серьезные, мужественные, доброжелательные, сероглазые, со светлой кожей, обрамленные темными волосами. Говорили они между собой негромко, сначала на Всеобщем языке, но с несколько устаревшими выражениями, потом перешли на свой язык, и Фродо с удивлением заметил, что он мало отличается от языка эльфов. Рассматривая их внимательно, Фродо вдруг понял, что это, должно быть, южные дунаданы, потомки выходцев с Заокраинного Запада.

Сидеть молча хоббитам скоро надоело, и Фродо попытался заговорить с людьми сам, но они отвечали ему неохотно и осторожно. Себя они называли Маблунг и Дамрод. Это были гондорские солдаты, которых послали на разведку в Итилиэн, потому что их предки жили здесь, пока Враг не завладел этим краем. Из таких людей Правитель Денэтор создавал отряды, которые тайно переправлял через Андуин (как именно, они отказались рассказывать хоббитам), а здесь они должны были наводить страх на отряды орков и другие банды, бродящие между Рекой и Сумрачными Горами.

— Отсюда до восточного берега Великой Реки не меньше десяти гонов, — сказал Маблунг. — Мы редко заходим так далеко. Но сейчас у нас особое задание. Мы должны ждать в засаде войско из Харата, чтоб их пески вымерзли!

— Будь они прокляты! — сказал Дамрод. — А ведь когда-то гондорцы и харатцы жили в мире. Особой дружбы между нами не было, но отношения были добрососедскими. Наши границы проходили тогда через устье Андуина. Нас признавал Умбар, ближайшее государство с той стороны. Но это было давно. С тех пор сменилось много поколений. Потом до нас дошли слухи, что Враг побывал у них, и они перешли на его сторону. Может быть, не перешли, а лучше сказать, вернулись, потому что он всегда был сильнее, а они могли служить ему раньше, как многие другие восточные племена. Не хочется верить, но похоже, что дни Гондора сочтены, а стены Минас Тирита обречены на разрушение, ибо сила и подлость Черного Властелина безграничны.

— Однако мы не собираемся сидеть сложа руки и позволять ему творить все, что он хочет, — продолжил Маблунг. — Сейчас проклятые южане по древним дорогам стягивают войска в Черную Крепость. Враги Гондора топчут старые гондорские дороги! Мы узнали, что они сейчас идут без разведки, уверенные, что их новый хозяин так силен, что тень его гор охранит их в пути. А мы их проучим! Пару дней назад наша разведка донесла, что к северу движутся новые полки. Один из них, по нашим расчетам, еще до полудня выйдет на горный участок дороги, который проходит тут через ущелье. Дорога-то проходит, но они не пройдут! Во всяком случае, пока Фарамир стоит во главе нашего отряда. Он храбр, сам всегда впереди — и остается цел, то ли его жизнь заколдована, то ли судьба щадит его в бою, потому что уготовила ему другой конец...

Разговор прервался, люди и хоббиты объединились в напряженном ожидании и стали прислушиваться. Сидевший с краю Сэм высунул голову из гущи папоротника и пытался разглядеть, что делается вокруг. Зоркими хоббичьими глазами он заметил, что трава будто оживает, потом понял, что это солдаты; много солдат длинными шеренгами и поодиночке пробирались, где ползком, где бегом, вверх по склону, а там растворялись в тени деревьев, все в зеленом, так что их трудно было заметить. Одеты и вооружены они были так же, как Фарамир и его спутники. Солдаты

прошли и скрылись. На полянах даже тени почти исчезли, так высоко поднялось солнце.

«Интересно, куда девался этот колченогий Голлум? — думал Сэм, снова залезая в папоротники. — Его вполне могут принять за орка, или Желтое Лицо его живьем испечет. Но он, наверное, выкрутится без нашей помощи», — Сэм лег рядом с Фродо, чувствуя, что глаза слипаются.

Проснулся он от звука боевых рогов и сел. Был яркий день. Охранники, насторожившись, стояли под лавровыми деревьями. Рога звучали откуда-то сверху. Сэму показалось, что он различает также крики и дикий вой, но приглушенно, как из пещеры. Потом шум битвы стал раздаваться совсем близко, Сэм слышал звон мечей, ударяющих о железные шлемы, глухие удары копий о щиты. Люди кричали, и один сильный голос взвился над остальными:

— Гондор! Гондор!

— Можно подумать, что сто кузнецов бьют по наковальням, — произнес Сэм, обращаясь к Фродо. — Хоть бы сюда не подходили, мне и так не по себе.

Но шум нарастал — бой приближался.

— Идем! — крикнул Дамрод. — Смотрите! Отряд южан вырвался из западни и пробивается к дороге. Они идут сюда! Наши за ними, их ведет Капитан.

Любопытный Сэм подбежал к охранникам и, поборов страх, вскарабкался на ветку лавра. Увидел он, как с Горы в долину потоком стекала толпа одетых в красное темнолицых людей, а за ними неслись зеленые воины, рубя мечами тех, кого настигали. Стрелы свистели в воздухе. Вдруг один из вражеских воинов рухнул с обрыва и, подминая кустарник, скатился прямо в папоротник, почти на хоббитов, лицом вниз. Под золотым ожерельем из шеи у него торчала стрела с зеленым оперением. Красная рубаха была разорвана, панцирь из крупных медных пластин местами продавлен и разрублен. Черные волосы, сплетенные в косу и перевитые золотыми нитями, слиплись от крови. В смуглой руке он еще сжимал рукоять сломанного меча.

Сэм впервые видел бой людей с людьми, и зрелище это ему не понравилось. Он был рад, что не видно лица убитого. Как звали этого человека, откуда он пришел, действительно ли был злодеем? А может, его обманули, силой погнали в далекий поход? Кто знает, если бы у него был выбор, он, возможно, остался бы спокойно жить среди своих.

Все эти вопросы мгновенно пронеслись в голове Сэма, но не задержались в ней, потому что в то мгновение, когда Маблунг сделал шаг к убитому южанину, послышался новый взрыв криков, трубный звук, треск ломаемых деревьев и глухие удары, от которых дрожала земля, словно в нее вбивали сваи.

— Берегись! — закричал Дамрод товарищу. — Да отведут его Валары! Мамун! Мамун!..

С изумлением, страхом и восторгом смотрел Сэм, как из-за деревьев вырвался огромный невиданный зверь и пустился вниз по склону. Он был больше, чем дом, а хоббитам показался горой. Конечно, в глазах Сэма его размеры выросли из-за страха, но мамун из Харата в самом деле был гигантом — во всем Средиземье ничего подобного не встречается. Живущее сейчас его потомство дает лишь слабое представление о росте и силе своих предков.

Он бежал прямо на хоббитов, но в последнее мгновение покачнулся, свернул и промчался в двух шагах от них. Земля под ним тряслась, ноги у него были толстые, как бревна, уши напоминали серые рваные паруса, нос был похож на большую змею, поднявшуюся, чтобы ужалить, маленькие красные глазки горели злобой. По изогнутым, похожим на рога клыкам, украшенным золотыми обручами, текла кровь. Пурпурная с золотом попона свисала клочьями. На спине у него раскачивалось нечто похожее на башню, это сооружение задевало за деревья и разваливалось на глазах. А перед башней лежал пригвожденный копьём к коже гиганта человек: на земле он был бы могучим воином, гигантом среди южан, а на хребте зверя казался маленьким. Похоже, он был мертв.

Ослепленный страхом и яростью зверь ломился через кусты и заросли, как буря, не замечая преград. Стрелы отскакивали от его толстой шкуры. Люди разбегались перед ним, а те, кого он настигал, погибали, вдавленные в землю. Зверь исчез так же стремительно, как и появился, только трубный рев и топот ног некоторое время доносился издали.

Шум боя тоже вскоре затих.

Сэм так и не узнал, какая судьба постигла мамуна: может быть, ему удалось пожить на свободе, а потом он погиб вдали от родины, — упал в глубокую яму или утонул в Великой Реке...

Сэм громко вздохнул.

— О-ли-фа-ан! — произнес он. — Значит, они существуют, и я своими глазами одного видел. Вот это да! Но дома все равно никто не поверит. Ладно, зрелище, кажется, кончилось, теперь хорошо бы поспать.

— Спи, спи, пока можно, — сказал Маблунг. — Скоро вернется Капитан, если уцелеет в бою, и сразу прикажет выступать, потому что, когда весть о засаде дойдет до Врага, за нами будет погоня. Времени терять нельзя.

— Ну и идите, если вам надо, — буркнул Сэм, — только меня не будите, я и так целую ночь шагал.

Маблунг засмеялся.

— Не думаю, что Капитан тебя здесь оставит, господин Сэммиум, — сказал он. — Впрочем, сам увидишь.

Глава пятая. ОКНО НА ЗАПАД

Сэму показалось, — когда его разбудили, — что он не поспал и минуты. Но уже полдень прошел, Фарамир вернулся и привел с собой много людей. Все, оставшиеся в живых после боя, собрались на склоне: было их две или три сотни. Они широким полукругом сидели на земле, в центре расположился Фарамир. Фродо стоял перед ним, и вся картина была похожа на допрос пленника.

Сэм выбрался из папоротника, на него никто не обратил внимания, и он присел с краю, чтобы лучше все видеть и слышать. Смотрел и слушал он очень внимательно, готовый, если понадобится, в любую минуту вскочить и броситься на выручку хозяину. Теперь он рассмотрел лицо Фарамира, снявшего зеленую маску. Оно было суровым и властным, взгляд пронизательный и умный. Серые глаза, не отрываясь, смотрели на Фродо.

Сэм сразу понял, что рассказ его хозяина не убедил Капитана, и что многие подробности вызывают у него подозрение. Фарамир расспрашивал, какую роль играл Фродо в Отряде, вышедшем из Райвендела, почему он расстался с Боромиром, куда направляется сейчас. Несколько раз он настойчиво возвращался к загадке Проклятия Исилдура. Он явно чувствовал, что Фродо скрывает великую тайну.

— Из слов Предсказания получается, что Проклятие Исилдура снова будет нам угрожать именно тогда, когда появятся невысокликки, — сказал Фарамир. — Значит, если вы и есть те самые невысокликки, то наверняка это Проклятие, что бы оно собой ни представляло, принесли на Совет, о котором ты упомянул. Значит, и Боромир, который был на Совете у Элронда, его увидел. Так ли это?

Фродо не ответил.

— Выходит, я не ошибся! — сказал Фарамир. — Я хочу узнать от тебя как можно больше, ибо все, что касается Боромира, близко касается меня. Старинные Предания говорят, что Исилдур был убит орчьей стрелой. Но таких стрел тысячи, не мог Боромир, князь Гондора, принять стрелу за знак Рока. Ты носишь этот предмет с собой? Ты говоришь, что это тайна. Ты скрываешь ее по собственной воле?

— Нет, — ответил Фродо. — Моя воля тут ни при чем. Предмет мне не принадлежит. Он не принадлежит никому из смертных, ни великим, ни малым. Заявить на него свои права мог бы разве Арагорн сын Араторна, о котором я говорил, — он вел нас от самой Мории до водопадов Рэрос.

— Но почему предводителем был он, а не Боромир, князь страны, основанной сыновьями Элендила?

— Потому что Арагорн по прямой линии происходит от Исилдура сына Элендила. Перекованный Меч, который он носит, и есть Сломанный Меч Элендила.

Послышался ропот удивления. Воины повторяли:

— Меч Элендила! Меч Элендила возвращается в Минас Тирит! Великая новость!

Но лицо Фарамира оставалось невозмутимым.

— Может быть, это и правда, — произнес он, — но если Арагорн придет в Минас Тирит, ему придется подтверждать свое высокое происхождение. Мы выступили из города шесть дней назад, и я знаю, что до того времени ни его, и ни одного твоего спутника там не видели.

— Боромир не сомневался в правах Арагорна, — ответил Фродо. — Если бы Боромир тут был, он бы ответил на все твои вопросы. Прошло уже много дней с тех пор, как Боромир дошел с нами до водопадов Рэрос, а оттуда он собирался идти прямо в ваш Город; я думаю, что когда ты вернешься домой, то скоро удовлетворишь свою любознательность. Боромир, как и все остальные участники нашего Похода, знает, что мне надлежит делать, потому что задание мне дал сам Элронд, владыка Имладриса, в присутствии всего Совета. На меня возложили обязанности, которые привели меня сюда, но мне нельзя никому о них рассказывать, об этом я могу говорить только с членами Отряда. Тебе я могу сказать лишь то, что враги нашего Врага не должны мешать нам в пути.

Что бы ни творилось в душе Фродо в эти минуты, голос его звучал достойно, и Сэм его очень одобрял. Но Фарамира этот уверенный тон не убедил.

— Так вот оно что! — воскликнул он. — Ты советуешь мне заниматься своими делами и идти домой, а тебе разрешить идти своей дорогой. Боромир вернется и все объяснит. Говоришь, вернется? Был ли ты другом Боромира?

Фродо живо вспомнил, как Боромир на него напал, и на мгновение заколебался. Фарамир сурово смотрел на него.

— Боромир был доблестным воином и моим спутником, он входил в Отряд, — произнес Фродо. — Да,

я был ему другом.

Фарамир мрачно усмехнулся.

— Значит, тебя огорчило бы известие о его смерти?

— Очень бы огорчило, — сказал Фродо, но вдруг понял взгляд Фарамира и вскрикнул: — Как о смерти? Что это значит? Ты знаешь, что он умер или издеваешься надо мной, и твои слова — ловушка? Ты лжешь, чтобы подловить меня?

— Я даже орка не стал бы подлавливать ложью, — презрительно произнес Фарамир.

— Как он умер? Откуда ты узнал? Ты же только что сказал, что никто из нашего Отряда не дошел до вашего Города!

— О том, как он погиб, я надеюсь еще узнать у друга и спутника его последних дней.

— Он был здоров и силен, когда мы расстались. Хотя сейчас мир полон опасностей.

— Да, мир полон опасностей, — сказал Фарамир. — Измена — не самая малая из них.

Сэм все больше злился и выходил из терпения. Последние слова Фарамира оказались той каплей, которая переполняет чашу. Не в силах больше сдерживаться, он вскочил в середину полукруга и встал рядом с Фродо.

— Простите великодушно, хозяин, — затараторил он, — но у вас разговор слишком долго затянулся. Этот человек не имеет права в таком тоне с вами говорить! Мало вы натерпелись бед ради его же блага, ради всех громадин и вообще всех племен! Теперь меня послушайте.

Сэм стоял перед Фарамиром, задрал голову, положив руки на бедра, будто обращался к хоббитенку, невежливо ответившему на вопрос, зачем он забрался в чужой сад. Люди возмущенно переговаривались, но многие из них посмеивались, ибо хоббит, кипевший от негодования, как чайник, показался им забавным.

— Слушай меня, Капитан! — кричал Сэм. — К чему ты ведешь? Давай с этим кончать, пока орки из Мордора к нам на головы не посыпались! Если ты подозреваешь, что мой хозяин убил твоего Боромира и бежал, то ты ошибаешься! Почему не говоришь открыто, что думаешь? Скажи прямо, что хочешь с нами сделать. Очень обидно, что люди, которые много говорят о том, как ведут войну с Врагом, не дают другим бороться с ним по-своему и вмешиваются в их дела. Тот бы наверняка радовался, что нашел нового союзника, если бы сейчас нас видел!

— Имей терпение! — сказал Фарамир без гнева. — Подожди. Пусть говорит твой хозяин, он умнее тебя. Не надо напоминать мне об опасности. Времени у нас мало, но мне не жаль тратить его на справедливый разбор трудного дела. Если бы я был так же нетерпелив, как ты, я бы уже давно приказал умертвить вас обоих. У меня есть приказ не щадить никого, кто окажется в этих местах без разрешения Правителя Гондора. Но без нужды я не убиваю ни людей, ни животных, и даже когда вынужден это делать, радости мне это не доставляет. Слов на ветер я тоже не бросаю. Так что успокойся. Сядь рядом со своим господином и помолчи.

Сэм, густо покраснев, шлепнулся на землю. Фарамир снова обратился к Фродо.

— Ты спросил, откуда я знаю, что сын Денэтора погиб. Скорбные вести летят на быстрых крыльях. Поговорка гласит: «Вести о бедах близким приносят ночи». Боромир был моим братом.

Тень печали тронула его лицо.

— Ты помнишь какую-нибудь вещь, которую Боромир всегда носил с собой?

Фродо опять заколебался, боясь новой ловушки и задавая себе вопрос, чем все это может кончиться. Он еле спас Кольцо от высокомерной алчности Боромира, а что ему делать сейчас, когда вокруг — целый отряд вооруженных людей? В глубине души он, однако, чувствовал, что Фарамир, очень похожий на брата, не столь самоуверен и, по-видимому, умнее.

— Я помню, что Боромир носил рог у пояса, — сказал, наконец, хоббит.

— Раз помнишь, значит, ты его действительно видел, — сказал Фарамир. — Попробуй вызвать из памяти и мысленно снова увидеть большой буйволоный рог, окованный серебром и украшенный старинными письменами. Этот рог в нашем роду издавна переходил от отца к старшему сыну. Легенда гласит, что если он заиграет в любом месте древнего Гондора, вызывая о помощи, его голос будет услышан друзьями. Незадолго до того, как выступить в этот поход, а точнее, одиннадцать дней назад, я его услышал. Голос рога звучал с севера и очень глухо, будто только его эхо отразилось в моих мыслях. Мы с отцом решили, что это плохой знак, тем более, что о Боромире

давно не было вестей, и никто не видел, чтобы он переходил границы. На третью ночь после того, как я слышал рог, произошло еще более странное событие.

В полумраке при свете молодого месяца я сидел над Андуйном, следя за вечным бегом его волн. Печально шелестел тростник. Мы всегда ночью выставляем стражу на берегу под Осгилиатом, потому что другим берегом частично овладел Враг и оттуда совершает грабительские налеты на наши земли. Но та ночь была спокойной, все спали, было тихо. И вдруг я увидел, или мне показалось, что увидел, маленькую серебристую лодочку странной формы, с высоко поднятым носом; ее несло течение, у руля и на веслах никого не было.

Лодку окружало бледное сияние, и мне стало страшно. Но я сошел с крутого берега к самой воде и шагнул в нее, потому что лодочка меня будто звала и притягивала. Она приблизилась так, что я мог бы достать до нее рукой, но я не посмел к ней прикоснуться. Лодка глубоко сидела в воде, как тяжело нагруженная, мне показалось, что она полна прозрачной воды, от которой исходил свет, а в этой воде будто спал воин.

У него в коленях лежал сломанный меч, а на теле было множество ран. Это был Боромир, мой брат, мертвый. Я узнал его доспехи и меч, узнал родное лицо. Не хватало только рога; и одна вещь была мне незнакома — красивый пояс, сплетенный из золотых листьев.

«Боромир! — закричал я. — Где твой рог? Куда плывешь? О Боромир, Боромир!» — но он уже уплыл. Лодку подхватило течение, и она удалялась, светясь в темноте. Это было, как сон, и это не было сном, потому что после него не наступило пробуждение. Теперь я знаю: брат мертв и уплыл по Реке в Море.

— Увы! — произнес Фродо. — Все сходится, это, наверное, был Боромир. Золотой пояс подарила ему Владычица Галадриэль в Лотлориэне. Она же одела нас в серые плащи, которые ты видишь. На них застежки тоже эльфийской работы.

Хоббит показал Фарамиру серебристый лист, скреплявший его плащ у шеи. Капитан присмотрелся к нему.

— Красивая вещь! — сказал он. — Это работа тех же мастеров. Значит, вы проходили через Лотлориэн? Лорелиндоренан — так когда-то называли страну эльфов, но уже много веков люди ничего о ней не знают. Теперь становится понятным многое, что меня в тебе удивляло. — Гондорец заговорил мягче. — Что ты еще мне скажешь? Горько думать, что Боромир погиб так близко от границ своей родины.

— Я не могу сказать тебе больше, чем уже сказал, — ответил Фродо. — Но твой рассказ будит во мне тревожные предчувствия. Может, это было только видение, тень злого рока, который свершится в будущем или, увы, уже свершился? А не могло это быть обманом, наваждением Вражних чар? Я видел под водой на Гиблых Болотах лица благородных воинов из далекого прошлого, но то, наверное, были призраки, вызванные зловещим искусством Врага.

— Нет, — ответил Фарамир. — Тени, которые насылает Враг своими чарами, наполняют душу отвратительным страхом, а мое сердце исполнилось печалью и жалостью.

— Но такого не может быть! — воскликнул Фродо. — Ни одна лодка не пройдет через камни за Тол-Брандиром. И вообще Боромир собирался идти домой через Роханские степи, через Реку Энтов. Ну как такая лодка миновала пенные водопады, не затонула и не разбилась у их подножия, тем более, ты говоришь, что она была полна воды?

— Не знаю, — ответил Фарамир. — Откуда эта лодка?

— Из Лориэна, — признался Фродо. — У нас их было три. Мы доплыли до самых водопадов. Лодки сделали эльфы.

— Ты прошел через Страну Тайн, но, похоже, не понял силы ее чар! — сказал Фарамир. — Тот, кому приходилось иметь дело с колдуньей из Золотого Леса, мог бы ожидать необычайного. Смертный не должен переходить границ страны эльфов. В давние времена мало кто возвращался оттуда самим собой, как у нас говорили.

— Боромир, Боромир! — вдруг воскликнул он. — Что тебе сказала красавица, над которой смерть не властна? Что она в тебе увидела? Что пробудила в твоём сердце? Зачем ты забрел в Лорелиндоренан вместо того, чтобы прямой дорогой утром прискакать на роханском коне к порогу родительского дома?!

Потом он снова обратился к Фродо:

— Я думаю, что на эти вопросы ты мог бы мне ответить, Фродо сын Дрого. Может быть, не сейчас и не здесь. Не думай, что увиденное мной было наваждением, и знай: рог Боромира в конце концов

вернулся в родной край, но разрубленный надвое мечом или топором. Две его половины вода выбросила на берег отдельно. Одну нашли в камышах на северной границе, ниже устья Реки Энтов, где несут стражу воины Гондора, другая уплыла дальше по Великой Реке, ее подобрал с лодки наш часовой недалеко отсюда. Злодеяние всегда выходит на свет, иногда удивительнейшими путями. Сейчас разбитый рог, наследство первородного сына, лежит на коленях Денэтора, который ждет в своей столице дальнейших вестей. Неужели ты ничего не можешь мне рассказать о том, как был разрублен этот рог?

— Я только сейчас от тебя впервые обо всем этом услышал, — ответил Фродо. — Если ты не ошибся в счете, то ты слышал голос рога в тот самый день, когда мы расстались с Отрядом. Страшно мне слушать твои слова, потому что, если Боромир попал в беду и погиб, что же случилось со всеми моими спутниками? Они тоже погибли? Ведь среди них были мои друзья и родичи.

Может быть, хоть теперь ты отбросишь подозрения и отпустишь меня? У меня своя дорога. Я устал, настрадался, я боюсь. Но я должен выполнить свой долг. Может быть, мне это не удастся, тогда я должен хотя бы попытаться и потом уж погибнуть. Мне надо спешить еще больше, если из всего Отряда уцелели только мы двое. Вернись в свой край, храбрый Капитан Гондорского войска, охраняй свой Город, а мне позволь идти туда, где моя судьба.

— Не много радости я извлек из нашей беседы, — сказал Фарамир, — но ты делаешь еще более безрадостные выводы и, по-моему, ошибаешься. Кто же уложил Боромира в лодку? Не думаю, что лориэнские эльфы приходили отдать ему последние почести; орки и слуги Врага этого сделать не могли. Значит, из твоего Отряда кто-то уцелел. Что-то там произошло, на нашей старой северной границе; вижу, что ты в этом не повинен, Фродо. Горький опыт научил меня справедливо судить о людях по их словам и лицам; думаю, что чутье меня не обмануло и с хоббитами. Правда, — добавил он с улыбкой, — в тебе есть что-то мне непонятное, Фродо, что-то от эльфа. Из нашего разговора я узнал больше, чем предполагал узнать. Наверное, я должен взять тебя с собой в Минас Тирит, там ты все расскажешь Денэтору. Если я сделаю неверный шаг и это погубит мой Город, я заплачу собственной жизнью. Не хочу решать наспех. А отсюда надо уходить как можно скорее.

Фарамир поднялся и отдал несколько приказов. Солдаты разделились на небольшие группы и стали расходиться, быстро исчезая в тени скал и деревьев. Вскоре на поляне остались только Маблунг с Дамродом.

— Вы пойдете со мной и с моей личной охраной, — сказал Фарамир хоббитам. — Южным трактом сейчас все равно не пройти, даже если ваш путь лежал в ту сторону. В ближайшие несколько дней эта дорога станет очень опасной; после нашей засады Враг удвоит бдительность. Да сегодня вы и не ушли бы далеко, вы слишком утомлены. Мы тоже устали. Гонах в десяти отсюда есть укрытие, туда и направимся. Орки и шпионы Врага пока про него не знают, а если даже они нас выследят, там можно долго обороняться. Отдохнем, выспимся и рано утром решим, что делать дальше. Подумаем, что лучше для вас и для меня.

Выбора у Фродо не было, пришлось согласиться на предложение, которое, по сути дела, было приказом. Правда, сам бы он ничего лучше не придумал, потому что после налета гондорцев передвижение по дорогам Итилиэна становилось крайне опасным.

Пошли они сразу же; Маблунг с Дамродом впереди, а хоббиты с Фарамиром — за ними. Обойдя озеро с той стороны, где наши путешественники недавно пили и умывались, они перешли через ручей, поднялись по пологому склону и вошли в зеленый сумрак леса, спускающегося к западу. Убыстрив шаг настолько, чтобы хоббиты все-таки могли за ним поспеть, Фарамир вполголоса заговорил снова:

— Я прервал беседу с тобой не только потому, что, как вовремя заметил Сэм Гэмджи, времени у нас мало, но и потому, что мы подошли к сути тех событий, о которых открыто в присутствии стольких свидетелей рассказывать не следует. Именно поэтому я направил поток слов в иное русло и стал говорить о своем брате, вместо того, чтобы расспрашивать тебя дальше о Проклятии Исилдура. Ты не был откровенен со мной, Фродо сын Дрого!

— Я не солгал тебе, а правды сказал ровно столько, сколько мне позволено, — ответил Фродо.

— За это я на тебя зла не держу, — сказал Фарамир. — Мне кажется, что в самые трудные минуты ты находишь подходящие и разумные слова. Но из них я узнал, вернее, угадал больше, чем было прямо сказано. Не было дружбы между тобой и Боромиром, во всяком случае, расстались вы не как друзья. И ты, и Сэм Гэмджи таите какую-то обиду. Я очень любил брата и рад был бы отомстить за его смерть, но я хорошо его знал. Проклятие Исилдура... Я уверен, что Проклятие Исилдура стало костью, которую вы не поделили, причиной раздора в Отряде. Я попал в точку?

— Не совсем в точку, — ответил Фродо, — но близко. В Отряде до раздоров дело не дошло, были только колебания, потому что мы не знали, какой путь избрать от Приречного Нагорья.

— Значит, я угадал. Раздор у тебя вышел только с Боромиром. Увы! Судьба наложила печать на уста того, кто последний говорил с Боромиром, и приказывает ему скрыть от меня то, что я больше всего хочу знать: что делалось в сердце и в мыслях моего брата перед кончиной! Но даже если Боромир совершил ошибку, я убежден, что умер он благородной смертью, совершив героический поступок. У мертвого брата лицо было красивее, чем у живого.

Прости меня, Фродо, что я так грубо требовал, что бы ты рассказал все, что знаешь, о Проклятии Исилдура. Я сделал это, не подумав; ни время, ни место для этого не подходили. У меня не было возможности спокойно поразмыслить. Мы выдержали жестокий бой, и я целый день не мог ни о чем больше думать. Во время нашей беседы, когда я почувствовал, что приближаюсь к сути, я намеренно перевел разговор. Надо тебе сказать, что Правители нашего края сохранили многое из старинных знаний, из тайного искусства, о котором за пределами моей страны никто понятия не имеет. Наш род не идет от Элендила, но в наших жилах течет нуменорская кровь. Нашим предком был Мардил, достойный наместник, который правил страной, когда Король уходил на войну. Мардил управлял владениями Короля Эарнура, который не вернулся из похода и не оставил потомства, так что на нем закончилась линия Анариона. С тех самых пор уже много поколений нашим государством управляют Наместники.

Я помню, как в детстве, когда мы учили историю нашего рода и нашей страны, Боромир негодовал по поводу того, что наш отец — не Король. «Сколько веков надо ждать, чтобы Наместник стал Королем, если Король не возвращается?» — спросил он.

«В других странах, где короли менее достойны, хватило бы, наверное, нескольких лет, — ответил ему отец, — а в Гондоре и десяти тысячелетий было бы мало». Бедный Боромир. Тебе это детское воспоминание о нем что-нибудь говорит?

— Да, — сказал Фродо. — Но к Арагорну он все время относился с должным почтением.

— Не сомневаюсь, — произнес Фарамир. — Если его убедили, как ты говоришь, в истинности прав Арагорна, он должен был глубоко его уважать. До труднейшего испытания не дошло. Они не вернулись вместе в Минас Тирит и не соперничали в боях за него, идя рядом во главе гондорского войска...

Но я снова уклонился от главного. Так что, в роду Денэтора по старинной традиции сохраняются тайные знания прошлых веков, а в сокровищнице хранятся книги, свитки, пергаменты, камни и даже золотые и серебряные пластины, покрытые письменами на разных языках. Среди них есть такие, которые до сих пор никто не смог прочесть. Меня учили искусству чтения и расшифровки, но я сумел одолеть только часть старых документов. Собранные у нас памятники привели к нам в Гондор Серого Странника. Первый раз я видел его, когда был маленьким мальчиком, потом он еще два или три появлялся.

— Серый Странник? — спросил Фродо. — У него было имя?

— Мы называли его по-эльфийски Мифрандиром, — ответил Фарамир, — и ему это нравилось. «У меня много разных имен в разных странах, — говорил он. — Мифрандир у эльфов, Таркун у гномов, в незапамятные времена моей юности на Западе меня звали Олорин, на юге зовут Инкануш, на севере — Гэндальф. На восток я не хожу».

— Гэндальф? — воскликнул Фродо. — Так я и думал. Гэндальф Серый, любимый друг и советчик, вожак нашего Отряда! Он погиб в копиях Мории.

— Мифрандир погиб? — вскричал Фарамир. — Видно, злая судьба преследует ваш Отряд. Трудно поверить, что мудрец, обладавший такими знаниями и силой, — ибо в нашей стране он показывал необычайное, — мог погибнуть. С его уходом мир потеряет разгадку многих тайн. Ты уверен, что Мифрандир погиб, а не просто ушел от вас?

— Увы, — ответил Фродо. — Я видел, как он рухнул в бездну.

— Страшная история, наверное, кроется и за этим, — сказал Фарамир. — Может быть, вечером ты расскажешь мне подробнее. Лишь теперь я понял, что Мифрандир был не только мастером и обладателем тайных знаний, но и вершителем великих дел в наше время. Будь он рядом, когда мы бились над разгадкой посетившего нас сна, он бы, наверное, все объяснил, и не надо было бы отправлять Боромира с посольством. Но может быть, он ничего бы нам не сказал, ибо путь был сужден Боромиру. Мифрандир никогда не открывал перед нами секретов будущего и никого не посвящал в свои планы. Я не знаю, каким образом он добился у Денэтора разрешения на вход в сокровищницу; кое-какие уроки он преподавал и мне, хотя редко уделял мне внимание. Он был очень занят исследованием документов и выпрашивал нас прежде всего о Великой Битве на полях Дагорлад, когда королевство Гондор только родилось, а Тот, чьего имени мы не произносим, был сброшен с трона. Его очень интересовала история Исилдура, но мы немного могли рассказать, потому что о его гибели ничего точно не известно.

Фарамир понизил голос до шепота:

— Кое о чем я, однако, узнал, а чего не знал, домыслил, и тайну своего открытия берегу: Исилдур взял что-то из руки Того, кто был повержен, после чего покинул Гондор и больше никогда не являлся среди смертных. Думаю, что это прямой ответ на вопрос Мифрандира. Но тогда мне казалось, что это знание важно лишь для изучения старых тайн. Даже когда мы пытались разгадать слова, услышанные во сне, мне не пришло в голову, что Проклятие Исилдура и есть тот самый предмет. О гибели Исилдура мы знаем лишь одну легенду: о том, как он попал в засаду и был убит орчьей стрелой. И Мифрандир мне больше ничего не говорил.

Я пока не разгадал, что там было на самом деле, и что это за вещь, но это должна быть переходившая из рук в руки ценность, дающая великую власть и таящая великую опасность. Может быть, это самое страшное оружие, изобретенное в Стране Мрака. Если оно может дать победу в войне, легко понять, что Боромир — гордый, бесстрашный, горячий, жаждущий славы для Минас Тирита (и вместе с родиной славы для себя), — мог пожелать эту вещь и впасть в искушение. В несчастный день он ушел в свой путь! Выбор отца должен был пасть на меня, но Боромир сам вызвался идти, говоря, что он старше и опытнее. Он не уступил мне. Ты можешь не бояться. Я не возьму эту вещь, я не нагнусь за ней, даже если она будет лежать на дороге. Если бы Минас Тирит рушился, и только я мог его спасти, я бы остерегся применить оружие Черного Властелина ради славы. Такой славы мне не надо, знай это, Фродо сын Дрого.

— Совету тоже не нужна такая слава, и мне не нужна, — ответил Фродо. — Если бы я мог, я бы в эти дела вообще не вмешивался.

— Что касается меня, — продолжал Фарамир, — мне бы только увидеть, как наступит мир и в Минас Тирит вернется Серебряная Корона, а в королевском дворе зацветет Белое Древо! Я бы хотел, чтобы стройная и красивая крепость Минас Анор, как в давние времена, засияла королевой среди других крепостей; я не хочу, чтобы она была госпожой множества рабов, даже ласковой госпожой добровольных рабов. Война неизбежна, когда приходится защищать жизнь от Врага, который иначе всех уничтожит. Но я не люблю сверкающий меч за остроту стали, стрелу за скорость полета и солдата за воинскую доблесть; но я люблю только то, что защищают мечи, стрелы и солдаты, — страну нуменорцев. Я хочу, чтобы мой Город любили за его прошлое, за его обычаи, красоту и мудрость. Я не хочу, чтобы его боялись, хочу, чтобы уважали, как достойного уважения мудрого старца. Не бойся меня. Я не буду настаивать, чтобы ты мне еще что-нибудь рассказал. Я даже не спрашиваю тебя, насколько я близок к истине. Если ты все-таки мне доверишься, может быть, я смогу тебе помочь хотя бы советом... Если доверишься.

Фродо не ответил. Он чуть было не поддался искушению, тоскуя по дельному совету и помощи; ему хотелось все выложить опечаленному человеку, слова которого звучали мудро и благородно. Но что-то удержало его в последнюю минуту. На сердце было тревожно. Если из всего Отряда только он и Сэм остались в живых, — что могло оказаться страшной правдой, — то кроме них больше никто не знал об их тайном задании. Лучше излишняя подозрительность, чем поспешная откровенность. В памяти Фродо ожило воспоминание о Боромире и ужасной перемене, произошедшей с ним под влиянием чар Кольца. Он смотрел на Фарамира, слышал его голос и мысленно видел перед собой его брата, совсем не такого и вместе с тем столь похожего.

Довольно долго они молча шли под серыми и зелеными тенями старых деревьев, бесшумно обходя стволы; над их головами во множестве щебетали птицы, солнце золотило блестящие листья вечнозеленых лесов Итилиэна.

Сэм не принимал участия в разговоре, хотя внимательно прислушивался, одновременно улавливая чуткими хоббичьими ушами ласковые голоса леса. Он заметил, что ни Фарамир, ни Фродо ни разу не произнесли имени Голлума. Этому Сэм был рад, хотя чувствовал, что напрасно надеется никогда больше его не встретить. Потом заметил, что хотя они будто бы идут только с Фарамиром, на самом деле вокруг них много людей, не говоря уже о Дамроде и Маблунге, которые то появлялись, то исчезали в зеленой тени деревьев. С обеих сторон от них лесом пробирались зеленые солдаты, спеша к какому-то назначенному месту.

Один раз его словно кольнуло в спину, и он резко обернулся, надеясь обнаружить, кто за ним следит, но успел заметить лишь метнувшуюся за дерево маленькую темную тень. Сэм открыл было рот, чтобы сказать об этом Фродо, но передумал: «Я ведь не уверен, что это мне не показалось. Зачем вспоминать о мерзавце, если господин Фродо и Фарамир не хотят о нем говорить? Я бы сам с удовольствием про него забыл».

Наконец лес вокруг поредел, обрывы стали круче. Они свернули вправо и вскоре оказались над ручьем, пробивающимся по дну узкой расселины. Это был тот самый ручей, который далеко в горах вытекал из круглого озерца; здесь он набирал силу и быстро несся по камням, выбив себе глубокое ложе, над которым раскинули ветви горные дубы и неподвижно стоял темнолистый самшит. Глядя

на запад, путники видели светлые туманы над долинами и широкие луга, а совсем далеко — искрившуюся в последних лучах солнца широкую ленту Андуйна.

— Сейчас — увы! — я должен поступить с вами не очень вежливо, — сказал Фарамир. — Но надеюсь, что вы простите человека, который в нарушение приказа оказал вам расположение, не отрубил вам головы и не связал, как пленников. Дело в том, что никому, даже рохирримам, воюющим с нами в союзе, нельзя видеть тайный путь, которым мы сейчас пойдем. Придется завязать вам глаза.

— Воля твоя, — ответил Фродо. — Даже эльфы так поступают. Через границу Лотлоризна нас вели с завязанными глазами. Гном Гимли очень возмущался, но хоббиты к этому относятся терпимо.

— Я провожу вас в менее прекрасное место, — сказал Фарамир, — но рад, что вы соглашаетесь добром: не хочется применять силу.

Он тихо подозвал солдат, из-за деревьев молниеносно появились Дамрод с Маблунгом и подбежали к капитану.

— Завяжите гостям глаза, — приказал Фарамир. — Плотно, но так, чтобы повязка не давила. Рук им связывать не надо. Они дадут слово, что не станут подглядывать. Я мог бы им поверить и попросить просто закрыть глаза, но без повязки они их невольно откроют или моргнут, если ноги споткнутся. Ведите их осторожно, чтобы не упали.

Охранники завязали глаза хоббитам зелеными платками и надвинули им на лица капюшоны. Потом Маблунг взял под руку одного, а Дамрод — другого, и повели вперед. О последнем этапе пути Сэм и Фродо запомнили только то, что шли наощупь. Сначала они заметили, что тропа круто пошла вниз, потом сузилась так, что можно было идти только друг за другом, — охранники шли сзади, положив руки на плечи хоббитам, и направляли их шаги. В некоторых трудных для прохода местах хоббитов поднимали в воздух, потом снова ставили на землю. Шум воды все время слышался с правой стороны, с каждым шагом громче. Потом люди остановились. Маблунг и Дамрод быстро повернули хоббитов несколько раз вокруг себя, после чего они совсем потеряли понятие о направлении. Потом еще поднимались в гору, но недолго. Шум потока почти затих, стало холодно. После этого их взяли на руки и довольно долго несли вниз по ступеням, наконец резко повернули и поставили на камни. Хоббитам показалось, что теперь кругом вода, шум ее стал оглушительно громким, а на руках и на щеках они чувствовали брызги, как от дождя. Ошеломленные, они стояли, не двигаясь. Голос Фарамира прямо над ними произнес:

— Снять повязки!

Охранники откинули им капюшоны и сняли платки. Свет ударил в глаза, хоббиты онемели от восторга и удивления. Они стояли на гладких влажных камнях, будто у порога высеченного в скале замка, темные ворота которого были у них за спиной. Перед ними, так близко, что Фродо мог достать его рукой, сверкал прозрачный водяной занавес. Ворота открывались прямо на запад. Низкие лучи заходящего солнца падали на водяную завесу, и красный закатный свет рассыпался в ней радужными искрами. Казалось, что они стоят у окна заколдованной эльфийской башни, прикрытого занавесью из драгоценных камней, рубинов, сапфиров, аметистов, серебра и золота.

— Счастливый случай привел вас сюда именно в этот час, чтобы дивным зрелищем вознаградить за терпение, — сказал Фарамир. — Это Окно Заходящего Солнца и водопад Эннет Аннон, красивейший водопад Итилиэна, страны тысячи родников. Мало кто из чужеземцев видел это чудо. Ни один королевский дворец не может похвалиться таким украшением. Но, к сожалению, здесь не дворец. Войдите.

Как только он кончил говорить, солнце скрылось, огонь в водяных струях погас. Хоббиты вслед за людьми прошли под мощным сводом и оказались в обширном помещении, выдолбленном в скале, с низким неровным потолком. Тусклый свет исходил от нескольких факелов. В зале-пещере собралось уже множество людей, и все новые прибывали, входя по двое и по трое через узкие двери в одной из стен. Когда хоббиты освоились в полумраке, то обнаружили, что пещера больше, чем кажется с первого взгляда, и в ней собрано много оружия и припасов.

— Вот это и есть наше убежище, — сказал Фарамир. — Здесь нет особых удобств, но сухо, еды хватит, и можно спокойно провести ночь, хотя огня мы не разводим. Когда-то по этим пещерам текла вода, но много веков назад наши умельцы заставили ее сменить русло и спустили речку водопадом с высоты, в два раза большей, чем прежняя. Потом сузили и перекрыли почти все ходы, так что сюда ни вода теперь не затекает, ни враг не пройдет. Осталось два выхода: тот, которым вас провели, и через окно с водяным занавесом, но под ним глубокий водоем, и на дне его острые, как ножи, камни. Сейчас, пока готовится ужин, отдохните.

Хоббитов отвели в угол и указали на низкое ложе, где можно было прилечь. Люди тем временем быстро и ловко двигались по пещере. Из-под стен выдвинули козлы, положили на них легкие доски

и накрыли стол. Посуда была простая, почти без украшений, но красивой формы и выделки — круглые блюда и тарелки из обожженной темной глины, покрытые глазурью, кубки, точеные из самшита, отполированные до блеска. Было несколько бокалов и чаш из бронзы, а посреди стола поставили серебряный кубок.

Фарамир ходил между воинами, негромко расспрашивал каждого вновь прибывшего. Возвращались те, кто преследовал убежавших южан; последними вернулись разведчики и стражи, охранявшие дорогу. Южан всех уничтожили, но мамуна, или олифана, никто не видел больше, и неизвестно, что с ним произошло. Передвижения неприятельских отрядов не замечено, даже орков-шпионов никто не встретил.

— Так ты никого не видел и ничего не слышал, Анборн? — спросил Фарамир у последнего вошедшего в пещеру воина.

— Во всяком случае, ни одного орка, — отвечал тот. — Видел какую-то непонятную тварь, но может быть, мне показалось. Это было в серый час, когда все кажется больше, чем оно есть на самом деле, так что это могла быть белка.

Услышав это, Сэм сразу наострил уши.

— Правда, странная белка, черная и без хвоста, — продолжал Анборн. — Что-то мелькнуло, как тень, у самой земли, а когда я подошел ближе, оно скрылось за толстым стволом, а потом полезло вверх, как белка. Ты не разрешаешь без надобности стрелять в лесных зверей, и я не взялся за лук. Тем более, что в темноте я мог промахнуться. Я довольно долго стоял под деревом, а когда уходил, сверху что-то тихо шипело. Может быть, это и правда была большая белка. Или в наших лесах завелась какая-нибудь тварь из владений Того, чье имя произносить нельзя. Говорят, в Лихолесье черные белки водятся.

— Может быть, — произнес Фарамир. — Но если ты не ошибся, это плохой знак. Не хватало в Итилиэне беглецов из Лихолесья.

Сэму показалось, что говоря так, Фарамир бросил косой взгляд на хоббитов. Но ни один из них не пошевелился — оба лежали молча, разглядывая тени на потолке и передвигающихся по пещере людей. Через пару минут сон сморил Фродо.

Сэма одолевали сомнения. «Может быть, Капитану можно верить, а может быть, и нет. За красивыми словами может крыться черное сердце, — сказал он себе и зевнул. — Я бы мог неделю спать, и то не хватило бы. А стоит ли не спать? Я один, а этих громадин целое войско. Я все равно с ними не справлюсь, если что. Но как бы там ни было, Сэм Гэмджи, раз хозяин спит, тебе спать нельзя». И ему удалось отогнать сон. В дверях пещеры потемнело, водяной заслон сначала посерел, потом его совсем не стало видно в темноте. Только водопад монотонно шумел, навевая сон.

Люди зажгли еще несколько факелов, прикатали бочку вина, открыли ящики с провизией. Одни мыли руки в тазах, другие набирали воду из водопада. Фарамиду принесли большой медный таз и белое полотенце.

— Разбудите гостей, — приказал он, — и дайте им воды для умывания. Время ужинать. Пора садиться за стол.

Фродо сел на ложе, потянулся и зевнул. Сэм, не привыкший к тому, чтобы ему прислуживали, растерянно смотрел на рослого воина, который, вежливо наклонясь, держал перед ним таз с водой.

— Пожалуйста, поставь его на землю, — произнес хоббит. — Так нам обоим будет удобнее.

Люди расхохотались, когда он сунул голову в холодную воду и стал плескаться, поливая шею и уши.

— В вашей стране что — принято мыть голову перед ужином? — спросил воин, принесший ему воду.

— Нет, мы это обычно делаем перед первым завтраком, — ответил Сэм, — но если недоспать, то холодная вода освежает голову, как дождь капусту. Теперь я надеюсь, что не засну, пока не наемся.

Для обоих хоббитов поставили рядом с Фарамиром покрытые шкурами бочки, которые были выше, чем лавки для людей, чтобы невысокликам было удобно брать еду со стола. Капитан и его воины перед тем, как есть, минуту стояли молча, обратившись к западу. Фарамир знаком дал понять гостям, что от них требуется то же самое.

— Мы так всегда делаем, — сказал он, когда все сели. — Обращаем взор в сторону Нуменора, которого уже нет, за Нуменор, к родине эльфов, и еще дальше, к той стране, которая вечно будет. Ваш народ не знает этого обычая?

— Нет, — ответил Фродо, почувствовав себя немного неловко. — Но когда мы обедаем в гостях, то

сначала кланяемся хозяину, а встав из-за стола, благодарим его.

— Мы тоже, — сказал Фарамир.

После долгих странствий и жалких трапез под открытым небом, после многих дней, проведенных в безлюдных пустошах, этот ужин показался хоббитам роскошным пиром: они пили холодное ароматное светло-золотистое вино, ели хлеб с маслом, солонину, сушеные фрукты, настоящий сыр, и вдобавок брали еду чистыми руками с чистых блюд.

Ни Фродо, ни Сэм не отказались ни от одного поднесенного им блюда, справились со вторыми и третьими порциями. Вино подогрело кровь в жилах и разогнало ее по усталому телу, сердца ожили, стало легко и весело. Такого настроения у хоббитов не было от самого Лотлориэна.

После ужина Фарамир отвел их в нишу в глубине пещеры, частично отгороженную занавеской от общего помещения. Туда принесли кресло и два табурета. В нише горел маленький глиняный светильник.

— Скоро вы, наверное, захотите спать, — сказал Фарамир, — особенно уважаемый Сэммиум, который перед ужином глаз не сомкнул, — не знаю, правда, почему. То ли боялся потерять свой великолепный аппетит, то ли меня опасался. Сразу после еды спать вредно, тем более, когда набиваешь живот после долгого поста. Давайте немного побеседуем. По дороге из Райвендела вы, наверное, пережили много приключений, которые стоят хорошего рассказа. Да и вы, вероятно, хотели бы узнать кое-что о нас и о местах, в которые вас привела судьба. Расскажите мне побольше про моего брата Боромира, про старого мага Мифрандира и благородных лотлориэнских эльфов.

Фродо перед ужином выспался, так что охотно повел разговор. Но хотя еда и вино развязали ему язык, он не потерял осторожности. Сэм иногда улыбался и приоткрывал рот, пока Фродо говорил, но слушал молча, только время от времени поддакивал.

Фродо рассказал о Походе, ухитрившись ни разу не упомянуть о Кольце и задании Отряда. Он отдал дань мужеству Боромира в их общих приключениях, отдельно сказал о том, как храбро сражался Боромир с волками, как выручал их в снежных завалах под Карадрасом, как крушил орков в копиях Мории, где погиб Гэндальф. Особенно взволновал Фарамира рассказ о схватке на Мосту.

— Боромир, наверное, переживал, что пришлось убегать от орков, — сказал он, — и даже от страшного чудовища, которое ты зовешь Балрогом. Он должен был кипеть от гнева и уйти последним.

— Он ушел последним, — подтвердил Фродо, — но нельзя забывать о том, что Арагорн не имел права рисковать, он должен был нас вести дальше. Кроме Гэндальфа, который погиб, он один знал дорогу. Если бы не надо было охранять невысокликов, ни Боромир, ни Арагорн не отступили бы.

— Может быть, для Боромира было бы лучше погибнуть вместе с Мифрандиром, чем идти навстречу злему року к водопадам Рэрос! — вскричал Фарамир.

— Может быть. Но теперь ты мне расскажи о здешних делах, — сказал Фродо, переводя разговор в более безопасное русло. — Я бы хотел побольше узнать о Минас Итиль, об Остигиате и непокоренном Минас Тирите. Есть ли надежда удержать город в случае длительной войны?

— Надежда? — эхом повторил Фарамир. — Мы давно потеряли всякую надежду. Если вернется меч Элэндила, он, может быть, выбьет новую искру надежды, но я не думаю, чтобы он смог совершить что-нибудь большее, чем отсрочить день поражения. Мы сумеем выжить, только если неожиданно придет помощь от людей или эльфов. Сила Врага растет, а мы слабеем. Мой народ переживает осень, о своей весне нам остается лишь вспоминать.

Когда-то нуменорцы жили на огромных пространствах на взморьях и в долинах, жили хорошо, но потом почему-то большинство из них погрязло в разврате и сумасбродстве. Многие поклонились Мраку и увлеклись Черной Магией. Некоторые племена ударились в праздность, другие передрались между собой, и в конце концов ослабели так, что их смогли покорить злые дикари.

Никто не слыхал, однако, чтобы чернокнижием занимались в Гондоре. У нас никогда не произносили с почтением имя Того, кого нельзя называть. Древняя мудрость и красота, привезенные с Запада, долго жили в Королевстве потомков Элэндила и до сих пор сохраняются в нем. Но даже Гондор понемногу стал приходить в упадок и опустился до прозябания, обманывая себя тем, что Враг спит, когда на самом деле он был только подавлен и обложен, но не сокрушен.

Нуменорцы, как и прежде, в давние времена в утраченном Королевстве, возмечтали о вечной жизни, и среди нас поселилась Смерть. Короли строили гробницы, превосходящие пышностью дома для живущих, имена предков на старых свитках были им дороже, чем имена сыновей. Бездетные

Владыки сидели в старинных дворцах, размышляя о былом великолепии своего рода, в тайных подвалах ученые приготавливали волшебные эликсиры, а в высоких холодных башнях мудрецы задавали вопросы звездам. Последний Король в линии Анариона не оставил наследника.

Наместники оказались благоразумнее. Они вербовали в свои войска умевших владеть оружием людей из сильных прибрежных племен и храбрых горцев с Эред Нимрас. Они также заключили союз с гордым северным племенем, которое до этого часто тревожило наши границы и было воинственным, но близким нам по крови, в отличие от диких южан из Харата и восточных кочевников.

Вот так случилось, что во времена правления двенадцатого Наместника Кириона (мой отец по порядку двадцать шестой) народ-побратим прибыл к нам на помощь и разгромил наших врагов в Битве при Келебранте.

Освобожденные северные провинции мы отдали верным союзникам. Это рохирримы, степные коневоды; теперь их земля, наша бывшая провинция Каленардон, называется Роханом или Рубежным Краем. Мы до сих пор получаем от них поддержку и помощь в охране северных границ и Роханского Прохода.

Они переняли много наших обычаев и обучились у нас всему, но, в общем, у них сохраняются собственные традиции, язык и обычаи предков. Это сильное племя высоких золотоволосых и светлоглазых мужей и таких же высоких, красивых и сильных жен. Нам они напоминают юность человечества в Незапамятную Эпоху. В наших ученых книгах записано, что кровные связи между нами восходят к той эпохе, ибо они ведут свое происхождение от тех же Трех Родов, что и нуменорцы, но не от самого Хадора Златовласого, Друга Эльфов, а от его сыновей и родичей, которые не уплыли за Море, отказавшись последовать призыву.

Мы в нашей истории делим людей на Западное Горнее племя, или нуменорцев, равнинные, или срединные, племена, к которым относятся рохирримы и наши дальние северные родичи, и жителей страны Мрака, дикарей, враждебных всему миру.

Сейчас, когда рохирримы во многом к нам приблизились, мы тоже стали уподобляться им и потеряли право называть себя Горним Народом. Мы стали Срединным Племенем, которое живет на равнинах и только сохраняет память о лучших днях. Так же, как рохирримы, мы сейчас тешимся битвами ради отваги и победы. Мы считаем, что воин должен знать больше и владеть не только искусством убивать, и ценим солдата выше, чем ремесленника. Таково требование времени. Поэтому Боромир за свое мужество и владение военным искусством пользовался высочайшим признанием в Гондоре. Он в самом деле был храбр. Давно у Правителей Минас Тирита не было наследника, равно выносливого в мирном труде и в бою, который бы мог так же сильно трубить в Большой Рог, как Боромир.

Фарамир вздохнул и смолк надолго.

— В твоём рассказе почти ничего не было про эльфов, — вдруг набрался храбрости Сэм. Он заметил, что Фарамир всегда упоминает об эльфах с уважением, и это его покорило и успокоило его подозрительность лучше, чем все остальные слова, еда и вино.

Конечно, не было, — сказал Фарамир, — ибо я не углублялся в изучение истории эльфов и мало знаю о них. Но здесь ты коснулся еще одной причины перемен, которые произошли в нас, когда из Нуменора мы попали в Средиземье. Поскольку Мифрандир был вашим спутником и вы по дороге встречались и разговаривали с Элрондом, вы должны знать, что предки нуменорцев, атани, в незапамятные времена воевали на стороне эльфов и за это получили в награду Королевство среди Моря, откуда был виден берег прародины эльфов. Но в Средиземье за время господства Черной Тени люди потеряли связь с эльфами. Козни Врага и безжалостное Время заставили каждое племя идти своей дорогой. Сейчас люди боятся эльфов, не доверяют им и мало о них знают. Мы, гондорцы, как и рохирримы, уподобились остальным. Рохирримы — враги Черного Властелина, но эльфам они не верят и о Золотом Лесе говорят со страхом.

Среди нас еще попадаются люди, которых к эльфам тянет; иногда они тайно уходят в Лориэн, но мало кто возвращается. Я к таким смельчакам не принадлежу. Думаю, что для смертных в наше время стало опасно по собственной воле искать знакомства с самым древним племенем. Но вам, говорившим с Белой Владычицей, я завидую.

— Владычица Лотлориэна! Галадриэль! — воскликнул Сэм. — Ах, если бы ты ее видел! Я, простите меня на слове, простой хоббит, всего лишь садовник, в поэзии ничего не смыслю, писать стихи не умею, разве что какую-нибудь шуточку могу сложить в рифму, да и то редко, а настоящая песня у меня не получится... Я не смогу выразить все, что хочу. Это надо петь. Если бы тут был Бродяжник, я хотел сказать, Арагорн, или старый господин Бильбо, они бы сумели! А что я? Она такая красивая, таинственная! Иногда как огромное цветущее дерево, а то как маленький белый нарцисс, тонкая и стройная, твердая, как алмаз, и нежная, как лунный свет. Она теплая, как солнечный луч, и

холодная, как мороз под звездами, гордая и далекая, как снежная вершина, и веселая, как деревенская девчонка, которая весной вплетает маргаритки в косы. Но я болтаю чепуху, а в яблочко все равно никак не попаду, не сумею я про нее рассказать!

— Наверное, она в самом деле прекрасна, — сказал Фарамир, — но красота ее опасна.

— Я не могу сказать, чтобы она была опасна, — ответил Сэм. — Думаю, что свою беду люди приносят с собой и потом находят в Лотлориэне то, что сами туда принесли. Можно, конечно, видеть в ней опасность, потому что в ней большая сила. Можно об эту силу разбиться, как лодка о скалу, можно в ней утонуть, как хоббит в реке, но разве виновата скала или река? А Боро... — Сэм вдруг резко остановился и густо покраснел.

— Что?! А Боромир?.. Что ты хотел сказать? — подхватил Фарамир. — Боромир принес в Лориэн свою беду?

— Да, простите меня великодушно, принес, хотя брат твоей милости был очень благородный человек, если мне разрешат о нем судить. Но ты с самого начала про все правильно догадался. Я к нему приглядывался и внимательно прислушивался всю дорогу от самого Райвендела. Это не значит, конечно, что я желал ему зла, — Боромир был замечательный воин, но я ведь должен был охранять моего хозяина. И я думаю, что именно в Лориэне Боромир сам понял то, о чем я раньше его догадался, то есть понял, чего хочет. А хотел он получить Вражье Кольцо, он с самого начала его захотел, как только увидел...

— Сэм! — в ужасе закричал Фродо. Он о чем-то задумался и вдруг вернулся к действительности, но — увы! — было уже поздно.

— Ой, спасите! — вскрикнул Сэм, бледнея и тут же заливаясь краской. — Опять я сморозил глупость. Правильно говорил мой Старик: «Когда открываешь рот, лучше сразу его чем-нибудь заткни, хоть собственной пяткой»! Дурак я, дурак! Ой, что же делать? Капитан, не гневайся! — обратился он к Фарамиру, собрав всю свою смелость. — Это я виноват, прости моему хозяину глупость его слуги! С тобой так приятно было беседовать, что я про все забыл и заболтался про эльфов и все такое. Но у хоббитов есть поговорка, что «красиво говорить — не штука, надо красиво поступать», — так вот тебе случай показать себя!..

— Придется, — медленно и очень спокойно ответил Фарамир и странно улыбнулся. — Вот и разгадка всех загадок. Единое Кольцо, которое считают потерянным для мира! И Боромир хотел отобрать его силой? А вы удрали? Бежали столько миль, чтобы попасть прямо ко мне! В горах в безлюдье, два невысоклика против сотни солдат, готовых примчаться на мой зов в любую минуту! И Кольцо над всеми Кольцами! И вы в моей власти. Прекрасный дар судьбы! Фарамиру, Капитану Гондорского войска, представляется случай показать себя! Ха!

Он встал, выпрямился во весь свой огромный рост, и серые глаза его засверкали. Фродо и Сэм вскочили с табуретов, отпрыгнули к стене, прижались к ней спинами. Их руки потянулись к мечам. Стало очень тихо. Сидящие в пещере воины, заметив, что в нише что-то происходит, насторожились и удивленно смотрели на хоббитов. Но Фарамир выдержал паузу и, тихо засмеявшись, снова опустился в кресло. Потом лицо его стало серьезным и печальным.

— Бедный Боромир! Слишком трудным оказалось для него испытание, — промолвил он. — Еще тяжелее стало из-за вас бремя моей печали, непонятные странники из дальних земель с гибельной ношей! Но, по-видимому, я лучше разобрался в хоббитах, чем хоббиты в людях. Мы, гондорцы, не приучены лгать. Мы не хвастуны, но если даем обещание, то скорее погибнем, чем нарушим слово. Я уже сказал: «Не нагнусь за ним, если увижу на дороге». Так что даже пожелаю я завладеть этой вещью, слово было сказано, я его не нарушу, хотя и не знал, что обещаю. В этом предмете для меня нет искушения. Может быть, потому, что я многое знаю и вижу опасность, которой человек должен избегать. Сядьте. Успокойтесь. Утешься, Сэм. Ты выдал тайну невольно, видно, судьба так хотела. Сердце у тебя мудрое и верное, оно видит лучше, чем твои глаза. Потому что, как вам это ни покажется странным, сейчас вы в полной безопасности. Кто знает, Сэм Гэмджи, может быть, открыв мне все, ты помог своему любимому хозяину. Теперь я постараюсь, чтобы наша встреча обернулась ему на пользу, так что можешь даже радоваться. Но никогда больше — слышишь? Никогда! — не произноси вслух название этой вещи. Пусть это будет в первый и последний раз.

Хоббиты вернулись на свои места и сели тихо-тихо. Солдаты снова занялись вином и беседой, решив, что их Капитан пошутил с гостями и шутка кончилась.

— Наконец-то мы сможем хорошо понять друг друга, мой Фродо! — продолжал Фарамир. — Если ты владеешь этим предметом по просьбе других, не желая его для себя, ты заслуживаешь моего уважения и сочувствия. Удивляет меня то, что ты его прячешь и не пытаешься применить. Вы для меня — существа из чуждого и далекого племени. Неужели все ваши соплеменники на вас похожи? Тогда это должна быть страна покоя и мира, где садовники в большом почете.

— Не все у нас совершенно, — ответил Фродо, — но садовников мы действительно уважаем.

— И наверное, даже там, в своих мирных садах, вы устаете, как любое существо под солнцем. Что же говорить сейчас, когда ты так далеко от дома и так долго в пути. Попробуй уснуть спокойно, если сможешь. Не бойся, я не хочу ни смотреть на эту вещь, ни прикасаться к ней, и знать о ней не хочу больше, чем уже знаю (и этого достаточно, увы!). Не желаю подвергаться искушению, чтобы в новом испытании не оказаться менее достойным, чем Фродо сын Дрого. Отдохни, только скажи еще, если можешь, куда ты собираешься идти дальше, ибо я буду бодрствовать и думать. Утром каждый из нас пойдет своей дорогой.

После пережитого потрясения и страха Фродо весь дрожал. Теперь на него навалилась огромная усталость и туман застилал глаза. У него больше не было сил сопротивляться и притворяться.

— Я искал дорогу в Мордор, — произнес он еле слышно. — Шел на плато Горгорот. Мне надо найти Огненную Гору и бросить эту вещь в Роковые Расселины. Так сказал Гэндальф. Но я, наверное, никогда не дойду до цели.

Фарамир с минуту смотрел на него, будто в первый раз, внимательно и удивленно. Заметив, что хоббит пошатывается и еле стоит на ногах, воин ласково взял его на руки, отнес на ложе, уложил и тепло укутал. Фродо тут же провалился в глубокий сон.

Рядом поставили другое ложе для его слуги. Сэм с минуту колебался, потом с низким поклоном обратился к Фарамиру:

— Спокойной ночи! Ты оказался высшей пробы, господин!

— Неужели? — спросил Фарамир.

— Да, господин. Я бы выразился: показал себя в лучшем виде.

Фарамир усмехнулся.

— Дерзок слуга у Фродо сына Дрого! Ну что ж! Похвала из честных уст — высшая награда. Я пока ее не заслужил. У меня не было настоящего искушения и не было желания поступить иначе.

— Я тебе верю, — сказал Сэм. — Ты заметил, благородный господин, что в моем хозяине есть что-то от эльфа. А я скажу, что и в тебе тоже есть что-то, напоминающее... — не смейся! — мага Гэндальфа.

— Может быть, — произнес Фарамир. — Может быть, ты почувствовал дыхание нуменорского ветра. Доброй ночи!

Глава шестая. ЗАПРЕТНОЕ ОЗЕРО

Проснувшись, Фродо увидел склонившегося над ним Фарамира. На мгновение его пронзил прежний страх, и хоббит сел на ложе, отодвинувшись к стене.

— Тебе нечего бояться, — сказал Фарамир.

— Разве уже утро? — спросил Фродо и зевнул.

— Еще нет, но луна уже заходит. Хочешь на нее посмотреть? И мне нужен твой совет в одном деле. Жаль, что пришлось прервать твой отдых, но прошу тебя пойти со мной.

— Я пойду, — ответил, вставая, Фродо.

Его снова пробрала дрожь, когда он вылез из-под теплого одеяла и шкур. В пещере было холодно. В тишине громко шумел водопад. Хоббит завернулся в плащ и пошел за Фарамиром.

Сэм проснулся внезапно, как чуткий пес, вмиг увидел пустое ложе хозяина и сорвался с постели. Заметив темные силуэты Фродо и высокого человека на фоне Окна, через которое падал лунный свет, верный слуга побежал за ними между рядами спящих на сене солдат. Проходя мимо водяной завесы, он обратил внимание на то, что она теперь напоминала блестящий шелк, затканый серебром и жемчугом, а по краям — тающие лунные сосульки. Но задерживаться, чтобы полюбоваться, не стал, а сразу бросился вслед за своим хозяином, который только что свернул в узкую дверь в стене пещеры.

Сначала они шли темным туннелем, потом по мокрым каменным ступеням вверх, пока не оказались на маленькой площадке, вырубленной в скале и облитой лунным светом, падающим сверху из щели в скалах. Здесь ступени раздваивались — одна узкая лестница вела, по-видимому, к крутому берегу потока, а другая поворачивала влево. По ней они и пошли. Каменная лестница оказалась винтовой, как в башне. Шли довольно долго, наконец выбрались из темных камней и встали на широкой плоской скале, ничем не огражденной. Справа от них, с востока, горный поток срывался с террасы на террасу, потом тек по гладкому искусственному желобу. Темная вода пенилась и бурлила почти у их ног и исчезала внизу. У истока водопада стоял недвижимый страж.

Фродо некоторое время следил за движением водяных струй, затем поднял глаза и посмотрел вдаль. Было холодно и тихо.

Над западным горизонтом закатывалась полная белая луна. В широкой долине, раскинувшейся у подножия гор,плыли туманы, в серебристой мгле нес темные волны Великий Андуин. За рекой клубилась темная мгла, в которой очень далеко холодным светом сияли белые зубцы Эред Нимрас, Белых Гор Гондора, покрытых вечными снегами.

Фродо долго стоял, вглядываясь вдаль, и дрожал, думая о том, что, может быть, там, во тьме неведомых пространств, идут или спят сейчас его друзья, если не лежат мертвые под саваном мглы. Зачем Фарамир привел его сюда, вырвав из сонного забытья?

Сэм задавал себе тот же вопрос и не мог не высказаться, надеясь, что, кроме Фродо, никто его не услышит:

— Прекрасный вид, хозяин, нельзя не согласиться, но дрожь пронизывает до костей, не говоря уже о сердце. Что происходит?

Ответил Фарамир:

— Луна заходит над Гондором. Красавица Итиль, покидая Средиземье, в последний раз смотрит на белые кудри седого Миндоллуина. Этот вид стоит того, чтобы немного померзнуть. Но я вас привел сюда не для этого, и, правду сказать, Сэм Гэмджи, тебя я вообще не звал, так что, если тебе холодно, считай, что это плата за чрезмерную чуткость. Глоток вина вас потом быстро согреет. Взгляните сюда!

Капитан подошел к краю пропасти и встал рядом с часовым. Фродо пошел за ним. Сэм не сдвинулся с места: он и так чувствовал себя неуверенно на мокрой площадке.

Фарамир и Фродо заглянули вниз. Далеко под ногами белая вода вливалась в огромный кипящий пеной котел между камнями, бурлила и крутилась в нем, затем с шумом и плеском вливалась оттуда в более спокойный овальный водоем в скалах, а из него стекала вниз через узкий шлюз. Косые лучи луны освещали подножие водопада и отражались на поверхности водоема. Вдруг Фродо увидел на ближнем берегу маленькое темное существо, и в ту же минуту существо нырнуло в воду, стрелой рассекло ее и поплыло под водопад.

Фарамир спросил часового:

— Что ты сейчас о нем скажешь, Анборн? Белка это или зимородок? В Лихолесье водятся черные зимородки?

— Я не знаю, что это, но это не птица, — ответил Анборн. — У него четыре лапы, а ныряет он, как человек. И надо признать, нырять и плавать он мастер. Непонятно, чего он ищет. Может быть, дорогу через завесу в наше укрытие? Значит, пещера уже не тайна. У меня при себе лук, и лучших лучников я расставил по берегам. Ждем твоего приказа натянуть тетиву, Капитан!

— Ну, что? Пусть стреляют? — спросил Фарамир, быстро поворачиваясь к Фродо.

Фродо немножко подумал.

— Нет, — сказал он. — Нет! Пожалуйста, не стреляйте.

Сэму на этот раз не хватило смелости, чтобы громко крикнуть «Да!». Он не видел того, о ком шла речь, но без труда догадался, на кого все смотрят.

— Значит, ты знаешь, что это за тварь? — спросил Фарамир. — Теперь, когда я его тоже вижу, объясни, почему его надо щадить. В нашей долгой беседе ты ни разу не упомянул о своем третьем спутнике, и я решил пока о нем не расспрашивать. Ждал, пока мои люди схватят его и приведут. Отправил за ним лучших охотников, но он всякий раз ускользал от них. Но сейчас этот негодяй совершил еще большее преступление, чем ловля кроликов в этом лесу: он осмелился вторгнуться в Эннет Аннон, и за эту дерзость заплатит жизнью. Удивляюсь я. Скрытный и сообразительный, а приходит купаться в озеро под самым нашим окном. Он что, думает, что люди спят, не выставив стражу? Зачем он это делает?

— На твой вопрос можно дать два ответа, — сказал Фродо. — Во-первых, он не знает людей, и хотя очень хитер, может вообще не догадываться, что вы тут прячетесь, тем более, что ваше укрытие хорошо замаскировано. Во-вторых, я допускаю, что его сюда тянет неодолимая сила, которая сильнее осторожности.

— Ты говоришь, что его сюда что-то притягивает? — спросил Фарамир, понижая голос. — Ты хочешь сказать, что он знает о бремени, которое ты несешь?

— Да. Он сам нес его долгие годы.

— Он его нес? — переспросил Фарамир, подавив крик удивления. — Дело запутывается все новыми загадками. Значит, он охотится за этой вещью?

— Может быть. Она ему дорога. Но сейчас ему нужно другое.

— Что же?

— Рыба, — ответил Фродо. — Смотри!

Они еще внимательнее впились глазами в темное озеро. Увидели, как у дальнего берега появилась маленькая черная голова, еле различимая в тени скал. Что-то серебристо блеснуло, мелкие круги разошлись по воде. Тварь подплыла к берегу и как лягушка выбралась на камень. Там Голлум уселся и стал грызть маленькую серебристую рыбку, которая поблескивала у него в пальцах под лунным светом.

Фарамир негромко рассмеялся.

— Рыба! — воскликнул он. — Ну, это влечение не так опасно. Хотя рыба из озера Эннет Аннон может стоить ему очень дорого.

— Он у меня на конце стрелы, — отозвался Анборн. — Можно выстрелить, Капитан? Ведь по закону незванным гостям — смерть!

— Погоди, Анборн, — сказал Фарамир. — Дело сложнее, чем ты думаешь. Что скажешь, Фродо? Почему его надо щадить?

— Он несчастный и голодный, — ответил Фродо, — и не подозревает о грозящей опасности. Гэндальф, по-вашему Мифрандир, тоже просил бы тебя даровать ему жизнь, хотя бы по этой причине, и еще какие-то соображения у него были. Эльфам он не разрешил его тронуть. Я точно не знаю, почему. Немножко догадываюсь, но мне пока нельзя о том говорить. Эта тварь как-то связана с моим заданием. Пока ты нас не обнаружил и не увел с собой, он был моим проводником.

— Проводником? — удивился Фарамир. — Новое чудо! Я многое готов сделать для тебя, Фродо, но это уж слишком: оставить на свободе хитрого гада и позволить ему идти, куда хочет? Он может пристать к тебе в дальнейшем твоем пути, а может попасть в лапы орков и под пытками выложить все, что знает. Его надо убить, если не удастся поймать. Но он очень быстр. Что же еще быстрее,

если не стрела из лука?

— Разреши мне тихонько подойти к нему, — попросил Фродо. — Держите луки натянутыми, и если мой способ подведет, можете и меня застрелить. Я не буду бежать.

— Иди, только скорее! — разрешил Фарамир. — Но если он выйдет из этого переплета живым, то должен будет служить тебе до конца своих жалких дней. Анборн, проводи Фродо вниз и будь осторожен: у этой твари чуткий нос и уши. Дай мне свой лук.

Анборн недовольно заворчал, но пошел с хоббитом по крутым ступенькам на нижнюю внутреннюю площадку, а оттуда другими ступеньками немного вверх, пока они не оказались у выхода из скалы, полностью скрытого густым кустарником. Фродо бесшумно пробрался через кусты и оказался на высоком южном берегу озера. Уже стемнело перед утром, водопад посерел, и месяц почти скрылся. Голлума отсюда видно не было. Фродо сделал несколько шагов вперед. Анборн тихо шел за ним.

— Дальше осторожней! — шепнул он на ухо хоббиту. — Справа обрыв. Если упадешь в воду, тебя никто не спасет, разве что твой приятель-рыбак. И не забывай, что лучники рядом настороже, хотя ты их не видишь.

Фродо пробирался вперед, помогая себе руками, как Голлум, чтобы не сорваться вниз. Камни были гладкие и скользкие. Вдруг Фродо остановился и прислушался. Сначала он слышал только шум водопада, потом различил свистящий шепот-шип:

— Рыба, рыбка, вкус-ная рыбка. Белое Лицо ис-с-счез-зло, да. Прелес-сть моя, оно ис-счез-зло наконец-ц-с. Можж-жно с-спокойно с-съес-с-сть рыбку. Нет, нет, не с-спокойно, потому что наш-ше С-сокровищ-ще пропало, оно ис-счез-зло. Подлые хоббиты, с-с-скверные х-хоббиты. Уш-шли, нас-с з-забыли, брос-с-сили. З-забрали С-сокровищ-ще. Бедный С-смеагол ос-стался оди-неш-шенек. Нет наш-шей Прелес-сти. З-злые люди з-ззаберут, украдут. Воры. Ненавиж-жу з-зловеев. Рыба вкус-ная, хорош-шшая рыбка, прида-ст нам с-сил, у нас-с будут з-зоркие глаз-з-ски, с-сильные руч-чки. Мы их вс-сех-х-х задуш-шим, только бы вс-стретить. Вкус-ная рыбка!..

Его бормотанье напоминало нескончаемый шум воды, прерываемый бульканьем и чмоканьем. Слушая его, Фродо вздрагивал одновременно от жалости и отвращения. Если бы никогда больше не слышать этого бульканья! Где-то недалеко замер Анборн. Можно было всего лишь обернуться к нему, шепнуть, пусть прикажет лучникам стрелять. Они бы, наверное, не промахнулись, потому что Голлум, с жадностью поглощая рыбу, не думал об осторожности. Одно точное попадание — и Фродо навсегда избавится от противного жалостного голоса. Но он не мог этого сделать. Голлум имел право на его защиту. Слуга всегда имеет право на милость хозяина. Если бы не Голлум, хоббиты пропали бы в Гиблых Болотах. В глубине души хоббит чувствовал, что Гэндальф наверняка не желал бы убийства.

— Смеагол! — позвал он тихо.

— Рыба, вкус-ная рыбка... — сопел Голлум.

— Смеагол! — чуть громче повторил Фродо. — Смеагол!

Голлум перестал сопеть.

— Смеагол, твой господин вернулся. Твой господин здесь; подойди ко мне, Смеагол!

Вместо ответа он услышал легкий присвист, будто Голлум втягивал воздух через зубы.

— Иди сюда, Смеагол, — говорил Фродо. — Мы в опасности. Если люди тебя здесь найдут, они убьют тебя. Быстро иди сюда, если не хочешь умереть. Иди к своему господину.

— Нет! — проскрипел Голлум. — Господин злой. Он бросил Смеагола и ушел с новыми друзьями. Теперь пусть ждет. Смеагол не кончил есть рыбу.

— Нельзя терять ни минуты! — сказал Фродо. — Бери рыбу с собой и иди сюда.

— Нет. Надо доесть рыбу.

— Смеагол! — рассерженно закричал Фродо. — Сокровище на тебя гневается. Я сейчас скажу ему: сделай, чтобы Смеагол проглотил кость и подавился насмерть! Больше никогда не будешь есть рыб. Иди сюда, Сокровище ждет!

Раздалось громкое шипение. Голлум вылез из темноты на четвереньках, как собака, подползающая к ногам хозяина. Одну полусъеденную рыбу он держал зубами, другую зажал в кулаке. Приблизившись к Фродо, он на него фыркнул. Белесые глаза блестели. Потом он вдруг вынул рыбу изо рта и встал перед хоббитом.

— Хороший господин, добрый! — зашептал он. — Добрый хоббит вернулся к бедному Смеаголу. Добрый Смеагол пришел к своему господину. Идем отсюда быстро-быстро, да? Между деревьями. Желтое Лицо не светит, Белое Лицо не светит. Идем.

— Хорошо, мы пойдем, — ответил Фродо. — Но не сейчас. Я пойду с тобой, как обещал, повторяю обещание. Но не сейчас. Ты еще не в безопасности. Я тебя выручу, но ты должен мне верить.

— Верить моему господину? — недоверчиво спросил Голлум. — Зачем сейчас опять верить? Почему не идем? Где другой хоббит, тот грубый злой хоббит? Где?

— Там, наверху, — ответил Фродо, показывая на водопад. — Я без него не пойду. Надо за ним сходить.

У него сжалось сердце. Он, правда, не боялся, что Фарамир позволит убить Голлума, но предполагал, что его схватят и свяжут и несчастный предатель сам почувствует себя преданным. Он никогда не поймет, что таким образом Фродо спас ему жизнь, и что у него не было другого способа спастись. Но что мог сделать Фродо, хотевший сохранить доверие обеих сторон?

— Идем, Смеагол, — сказал он, — а то Сокровище рассердится. Пойдем вверх по ручью. Иди, иди вперед.

Голлум пошлепал по дороге над обрывом, всхлипывая и подозрительно принюхиваясь. Вдруг он остановился и поднял голову.

— Здесь кто-то есть! — сказал он. — Здесь не только хоббит. — Он повернулся к Фродо. В выпуклых глазах горел зеленый огонек. — Недобрый господин! Злой! Коварный! Обманул!

Голлум плюнул и потянул к Фродо длинные руки с цепкими белыми пальцами. В тот же миг огромный темный силуэт Анборна вынырнул из темноты. Человек прыгнул к Голлуму, схватил его сильной рукой за загривок и пригнул к земле. Голлум мгновенно весь свернулся, извиваясь, как угорь, скользким телом и лапами, стал царапаться, шипеть и кусаться, как кот. Из мрака выбежали еще два солдата.

— Не шевелись! — приказал один из них Голлуму. — А то натыкаем в тебя стрел, ежом станешь. Не дергайся!

Голлум бессильно обмяк и расплакался. Люди его довольно грубо связали.

— Не так туго! — просил Фродо. — Вы же во много раз сильнее его. Не делайте ему больно, он тогда будет вести себя спокойнее. Не бойся, Смеагол, больше они тебе ничего плохого не сделают. Я пойду с тобой, люди не страшные. Пока я жив, ничего не сделают. Верь своему господину.

Голлум повернул голову и плюнул в его сторону. Солдаты оторвали его от земли, надели на голову мешок и поволокли за собой.

Удрученный Фродо поплелся за ними. Через скрытый в кустах вход в гору, потом лестницами и коридорами они вернулись в пещеру. В ней горело несколько факелов, хлопотали проснувшиеся люди. Ожидавший Фродо Сэм поглядел на то, как солдаты вносили мешок, и спросил:

— Поймали?

— Да. То есть, нет. Не поймали, — ответил Фродо. — Он сам подошел ко мне, потому что поверил моему слову. Я не хотел, чтобы его тащили связанного. Надеюсь, что все хорошо кончится, и мне ужасно жаль, что вышла неприятность.

— Мне тоже жаль, — сказал Сэм. — Но с этим ходячим несчастьем вечно одни неприятности.

Один из солдат кивнул им и позвал в нишу. Фарамир уже сидел там в кресле под светильником. Он указал хоббитам на табуреты, а когда они сели, приказал подчиненному:

— Подай гостям вина, и пусть приведут пленного.

Сначала подали вино, потом появился Анборн, неся в руках Голлума. Он снял с него мешок, поставил его на землю и остался рядом, придерживая его за веревки, чтобы не падал. Голлум прикрывал глаза, пряча хитрый и злобный взгляд под бледными тяжелыми веками. Он выглядел очень несчастным, был совершенно мок, от него несло рыбой (одну он все еще сжимал в руке). Редкие космы, как увядшие водоросли, свисали с его костистой головы, он булькал и хлюпал носом.

— Развяжите! — ныл он. — Веревка нас ранит, нам больно, мы ничего плохого не сделали.

— Ничего? — сказал Фарамир, внимательно глядя на пленника, и лицо его не выражало ни гнева, ни удивления, ни жалости. — Ты так думаешь? Никогда не делал ничего, за что заслуживаешь

наказания? Ладно, за прошлое я тебе не судья. Но сейчас мы тебя нашли там, куда нельзя ходить под страхом смерти. За рыбу из этого пруда надо дорого платить.

Голлум выронил рыбу из рук.

— Не буду есть рыбу, — сказал он.

— Цена установлена не за саму рыбу, — сказал Фарамир. — Мы караем смертью за вторжение в этот горный уголок, за один взгляд, брошенный на озеро. Тебе даровали жизнь по просьбе Фродо, который уверяет, что чем-то тебе обязан. Но ты должен ответить на все мои вопросы. Как твое имя? Откуда ты явился? Куда идешь? Чего ищешь?

— Заблудились мы, потерялись, — ответил Голлум. — У нас нет имени, ничего мы не ищем, мы потеряли нашу Прелесть, ничего у нас не осталось, ничего. Только пустота. Везде пусто, и голод, да, мы голодные. За несколько рыбок, за несколько мелких костлявых рыбок бедного несчастного хотят покарать смертью. Такая у них справедливость, такая мудрость.

— Может быть, мудрости нам и не хватает, — произнес Фарамир, — но справедливы мы настолько, насколько наша малая мудрость нам позволяет. Развяжи его, Фродо!

Фарамир вынул из-за пояса ножик и протянул его хоббиту. Голлум, по-своему понявший этот жест, взвыл и упал на землю.

— Спокойно, Смеагол! — сказал Фродо. — Ты должен мне верить. Я тебя в беде не оставлю. Отвечай на вопросы честно. Это тебе не повредит, а только поможет.

Он перерезал веревки, связывавшие Голлума, и поднял его с земли.

— Подойди ближе! — приказал Фарамир. — Смотри мне в глаза! Ты знаешь, как называется это место? Ты уже был здесь раньше?

Голлум медленно приподнял веки, неохотно перевел на Фарамира взгляд выпуклых глаз. В них не было ни искорки света; белесые и матовые, они тупо смотрели в светлые бесстрашные очи гондорского воина. Наступило молчание. Вдруг Голлум съезжился, припал к земле и заскулил.

— Мы не знаем, мы не хотим знать! Никогда мы здесь не были! Никогда больше не придем!

— Твои мысли — запертые двери и закрытые окна, а за ними — темные подвалы, — сказал Фарамир. — Но мне кажется, что на сей раз ты сказал правду. Твое счастье. Чем ты поклянешься, что никогда не вернешься сюда и никогда ни словом, ни знаком не укажешь дорогу в это место ни одному живому существу?

— Мой господин знает, — ответил Голлум, искоса оглядываясь на Фродо. — Да, да, он знает. Мы пообещаем нашему господину, если он нас спасет! Мы поклянемся на Нем, да! — Он подполз к ногам Фродо и всхлипнул: — Спаси нас, добрый хоббит! Смеагол обещает, низайше просит нашу Прелесть! Никогда-никогда не вернется, ни слова не скажет, нет, нет!

— Этого достаточно, Фродо? — спросил Фарамир.

— Да, — сказал Фродо. — Тебе придется либо удовлетвориться такой клятвой, либо поступить, как требует твой долг. Больше ты от этого пленника ничего не услышишь. Но я обещал, что ему не причинят вреда, если он пойдет со мной, и не хотел бы оказаться обманщиком.

Фарамир задумался и долго не говорил ни слова.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Отдаю тебя в руки твоего господина. Пусть Фродо сын Дрого скажет, что он хочет с тобой сделать.

— Но сначала ты, достойный Капитан, скажи, что ты собираешься сделать с Фродо! — ответил хоббит. — Не зная твоего решения, я ничего не могу решать ни для себя, ни для своих спутников. Ты отложил приговор до утра, уже светает.

— В таком случае объявляю свою волю, — сказал Фарамир. — Что касается тебя, Фродо, то на основании полномочий, данных мне моим Правителем, я признаю за тобой свободу передвижения в границах Гондора до крайних пределов Старого Королевства. Но предупреждаю, что ни ты, ни твои спутники не имеете права без особого вызова возвращаться в это убежище. Даю тебе эти привилегии на один год и один день, считая от сегодняшнего; если в течение указанного времени ты явишься в Минас Тирит пред лицо Наместника и Правителя, я смогу просить его подтвердить и продлить до конца твоей жизни привилегии, полученные сейчас от меня. Тем временем любой, кого ты возьмешь под свое покровительство, найдет покровителя во мне, и щит Гондора его охранит. Этого тебе достаточно?

Фродо низко поклонился.

— Да, — ответил он. — Я весь к твоим услугам, если мои услуги имеют какую-нибудь ценность в глазах столь благородного и великого рыцаря.

— Я их высоко ценю, — сказал Фарамир. — Теперь скажи: берешь ли ты под свою защиту этого Смеагола?

— Беру Смеагола под свою защиту, — ответил Фродо.

Сэм глубоко вздохнул. Но этот вздох не был знаком нетерпения при долгом обмене любезностями, потому что Сэм, как приличный хоббит, такого рода церемонии уважал. В Хоббитшире подобная беседа не обошлась бы без втрое большего количества слов и поклонов.

— Теперь слушай ты! — обратился Фарамир к Голлуму. — Над тобой висит смертный приговор, но пока ты будешь держаться за Фродо, ни один волос не упадет с твоей головы, во всяком случае, никто из нас тебя не тронет. Но если кто-нибудь из гондорских солдат встретит тебя шатающимся в наших границах без Фродо, приговор будет выполнен. И да погибнешь ты, в наших границах или за их пределами, если будешь плохо служить своему господину, если его обманешь. Теперь говори: куда пойдешь? Фродо сказал, что ты был его проводником. Куда его поведешь?

Голлум молчал.

— Я должен это знать, — продолжал Фарамир, — отвечай, или я лишу тебя своей милости.

Голлум продолжал молчать.

— Я за него отвечу, — отозвался Фродо. — По моему приказу он привел меня к Стальным Вратам, но оказалось, что через них пройти нельзя.

— Открытых ворот в Страну-Без-Названия нет, — заметил Фарамир.

— Обнаружив это, мы свернули на южную дорогу, — продолжал Фродо. — Наш проводник сказал, что есть, или, во всяком случае, может существовать, проходимая тропа через Минас Итиль.

— Минас Моргул, — поправил Фарамир.

— Я точно не знаю, — сказал Фродо, — но я понял, что тропа поднимается круто в гору с северной стороны долины, где стоит старая крепость. Тропа поднимается на высокий перевал, а потом спускается в... в страну, которая лежит за горами.

— Ты знаешь название перевала? — спросил Фарамир.

— Нет, — ответил Фродо.

— Это Кирит Унгол.

Голлум резко зашипел и забормотал.

— Так ли называется перевал? — спросил Фарамир, устремив на него проницательный взгляд.

— Нет! — взвизгнул Голлум и заюлил, будто его укололи. — Да, да, мы когда-то слышали это название. Но что значит название? Господин сказал, что надо туда пройти. Надо искать дорогу. Другой дороги нет, совсем нет!

— Нет другой? Откуда ты это знаешь? Ты изучил все границы Страны Мрака? — Капитан долгим взглядом посмотрел на Голлума, потом произнес: — Уведи пленника, Анборн. Обращайся с ним мягко, но глаз с него не спускай. А ты, Смеагол, не вздумай прыгать в водопад. Там внизу острые, как зубы, камни, раньше времени погибнешь. Иди отсюда и возьми свою рыбу.

Анборн ушел, подталкивая впереди себя скорчившегося Смеагола. Нишу, в которой остались Фарамир и хоббиты, отделили от зала-пещеры занавеской.

— Мне кажется, Фродо, что ты поступаешь необдуманно, — сказал Фарамир. — Не нужен тебе такой проводник. Это подлое ничтожество.

— Нет, нет, он не до конца подл, — ответил Фродо.

— Может быть, и не до конца, — сказал Фарамир, — но зло проело его, как ржавчина, и проникает все глубже. Ни к чему хорошему он тебя не приведет. Если ты согласишься с ним расстаться, я дам ему пропуск и провожатых до любого места на границе Гондора, которое он сам выберет.

— Он не захочет, — ответил Фродо. — Он пойдет за мной, как идет уже давно. Наконец, я не однажды обещал, что позабочусь о нем и пойду, куда он меня поведет. Неужели ты хочешь, чтобы я нарушил слово?

— Нет, — сказал Фарамир, — но в душе я на это надеюсь. Советовать другу нарушить слово, когда он, не сознавая, что делает, связал им себя на погибель, кажется меньшим грехом, чем самому не сдержать обещание. Беру свои слова обратно. Терпи Голлума возле себя, если он за тобой пойдет. Сомневаюсь, однако, что тебе обязательно надо идти через Кирит Унгол. Твой проводник не говорит всего, что знает, я вычитал это в его глазах. Не ходи на Кирит Унгол.

— Куда же мне идти? — спросил Фродо. — Вернуться к Стальным Вратам и сдать страже? Что тебе известно о том перевале, почему одно его название внушает страх?

— Точно ничего не известно, — ответил Фарамир. — Мы, гондорцы, не отходим так далеко на восток от Тракта, и никто из моего поколения не взбирался на Сумрачные Горы. О тех горах мы знаем из старых легенд и рассказов, передающихся от отца к сыну. Достоверно то, что перевал над крепостью Минас Моргул стережет какая-то страшная сила. Старцы и ученые, посвященные в тайную мудрость, бледнеют и умолкают, когда произносится название Кирит Унгол.

Долина Моргул давно находится во власти злых сил. Даже тогда, когда изгнанный Враг был еще далеко, а большая часть Итилиэна принадлежала нам, оттуда веяло грозой и страхом. Как ты, наверное, знаешь, давным-давно там стояла гордая и красивая крепость Минас Итиль, сестра нашей Столицы. Но ею завладели злые люди, которых Враг покорил и взял на службу еще до упадка своей мощи. После его изгнания они оказались без хозяина и без государства. Говорят, что их привели сюда нуменорцы, опустившиеся до черной подлости. Враг одарил их Кольцами Власти, иссушил до превращения в страшных живых призраков. После его изгнания они заняли Минас Итиль, осели там, превратили крепость и долину вокруг нее в развалины. Место казалось пустым, но там поселился страх. Девять Призраков тайно подготовили возвращение своего Властелина, помогли ему вновь укрепиться и сами при этом возвысились. Когда Черные Всадники выехали в мир из Врат Ужаса, мы не смогли преградить им путь. Не подходи к их крепости! Там вечно бодрствует зло, там поселились Неспящие Глаза. Не ходи по той дороге.

— А куда мне идти? — спросил Фродо. — Ты же говоришь, что не можешь указать мне путь в горы. Но я должен преодолеть их, потому что дал слово всему Совету, что пройду туда или погибну. Если бы я повернул назад перед последним, самым трудным испытанием, как бы я смог вернуться к эльфам и людям? Разве ты принял бы меня как гостя в Гондоре, если бы я появился там с той ношей, которая ввергла в безумие твоего брата? Какая судьба обрушилась бы тогда на Минас Тирит? Кто знает, не стали бы тогда два разрушенных Минас Моргула смотреть друг на друга пустыми глазницами над опустошенным краем?

— Этого я не хочу, — сказал Фарамир.

— А чего же ты от меня хочешь?

— Не знаю. Но не хочу, чтобы ты шел на смерть или на муки. Не думаю, чтобы Мифрандир послал тебя по этой дороге.

— Раз он погиб, я должен сам идти по единственной дороге, которую знал. У меня нет времени искать лучшую, — сказал Фродо.

— Суровая судьба тебе досталась, и безнадежное дело, — сказал Фарамир. — Помни хотя бы мое предостережение: не доверяй своему проводнику, не верь Смеаголу. У него на счету уже есть убийство, я прочитал это в его глазах. — Гондорец глубоко вздохнул. — Вот так мы встретились и сразу расстаемся, Фродо сын Дрого. Тебя не надо утешать пустыми словами. Знай, что у меня почти нет надежды увидеть тебя снова под солнцем на этой земле. Но в дорогу прими мои добрые пожелания тебе и всему твоему племени. Сейчас отдохай, а мы тем временем приготовим тебе провиант. Мне бы очень хотелось узнать, каким образом этот колченогий Смеагол завладел Сокровищем, о котором ты говоришь, и как он его потерял; но не буду больше тебя тревожить. Если, несмотря ни на что, ты вернешься в страну живых, то мы сядем с тобой на крепостной стене в полном блеске солнца, смеясь над прошлыми страхами, и все друг другу подробно расскажем. А пока — прощай.

Фарамир встал, низко поклонился Фродо, раздвинул занавеску и пошел к своим солдатам.

Глава седьмая. ПЕРЕПУТЬЕ

Фродо и Сэм вернулись на свои лежа и некоторое время лежали молча. Сон не шел, день уже начинался, и вокруг суетились люди. Потом хоббитам принесли воду для умывания и пригласили их к столу, накрытому на троих. Завтракали они с Фарамиром. Он так и не ложился со вчерашнего дня, но не казался усталым.

Когда они кончили трапезу, Фарамир встал.

— Голодать в дороге вы не будете, — сказал он. — Ваши припасы кончаются, но немного провианта в дорогу мы вам собрали, я приказал уложить его в мешки. Пока вы идете по Итилиэну, в воде тоже недостатка не будет, только не пейте из ручьев, текущих с Имлад-Моргул, из долины Живой Смерти. Я хочу вам еще кое-что сказать. Мои разведчики вернулись, некоторые из них дошли почти до Мораннона. Они принесли странные вести: все вокруг обезлюдело. На дорогах никого, нигде не слышно ни шагов, ни звука рога, ни даже звона натягиваемой тетивы. Над страной, которую нельзя называть, полная тишина. Что это может означать, я не знаю. Думаю, что приближаются великие события. Это затишье перед бурей. Спешите! Если вы готовы, идите немедленно. Скоро над Горами Тени встанет солнце.

Хоббитам принесли их дорожные мешки, заметно потяжелевшие, и две толстые палки из полированного дерева с железными наконечниками и резными набалдашниками, через которые были продеты ременные петли.

— У меня нет для вас подходящих даров, — сказал Фарамир. — Возьмите палки, они вам пригодятся в горах. Такими палками пользуются жители Белых Гор, а эти укорочены под ваш рост и заново окованы. Они сделаны из ценного дерева, которое называется ливифрон, его очень любят наши мастера. Есть поверье, что палка из ливифрона помогает ушедшему вернуться, а пропавшему найтись. Хотелось бы, чтобы это свойство сохранилось и выручило вас в мрачной стране, в которую вы идете!

Хоббиты низко поклонились.

— Гостеприимный друг! — произнес Фродо. — Элронд Полуэльф предсказывал мне, что в дороге я встречу друзей там, где меньше всего можно ожидать. Он оказался прав. Такой удивительной дружбы я себе и представить не мог. Из нашей встречи в злую годину вышло великое добро.

Хоббиты быстро собрались в дорогу.

Воины привели Голлума, который явно ожил, но все время держался возле Фродо, избегая встречаться взглядом с Фарамиром.

— Твоему проводнику придется завязать глаза, — сказал Фарамир, — а тебе и твоему слуге можем не доставлять этой неприятности, если не хотите.

Голлум так извивался, скрипел, бормотал, цеплялся за Фродо, когда к нему подошли солдаты с повязкой, что Фродо сказал:

— Давай повязки всем нам, и завяжите глаза мне первому, может быть, тогда он поймет, что с ним ничего плохого не случится.

Так и сделали, после чего всех троих вывели из убежища Эннет Аннон. Какое-то время они шли по каменным коридорам и лестницам, потом в лицо повеяла утренняя лесная свежесть. Наконец, Фарамир приказал снять повязки.

Они стояли в лесу под деревьями. Шум водопада сюда не доходил, их от него отделял южный склон и овраг с ручьем, бегущим по его дну. С запада между деревьями был свет и виднелось небо, словно там мир кончался.

— Здесь наши пути расходятся, — сказал Фарамир. — Даю вам последний совет: не сворачивайте сразу на восток. Идите прямо, тогда еще долго вас будет скрывать лес. С запада горы обрываются местами круто, местами более полого, держитесь края гор и края леса. Можете поначалу идти при дневном свете. Пока везде спокойно, злой Глаз Врага ненадолго отвернулся от этих мест. Но покой обманчив. Спешите, не тратьте времени. В добрый путь!

Он обнял хоббитов, по обычаю своего племени наклонившись и поцеловав каждого в лоб, положив руки им на плечи.

— Пусть сопутствует вам помощь всех людей доброй воли! — сказал он на прощанье.

Они поклонились почти до земли. Фарамир повернулся и, не оглядываясь, пошел к двум солдатам, ожидавшим его в отдалении. Хоббиты снова удивились тому, как быстро могут передвигаться люди

в зеленом, — они исчезли за деревьями в мгновение ока. Вокруг был только лес, будто все, что произошло, им приснилось.

Фродо вздохнул и повернулся к югу. Голлум, явно презирая прощальные церемонии, копался под корнями ближайшего дерева. «Вонючка опять есть хочет, — подумал Сэм. — Ну вот, все начинается сначала».

— Они уже ушли? — спросил Голлум. — Злые, противные люди. У Смеагола еще шея болит, да-да, болит шея. Идем отсюда скорей.

— Идем, — согласился Фродо. — Но если умеешь только шипеть на людей, которые оставили тебя в живых, то лучше молчи.

— Господин хороший, — заскрипел Голлум. — Смеагол пошутил. Он всех прощает, он не держит обиды, да, да, даже на доброго господина, который его обманул. Господин добрый, и Смеагол добрый.

Ни Фродо, ни Сэм ничего ему не ответили. Они вскинули мешки на плечи, крепче сжали в руках палки и пошли вперед по лесам Итилиэна. Дважды в течение дня отдыхали, подкрепляясь провизией, которую Фарамир приказал уложить им в мешки. Там были сушеные фрукты и солонина, которых должно было хватить на много дней, и хлеб, который можно было есть, только пока он не зачерствел. Голлум к этой еде не притронулся.

Солнце поднялось, прокатилось в невидимой из-за крон высоте и начало опускаться, золотя косыми лучами стволы деревьев, а путники все шли в прохладной зеленой тени, в полной тишине. Почему-то даже птиц не было слышно — то ли они улетели, то ли онемели.

Темнота рано прикрыла молчащий лес, и, не дожидаясь ночи, путники почти повалились на мягкую землю под раскидистым деревом — от пещеры они прошли не менее семи гонгов. Фродо крепко проспал всю ночь, а Сэм все время просыпался, прислушивался и вглядывался в темноту. Голлум тихо исчез, как только хоббиты стали укладываться. С первым проблеском рассвета он вернулся и разбудил хоббитов.

— Надо вставать, да, пора вставать! — сказал он. — Впереди еще долгая дорога, на юг и на восток. Хоббитам надо торопиться!

Второй день прошел почти так же, как первый, с той только разницей, что тишина, казалось, стала еще полнее, а воздух более влажным и душным. Парило, как перед грозой. Голлум часто приостанавливался, принюхивался, бормотал и торопил хоббитов.

Под вечер, после второго привала, путники вошли в редколесье, где деревья были старше и росли дальше друг от друга. Огромные дубы с мощными стволами и лопающимися почками на толстых ветках и раскидистые ясени с молодой листвой гордо стояли на светло-зеленых полянах, где в траве уже закрывались на ночь цветы ласточкиной травы и анемонов. Стройные лесные гиацинты голубели везде, куда падал взгляд. Вокруг не было ни единой живой души, ни птицы, ни зверя, но оказываясь на открытом месте, Голлум начинал дрожать от страха, и передвигались они теперь с великой осторожностью, стараясь перебежать бегом от одной длинной тени к другой.

День быстро клонился к вечеру, когда они подошли к краю леса. Путники сели под старым корявым дубом, узловатые корни которого как змеи ползли вниз по крутой осыпи. Перед ними была глубокая мрачная долина. За ней снова начинался густой лес, он тянулся на юг и казался серо-синеватым в вечернем сумраке. Справа, на западе, далеко-далеко сверкали вершины Белых Гор Гондора, освещенные закатом. Слева царила ночь и высилась черная стена мордорских Сумрачных Гор. Узкое ущелье, расширяясь, ступенчато спускалось к Великой Реке, по его дну перекатывал камни быстрый поток. Фродо слушал его глухой голос, единственный звук, нарушавший тишину. Вдоль потока, по его противоположному берегу, вилась белая лента дороги, пропадающей в холодной серой мгле, куда не проникали лучи заходящего солнца. Хоббиту показалось, что он различает как бы плывущие в море тени вершины и неровные верхушки древних обрушенных башен, темных и нежилых. Он повернулся к Голлуму:

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Да, господин. В опасном месте. Это дорога из Лунной Башни к разрушенному городу над Рекой; да, да, разрушенный город, плохое место, много врагов. Плохо мы сделали, что послушали того человека. Хоббиты далеко ушли от тропы; теперь надо идти на восток и в гору. — Голлум замахал худыми руками в сторону мрачного горного хребта. — Нельзя идти по этой дороге, нет, нельзя. По этой дороге из крепости ходят страшные люди. Злые.

Фродо посмотрел на дорогу сверху. Сейчас, во всяком случае, на ней никого не было. Она казалась заброшенной и вела к руинам, скрытым во мгле. Но над ней в воздухе таилось что-то злобное и страшное, будто в самом деле здесь жили непонятные, недоступные оку существа. Фродо вздрогнул,

взглянув еще раз на еле различимые башни, и плеск воды показался ему угрожающим. Он понял, что это Моргулдуин, отравленный поток, текущий из Долины Призраков.

— Что будем делать? — спросил он Голлума. — Мы уже много прошли. Может быть, вернемся в лес и поищем место для ночлега? Где тут можно спрятаться?

— Ночью прятаться не надо, — ответил Голлум. — Это днем надо прятаться, да-да, только днем.

— Да ну тебя! — сказал Сэм. — Надо же нам хоть немного отдохнуть; в полночь встанем и пойдем. До рассвета еще останется много часов, и мы сможем до утра одолеть хороший кусок дороги, если, конечно, ты эту дорогу знаешь.

Голлум очень неохотно согласился и пошел по краю леса на восток в поисках места для привала. Он не разрешил хоббитам лечь спать на земле так близко от опасной дороги; другого места не было, и после некоторых пререканий они решили все втроем влезть на огромный дуб и укрыться в развилке меж ветвей. Толстые ветви и густая крона могли служить неплохой защитой. Темнота на дереве была абсолютная. Голлум сразу свернулся в клубок и уснул, а Фродо и Сэм так и не смогли сомкнуть глаз. Они достали немного хлеба и сушеных плодов, запили водой и сидели тихо, прижавшись друг к другу.

Сразу после полуночи Голлум вдруг проснулся и уставился на них белесыми глазами. Некоторое время он прислушивался и принюхивался, как обычно.

— Отдохнули? Хорошо выспались? — спросил он. — Идем!

— Не отдохнули и ни капельки не выспались, — пробурчал Сэм. — Но если надо, придется идти.

Голлум ловко спрыгнул вниз на все четыре лапы, хоббиты несколько неуклюже слезли с дерева и сразу же двинулись вслед за Голлумом на восток вверх по склону горы.

Ночь была темной, так что они почти ничего не видели и не раз натыкались на стволы деревьев. Почва под ногами была неровной, но Голлуму это совсем не мешало. Он вел хоббитов через густые колючие заросли, обходил глубокие ямы, нырял в заросший овраг и тут же вылезал на противоположный его склон. Местами тропа опускалась вниз, но потом опять поднималась и становилась круче. Они чувствовали, что забираются все выше в горы. Когда Голлум первый раз позволил им остановиться и осмотреться, они едва различили внизу полосу леса, из которого вышли, он казался пятном тени, распростертой под мрачным небом. А в небе с востока медленно ползла огромная черная туча, проглатывая тусклые звезды. Месяц, клонившийся к западу, будто убегал от нее, прятался в желтый туман.

Голлум обернулся к хоббитам.

— День близко, — сказал он. — Надо спешить. Здесь опасно стоять на открытом месте. Идемте скорей!

И он быстро пошел в темноту, а хоббиты, преодолевая усталость, — за ним. Вскоре они уже взбирались на высокий гребень горы, густо заросший колючками, ежевикой и низким жестким терновником; иногда только попадались поляны, выжженные, по-видимому, недавно. Чем ближе к верхушке, тем больше было кустарника, и тем мощнее были кусты утесника, снизу голые, вверху пышно покрытые желтыми цветами, от которых шел слабый сладковатый запах. Первые ветки с колючками начинались так высоко, что хоббиты во весь рост шли под ними, как по тесным сухим галереям.

В конце гребня они остановились и заползли отдохнуть в терновый куст, запутанный снизу густым вереском, так что в глубине получилась почти нора.

Довольно долго они просто лежали там на сухих прошлогодних ветках, от усталости не в силах думать даже о еде. Сквозь молодые побеги и листья над головой было видно, как медленно светлеет тусклое утро.

Но настоящий день так и не пришел. Бурый полумрак укутал небо. На востоке из-под низко нависших туч светило темно-красное зарево, совсем не похожее на утреннюю зарю. За широкой мрачной долиной хмурились крутые черные вершины Эфел Дуат, внизу неразличимые в тумане, вверху — острые и грозные, как зубцы гигантских стен на фоне кровавого неба. Вправо вытягивался большой горный отрог, тоже черный, весь в тенях.

— А отсюда куда пойдем? — спросил Фродо. — Это уже проход в долину Моргул, вон там, за черной горой?

— Зачем сейчас об этом думать? — спросил Сэм. — Наверное, мы уже отсюда не двинемся до конца дня, если это можно днем назвать.

— Может быть, может быть, — ответил Голлум. — Но нам надо спешить к Перепутью, да, надо идти к развилке дорог. Оттуда пойдем, да, уж оттуда господин пойдет.

Красное зарево над Мордором погасло. Полумрак густел, с востока за клубился туман и покрыл долину. Сэм и Фродо перекусили и улеглись, а Голлум беспокойно вертелся, к еде не притронулся, только глотнул воды и стал ползать по кустарникам, бормоча и припихиваясь. Вдруг он совсем исчез.

— Наверное, охотиться пошел, — зевнул Сэм.

Ему выпало спать первым, и он быстро заснул. Снилось ему, что он ходит по Торбе-на-Круче и что-то ищет в саду, а за плечами у него тяжелый мешок, который пригибает его к земле. Сад зарос сорняками, на грядках под забором почему-то выросли колючки и торчит папоротник. «Столько работы, а я так устал, — сказал он сам себе. И вспомнил, чего ищет. — Где моя трубка?» — спросил он и проснулся.

— Осел! — обругал он себя, открывая глаза и удивляясь, почему кругом кусты. — Она же у тебя в мешке!

Тут он сообразил, что трубка действительно в мешке, но, во-первых, табака там нет, а во-вторых, сотни миль отделяют его от дома. Сэм сел. Было почти темно. Почему это Фродо разрешил ему спать до вечера?

— Вы совсем не спали, хозяин? — спросил он. — Который час? Наверное, уже очень поздно?

— Нет, но вместо того, чтобы светлеть, сегодня почему-то только темнеет, — ответил Фродо. — Если я не ошибаюсь, еще полдень не наступил, и ты проспал всего часа три.

— Странно и непонятно, — сказал Сэм. — Может быть, гроза собирается? Тогда будет не до шуток. Лучше бы мы сидели в глубокой норе, чем в этих колючках. — Он прислушался. — Что это? Гром, барабаны или еще что-нибудь похуже?

— Не знаю, — сказал Фродо. — Я это уже давно слышу. Иногда мне кажется, что земля дрожит, а иногда — что это предгрозового воздух гудит в ушах.

Сэм осмотрелся.

— А где Голлум? — спросил он. — Он что, не возвращался?

— Нет, — ответил Фродо. — Не показывался и не отзывался.

— Правду сказать, я по нему не тоскую, — сказал Сэм. — Наоборот, никогда со мной в пути не было ничего, что я потерял бы с меньшим сожалением. Но это на него похоже — исчезать, когда он больше всего нужен... Если вообще можно говорить о пользе от этого уroda.

— Ты забыл, что он нас провел через болота! — сказал Фродо. — Надеюсь, что с ним ничего не случилось.

— Надеюсь, что из-за него с нами ничего не случится! — сказал Сэм. — Во всяком случае, надеюсь, что он не попадет во вражьи лапы. А то нам будет худо.

Вдруг грохот стал слышнее. Земля под хоббитами дрожала.

— Нам уже худо, — произнес Фродо. — Боюсь, что скоро наше путешествие кончится.

— Может быть, — сказал Сэм. — Но пока мы живы, надо надеяться, как говаривал мой Старик. И еще он добавлял, что от сна да обеда еще никто не умирал. Вы что-нибудь съешьте, хозяин, и поспите хоть немного.

Если Сэм правильно определил время, то было уже около часа после полудня. Когда он выглядывал из кустов, то видел только жутковатый пейзаж без света и тени, постепенно погружающийся во мрак. Было не жарко, но очень душно. Фродо спал беспокойно, ворочался и что-то шептал во сне. Два раза Сэму показалось, что он слышит в этом шепоте имя Гэндальфа. Время тянулось нестерпимо медленно. Вдруг Сэм услышал шипение и, обернувшись, увидел Голлума, который подполз на четвереньках и уставился на хоббитов светящимися глазами.

— Вставайте! — зашептал он. — Вставайте! Время терять нельзя. Надо идти быстро. Надо идти сейчас. Нет времени.

Сэм недоверчиво посмотрел на него. Голлум казался не то перепуганным, не то возбужденным.

— Идти? Сейчас? Что ты выдумал? Еще не время. В приличных странах никто не выходит в путь, не перекусив.

— Глупый хоббит! — фыркнул Голлум. — Мы не в приличных странах. Время уходит. Да, уходит быстро-быстро. Нельзя терять ни минуты. Надо идти. Проснись, господин, вставай!

Он дернул Фродо так, что тот вскочил, сел и схватил его за руку. Голлум вырвал руку и отпрыгнул:

— Не надо глупостей, — шипел он. — Надо идти. Нельзя тратить время.

Больше от него ничего не удалось добиться. Он не хотел говорить где был и почему надо спешить. Сэм всячески выказывал недоверие, но Фродо вздохнул, закинул мешок за плечи и приготовился идти. Темнота все сгущалась.

Голлум повел их вниз по склону, со всей осторожностью, стараясь прятаться под кустами, а открытые места пересекал бегом, пригнувшись до самой земли. Но света было так мало, что даже зоркий лесной зверек вряд ли заметил бы невысокликов в серых плащах с капюшонами, да, наверное, и не услышал бы их, ибо они передвигались бесшумно, как могут только хоббиты, исчезая и растворяясь в тенях. Ни веточка не треснула, ни лист не зашелестел.

Шли они так около часа, в полном молчании, друг за другом; их давил мрак и глухая тишина, которую иногда разрывал дальний гром или грохот барабанов, доходящий из-за гор. Они уже были значительно ниже своего укрытия в кустах и южнее, и продолжали идти вперед, на юг и вниз, держась этого направления, насколько позволял неровный спуск. И вот перед ними черной стеной встали деревья.

Подойдя к ним, хоббиты увидели, что деревья огромные, очень старые и высокие, с обломанными и оголенными верхушками, будто по ним прошла буря.

— Здесь Перепутье, да, — шепнул Голлум. Это были первые слова, произнесённые им в пути. — Надо идти вон туда.

Он повернул на восток и полез в гору. И вдруг перед ними открылся Южный Тракт, огибающий подножия гор и упирающийся в кольцо деревьев.

— Здесь только одна дорога, — зашептал Голлум снова. — Тропок нет, только одна дорога. Нет тропинок. Надо идти к Перепутью. Быстро! Тихо!

Крадучись, словно разведчики во вражеских владениях, они вышли на Тракт, мягко, по-кошачьи, ступая, и помчались по нему как тени, в серых плащах по серым камням, пока не добежали до деревьев, и оказались словно в большом круглом зале без крыши, как в развалинах замка с щелями-окнами меж стволов. Здесь дорога пересекалась с другой, образуя крест, так что из-под деревьев расходились четыре пути. По одному из них, Южному Тракту, ведущему дальше в Харат, пришли путники. Вправо шла дорога в старинный город Оспилят, влево — путь на восток, во Тьму. Именно туда предстояло идти.

Фродо стоял на Перепутье, объятый тревогой и страхом, как вдруг увидел свет. Его отблеск падал на лицо Сэма. В поисках источника света Фродо посмотрел в просвет между стволами на дорогу в Оспилят, которая натянутой струной вела на запад. Над далеким горизонтом за затененным Гондором заходящее солнце нашло, наконец, разрыв в тучах, и видно было, как его пламенный шар быстро катится по чистому небу над Морем. Последний закатный луч, скользнув по Сэму, на минуту осветил огромную статую человека, сидящего в спокойной и торжественной позе, напоминающую фигуры Королей-Аргонатов. Время разрушило памятник, грубые руки искалечили его. Вместо головы кто-то положил круглый камень и намалевал на нем лицо с нелепой ухмылкой и одним большим красным глазом посреди лба. Бессмысленные каракули и неумелые рисунки, распространенные среди диких племен, населявших Мордор, покрывали колени, величественный трон и постамент памятника.

Луч успел еще показать Фродо отрубленную голову каменного Короля: она валялась на земле, откатившись в сторону от дороги.

— Смотри, Сэмми! — крикнул вдруг Фродо с удивлением. — Смотри! Король обрел корону!

Глазницы, когда-то сверкавшие дорогими камнями, были пусты, резные завитки бороды побиты, но высокий лоб окружала серебряная с золотом корона. Присмотревшись, хоббиты увидели, что у висков голову оплели мелкие белые цветы, похожие на звездочки, а среди них и в каменных волосах

надо лбом цветут желтые чашечки рассыпушек.

— Не смогли они победить Короля навечно! — сказал Фродо.

В это мгновение последний луч погас. Солнце скрылось в море, будто кто-то задул лампу над миром, и его покрыла черная ночь.

Глава восьмая. СТУПЕНИ КИРИТ УНГОЛ

Голлум тянул Фродо за полу плаща, шипя от страха и нетерпения.

— Надо идти, — повторял он. — Здесь нельзя стоять. Скорей!

И маленький отряд снова двинулся в путь. Они вышли из кольца деревьев и направились к горам. Сначала дорога шла прямо, потом слегка отклонилась к югу и привела путников под огромный скалистый отрог, который они недавно видели издали. Черный утес вздымался над их головами, как сгусток тьмы на фоне темного неба. Дорога подошла к нему вплотную, вошла в тень, прижалась к его подножию, свернула на восток и круто пошла в гору.

Фродо и Сэм еле передвигали ноги, им было так тяжело, что они даже перестали думать о грядущих опасностях. Фродо опустил голову, — ноша, которую он нес, опять пригибала его к земле. Пока они находились в Итилиэне, он почти забыл о Кольце, но за Перепутьем оно с каждым шагом тяжелело. Боясь оступиться на острых камнях, хоббит иногда с усилием приподымал и поворачивал голову, а тропа становилась все круче. Наконец, как предсказывал Голлум, он увидел крепость Кольценосных Призраков. И прислонился к каменной стене, чтобы не упасть.

Длинная узкая долина кривой темной щелью врезалась в гору. В дальнем конце она раздваивалась змеиным языком, и там на черном скалистом подножии высились стены и башня Минас Моргул. Небо и земля вокруг тонули во тьме, но из башни лился свет. Это не был лунный луч, просвечивавший сквозь мраморные стены старинной крепости Минас Итиль с красивой и радостной Лунной Башней, былым светочем здешних гор. Свет был бледный, мутный и колеблющийся, как свечение болотной гнили; мертвый свет, от которого не становилось светлей.

В стенах крепости и в башне множество окон глядело черными дырами, за которыми зияла пустота. Только самая верхушка башни медленно поворачивалась то в одну, то в другую сторону, будто огромная призрачная голова высматривала что-то в ночи.

Некоторое время три путника стояли в ошеломлении: башня приковывала их к себе. Первым очнулся Голлум. Он потащил хоббитов за плащи без единого слова и почти силой сдвинул их с места. Ноги не слушались, время как будто остановилось, каждый шаг, казалось, длился вечно.

Очень медленно они подошли к белому мосту.

Тускло мерцающая дорога вела через поток и затем по откосу оврага вверх к воротам крепости. По обе стороны от потока, сбегающего по самой середине оврага, широкими полосами тянулись затененные луговины, покрытые белыми цветами. Цветы были одновременно красивые и страшные, странной формы, словно искаженные в кошмарном сне. Они светились, и над ними разносился сладковатый трупный запах. Все вокруг отдавало тленом и выглядело нереально. Мост соединял две луговины. У его боковых опор стояли причудливо вырезанные фигуры не то людей, не то животных, искривленные и уродливые. Тихо струилась вода, от нее подымался пар, клубился над ручьем и над мостом, пронизывал ледяным холодом. У Фродо кружилась голова, он боялся потерять сознание. Вдруг, будто его толкнула потусторонняя сила, он почти бегом заспешил вперед с вытянутыми руками. Голова при этом бессильно болталась и падала на плечи. Сэм и Голлум догнали его. Верный слуга обхватил хозяина руками, как раз когда тот споткнулся и чуть не упал на мост.

— Не туда! Туда нельзя! — зашипел Голлум, но звук, вырвавшийся у него из-за зубов, разорвал тишину так пронзительно, что Голлум сам перепугался и припал к земле.

— Остановитесь, хозяин! — шепнул Сэм на ухо Фродо. — Вернитесь! Туда нельзя! Голлум говорит, что нельзя. На этот раз я с ним согласен.

Фродо провел рукой по лбу, пытаясь не смотреть на крепость в скалах. Светящаяся верхушка башни околдовывала его, и хоббиту пришлось изо всех сил бороться с безумным желанием, увлекавшим его на светлую дорогу к воротам. Наконец он пересилил себя, повернулся, хотя при этом Кольцо страшной тяжестью натянуло цепочку у него на шее. Глаза, когда он оторвал их от башни, заболели, и ему показалось, что он ненадолго ослеп, — такая тьма стояла вокруг.

Голлум, извивавшийся на земле, как ужаленный зверек, пополз в темень. Сэм, поддерживая и подталкивая шатающегося Фродо, как мог, поспешил за ним. Недалеко от берега ручья в каменной стене над дорогой открывалась расщелина. Через нее они выбрались на узкую тропу, которая поначалу так же слабо мерцала, как главная дорога, но потом, когда отошла подальше от цветов с трупным запахом, погасла и потемнела и вилась, как обычная тропка, в гору, на северный склон долины.

По этой тропке хоббиты шли, взявшись за руки, чтобы не потеряться во тьме, не видя даже Голлума, который все забегал вперед и только время от времени оборачивался, чтобы их позвать, тогда они видели его белесые выпуклые глаза, в которых светились бледно-зеленые огоньки — то ли

отсвет Моргула, то ли внутренний, разбуженный им, огонь. Фродо и Сэм все время чувствовали близость трупного света и следящий взгляд пустых окон-глазниц, и оба часто в страхе оглядывались назад через плечо, каждый раз с трудом переводя взгляд снова на тропу, проверяя, не сошли ли они с нее в темноте. Передвигались медленно. Когда поднялись выше, куда не достигал мертвящий туман, вздохнули свободнее и почувствовали, что в голове немного проясняется. Но устали они так, будто всю ночь шли с большим камнем за спиной или плыли против мощного течения. Двигаться дальше без привала сил не было.

Фродо присел на первый попавшийся камень.

Они были на голой верхушке небольшой скалы. Перед ними сбоку темнел овраг, тропка цеплялась за самый его край над обрывом, дальше она поднималась прямо по южной стороне ближайшей горы и исчезала где-то высоко в сплошной темноте.

— Мне надо передохнуть, Сэм, дружок, — прошептал Фродо. — Оно такое тяжелое, невозможно тяжелое, Сэм. Боюсь, что скоро я его совсем не смогу нести. Отдохну, потом попробуем идти вон туда!

И он показал рукой на крутую тропку.

— Тс-сс, тс-с! — зашипел Голлум, возвращаясь к хоббитам.

Он прижал палец к губам, мотал головой, без слов понуждая их спешить, хватая Фродо за рукав, тянул вперед и указывал на дорогу, но хоббит не трогался с места.

— Не могу! — говорил он. — Еще не могу!

Его давила усталость, и не только усталость. Он обессилел телом и духом, как под властью чар.

— Мне надо отдохнуть.

При этих его словах Голлума охватил такой страх, что он перестал шипеть и, заслоня рот рукой, отчетливо проговорил:

— Не здесь. Здесь нельзя. Глаза видят. Они придут на мост и всех увидят. Надо лезть, лезьте вверх, скорей!

— Вставайте, хозяин, — сказал Сэм. — Он опять прав. Здесь оставаться нельзя.

— Хорошо, — ответил Фродо, словно сквозь сон. — Сейчас попробую.

И с усилием поднялся с камня.

Но было уже поздно. Почти в тот же момент скала задрожала и закачалась под ними. Мощный грохот родился в глубине земли и прокатился эхом по горам. Небо на востоке разорвала большая алая молния, осветив низкие тучи багровым светом. Над Долиной Теней, над тусклым и холодным трупным свечением молния показалась невыносимо яркой. Мгновение черные зубцы гор и башен казались зазубренным ножом, врезающимся в кровавое небо. Потом над плато Горгорот с оглушительным треском ударил гром.

Твердыня Минас Моргул ответила.

С ее стен и из башен выстрелили в тучи синие молнии и раздвоенные языки лилового пламени. Земля застонала, из-за стен крепости взлетел Крик. Смешанный с резкими высокими голосами стервятников, диким ржанием коней, ошалевших от ярости и страха, этот Крик разрывал уши, нарастал с каждой минутой и вздымался до пронзительной ноты, недоступной голосу смертных. Хоббиты упали на землю, заткнув уши руками.

Страшный крик, окончившись протяжным воем, наконец смолк. Фродо медленно приподнял голову. С другой стороны долины, почти на уровне его глаз, там, где поднимались стены зловещего замка, странно светящаяся челюсть ворот была распахнута и ощерена, как зубастая пасть. Из ворот выходило войско.

Шли черные отряды, мрачные, как ночь. На фоне серых луговин и мерцающей дороги Фродо различал черные силуэты, многочисленными шеренгами беззвучно шагающие по дороге. Казалось, что их строй никогда не кончится. Перед пехотой так же без звука скакал большой отряд конных призраков в боевом порядке, во главе которого ехал высокий всадник, весь в черном, только на прикрытой капюшоном плаща голове зловеще отсвечивал шлем с короной. Он уже подъехал к мосту.

Фродо смотрел, не мигая, широко раскрытыми глазами, не в силах отвести взгляда. Неужели это вождь Девятерых? Черный Всадник вернулся на землю, чтобы повести в бой черное войско! Да,

ошибки быть не могло. Фродо видел того самого Короля-Призрака, чья ледяная рука ударила его кинжалом. Старая рана заныла, холод сжал сердце Фродо.

В этот момент Всадник вдруг резко остановился перед мостом, и войско за его плечами замерло. Тишина стояла мертвая. Может быть, Вождь Призраков услышал зов Кольца и задержался, почуяв чужую силу в своей долине? Темная голова в страшном шлеме-короне повернулась вправо, потом влево, невидимые глаза обшаривали темноту. Фродо не мог шевельнуться, он ждал, как птица, к которой подползает змея. Никогда еще так сильно не хотелось ему надеть Кольцо на палец. Но он понимал, что Кольцо его сразу выдаст, а вступить в единоборство с Королем Моргула у него еще нет сил — пока нет. Несмотря на страх, его воля все-таки не ответила на приказ мощной силы извне. Но эта сила овладела его рукой. Не вмешиваясь, а лишь в напряжении наблюдая, что будет, словно события разворачивались где-то далеко и в другом времени, Фродо смотрел, как его собственная рука медленно тянется к цепочке на шее.

Только в последний момент скованная воля Фродо как бы проснулась. Он сумел превозмочь губительное влечение и направить руку к другому предмету на груди, о котором давно забыл. Предмет был твердым и холодным. Он схватил и сжал пальцами дар Галадриэли, волшебный флакон. Как только хоббит его коснулся, мысли о Кольце рассеялись, Фродо вздохнул и опустил голову.

В это же мгновение Король-Призрак отвернулся, прищепил коня и переехал мост, а его мрачное войско двинулось за ним. Может быть, эльфийский плащ спас Фродо, может быть, подкрепленная воспоминанием о Лориэне воля невысоклика отразила атаку вражьей воли. Всадник спешил, час пробил, грозный Черный Властелин объявил поход на Запад.

Вскоре Вождь Призраков скрылся, растаял, как тень, во мраке на дороге, а черные шеренги его солдат все шли через мост. Ни разу со времени могущества Исилдура такая огромная армия не проходила по этой долине, и ни разу столь грозные отряды не подступали к берегу Великого Андуина — а ведь это была только одна из множества армий, которые Мордор снаряжал на войну, и отнюдь не самая большая.

Фродо задрожал. Он вдруг вспомнил Фарамира. «Значит, гроза грянула, — подумал он. — Этот лес мечей и копий идет к Осгилиату. Успеет ли Фарамир уйти за Реку? Он предвидел войну, но смог ли угадать час ее начала? Кто сможет удержать переправу через Андуин, когда к ней подступит Король-Призрак? За ним пойдут другие полки. Я опоздал. Все пропало. Слишком долго мы везде задерживались. Даже если теперь я выполню задание, никто об этом не узнает, слишком поздно. Никого не останется, некому будет сказать. Все зря».

Его охватила слабость, и он заплакал. А полки Мордора продолжали идти через мост.

И вдруг из дальней дали, будто из воспоминаний о родном Хоббитшире, о солнечном утре, когда открывались двери и окна, до ушей Фродо пробился голос Сэма: «Вставайте, хозяин! Проснитесь!». Наверное, Фродо не удивился бы, если бы верный Сэм добавил: «Завтрак на столе!». Но Сэм повторял другое!

— Вставайте, господин Фродо! Они прошли.

С глухим лязгом ворота Минас Моргула закрылись. Последний ряд копий исчез на дороге. Башня зловеще высилась над долиной, свет в ней погас. Вокруг была темнота и тишина, но напряженность в воздухе осталась, будто сами горы насторожились.

— Проснитесь, вставайте, господин Фродо! Они прошли, нам тоже пора в путь. В этой крепости кто-то остался, кто-то, у кого есть глаза или еще что-нибудь, чтобы наблюдать. Чем дольше мы будем сидеть на месте, тем скорее нас выследят. Идемте отсюда, хозяин!

Фродо поднял голову, потом встал. Хотя слабость почти прошла, он был в отчаянии. Попытался улыбнуться, улыбка получилась кривая и невеселая. Минуту назад он видел страшное зрелище, пал духом, а сейчас не менее ясно понимал, что то, в чем поклялся, должен совершить независимо от того, узнают ли об этом когда-нибудь Фарамир, Арагорн, Элронд, Галадриэль или любой другой на свете. Это уже будет не его дело. Хоббит крепко сжал палку одной рукой, а флакон другой. Когда увидел, что через его пальцы пробивается свет, спрятал флакон под курткой, на сердце. Отвернувшись от башни, которая сейчас серым силуэтом еле вырисовывалась над черной долиной, Фродо снова готов был двигаться дальше.

Когда ворота Минас Моргула открылись, Голлум на четвереньках сполз с голой вершинки и исчез в темноте, оставив хоббитов одних. Сейчас он вылез, заламывая пальцы и стуча зубами.

— Сумасшедшие! Глупцы! — сипел он. — Быстрее! Не думайте, что опасность прошла! Это обман! Здесь страшно. Пошли!

Не ответив ему ни слова, хоббиты, однако, поспешили за ним по тропе. Сначала она круто

взбиралась вверх, и подъем показался им очень трудным, но, к счастью, быстро кончился. Карниз привел их на широкий разворот, за которым тропа пошла не так круто, и вот они уже стояли против узкой щели в горе. Здесь начинались те самые ступени, о которых говорил Голлум. В щели было темно, на расстоянии вытянутой руки ничего видно не было. Одни глаза Голлума бледными плоскими блестели над ними, когда он обернулся и прошептал:

— Осторожно! Здесь ступеньки. Много ступенек. Надо хорошо смотреть.

Действительно, осторожность была необходима. Сначала Фродо и Сэм чувствовали себя более или менее уверенно, потому что с обеих сторон были скальные стены, но чем выше, тем круче становились ступени, и тем неприятнее было думать о черной пропасти, куда можно было с них свалиться. Ступени оказались узкими, неровными, разными по высоте, стертыми по краям и предательски скользкими, местами осыпавшимися, иногда они трескались, как только их касалась нога. Хоббиты с трудом карабкались вверх, цепляясь за ступени руками и подтягиваясь; в конце концов ноги почти отказались им подчиняться, и чем глубже они забирались, тем выше были каменные стены по бокам лестницы.

Когда они настолько устали, что уже почти не могли двигаться, Голлум обернулся и сверкнул на них глазами:

— Все! — прошептал он. — Первую лестницу прошли. Молодцы хоббиты, высоко залезли. Умные хоббиты. Еще немного — и совсем придем, да.

Шатаясь, Сэм и Фродо вылезли на последнюю ступеньку и упали на нее, а отдышавшись, принялись растирать колени и икры. Долго отдыхать им Голлум, однако, не дал.

— Еще есть ступени, — сказал он. — Длиннее, чем эти. Отдохнете, когда поднимемся. Сейчас нельзя.

Сэм охнул:

— Еще длиннее, говоришь?

— Да, да, длиннее, — ответил Голлум, — но легче. Хоббиты прошли Прямые Ступени, а теперь будет Винтовая Лестница.

— А потом? — спросил Сэм.

— Потом увидим, — сказал Голлум тихо. — Увидим, да-да.

— Если не ошибаюсь, ты что-то говорил о туннеле. Там туннель или что-то в этом роде, да?

— Да-да, туннель, туннель, — сказал Голлум. — Но хоббиты смогут отдохнуть, прежде чем мы в него войдем. А если через него проберутся, да, если проберутся, то вершина будет близко. Очень близко. Если пройдут, да.

Фродо замерз. При подъеме он вспотел и сейчас был весь мокрый, а по темному ущелью свистел морозный ветер. Но хоббит встряхнулся и встал.

— Идем! — произнес он, стараясь говорить как можно бодрее. — Здесь, конечно, сидеть нельзя.

Проход без ступенек тоже казался бесконечным, а холодный ветер по мере их продвижения вперед дул еще сильнее. Казалось, что горы хотят заморозить хоббитов своим убийственным дыханием, не пропустить их к тайным высям, сбросить в темную пропасть. Путники были близки к полному изнеможению, когда вдруг почувствовали, что справа совсем нет стены. Видно было плохо, и черная пропасть только угадывалась. Вокруг громоздились гигантские бесформенные утесы и крутые стены, только иногда под низкими тучами мерцал красноватый свет, и в его проблесках хоббиты разглядели впереди и сбоку несколько серых скал-столбов, подпиравших что-то, похожее на неровную крышу.

Они находились на широкой площадке на высоте многих сотен локтей. Слева была стена, справа пропасть.

Голлум повел их под самой стеной. Больше они не подымались в гору, но идти по неровным камням в темноте было не менее опасно, камни и осыпи все время преграждали путь. Двигались они поэтому медленно и осторожно. Ни Сэм, ни Фродо не отдавали себе отчета в том, сколько прошло часов с тех пор, как они вошли в Долину Моргул. Им казалось, что ночь никогда не кончится.

Наконец перед ними опять выросла стена и показались новые ступени. Они минуту постояли перед ними, потом начали последний изнурительный подъем. Ступени здесь не углублялись в гору, а узкой змейкой вились по краю пропасти вокруг горы. На одном из поворотов Фродо, глянув вниз,

увидел под ногами черную бездну Долины Моргул, в которой, как на дне колодца, мерцала бледными светляками дорога призраков из Мертвого Города к Безымянному Перевалу. Фродо поскорее отвел взгляд.

Лестница все время извивалась вокруг скал, последний короткий и прямой ее участок заканчивался площадкой. Отсюда тропа, уходя от пропасти, шла по дну скального коридора в горах Эфел Дуат.

Со всех сторон вздымались серые громады с острыми пиками, между ними чернели ущелья, в которых точила камни вечная зима; красный свет разливался по краю неба, но путники так и не поняли, то ли это рассвет над Страной Мрака, то ли разгорается пламя, раздутое Сауроном в страшных кузницах плато Горгорот. Далеко впереди Фродо, как ему показалось, различил конец тропы. На фоне матово-багрового неба в горном хребте вырисовывалась узкая расселина, над которой с каждой стороны торчало по острой скале, как два каменных рога.

Фродо взгляделся внимательнее. Скала слева была выше, и там мерцал красный свет — а может быть, через нее просвечивали багровые лучи оттуда. Хоббит вдруг понял, что это башня, которая сторожит ущелье. Он тронул Сэма за руку и показал ему пальцем на скалу.

— Очень мне это не нравится, — сказал Сэм. — Значит, твою тайную тропу стерегут? — ворчливо обратился он к Голлуму. — И ты, надо понимать, с самого начала об этом знал?

— Все дороги стерегут, да, — ответил Голлум. — Конечно, стерегут. Но хоббиты должны попытаться. Эту дорогу, наверное, стерегут меньше. Может быть, армия ушла на большую войну. Может быть, ушла.

— Может быть! — сердито повторил Сэм. — Может быть, то, куда ты ведешь, еще очень далеко отсюда и вдобавок надо еще выше лезть, чтобы туда добраться. Нас ждет какой-то туннель. По-моему, хозяин, вам пора отдохнуть. Я понятия не имею, день сейчас или ночь, но знаю, что мы уже много часов лезем по этим горам.

— Да, отдохнуть надо, — сказал Фродо. — Давайте найдем заслон от ветра и соберемся с силами перед последним рывком.

Так он в тот момент оценил положение. Опасности, ожидавшие их в стране за горами, и само задание, которое он должен был выполнить, казались ему пока слишком далекими, чтобы о них беспокоиться. Все мысли его сконцентрировались на трудностях прохождения через горы и на том, как миновать стражу. «Если удастся завершить этот невероятный переход благополучно, то дальше так или иначе что-нибудь получится», — думал хоббит.

Отдыхать они сели в темной щели между двумя крупными камнями. Фродо и Сэм забились в глубину, Голлум пристроился с краю. Хоббиты поели, решив, что это, наверное, последний привал перед спуском в страну, которую нельзя называть, а может быть, вообще их последняя общая трапеза. Они съели немного провизии, которую им дали гондорцы, поделили на двоих раскрошенный лембас и попили воды, точнее, разрешили себе смочить губы, ибо воды у них почти не осталось.

— Интересно, найдем ли мы воду в дальнейшем пути? — произнес Сэм. — Но, наверное, в той стране тоже что-нибудь течет. Пьют же орки.

— Да, — ответил Фродо. — Но про них ты мне не говори. Их питье не для нас.

— Тем более надо попытаться наполнить фляги, — продолжал Сэм, — источников здесь, правда, не видно и не слышно. Фарамир предупреждал, что в Долине Моргул воду пить нельзя.

— Он сказал: «Не пейте из ручьев, текущих с Имлад Моргул», — вспомнил Фродо. — Но теперь мы уже над этой долиной; если попадается ручей, он будет течь туда, а не оттуда.

— Я бы здесь не доверял никакой воде, — сказал Сэм. — Лучше умереть от жажды. Тут, наверное, все отравлено. — И, потянув носом, добавил: — И пахнет тухлятиной. Чувствуете? Вообще мне здесь не нравится.

— Мне тоже, а что делать? — сказал Фродо. — Мне не нравятся ни земля, ни камни, ни воздух, ни небо. Все здесь проклято. Но судьба привела нас сюда.

— Да, конечно, — согласился Сэм. — Мы, я думаю, ни за что бы сюда не пошли, если бы больше знали про эти места, когда отправлялись. Вот так всегда. Наверное, именно так на самом деле выглядели всякие благородные подвиги и прочие дела, которые в легендах называются Приключениями. Я раньше думал, что храбрые богатыри сами этих приключений искали, потому что обычная жизнь бывает скучной, вот они и отправлялись в путь для разрядки. Но теперь я соображаю, что в тех легендах, которые имеют смысл и остаются в памяти, правда выглядит чуточку иначе. Там обычно храбрецов втягивают в Приключения помимо их воли, судьба их

приводит, как вы говорите, хозяин. Конечно, каждому по дороге попадаетесь множество поводов повернуть назад, как вот нам, но никто назад не поворачивает. А если кто-нибудь поворачивал, то героем не стал, и про него забыли. Знают только про тех, кто выдержал все до конца, хотя конец не всегда был счастливый, во всяком случае, для участников. Кто-то, — например старый господин Бильбо, — возвращался из Приключения живой и невредимый и вроде все было в порядке, а уже совсем не так, как раньше. И слушать бывает интереснее не ту часть Приключения, которая больше всего нравится участникам, а совсем другие истории. Интересно, в какую историю мы с вами попали?

— Мне это тоже интересно, — сказал Фродо. — Но я ничего не знаю. Так, наверное, должно быть в настоящей истории. В такой, которая особенно захватывает. Тем, кто слушает повесть, со стороны виднее, какой будет конец, хороший или плохой, а герои ничего об этом не знают, и никто не хочет, чтобы они знали.

— Конечно, хозяин. Например, Берен и думать не думал, что добудет Сильмарил из железной короны в Тангородрине, а ведь добыл, и попал в еще худшее место, и оказался в еще большей опасности, чем мы тут с вами. И какая это длинная история, есть в ней и радости, и печали, и еще что-то... А потом Сильмарил попал в руки Эарендилу, и вдобавок... Что это мне вдруг в голову пришло? Ведь у нас... Хозяин, господин Фродо, ведь у нас в стекляшечке, которую дала госпожа Галадриэль, частичка того же самого света? Значит, мы попали в эту же самую историю, и она продолжается! Неужели большие истории никогда не кончаются?

— Конечно, сами истории никогда не кончаются, — ответил Фродо. — Те, кто в них участвует, уходят, когда кончаются их роли. Наша роль тоже когда-нибудь кончится... может, скоро.

— Да... Ну, так нам можно сейчас и поспать! — сказал Сэм и невесело засмеялся. — Честно сказать, я мечтаю только об одном: отдохнуть и выспаться по-настоящему, а потом проснуться утром и поработать в саду. Я уже давно больше ничего не хочу. Не гожусь я для важных и великих дел. Но все-таки очень интересно, будут ли про нас когда-нибудь рассказывать легенды и петь песни. Ясно, что мы участвуем в великой и необыкновенной истории, но неизвестно, что из нее потом получится: рассказ у камелька или повесть, написанная красными и черными буквами в толстой книге, которую откроют через много-много лет? Может быть, какой-нибудь хоббит прочтет: «История приключений Фродо и Кольца», — а маленький хоббитенок скажет: «Да, да, это моя любимая история. Фродо был очень храбрый, правда, папа?» — «Конечно, сынок, Фродо был достославнейшим хоббитом, а это кое-что значит!»

— Ну и хватил! — весело засмеялся Фродо.

Такого смеха в этих местах не слышали с тех пор, как Саурон появился в Средиземье. Сэму показалось, что камни прислушиваются, а вершины заинтересованно наклонились. Но Фродо ничего не замечал и продолжал хохотать.

— Ну, Сэм, — говорил он сквозь смех, — когда я тебя слушаю, мне становится так весело, будто наша история уже записана в книгу. Но ты забыл об одном из главных героев, о бесстрашном Сэммиуме. — «Папа, расскажи мне еще про Сэма! Почему он в книжке так мало разговаривает? Мне страшно нравятся его речи, они всегда такие веселые, что хочется смеяться. Правда, пап, без Сэма Фродо недалеко бы зашел?..»

— Не надо все обращать в шутку, хозяин, — сказал Сэм. — Я же серьезно.

— Так и я серьезно, — ответил Фродо. — Но мы с тобой забегаем вперед. Сейчас-то мы сидим в самом плохом месте нашей истории, и очень может быть, что в далеком будущем твой хоббитенок скажет: «Закрой, папа, книжку, я дальше не хочу слушать!».

— Может быть, — сказал Сэм. — Но я на его месте так не скажу. Когда давние события становятся частью истории, они видятся по-другому. Кто знает, может, даже Голлум покажется лучше, во всяком случае, не таким, каков он есть. Если ему верить, так он тоже когда-то любил легенды. Интересно, он себя считает героем или злодеем? Эй, Голлум! — закричал он. — Ты хотел бы быть героем?.. Куда он снова делся?

Голлума рядом не было. Как обычно, он не взял у хоббитов еду, только выпил немного воды, а потом свернулся, будто улегся спать. Когда в предыдущие дни он исчезал в лесу, хоббиты думали, что если не единственной, то, во всяком случае, главной целью его прогулок были поиски пищи. Здесь он опять исчез. Что он мог искать в горах?

— Не нравится мне, когда он пропадает, не сказав ни слова, — произнес Сэм. — Особенно здесь и сейчас. Тут на камнях никакой еды нет, разве что он камни гложет. Здесь и кустика мха не найдешь.

— Нечего о нем беспокоиться, — ответил Фродо. — Мы бы без него так далеко не зашли и этого перевала даже бы не увидели, значит, придется мириться с его странными привычками. Если он

двуличный, тут уж ничего не поделаешь.

— Я бы хотел не спускать с него глаз, — сказал Сэм, — тем более, что он точно двуличный. Вспомните, он же не хотел говорить, что перевал охраняется. А башня — вон она, может быть, пустая, а может быть, и нет. Вам не кажется, что он туда пошел, чтобы навести на наш след орков или кого-нибудь похуже?

— Вряд ли, — ответил Фродо, — даже если он замышляет злодейство, что вполне вероятно, оно должно быть не таким. Нет, ни орков, ни других слуг Врага он не позовет. Если бы он хотел это сделать, почему же так долго ждал, так высоко с нами карабкался и подошел так близко к границе страны, которой отчаянно боится? С тех пор, как мы его встретили, он много раз мог нас выдать оркам. Нет! Я думаю, что у него есть свой план, которым он ни с кем не делится.

— Может быть, вы и правы, — сказал Сэм, — но радости в этом мало. Я не сомневаюсь, что меня бы он оркам выдал с большим удовольствием и пальчики бы облизал. Тут я не ошибаюсь. Но есть еще Сокровище. А он все время бормочет о том, что «Бедный Смеагол вернет себе Сокровище». Не знаю, какую пакость он задумал, но цель у него одна. Понять не могу только, зачем он нас так далеко завел? Разве это облегчит ему задачу?

— Возможно, он сам этого не понимает, — сказал Фродо. — Я сомневаюсь, чтобы в его мутной голове сложился мало-мальски четкий план. Думаю, что он просто старается не допустить, пока может, чтобы Сокровище попало в руки Врага. Для него это тоже стало бы окончательным поражением. А пока он тянет время и ждет случая.

— Злодей и Вонючка, — сказал Сэм. — Я всегда это говорил. Чем ближе к Вражьей Стране, тем сильнее он воняет и пакостит больше. Вот помяните мое слово: если мы вообще дойдем до перевала, он все равно не даст нам унести свою Прелесть в ту страну, что-нибудь подстроит.

— Мы еще не дошли до перевала, и до границы не дошли, — произнес Фродо.

— Нет, но теперь надо смотреть в оба. Вонючка боится, а Злодей быстро бы нас порешил, если бы увидел обоих спящими. Но вы спите спокойно. Спать вам надо обязательно. Я тут рядом, буду сторожить, а если вы ляжете поближе, чтобы я мог вас обхватить руками, то никто к вам, минуя меня, не притронется!

— Спать! — вздохнул Фродо с тоской, будто представил себе зеленый оазис в пустыне. — Как бы я хотел выспаться хоть здесь!

— Ну и спите, хозяин. Кладите голову мне на колени.

Так и застал хоббитов Голлум, который через несколько часов вернулся, сполз по тропе из темноты сверху. Сэм сидел, опершись спиной о камень, опустив голову набок, и громко сопел. Голова Фродо лежала у него на коленях. Одну смуглую ладошку Сэм положил на лоб своему хозяину, другую — ему на грудь. Лица у обоих были спокойны.

Голлум посмотрел на них. Странное выражение появилось на его худом, голодном лице. Огоньки в зрачках погасли, глаза стали матово-серыми, усталыми. Голлум болезненно съежился, отошел на несколько шагов, посмотрел в сторону перевала и затряс головой, будто его раздирали внутренние сомнения. Потом он вернулся, медленно протянул вперед трясущуюся руку и очень осторожно потрогал колени Фродо. Если бы в это мгновение кто-нибудь из спящих проснулся и увидел Голлума, он бы подумал, что перед ними очень старый, сгорбленный от груза прожитых лет, изможденный хоббит, который прожил так долго, что остался за пределами своего времени: без друзей и родных, далеко от лугов и рек своей молодости, — несчастный, усталый и голодный старик.

От тихого прикосновения Фродо зашевелился, негромко вскрикнул во сне, разбудив Сэма. Голлум отпрянул, Сэм его увидел и решил, что он подбирается к его хозяину.

— Эй, ты! — закричал он сердито. — Что ты замыслил?

— Ничего, ничего, — тихо ответил Голлум. — Господин хороший.

— Знаю, что хороший, — сказал Сэм. — А тебя где носило? Уходишь, как вор, и приходишь, как вор, прохвост старый.

Голлум попятился, зеленые огоньки опять загорелись под его тяжелыми веками. Сейчас, когда он скорчился на полусогнутых ногах и вытаращил глаза, он стал похож на паука. Благостное мгновение безвозвратно исчезло.

— Как вор, как вор! — заскрипел он. — Хоббиты всегда вежливы, всегда благодарны. Добрые хоббиты! Смеагол ведет их тайными тропами, которые, кроме него, никто не нашел. Он устал, пить

хочет, да, голоден и хочет пить, и он помогает им, ищет дорогу, а они говорят: вор, вор! Нечего сказать, добрые друзья, Прелесть моя!

Сэму стало немного совестно, хотя Голлуму он все равно не верил.

— Извини, — сказал он. — Извини, но ты меня застал спящим, я не должен был спать, потому и обозлился. Хозяин так устал, что я его уговорил заснуть. Нескладно все вышло. Ну извини. А где ты был?

— На воровском деле, — отрезал Голлум. Зеленые огни в его глазах не гасли.

— Не хочешь говорить, и не надо, — сказал Сэм. — Это наверняка недалеко от правды. Сейчас мы все пойдем красться дальше, как вора. Который час? Ночь или уже утро?

— День, — ответил Голлум. — Утро было, когда хоббиты заснули. Очень глупо и очень опасно. Хорошо, что Смеагол рядом был, ходил, как вор.

— Вот заладил, — оборвал его Сэм. — Хватит, пора будить хозяина.

Он ласково откинул волосы со лба Фродо и, наклонившись, зашептал:

— Вставайте, хозяин, пора вставать!

Фродо поежился, открыл глаза и, увидев склонившегося над ним Сэма, дружески улыбнулся.

— Ты меня рано будишь, Сэмми, еще темно!

— Тут все время темно, — ответил Сэм. — Но Голлум пришел и говорит, что уже наступил день. Так что простите меня, надо идти дальше. Последний рывок.

Фродо глубоко вздохнул и сел.

— Последний рывок? — переспросил он. — Привет, Смеагол! Нашел чего-нибудь поесть? Отдохнул?

— Ни еды, ни сна, ничего Смеаголу не досталось, — объявил Голлум. — Смеагол вор.

— Не придумывай себе прозвищ, Смеагол, ни истинных, ни ложных, — сказал Фродо. — Не надо!

— Смеагол взял, что ему дали, — ответил Голлум. — Это прозвище ему дал добрый господин Сэм, премудрый хоббит.

Фродо посмотрел на Сэма.

— Да, уж простите, — сказал Сэм. — У меня это слово вырвалось, когда я вдруг проснулся и увидел его около вас. Я извинился, но если так дальше пойдет, могу свои извинения назад забрать.

— Лучше забудем об этом, — сказал Фродо. — Слушай, Смеагол, надо поговорить. Скажи мне, а мы не сможем дальше сами найти дорогу? Перевал отсюда видно, тут уже недалеко; если мы дальше сами отправимся, можешь считать наш уговор выполненным. Ты сдержал слово и свободен, возвращайся в края, где хватает еды, иди, куда хочешь, только не к слугам Врага. Может быть, я потом смогу тебя наградить, а если не я, то кто-нибудь из моих друзей, кто обо мне не забудет.

— Нет, нет, еще рано! — взвизгнул Голлум. — Еще нельзя! Хоббиты сами не найдут дорогу, нет! Еще будет туннель. Смеагол пойдет с вами. Ему нельзя спать. Нельзя есть! Еще нельзя.

Глава девятая. ПЕЩЕРА ШЕЛОБЫ

Может быть, день и настал, как утверждал Голлум, но большой разницы между днем и ночью хоббиты не заметили, разве что низкое небо стало не таким черным и теперь напоминало слой густого дыма, и вместо сплошной тьмы, которая понемногу уползала в трещины и щели, в окружающем их каменном мире наступил серый мутный полумрак.

Голлум шел впереди, хоббиты за ним, и так они снова долго взбирались вверх между столбами и колоннами старых выветренных скал, торчавших, как нелепые статуи. Тишина была полная. Примерно в миле перед ними встала серая стена, последняя громада горной цепи, преграждавшей им путь. На сером фоне неба эта стена была сначала расплывчатым, темным пятном, потом, по мере того, как они к ней приближались, она вырастала и наконец заслонила собой полсвета. Глубокая тень залегла у ее подножия. Сэм сморщил нос.

— Фу, какая вонь! — заворчал он. — Чем ближе, тем сильнее.

Перед ними оказался вход в пещеру.

— Туда надо, — тихо шепнул Голлум. — Это вход в туннель.

Он так и не сказал названия, а была это пещера Торх Унгол, или Логово Шелобы. Смерд, исходивший из нее, был хуже запаха мертвечины на луговинах Моргула.

— Это единственная дорога, Смеагол? — спросил Фродо.

— Да, да, — ответил Голлум. — Туда надо идти.

— Ты правда ходил через это подземелье? — спросил Сэм. — Тебе-то, конечно, вонь не мешает.

У Голлума глаза сверкнули.

— Хоббит не знает, что нам мешает, Прелесть моя! — заныл он. — Он обижает Смеагола. Но Смеагол все вытерпит. Да-да, он здесь проходил на ту сторону. Это единственная дорога, другой нет.

— Что это так воняет? — с удивлением и отвращением говорил Сэм. — Это похоже на... нет, лучше промолчу. Наверное, это отвратительная орчья пещера, куда они навалили всякой дряни и сотни лет не убирали.

— Ладно уж, — сказал Фродо. — Есть там орки или нет, а раз это единственная дорога, придется идти.

Они набрали воздуха в легкие и сделали первый шаг. А через несколько шагов оказались в крошечной тьме. Фродо и Сэм в жизни не попадали в подобную темень. Даже в копиях Мории мрак не был таким давящим. Там были сквозняки, отзывалось эхо. Здесь — только неподвижный тяжкий мрак. Звуки заглушались, воздуха не хватало. Хоббиты двигались в черных испарениях, а когда при дыхании втягивали их в себя, им казалось, что у них не только глаза, но и мысли слепнут, и воспоминания о красках, звуках и огнях гложут и стираются в памяти. Для них наступила ночь; ничего не существовало, кроме ночи; ночь никогда не кончится.

Но всех ощущений они не потеряли. Осязание в пальцах рук и в ступнях, наоборот, заострилось почти до боли. К удивлению своему, они обнаружили, что стены в туннеле гладкие, а дно, по которому они ступают, ровное и довольно круто поднимается вверх. Иногда попадались ступени. Туннель оказался широким, вытянутыми руками они с трудом доставали до стен, и почему-то их не покидало чувство, что идут они совсем отдельно, каждый в своей темноте, хотя шли рядом, бок о бок.

Голлум понемногу отрывался от них. Сначала они чувствовали, что он всего в нескольких шагах, и пока еще были в состоянии замечать окружающее, слышали его свистящее дыхание и бульканье совсем рядом. Через некоторое время их мысли словно бы одеревенели, и даже осязание стало не таким чутким, они ступали и двигались только благодаря усилиям воли, которая заставляла их идти, выдержать, выбраться к перевалу. Счет времени и способность ориентироваться в пространстве они потеряли.

Вдруг Сэм правой рукой вместо стены нащупал пустоту: от основного отходил боковой ход. На секунду оттуда пахнуло более свежим воздухом, но он не остановился, а машинально продолжал идти вперед.

— Здесь много переходов, — зашептал он с усилием, потому что добыть звук из горла оказалось нелегко. — Точно, орчья пещера.

Потом он нащупал еще один ход справа, а Фродо обнаружил другой слева, дальше им попало еще несколько, и узких и широких, но в выборе пути они не усомнились — ход, по которому шли, был прямой, все время поднимался и никуда не сворачивал. О его длине они понятия не имели и не знали, сколько еще идти и хватит ли у них на это сил. Чем выше поднимался туннель, тем более душно становилось в нем, а иногда им казалось, что они не идут, а борются с сопротивлением какой-то пустой субстанции, которая заменила здесь смрадный воздух. Время от времени будто кто-то прикасался к их рукам и головам или что-то свисало с потолка, и они об это «что-то» задевали: то ли щупальца, то ли какие-то растения... Все сильнее становился смрад. Из всех чувств теперь самым острым стало обоняние, оно же стало орудием пытки. Так хоббиты шли час, два, три, может быть, больше, часы казались днями, неделями... Сэм отодвигался от стены, прижимался к Фродо, они держались за руки, боясь оторваться друг от друга.

Потом Фродо опять попал левой рукой в пустоту, даже чуть не упал, — отверстие в стене было очень большим, из него шла такая дикая вонь, что у хоббита закружилась голова. Вместе с вонью оттуда распространялись какие-то зловредные флюиды. Не успели они сделать шага дальше, как Сэм зашатался и упал лицом вниз.

С трудом преодолевая страх и тошноту, Фродо потащил Сэма за руку.

— Вставай! — зашептал он хрипло и почти беззвучно. — Здесь вся вонь собралась, и опасность тоже. Быстро идем отсюда! Поднимайся!

Собрав остаток сил, он поднял Сэма на ноги и заставил себя самого идти вперед. Сэм спотыкался рядом. Один шаг, второй, третий... Шесть! Они не поняли, как миновали страшный боковой ход, но почувствовали свободу движения, будто бы их кто-то развязал или отпустил. Пошли дальше, продолжая держаться друг за друга.

И вдруг новое препятствие. Туннель раздваивался, а в потемках они даже не могли определить, которое из двух его продолжений шире и удобнее, то есть может быть главным. Куда теперь идти, вправо или влево? Никаких указаний не было, выбирать приходилось вслепую, и при этом они понимали, что ошибка означает неминуемую смерть.

— Куда пошел Голлум? — почти беззвучно шепнул Сэм. — Почему он не подождал?

— Смеагол! — попробовал позвать Фродо. — Смеагол!

Но голос ломался в горле, произнесенное имя словно упало в глухую тьму. Никто не ответил, воздух не заколебался, эха не было.

— Теперь он, кажется, насовсем удрал, — зашептал Сэм. — Еще на горе все рассчитал, нарочно завел, ну, Голлум! Попадись мне только, обо всем пожалеешь!

Ощупывая стены, они, наконец, определили, что левый ход завален — его загораживал большой камень. Может быть, это тупик?

— Туда дороги нет, — сказал Фродо. — Значит, и выбора нет, идем вправо.

— Только быстро, — попросил Сэм. — Здесь кто-то притаился, наверное, еще хуже Голлума. Мне кажется, на нас кто-то смотрит.

Они не успели далеко уйти, когда за ними раздались странные звуки, неожиданные и ужасающие в глухой тишине: протяжное сипение, клокочущее бормотание и свист. Они повернулись, но ничего не увидели. Оцепенев, не в состоянии двинуться с места, они всматривались во тьму, не зная, чего оттуда ждать.

— Это западня, — сказал Сэм и схватился за рукоять меча. Ему почему-то вспомнилась тьма в Могильниках, где он взял этот меч. «Вот если бы Том Бомбадил был близко!» — подумал он. И когда он об этом подумал, в крошечной тьме, охваченный черным отчаянием и гневом, вдруг ему показалось, что он видит свет, но видел он его не на самом деле, а глазами души: сначала его ослепило, будто солнечный луч бил в глаза после долгого сидения в подвале, потом свет преломился и заиграл зеленым, золотым, серебряным, белым... Далеко-далеко, будто на картинке, нарисованной тонкими пальцами эльфа, он увидел Владычицу Лоризна, стоящую на лугу с дарами в руках: «Тебе, Несущий Кольцо, я приготовила...» — услышал он ее голос, далекий, но выразительный.

Клокочущий звук приближался, к нему добавился скрип, будто огромное членистоногое медленно двигалось на скрипящих ногах и вдобавок гнало перед собой волну зловония.

— Господин Фродо, хозяин! Господин Фродо! — закричал Сэм, вдруг обретя голос и волю. — Дар Владычицы эльфов! Звездный флакон! Она сказала, он нам в темноте... свет! Звездный флакон!

— Звездный флакон? — повторил Фродо, как во сне, не сразу поняв, чего хочет Сэм. — Ах, да! Как я мог про него забыть? «Когда погаснут все остальные огни...». Ты прав, сейчас нам может помочь только свет.

Медленным движением Фродо вложил руку за пазуху и вынул флакон Галадриэли. Сначала стекло блеснуло тусклой звездочкой, затем стало понемногу разгораться, и одновременно в сердце Фродо проснулась и стала крепнуть надежда. Потом флакон засиял серебряным пламенем, как маленькое, но ослепительное лунное сердечко, будто сам Эарендил спустился с небесного пути с последним Сильмарилом во лбу. Тьма отступала перед светом, бьющим из середины круглого флакона, а руку, держащую его, словно обливал поток белых искр.

Фродо с удивлением смотрел на чудесный дар, который так давно носил на груди, не зная его силы. Он лишь раз вспомнил о нем в пути и ни разу не применил, опасаясь, что свет выдаст их глазам Врага.

— Айя Эарендил эленион анкалима! — воскликнул он, не отдавая себе отчета в том, что произносит. Слова сами вылились из его уст, голос был звонким, не заглушенным тяжелым отравленным воздухом пещеры.

Но в Средиземье, оказывается, водились другие силы, порождения ночи, древние, сумевшие выжить. Та, которая тянулась к хоббитам в темноте, много веков назад впервые узнала эльфийское заклятие, но никогда его не боялась, и сейчас не поддалась. Крик Фродо еще не стих, а хоббит уже почувствовал направленный на него из темноты злое и притяжение чуждой злой воли. В туннеле между хоббитами и тем боковым ходом, где оба они чуть не потеряли сознание, заблестели глаза — две большие грозди многогранных глаз, по множеству зрачков в каждой. Опасность начала принимать зримую форму. Лучи звездного флакона преломлялись и отражались в них, а они горели своим тупым звериным первобытным блеском. Глаза были страшные, злые, в них угадывался сгусток враждебной воли, ненасытной алчности, радости от вида жертв, попавших в ловушку, из которой им не выбраться.

Сэм и Фродо попятнулись, не в силах оторвать взгляда от ужасных глаз. Но по мере того, как они отступали, глаза приближались. Рука Фродо, державшая флакон, задрожала и опустилась. А давившая на них сила вдруг ослабла, дав хоббитам отбежать в слепой панике на несколько шагов. Глаза — забавлялись?.. Еще на бегу Фродо оглянулся и увидел, что они снова приближаются. Дохнуло запахом падали.

— Стой! Стой! — крикнул Фродо. — Бегство не поможет.

Глаза приближались.

— Галадриэль! — закричал хоббит и, собрав остатки мужества, снова поднял вверх стеклянный флакончик. Глаза остановились. На мгновение они даже пригасли, будто засомневались. Фродо осмелел и, не соображая, что делает и чем может кончиться его безумная затея, не то от храбрости, не то с отчаяния, перехватил флакон в левую руку, а правой выхватил меч из ножен. Жало блеснуло острой сталью, заискрилось серебристым светом, на острие вспыхнули голубые огоньки. Вот так, с мечом в одной руке и эльфийским светильником в другой, хоббит Фродо из далекой мирной страны бесстрашно пошел навстречу враждебным глазам.

Глаза запрыгали, будто затряслись. Чем ближе оказывался к ним свет, тем они сильнее мутнели. Никогда еще такой свет не бил по ним. От солнца, луны и даже звезд они всегда скрывались под землей, но на этот раз звезда сама сошла в подземелье, и глаза ее испугались. В туннеле заворачивалось что-то большое, по-видимому, подземная тварь закрывалась от света своим телом, загораживалась тенью. Глаза отвернулись и исчезли.

— Господин Фродо! Хозяин! — крикнул Сэм.

Он шел следом за своим хозяином с обнаженным мечом.

— Хвала звездам! Красивую песню сложили бы об этой встрече эльфы, если бы видели. Вот бы дожить до такого часа, чтобы все им рассказать, а потом послушать, как они поют! Но остановитесь, господин Фродо, не ходите в ту яму! У нас ведь последняя возможность. Бежим из этой гадкой норы!

Они опять повернулись, как им показалось, к выходу, и сначала пошли, а потом побежали вперед. Туннель продолжал подниматься, и они постепенно оказались выше застоявшегося смрада и духоты. Дышать стало легче, и сил прибавилось. Вот уже повеяло свежим ветром, они почувствовали, что близок конец туннеля — выход! Запыхавшись, последним усилием хоббиты рванулись к воле и к небу над головой и с ужасом обнаружили, что выход закрыт, хотя и не камнями. Они с размаху ударились о преграду — и были отброшены назад. Выход преграждала на

вид мягкая, но, по-видимому, крепкая и непроницаемая завеса. Воздух через нее проходил, лучи света задерживались. Подняв флакончик, Фродо увидел, что она серая, густая, напоминает грубую ткань странного плетения из толстых, как веревки, нитей.

Сэм хмуро засмеялся:

— Паутина! — сказал он. — Всего лишь паутина, но какой должен быть паук!.. Вперед, руби ее, рви!

Он стал яростно рубить паутину мечом, но под его ударами нити не рвались, а только упруго отскакивали и возвращались в прежнее положение. Трижды Сэм опускал на нее меч со всей силы, и только одна нить из бесчисленного множества лопнула, взвилась в воздух и концом хлестнула хоббита по руке, так что он вскрикнул от боли, отпрыгнул и непроизвольно поднес руку к губам.

— Так нам придется неделю здесь сидеть, — сказал он. — Что делать? Глаза опять рядом?

— Их не видно, — сказал Фродо. — Но я чувствую, что они на меня смотрят или мыслью достают. Чудище наверняка что-то соображает. Если бы наш свет погас или ослаб, оно бы уже нас догнало.

— Словили нас в последнюю минуту! — произнес Сэм с горечью и гневом. — Как мух в паутину! Чтоб этого гада Голлума скорее поразило проклятие Фарамира!

— Нам это не поможет, — ответил Фродо. — Давай еще раз! Пусть Жало покажет, что оно умеет. Это все-таки эльфийский клинок. В темных лесах Белерианда, где его выковали, тоже плелись тенета ужаса. Ты последи пока, чтобы глаза не подошли. Держи флакон. Не бойся, подними его повыше и будь начеку.

Подойдя к серой завесе, Фродо рубанул по ней изо всех сил, одним взмахом перерубил узел, где нити густо сходились, и тут же отскочил в сторону. Голубоватое светящееся лезвие рассекло паучью сеть, как серп траву, серые нити-веревки закрутились и повисли. В завесе открылась довольно большая дыра. Хоббит продолжал наносить удар за ударом, пока не обрубил все нити, до которых мог достать. Верх завесы теперь болтался, как тряпка на ветру. Проход был открыт.

— Вперед! — крикнул Фродо. — Вперед!

Оттого, что он вырвался из кошмарной западни, его охватила сумасшедшая радость, как от крепкого вина, и с громким криком одним прыжком он выскочил из пещеры.

Прошедшему сквозь тьму хоббиту мир, который он увидел, показался светлым. Клубы дыма и тумана поднялись вверх и поредели. Кровавое зарево над Мордором поблекло. Это кончался хмурый день, но Фродо показалось, что ему светит рассвет новой надежды. Он был почти на гребне хребта. Еще один последний подъем. Еще чуть-чуть. Черные скалы впереди разрежала серая щель перевала Кирит Унгол, с обеих сторон которого торчали каменные рога. Короткая перебежка — и он за горами!

— Вон перевал, Сэм! — закричал Фродо, не заботясь о том, что его голос, вырвавшись из душного подземелья, громко и звонко разносится над вершинами. — Перевал! Бежим! Несколько минут — и мы на другой стороне, и никто нас не остановит!..

Сэм побежал за хозяином, стараясь не отстать, но несмотря на радость освобождения из подземелья, он совсем не чувствовал такой беспечности и все оглядывался на черный ход в пещеру, опасаясь, что чудовище вдруг выскочит за ними в погоню. Ни Сэм, ни его хозяин не знали, не могли представить себе, как сильна и хитра была Шелоба. Из ее пещеры было несколько выходов.

Веками жила здесь страшная тварь, разновидность гигантских пауков, что некогда обитали на крайнем западе, в эльфийских землях, давно затопленных морем.

С такими пауками сражался Берен в грозных горах Дориата, после одного из таких сражений, бродя по зеленым полянам, где растет болиголов, он увидел красавицу Лютиэнь в лунном свете.

Неизвестно, как Шелобе удалось забрести сюда, о временах Великой Тени рассказов не сохранилось. Во всяком случае, она жила тут давно, еще до появления Саурана и до того, как был заложен первый камень Барад-Дура. Она никому не подчинялась, жила для себя, пила кровь людей, эльфов и орков, жирела, пируя в одиночестве, и во мраке плела свои гнусные сети: все живое было пищей, темнота убежищем, черное уродство потомством. Бесчисленные дети, зачатые от несчастных, ею же порожденных самцов, которых она пожирала, расплозились по горам и лесам от Эфел Дуата до Дол Гулдура и диких чащоб Лихолесья. Но никто из них не мог сравниться с Шелобой Великой, последней дочерью Унгулианты, кошмаром Сумрачных Гор.

Голлум встретился с ней много лет назад. Смеагол любил бродить по темным подземельям и уже

тогда, давно, поклонился ей и присягнул на верность. Он прятал свою слабость в черноту ее злой воли, она словно опекала ее, спасала от света и от раскаяния. И он обещал доставать ей еду, хотя сокровенные желания у них были разные. Вряд ли Шелоба имела понятие о Башнях, Кольцах и прочих хитроумных делах двуногих, это ее не касалось, для всех живущих она желала только смерти, а для себя — тишины, одиночества и сытости. Она хотела есть и толстеть, есть и жиреть, чтобы для ее брюха мало стало места в темных подземельях.

Но до исполнения этих желаний было далеко, а сейчас ей приходилось голодать, потому что крепость над долиной была давно мертва, ни люди, ни эльфы через перевал не ходили. Иногда в сети Шелобы случайно попадал неосторожный орк — это была мелкая добыча, хотя и такую изловить было непросто. Орки усердно прокладывали все новые хитрые тропы, чтобы ходить в свою башню, но паучихе надо было есть, и она ухитрялась подкарауливать жертву, продолжая мечтать о настоящей вкусной поживе. Наконец Голлум доставил ей то, что было нужно.

— Посмотрим, мы посмотрим, — повторял он в самые мрачные свои часы по дороге с Приречного Нагорья к Долине Моргул. — Посмотрим. Кто знает, да, кто знает, может быть, когда Она выбросит кости и одежду, мы найдем нашу Прелесть, это будет платой бедному Смеаголу за вкусную еду. Мы спасем Сокровище и сдержим слово, да, мы не нарушим клятвы. А Сокровище будет нашим, мы добудем нашу Прелесть. И Она об этом узнает, да-да, мы Ее вознаградим, мы Ей отплатим, да, мы всем отплатим!

Такие мысли роились в тайных закоулках хитрой головы Голлума, когда он шел на поклон к Шелобе, пока хоббиты спали, и надеялся скрыть свои тайные планы даже от нее.

Что же касается Саурона, то он знал, где гнездится паучиха, и был доволен, что эта ненасытная тварь стережет его границы лучше любых караульных. Орков у него было неисчислимое множество, стоило ли беспокоиться, если время от времени один из рабов попадал в паутину? Иногда он даже посылал ей в дар пленников, с которых нечего было взять, как человек, который бросает объедки поселившейся рядом кошке и может назвать ее «своей», признавая, однако, ее право на самостоятельность. Они существовали рядом, каждый в своей злобе, не мешая друг другу и не опасаясь соседства. Пленника приводили к ее логову, а назад шел отчет о том, как она развлекалась.

Сейчас паучиха была особо голодна и зла, а в таком случае вряд ли даже муха вырвалась бы из ее сетей.

Бедный Сэм не имел ни малейшего представления о Шелобе, только чувствовал инстинктивный страх перед неведомой опасностью. Страх пригибал его к земле, ноги стали как чугунные.

Опасность грозила со всех сторон; перед ним на перевале, наверное, была вражья стража, а любимый хозяин стремглав бежал ей навстречу, забыв об осторожности. Сзади зиял черный туннель, слева под обрывом залегла тень, как нарастающий сгусток ночной тьмы. Все вокруг было серым, небо темное, но впереди в окне башни блеснул кровавый отсвет. И еще Сэм заметил, что обнаженный меч, поднятый Фродо, снова горел голубым пламенем.

— Орки! — пробормотал Сэм. — В открытую мы там не пробьемся; в башне орки или еще кто похуже.

Вспомнив об осторожности, он сжал в руке драгоценный флакончик Галадриэли. Некоторое время через ладонь просвечивала живая кровь, потом Сэм сунул флакон поглубже в нагрудный карман, запахнул плащ и попробовал ускорить шаги. Расстояние между ним и Фродо росло, их отделяло уже не меньше двадцати шагов. Фродо мчался изо всех сил, еще минута — и пропадет в сером мире.

И тут, едва Сэм успел спрятать флакон, из норы показалась Шелоба. Сэм увидел впереди слева отвратнейшее существо, которое может явиться в сонных кошмарах. По строению это был паук, но по размерам больше стервятника и страшнее, ибо глаза чудища, те самые, что отступили в пещере, а теперь снова рвались за добычей, смотрели осмысленно и злобно. В них была неутолимая алчность и не было страха. Паучиха бежала, вытянув вперед голову с большими рогами; голова росла на короткой жесткой шее из огромного разбухшего туловища, обвислым брюхом колышущегося между ногами. Спина и голова были черными с синими пятнами, а брюхо грязно-белое и просвечивающее, от него исходило гнилостное свечение и разило невыносимым зловонием. Согнутые ноги с шишковатыми суставами были покрыты жесткой щетиной, как стальными иглами, на конце каждой ноги торчал крупный острый коготь.

Сумев протащить огромное мягкое брюхо и скрипучие конечности через узкий запасной выход, Шелоба двигалась поразительно быстро, то бегом на полусогнутых ногах, то большими прыжками. Когда Сэм ее увидел, она находилась как раз между ним и его хозяином. То ли хищница не заметила Сэма, то ли, наоборот, решила не трогать, пока у него в руках светился волшебный огонь,

но все усилия она направила на одну жертву, на Фродо, который, забыв об осторожности, бежал по самой середине дороги. Хоббит бежал очень быстро, но Шелоба была в несколько раз больше его и передвигалась быстрее. Еще пара скачков — и она его схватит.

Сэм глотнул воздуха и закричал во всю глотку:

— Берегитесь, хозяин! Оглянитесь назад! Я...

Голос Сэма оборвался. Длинная липкая рука схватила его за шею, зажала рот, какие-то щупальца обвили ноги, и он упал на спину.

— Поймали! — раздалось над его ухом шипение Голлума. — Наконец-ц-с-то сх-хватили, мы его с-схватили, Прелес-сть моя, мерзкий хоббит у нас-с в руках-хх-х. Этого мы ос-ставим с-себе. Она возьмет другого. Да-да, его возьмет Ш-шелоба, а не С-смеагол; С-с-смеагол обещал, что не тронет, не обидит хорош-шего господина. А ты попалс-ся Смеаголу, противный, з-злой хоббит!

И Смеагол плюнул Сэму на шею сзади.

От возмущения подлой изменой, от отчаяния, что его остановили, когда он летел на помощь хозяину, от обиды и страха перед смертельной опасностью Сэм нашел в себе ярость и силы, которых Голлум никак не ожидал, считая его флегматичным и глупым хоббитом. Даже сам Голлум не смог бы ловчее вырваться из такого захвата и драться так неистово. Сэм мотнул головой, освобождаясь от лапы, закрывавшей ему рот, рванулся вперед, пытаясь сбросить другую лапу, схватившую его за шею. Меч был у хоббита в правой руке, но достать им врага он не мог, а на левой руке на ременной петле висела дубинка, подаренная Фарамиром.

Сэм попробовал вывернуться так, чтобы ткнуть противника хоть концом меча, но Голлум был проворен и очень ловок, он молниеносно протянул правую руку и схватил руку Сэма за запястье. Пальцы у Голлума были сильные, как железные клещи, Сэм заорал от боли и выпустил меч. Другой рукой Голлум продолжал сжимать его шею.

Тогда Сэм попробовал последнее средство. Он откачнулся в сторону, изо всех сил оттолкнулся ногами от земли и упал на спину.

Не ожидая такого простого приема, Голлум тоже упал, и хоббит всем весом придавил его. Голлум пронзительно вскрикнул, зашипел и на мгновение разжал пальцы на горле Сэма, хотя руку его не отпустил. Сэм дернулся, отодвинулся от противника, вскочил, перекрутился вправо, вокруг захваченной руки, схватил свободной левой рукой палку и с размаху опустил ее на лапу мерзавца, возле локтя.

Голлум взвыл и выпустил хоббита. И тут Сэм пошел в атаку. Не тратя времени на перехватывание палки из левой руки в правую, он еще раз ударил. Голлум ловко, как ящерица, свернулся в клубок, а удар, который должен был расколоть ему голову, пришелся по хребту. Палка с треском сломалась.

Голлуму этого оказалось больше чем достаточно.

Он издавна приноровился нападать из-за спины, и этот способ редко его подводил. На этот раз он дал волю злости и совершил ошибку, начав разговаривать и хвастаться, прежде чем удушить жертву. Прекрасный план сорвался уже тогда, когда в пещере неожиданно вспыхнул страшный свет. А сейчас он оказался лицом к лицу с противником, не намного меньшим, чем он сам. Открытой драки Голлум боялся.

Сэм поднял с земли меч и размахнулся. Голлум пискнул, отскочил вбок на четвереньках и понесся прочь, откидывая ноги, как большая черная лягушка. Через минуту он уже был около туннеля.

Сэм забыл обо всем на свете, глаза его застилал красный туман, он знал только одно: убить Голлума. Но Голлум исчез. При виде черной дыры Сэм пришел в себя. Из туннеля разило воню. Сэма словно ударило: он бросил Фродо! Там чудовище! Пошатнувшись, Сэм повернулся и помчался догонять хозяина. Он бежал по тропе, что было сил, зовя Фродо по имени. Но было поздно. Эта часть плана Голлума не подвела.

Глава десятая. ТРУДНЫЙ ВЫБОР СЭМА ГЭМДЖИ

Фродо лежал на спине, а страшилище стояло над ним, настолько занятое добычей, что не заметило подбежавшего Сэма, пока он не оказался совсем рядом. Сэм увидел, что его господин уже опутан с ног до головы, а паучиха огромными передними лапами пытается поудобнее ухватиться, чтобы утащить его к себе в пещеру.

Эльфийский меч лежал рядом на земле, выпав из руки Фродо раньше, чем он успел им воспользоваться.

Сэму некогда было раздумывать, что делать, и рассуждать, что им движет: храбрость, верность хозяину или обида и ярость. Он с воплем прыгнул вперед, схватил меч Фродо в левую руку и бросился на чудище. Такого бешенства, наверное, не видел мир. Так доведенный до отчаяния зверек, вооруженный всего лишь мелкими зубами, мог бы напасть на покрытого чешуей толстокожего гиганта, покусившегося на его подругу.

Шелоба услышала крик, оторвалась от приятного занятия, будто очнувшись, и, медленно нагнув голову, кинула на Сэма злобный взгляд. Прежде, чем она поняла, что на нее нападают, блестящее лезвие Жала отрубило ей один коготь. Потом Сэм молниеносно ткнул мечом в глаз, до которого смог дотянуться. Глаз потух.

Маленький противник теперь оказался как раз под брюхом Шелобы, и она никак не могла его достать ни жвалом, ни лапами. Брюхо колыхалось над хоббитом, испуская гнилостное свечение и смрад, от которого он чуть не потерял сознание. Но у него еще оставался запас ярости для последнего удара, и пока паучиха не придавила его и не погасила вместе с жизнью пламень его отваги, Сэм со всей силы хлестнул светлой сталью эльфийского клинка по брюху. К сожалению, у Шелобы не было, как у драконов, незащищенных мест на теле. За многие века ее кожа покрылась бесформенными наростами, которые почти слились в новый толстый слой. Меч надрезал кожу, но ее толстые складки вряд ли мог пробить обычный удар, даже нанесенный рукой Берена или Торина оружием, кованым в гномьих или эльфийских кузницах. Шелоба от удара вздрогнула и закачалась, приподняв выше зловонный мешок. Из царапины закапала ядовитая пена. А тварь раздвинула ноги и опустила брюхо, чтобы раздавить смельчака. Но поспешила. Сэм еще стоял на ногах и, отбросив свой мечик, двумя руками держал острием вверх меч хозяина, надеясь если не пробить паучью шкуру, то хоть оттолкнуться от нее. Вряд ли бы ему самому это удалось, но Шелоба, желая его раздавить, опустила брюхо резко и сама накололась на стальное острие. Придавливаемый хоббит жался к земле, а меч все глубже входил в рану.

Никогда за многие века подлой жизни Шелоба не чувствовала такой боли и не представляла себе, что можно так страдать. Ни храбрейшие воины древнего Гондора, ни самые дикие орки, попадавшие в ее сети, не пронзали острой сталью самое нежное место, предмет ее всяческих забот. Дрожь прошла по телу паучихи. Снова подняв брюхо, пытаясь избавиться от боли, она подогнула ноги и конвульсивным прыжком отскочила в сторону.

Сэм упал на колени подле Фродо. Он чуть не лишился чувств от мерзкого смрада и ядовитой пены, брызнувшей на него, но продолжал сжимать меч обеими руками. Хозяина он видел смутно, как сквозь туман, и изо всех сил боролся с собственной слабостью, чтобы не упасть, не дать в лапы жуткому чудищу. Подняв голову, он видел, что Шелоба отодвинулась всего на несколько шагов и пристально за ним наблюдает. С ее жвала капал яд, из пробитого глаза сочилась зеленая сукровица. Трясущимся брюхом она прильнула к земле, сложив ноги в коленях. Паучиха готовилась к прыжку, чтобы любой ценой сразу разделаться с противником. Обычно она впускала в свою жертву только малую дозу яда, чтобы парализовать его, но сейчас ею овладело желание убить и рвать на куски мертвого врага.

Сэм видел в ее глазах неминуемую смерть.

И тут в его мозгу засветилась мысль, будто пришедшая извне, из дальнего далека. Он услышал чужой и странный голос без слов, который подсказывал ему, что надо делать. Сунув левую руку за пазуху, он вынул то, что искал: холодную, твердую каплю стеклянного флакончика.

— Галадриэль! — шепнул он слабым голосом, и услышал дальние-дальние, чистые и выразительные голоса, песню эльфов под звездами в лесах милого Хоббитшира и музыку в Каминном Зале Элронда:

— Гилтониэль, А Элберет!..

Потом он услышал свой собственный голос, произносивший эльфийское заклинание на языке, который был ему мил, но чужд, он и сам не знал, откуда взялись эти слова и как он их запомнил:

А Элберет! Гилтониэль, О менел палан-дириэль, Ле наллон си ди нгурутос! А тиро нин, Фануилос!

С этим заклинанием он поднялся на ноги и снова стал собой, хоббитом Сэммиумом сыном Хэмфаста

Гэмджи.

— А ну, иди сюда, скотина бессовестная! — закричал он. — Паршивка, ранила моего хозяина, ты мне за него заплатишь! Нам надо срочно идти дальше, но я с тобой сейчас расправлюсь. Иди, иди ко мне, я тебя еще пощечочу этим Жальцем!

Флакон Галадриэли вдруг разгорелся белым факелом в его руке, как будто непокоренный дух хоббита отдал ему частицу своего жара. Он сиял, как звезда, когда, падая, она рвет темноту ночи. Впервые в жизни грозный небесный огонь так палил глаза Шелобы. Его лучи нестерпимо жгли раненый глаз, множились в бесчисленных зрачках. Паучиха отступала, пытаясь отмахнуться от света, закрыться передними конечностями, ей было больно и жутко. Наконец она повернулась, двинулась вбок и, царапая когтями скалу, заковыляла на трясущихся ногах к черному входу в пещеру.

Сэм шел за ней. Он пошатывался, как пьяный, но держался. Побежденная Шелоба, скорчившись от страха, металась по камням, стараясь поскорее скрыться от хоббита. Когда она, наконец, добралась до норы и стала втискивать внутрь тяжелое тело, оставляя зловонный желто-зеленый след, Сэм успел еще раз рубануть мечом по ее задним лапам. Потом он в изнеможении упал на землю.

Паучиха скрылась. Ее дальнейшая судьба не является предметом нашей истории: может быть, она еще долго жила в своем логове, где постепенно исцелилась от ран и, гонимая голодом, снова начала плести сети на тропах Сумрачных Гор.

Сэм остался на поле сражения, обнаружил, что горы посерели в предвечернем сумраке, и поплелся к хозяину.

— Господин Фродо, хозяин, дорогой мой хозяин! — звал он, но Фродо не отзывался и не шевелился. Вероятно, когда он бежал, упоенный свободой, Шелоба догнала его и впрыснула в спину яд. Он лежал бледный, ничего не слыша и не видя.

— Хозяин! Хозяин!.. — повторял Сэм, ждал ответа и снова звал, но тщетно.

Верный слуга разрезал опутавшие Фродо веревки, приложил ухо к его груди, потом тронул его лоб и губы: Фродо не подавал никаких признаков жизни, сердце не билось, лоб был холодный. Напрасно Сэм пытался растереть ему руки и ноги, приподнимал, гладил...

— Фродо! Господин Фродо! — просил он. — Не бросайте меня! Услышите Сэма! Не надо уходить туда, куда я не смогу за вами пойти! Проснитесь! Дорогой мой единственный хозяин! Ну встаньте же!

Вдруг в сердце Сэма закипел гнев, он заметался по камням вокруг тела хозяина и стал яростно рубить мечом воздух, пинать камни, выкрикивать угрозы. Потом нагнулся, посмотрел в лицо Фродо и увидел серый налет смерти. Такое лицо ему показывало Зеркало Галадриэли в Лотлоризне. Тогда он увидел бледного Фродо, крепко спавшего под огромным утесом. Значит, он не спал. «Он умер, это не сон, а смерть!» — сказал себе Сэм, и ему почудилось, что этими словами он усилил действие яда. Бледность Фродо стала приобретать зеленоватый оттенок.

Черное отчаяние охватило хоббита. Он скорчился на земле, спрятал лицо под серым капюшоном, ночь вошла в его сердце, и он лишился чувств.

Когда ночь отступила, Сэм открыл глаза и не понял, сколько минут или часов прошло. Сидел он на том же месте, мертвый Фродо лежал рядом. Горы не провалились, земля не рассыпалась в прах, камни были на месте.

— Что теперь делать, что делать! — воскликнул он. — Неужели все было зря?!

Вдруг он услышал свой собственный голос, произносивший слова, сказанные давным-давно, в начале пути, но осознанные только сейчас: «Что-то я должен сделать перед концом... Я должен все пройти, хозяин, вы меня поняли?».

— Но что мне делать? Оставить господина Фродо без погребения, тут, среди гор, и вернуться домой? Но я должен «Все пройти» — идти дальше. Дальше? — он вдруг засомневался. — А Фродо? Бросить его? А его Дело? Что же...

Сэм заплакал.

Плача, он уложил тело Фродо, как полагается для вечного сна, сложил ему руки на груди, завернул в плащ, положил с одной стороны свой меч, а с другой — палку из ливифрона, подаренную Фарамиром.

— Если надо идти дальше, — сказал он вслух, — то я возьму у вас меч, хозяин, с вашего разрешения.

Свой меч я положу здесь, как возле древнего короля в кургане. У вас останется прекрасная кольчуга из мифрила, дар старого господина Бильбо. А я еще возьму звездный флакон, который вы мне дали поддержать, он мне очень пригодится, потому что теперь все время придется идти в темноте. Этот дар для меня чересчур хорош, Владычица Галадриэль дала его вам, но она, наверное, меня сейчас поймет и простит. А вы простите, хозяин? Мне ведь дальше идти надо.

Но уйти он пока еще не мог. Стоял на коленях подле Фродо, держа его руку. Время шло, а он замер на месте, раздираемый сомнениями, не в силах оставить хозяина и выпустить его руку.

Сначала он пытался найти в себе силы для справедливой мести. Если бы он сорвался с места с такой целью, гнев гнал бы его по дорогам до тех пор, пока он не нашел бы Голлума. Голлум погиб бы от его рук. Но не ради этого предпринят поход. Ради такой цели не стоит бросать Фродо. Месть его не воскресит. Ничто его не воскресит. Лучше бы умереть с ним вместе. Но это унылый путь.

Сэм посмотрел на острый меч. Подумал об оставшихся черных провалах, о падении в ничто. Нет, это было бы даже не бегство, а отречение от всего, и от дела, и от печали. Не за этим Сэм ушел из дому.

— Что мне делать?! — громко крикнул он, и ему стало ясно, что он знает ответ: «Все пройти». Идти дальше, где будет еще труднее. Идти одному.

«Как? Одному идти к Роковым Расселинам? — Он еще колебался и трусил, но решение крепло. — Значит, взять Кольцо у господина Фродо? Мне взять Кольцо? Но ведь Совет доверил ему». Тут же он услышал ответ:

«Совет дал ему не только Кольцо, но и спутников, чтобы задание было выполнено. Ты — последний из Отряда. Дело не должно погибнуть».

— Ну почему именно я? — простонал Сэм. — Почему не старый Гэндальф или еще кто-нибудь? Почему теперь все легло на меня? Я же все перепутаю! Не пристало мне носить Кольцо и набиваться на первые роли.

«Но ведь ты не набиваешься, это судьба выдвигает тебя. Ты, конечно, не знаменитость и не важная особа, но, если сказать правду, ни Фродо, ни Бильбо тоже такими не были. Не они выбирали, а их...»

— Ну пусть. Решусь. Но ошибусь ведь. У Сэма Гэмджи голова не подходит для таких дел... Надо подумать. Если меня схватят прямо здесь или найдут господина Фродо и при нем Кольцо, то оно достанется Врагу. И это будет конец всего: и Лотлориэна, и Райвендела, и Хоббитшира, и всего света. Тянуть с решением нельзя, ибо это будет конец. Война началась. Очень похоже, что перевес в ней пока на стороне Врага. Значит, я должен либо сидеть тут и ждать, когда враги придут и убьют меня над телом моего господина и заберут Кольцо, либо взять Кольцо и идти с ним дальше. — Сэм глубоко вздохнул. — Выходит, я беру Кольцо.

Сэм снова склонился над Фродо, осторожным движением расстегнул ему воротник и просунул руку под куртку. Другой рукой поднял его голову, поцеловал холодный лоб и снял с шеи цепочку. Потом снова положил голову на землю. Спокойное лицо Фродо не дрогнуло, и это лучше всего убедило Сэма, что его хозяин на самом деле умер и уже не выполнит свое дело.

— Прощайте, любимый хозяин! — зашептал Сэм. — И простите своего Сэма. Я вернусь, если выполню задание... если смогу его выполнить! Тогда уже вас не покину. Спите спокойно, пока я не приду. Надеюсь, что сюда никакие твари больше не явятся. Если Владычица Галадриэль меня слышит и захочет выполнить мое желание, то оно у меня одно-единственное: чтобы я мог сюда вернуться и найти хозяина. Прощайте!

Наклонив голову, Сэм надел цепочку себе на шею. В первую минуту Кольцо пригнуло его к земле, будто на цепочке висел тяжелый камень. Но постепенно тяжесть уменьшалась, или у Сэма сил прибавлялось, и наконец он поднял голову, а потом с усилием встал на ноги и убедился, что может двигаться. Он еще раз вынул флакончик Галадриэли и посмотрел на хозяина: дар Владычицы эльфов светился мягким светом, как звезда в летнюю ночь, и в этом свете лицо Фродо озарилось сиянием; оно было бледным, словно он долго пробыл в темноте, но эта бледность облагораживала, делала его похожим на эльфа. Унося в сердце грустное утешение от последнего взгляда, Сэм спрятал флакон и направился в густеющий сумрак.

Идти до перевала было совсем недалеко. Туннель они преодолели, оставалось несколько сот шагов до темной щели в гребне. Тропа хорошо просматривалась, это была веками вытоптанная колея в камнях. Потом она сужалась и переходила в низкие ступени. Когда Сэм до них дошел, башня орков оказалась прямо над ним, грозная и черная, с одним единственным окном-глазом, которое горело красным светом. Он прошел в ее темной тени. Поднялся по ступеням и оказался на перевале.

«Решение окончательное», — повторял он мысленно, но совсем прогнать сомнения не мог. Он старался рассуждать, как умел, разумнее, но все, что он теперь делал, вызывало в нем какое-то

внутреннее сопротивление.

— Может быть, я уже путаю? — пробормотал он. — Может, надо было поступить иначе?

Дойдя до верхней точки перевала, где справа и слева были каменные стены, хоббит посмотрел вперед, на дорогу в Край, который нельзя называть, а потом еще раз обернулся назад. Выход из туннеля казался маленьким темным пятном. Сэму показалось, что там на земле что-то светится, а может быть, это случайный свет попал в выступившие у него на глазах слезы, когда он смотрел на каменную высоту, где разбилась его жизнь.

— Хоть бы исполнилось мое единственное желание! — вздохнул он. — Если бы я смог вернуться и найти Фродо...

Потом он повернулся к ожидавшей его дороге и сделал вперед несколько шагов — самых трудных в его жизни.

Всего несколько шагов, — ну, еще совсем немного — и он больше никогда не увидит серую площадку над обрывом... Вдруг он остановился, как вкопанный, услышав совсем близко голоса и резкие крики. Орки! Крики, топот ног, хриплый вой раздавался впереди и сзади него. Отряд орков шел к перевалу из-за гребня, возможно, от скрытого за ним выхода из башни. Сэм быстро повернулся назад — и увидел факелы. Там орки выходили из туннеля. Значит, окно башни не было слепым. Это охота. Он понял, что погиб.

Факелы приближались быстро. Звенело оружие. Сейчас они подойдут и его схватят. Слишком долго он раздумывал, теперь все пропало. Как же теперь спастись самому и сохранить Кольцо? Кольцо!! Сэм не мог принять никакого сознательного решения, мысли улетучились; сам не зная как, он снял с шеи Кольцо на цепочке и взял его в руку. Тут же на перевале показались первые ряды орков. Тогда Сэм надел Кольцо.

Мир сразу изменился. В мозгу хоббита в одно мгновение пронеслись забытые мысли, которых хватило бы на час. Слух у него обострился, а зрение помутнело, но не так, как в пещере Шелобы. Все вокруг стало не темным, а расплывчатым. Он стоял в серой мгле, сам как камень, а Кольцо на пальце левой руки горело раскаленным золотом. Сэм чувствовал себя не невидимым, а непонятно и неприятно отстраненным. Он понял, что где-то насторожился ищущий его Глаз.

Услышал треск рассыпавшихся в прах камней, шелест воды в далекой долине Моргул и скрипучий скулеж несчастной Шелобы, натыкающейся вслепую на стены туннеля. До него доходили голоса из подвалов башни, выкрики выходящих из туннеля орков. А топот, крики, вой и лязг оружия тех, кто подходил из-за гор, стали вдруг такими громкими, что он чуть не оглох. Хоббит прижался к камням. Орки маршировали, как недавно призраки в Моргульской долине, — серые искаженные силуэты с бледными лохматыми факелами, они тоже казались привидениями. Когда они поравнялись с ним, Сэм вжался в скалу, мечтая о щели, в которую можно было бы забиться, и слушал, боясь, что уши лопнут.

Отряды встретились. Орки с криком бросились друг к другу. Может быть, Кольцо помогало понимать разные языки, а может быть, лишь читало мысли слуг своего создателя, но Сэм не только слышал, а и понимал их речь. Попад в такую близость от места, из которого оно происходило, Кольцо, по-видимому, входило в силу, но еще не могло придать храбрости тому, кто его надел. Поэтому Сэм мечтал лишь о том, чтобы спрятаться, затаиться и переждать, пока снова не настанет тишина и покой, и тревожно напрягал слух. Он не мог определить, с какого расстояния доходят голоса, которые он слышит, ему казалось, что голоса эти звучат у него в ушах.

— Хей, Горбак, чего тебе наверху понадобилось? Война надоела?

— Приказ, дурень. А ты почему здесь, Шаграт? Надоело сидеть в башне, погулять захотелось?

— Тебя погонять! Я здесь перевалом команду. Так что будь повежливей. Что у тебя в донесении?

— Ничего.

— Хей! Хей! Гой! — крики прервали разговор командиров.

Орки, вышедшие из туннеля, что-то заметили и побежали к скале. Остальные ринулись за ними.

— Хей! Ого! Тут на дороге что-то лежит. Шпион! Шпион!

Заиграли рога, поднялся дикий шум и вой.

Словно гром прогремел над Сэмом. Орки заметили Фродо. Что они с ним сделают? Он много раз слышал об орках такое, от чего кровь застывала в жилах. Нет, этого нельзя допустить! Сэм молниеносно выбросил из головы все решения, задания и вместе с ними страхи и сомнения. Сейчас

он знал, что его место — рядом с любимым хозяином, хотя не имел понятия, что он может там сделать. Он быстро побежал по ступеням и вернулся на тропу, ведущую вниз.

«Сколько их? — думал он. — Тридцать-сорок в отряде, вышедшем из башни, и не больше в том, который возле туннеля. Сколько я смогу положить прежде, чем меня возьмут? Если вытащить меч из ножен, он загорится, его увидят и рано или поздно схватят меня. Интересно, потом кто-нибудь сложит песню о том, как Сэм погиб на перевале, укладывая курган из неприятельских тел вокруг останков своего господина? Нет, не будет песни. Ясно, не будет. Орки найдут Кольцо, и в мире не станет никаких песен. Но не могу я иначе! Мое место — возле хозяина. Они должны понять: Элронд, и весь Совет, и все Мудрые. Их план не удался. Я не гожусь в Носители Кольца. Без господина Фродо я ни на что не гожусь».

Тем временем орки исчезли из его затуманенных глаз. До сих пор Сэм не замечал усталости, а тут вдруг почувствовал, что находится на пределе своих сил. Ноги отказывались слушаться. Он двигался так медленно, что ему казалось, будто тропа перед ним вытянулась на много миль. Куда они все подевались в этом тумане?

Вскоре он снова их увидел, но до них было еще далеко. Целая куча их собралась вокруг лежащего на земле тела. Несколько орков побежали во все стороны, как псы, нюхая следы. Сэм безрезультатно пытался ускорить шаг.

«Скорее, Сэм, — уговаривал он себя, — а то ты опять опоздаешь!»

Он шевельнул меч в ножнах. Через минуту он его достанет и тогда... Раздался дикий вой, потом смех и возгласы: орки поднимали тело с земли.

— Иа-хой! Иа-хорри-гой! Давай!

Потом властный голос крикнул:

— Теперь марш! Несите кратчайшей дорогой назад, к нижнему входу в Башню. Шелоба сегодня, похоже, мешать не будет.

Орки всей бандой двинулись с места. В середине четверо несли тело Фродо.

— Иа-хей!

Они забрали Фродо. Унесли. Исчезли. Сэм не смог их настичь. Он с трудом плелся далеко позади, а они уже дошли до туннеля и входили в подземелье: четверо с телом хоббита впереди, остальные за ними. Строй сломался, орки бестолково толклись у входа. Сэм брел вперед. Он достал меч из ножен, и меч в его дрожащей руке засветился голубым пламенем, но орки его не увидели. Когда, выбиваясь из сил, Сэм дошел до туннеля, последний орк уже скрылся в черной дыре.

Сначала Сэм стоял, тяжело дыша, схватившись рукой за сердце. Потом стал размазывать рукавом по лицу пыль, пот и слезы.

— Бандиты проклятые! — тонко вскрикнул он наконец и нырнул в темноту за ними вслед.

На этот раз пещерная тьма не показалась ему такой непроглядной, как раньше; просто из сумерек он попал в полумрак. С каждой минутой росла его усталость, но вместе с ней и упорство.

Факелы будто были совсем рядом, а он, несмотря на все усилия, не мог их догнать. Орки очень ловко передвигаются по подземельям, а этот туннель они хорошо знали, потому что, несмотря на страх перед Шелобой, часто вынуждены были им пользоваться как кратчайшей дорогой из Мертвой крепости через горы. Не ведая, когда в Незапамятные Времена в дикой скале был вырублен Главный Туннель и большая круглая нора, в которой поселилась Шелоба, они сами прорыли множество ходов и выходов в разные стороны, чтобы спастись от паучихи, когда приказ начальников гнал их через ее логово. И сейчас они не собирались заходить в глубь Горы, а поспешили в боковой ход, который вел к Сторожевой Башне на скале. Большинство радовалось и ликовало по поводу находки, как это водится у негодяев. Сэм слышал приглушенный подземельем гул голосов и отдельные хриплые крики и снова различил два голоса, которые, как ему показалось, звучали ближе к нему, чем остальные. Это командиры встретившихся отрядов переговаривались на ходу.

— Ты можешь заставить своих босяков заткнуться, Шаграт? — возмущенно говорил первый голос. — Нам только Шелобы сейчас не хватает.

— Спокойно, Горбак. Твои орут не меньше, — ответил другой голос. — Пусть ребята потешатся. Сейчас, я думаю, Шелобы бояться нечего, она, похоже, села на гвоздь. Плакать по этому случаю мы не будем! Ты разве не заметил, что вся дорога до ее проклятой норы позеленела от того, что из нее вытекло? Пусть хохочут, нам повезло, мы нашли то, что ждут в Лугбуре.

— Неужели в Лугбуре такое нужно? Кто это? На эльфа похож, да мал, как козьявка. Разве такой уродец может быть опасен?

— Там разберутся.

— Ага, значит, тебе даже точно не сказали, кого искать? Нам никогда всего не говорят. Мы не знаем и половины того, что известно начальникам. А они иногда сами ошибаются даже там, наверху.

— Тише, Горбак! — Шаграт понизал голос так, что Сэм даже обостренным слухом еле-еле слышал. — Может быть, они и ошибаются, но у них везде глаза и уши, голову наотрез даю, что среди моих солдат этих ушей тоже хватает. Одно знаю точно, что там наверху чем-то обеспокоены. Ты говоришь, что Назгул тоже обеспокоен, как и весь Лугбур. А этот от нас чуть не ускользнул.

— Чуть не ускользнул, говоришь? — повторил Горбак.

— Да, но об этом мы поговорим потом, — ответил Шаграт. — Подожди, пока выйдем в нижнюю галерею, там есть уголок, где можно спокойно побеседовать, пропустив ребят вперед.

Вскоре факелы скрылись. Потом что-то покатилося, но Сэм, подбежав, услышал только глухой стук и эхо от него. Он понял, что орки повернули и пошли тем боковым ходом, на который хоббиты наткнулись по дороге, и куда не смогли попасть. Но ход уже снова был закрыт. Огромный камень, которым он был завален, стоял на месте, а голоса орков удалялись.

Сэм пришел в отчаяние. Проклятые бандиты бежали в башню, унося тело его хозяина, явно с подлыми намерениями, а он даже не мог их догнать. Хоббит попытался сдвинуть камень, но это оказалось ему не под силу. И вдруг совсем близко с другой стороны камня зазвучали голоса двух начальников, продолжавших разговор. Сэм замер и напряг слух, надеясь узнать что-нибудь полезное. Кроме того, он подумал, что Горбак, командовавший отрядом из гарнизона Минас Моргул, возможно, будет возвращаться и откроет проход.

— Не знаю, — говорил Горбак. — Вообще-то вести доходят быстрее, чем птица летит. Я не спрашивал, как это выходит: безопасней не спрашивать. Бр-р! Мурашки по телу идут, когда видишь Назгула. Как посмотрит на тебя, так взглядом словно мясо с костей сдирает, и сразу тебе темно и холодно, будто коченеешь на том свете. Но жаловаться нельзя. Сам их любит, они его баловни. Я тебе скажу, что служба в нашей крепости — горький кусок хлеба.

— Попробовал бы ты пожить тут, в компании с Шелобой! — возразил Шаграт.

— Я бы хотел оказаться подальше и от нее, и от Назгулов. Но сейчас война, может быть, потом станет легче.

— Говорят, что война удачная.

— Много чего говорят, — буркнул Горбак. — Посмотрим. Во всяком случае, если все хорошо пойдет, нам будет больше места на земле. Как ты думаешь, если повезет, стоило бы нам тихо смыться отсюда, взять несколько надежных ребят и поселиться где-нибудь, где найдется легкая добыча и не будет начальников на шее?

— Ха! — сказал Шаграт. — Вспомнили бы молодость.

— Конечно. Только раньше времени не радуйся. Что-то мне неспокойно. Как я уже говорил, даже там, на самом верху, — Горбак опять снизил голос до шепота, — да, даже там могут ошибаться. Ты сказал, что кто-то от нас чуть не ускользнул. А я тебе говорю, что он-таки ускользнул, и теперь его искать надо. Когда дело доходит до самой трудной работы и надо исправлять чьи-то ошибки, всегда гонят бедных Урук-Хай, и никто даже спасибо не скажет. Еще не забывай, что враги нас ненавидят не меньше, чем Его, и если они победят, нам конец. Ну-ка, скажи, когда тебе дали приказ выводить отряд на перевал?

— Час назад, незадолго до нашей встречи. Прислали известие: «Назгул встревожен. Опасность шпионов на ступенях. Удвоить бдительность. Выслать отряд». Я сразу же и вышел.

— Паршиво, — произнес Горбак. — Я точно знаю, что наши Молчащие Стражи встревожились уже два дня назад, если не раньше. Но меня с патрулем отправили только вчера, а в Лугбур не послали ни одного донесения. Может быть, потому, что на мачте поднят Сигнал Большой Тревоги и Верховный Назгул выступил на войну и так далее. Я слышал, что Лугбур от нас в последнее время отмахивается.

— Наверное, Глаз был занят чем-то другим, — предположил Шаграт. — Говорят, что на западе происходят важные события.

— Еще какие! — ответил Горбак. — А враги тем временем пробрались на Ступени. Что ты делал на своей Башне? Ты должен стеречь перевал, не ожидая приказов. Так ведь?

— Отстань. Не учи меня. Мы на башне не спали, мы знали, что происходит что-то странное.

— Да ну?

— Даже очень странное: яркий свет и крики. Но тут Шелоба вылезла. Мои ребята видели ее и Гаденыша.

— Какого еще Гаденыша?

— Ты его, наверное, видел: такой маленький, черный, худой, немного похожий на паука, но больше на голодную лягушку. Он у нас раньше бывал. Много лет назад он вышел из Лугбура, а мы получили приказ начальства его пропустить. Потом он пару раз возвращался на Ступени, но мы его не трогали: у него, видно, был договор с Ее Величеством. Наверное, он не годится в пищу, Шелобе ведь плевать на наше начальство и его приказы. Ну и часовые у вас в долине! Гаденыш здесь был еще за день до того, как подняли шум. Вчера под вечер его тоже здесь видели. Мои разведчики донесли, что Ее Величество ждет гостей и там готовится забава. Я решил, что все в порядке, а тут приказ сверху. Я-то думал, что Гаденыш постарался доставить ей развлечение или снизу прислали в подарок военнопленного. Ну, что-то в этом роде. В ее дела лучше не вмешиваться. Когда Шелоба охотится, никто живым из туннеля не уйдет.

— Ты так думаешь? У вас что, глаз нет? Я тебе повторяю: здесь стало очень беспокойно. Не знаю, что это за тип, но он быстро прошел Ступени, вылез живым из туннеля и удрал у Шелобы из-под носа. Вышел из пещеры, разрубив паутину. Есть над чем подумать.

— Но она все-таки до него добралась.

— Добралась? До этого малявки? Если бы кроме него здесь никого не было, она бы его сразу загнала в свою кладовку и там оставила. По приказу из Лугбура ты бы его оттуда доставал. Вряд ли кто стал бы тебе тогда завидовать! Но он был здесь не один.

Тут Сэм очень заинтересовался разговором и прижал ухо к камню.

— Как ты думаешь, Шаграт, кто перерезал пути, которыми его Шелоба обмотала? Тот же самый, кто загнал ее назад в пещеру, разве не ясно? Кто проткнул ей брюхо? Конечно, он же. А куда он девался? Скажи, где он, а, Шаграт?

Шаграт не ответил.

— Так шевели мозгами, если они у тебя есть! Это не шутки. Ты не хуже меня знаешь, что пока никому не удавалось вогнать гвоздь Шелобе в кожу. Я, конечно, не собираюсь ей сочувствовать, но это значит, что здесь рядом бродит враг страшнее всех бунтовщиков, которые со времен Великой Осады появлялись у наших границ. Кто-то от нас ускользнул!

— Но кто? — почти застонал Шаграт.

— Судя по приметам, Капитан Шаграт, это великий воин, верней всего эльф, во всяком случае, меч у него эльфийский, а может, и топор есть. И он цел и невредим гуляет по местам, которые ты сторожишь, а ты его даже не заметил. Вот что странно!

Горбак сплюнул, а Сэм невесело усмехнулся, слушая, как его расписывают.

— Ты всегда все видишь в черном свете, — сказал Шаграт. — Приметы можно толковать по-разному, и так, как ты, и совсем иначе. Караулы я везде расставил и со временем во всем разберусь. Сейчас надо заняться тем непрошеным гостем, которого поймали, а потом позаботимся о других.

— Если я не ошибаюсь, толку от этого малявки будет немного, — сказал Горбак. — Может быть, он вовсе не связан с этим делом. Силач с мечом, наверное, не очень им интересовался, раз оставил без внимания под скалой. Эльфийские штучки!

— Посмотрим. А сейчас пошли, мы уже долго болтаем. Займемся лучше пленником.

— Что ты собираешься с ним делать? Ты не забывай, что я первый его увидел: если хочешь с ним поиграть, то мы с ребятами тоже примем участие.

— Успокойся, — отмахнулся Шаграт. — У меня точный приказ. За нарушение я отвечу собственной шкурой и твоей тоже. Каждого чужака полагается живым доставить в Башню. Пленника надо обыскать, все содрать. Подробное описание всех предметов, деталей одежды, вооружения, писем, колец и украшений немедленно отправить в Лугбур и только туда. Самого пленника не трогать под угрозой смерти, за его сохранность все стражники отвечают головой. Держать его следует до тех

пор, пока за ним не пришлют или не приедут лично. Приказ ясен, и я его выполняю.

— Говоришь, содрать? — спросил Горбак. — А волосы там, ногти, пару зубов?

— Нет. Тебе же сказано, что пленник принадлежит Лугбуре. Надо доставить его туда целым и невредимым.

— Трудновато будет, — рассмеялся Горбак. — Это же холодный труп. Понятия не имею, что в Лугбуре смогут с ним сделать. Разве что в котле разогреют.

— Дурак! — ответил Шаграт. — Думаешь, что умный, а не знаешь того, что каждому орку известно. К Шелобе на обед попадешь, если будешь таким растяпой. Труп! Ты не слышал про хитрости Ее Величества? Когда она связывает жертву, это значит, что потом съест. А Шелоба не ест трупов, пьет только живую кровь. Этот уродец жив-живехонек!

Сэм пошатнулся и оперся о камень. Ему показалось, что весь мир вокруг него зашатался. Удар был так силен, что хоббит чуть не потерял сознание. Пытаясь справиться со слабостью, он заговорил сам с собой: «Ах, Сэм, глупец, тебе же сердце подсказывало, что он жив, а ты поверил, что он умер. Никогда не доверяй больше своей голове, это самая неудачная часть твоего тела! Все потому, что ты потерял надежду. Что же теперь делать? В данную минуту ничего, потому что сейчас ты только можешь покрепче опереться о камень и еще послушать их поганые голоса».

— Ба! — продолжал Шаграт. — У Шелобы есть разные яды. Когда она охотится, то обычно ткнет разок жвалом добыче в спину, и этого хватает, чтобы все живое обмякло, как рыба, если из нее хребет вытащить. Тогда с ним можно делать все, что хочешь. Помнишь старого Уфтака? Он пропал и много дней не возвращался, а потом мы его нашли в углу пещеры, он там висел, был еще жив и глаза тарашил. Смех, да и только! Шелоба про него, наверное, забыла, но мы решили его не трогать, чтобы с ней не связываться. Этот малявка через несколько часов проснется, ну разве что его стошнит разок. Будет здоров, пока им в Лугбуре не займутся. Только не поймет, куда попал и что с ним случилось.

— И не догадается, что его ждет! — засмеялся Горбак. — Если больше ничего нельзя, давай ему хоть расскажем пару историй на эту тему. Не приходилось ему еще, наверное, бывать в прекрасном Лугбуре, может, захочет представить себе, что его там ждет. Это веселее, чем я сначала думал. Пошли!

— Могу тебе сказать, что никаких развлечений не будет! — ответил Шаграт. — Если у пленника волос с головы упадет, мы оба потеряем головы.

— Ну ладно. Но я на твоём месте попробовал бы поймать улизнувшего силача, прежде чем посылать рапорт в Лугбур. Нечем хвалиться, поймав котенка и упустив кошку.

Голоса удалялись. Сэм слышал затихающий топот ног. Ошеломление прошло, и его охватила бешеная ярость.

— Я все спутал! — кричал он. — Я знал, что так будет. Теперь Фродо схватили, он в лапах проклятых бандитов! Гады! Никогда, никогда слуга не должен бросать господина! Я нарушил это правило. Сердце мое чувствовало, что так будет. Простит ли меня хозяин? Его надо спасти. Так или иначе я должен его выручить! Так или иначе!

Сэм снова достал меч и попробовал толкать камень рукоятью, но камень только глухо охнул и с места не сдвинулся. Однако лезвие меча так ярко засветилось, что хоббит смог лучше осмотреться. С удивлением он заметил, что камень имеет форму тяжелой двери, в два раза выше его самого. Между верхним краем камня и низким потолком пещеры была широкая щель. Дверь, наверное, спасала орков от Шелобы и изнутри была заперта на засовы, которые при всей своей хитрости паучиха не могла ни достать, ни отворить. Собрав остаток сил, Сэм подпрыгнул, ухватился за край камня, влез на него и кое-как протиснулся на другую сторону. Там он спрыгнул на пол, потом со сверкающим обнаженным мечом в руке бросился бежать вперед по коридору.

Известие, что его хозяин жив, прибавило ему сил и заставило забыть об усталости. Дороги перед собой он не видел, ход все время изгибался и поворачивал; куда он ведет, хоббит не знал, но ему показалось, что он почти догоняет двух орков, потому что их голоса опять слышал очень близко и ясно.

— Так и сделаю, — говорил Шаграт сердито. — Сразу запрю его в самой верхней камере.

— Чего ради? — спросил Горбак. — Тебе подвалов мало?

— Я же сказал, что его беречь надо, — ответил Шаграт. — Тебе что, не ясно? Это ценный пленник. Я не верю ни твоим, ни своим ребятам, ни тебе, потому что ты чересчур любишь развлечения. И я его посажу там, где хочу, и куда ты до него не доберешься, даже если тебе очень захочется. На

самом верху, там надежнее.

«Да ну? — подумал Сэм. — Ты забыл о большом силаче, об эльфе, который гуляет поблизости!»

И он бегом завернул за ближайший поворот, но — увы! — убедился только в том, что его подвел хитро построенный туннель либо обостренный благодаря Кольцу слух, и в оценке расстояния он ошибся.

Два орка были далеко впереди. Он видел их черные силуэты на красноватом фоне. В конце коридора была двустворчатая медная дверь, ведущая, наверное, под Башню, в подвалы. Орки, которые несли пленника, уже в нее вошли. Горбак и Шаграт подходили.

Створки с лязгом захлопнулись: Бам-м-м! Задвинулись железные засовы. Все! Сэм без сил упал рядом с дверью.

Фродо был жив, но был пленником Врага.